

Л. Н. Кутаков

**ОТ
ПЕКИНА
ДО
НЬЮ-ЙОРКА**

Л. Н. Кутаков

**ОТ
ПЕКИНА
ДО
НЬЮ-ЙОРКА**

ЗАПИСКИ СОВЕТСКОГО
УЧЕНОГО И ДИПЛОМАТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

Редакционная коллегия
К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель),
Л. Б. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор
Б. Н. ЗАНЕГИН

Кутаков Л. Н.

К 95 . От Пекина до Нью-Йорка. Записки советского ученого и дипломата. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

271 с. («Рассказы о странах Востока»)

В книге советского дипломата и ученого общественная атмосфера в КНР и анализ некоторых аспектов внешней политики китайского правительства, широкая панорама противоборства между силами мира и империалистической реакции в ООН в 1965—1973 годах показаны через призму личных впечатлений и на фоне политической борьбы по острейшим международным проблемам. Представлена целая галерея портретов политических и общественных деятелей и дипломатов, привлекавших в свое время, а в некоторых случаях привлекающих и сейчас внимание мировой общественности.

К 050600000-218 144-83
013(02)-83

ББК 63.3(2)7-6

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

В 1955—1957 годы в качестве советского специалиста — главного советника директора Пекинского дипломатического института мне довелось работать в Китае. Во время каникул я имел возможность проехать тысячи километров по китайской земле, побывать в разных городах, связанных с важными событиями в истории страны и развитии культуры. Я вел короткие записи основных бесед с руководителями института (заместителями директора института, заведующими кафедрами, партийными и комсомольскими активистами и т. п.), а также с руководящими сотрудниками министерства иностранных дел КНР и др. Эти записи помогли мне восстановить в памяти события тех лет, активную деятельность китайского народа, строившего социалистическое общество, его успехи, огромную помощь со стороны Советского государства и советских специалистов в социалистическом строительстве. Самоотверженная работа советских специалистов (ученых, профессоров, инженеров, врачей) снискала им уважение китайских людей, способствовала дружбе советского и китайского народов.

Пребывание в Китае, знакомство с его народом, строившим новое общество, памятниками культуры и древней цивилизации усилили мой интерес к проблемам Дальнего Востока, истории Китая, его внешней политики и международного положения.

В последующие годы, работая в Токио (1958—1960) в качестве советника посольства, затем в Нью-Йорке в Организации Объединенных Наций (1965—1973) — сначала в представительстве СССР при ООН, а потом заместителем генерального секретаря ООН, — я не ослаблял своего внимания к дальневосточным проблемам, к внешней политике Китая, его деятельности на международных форумах, его позиции в крупных международных конфликтах, его отношению к важнейшим проблемам современности. Протоколы заседаний Генеральной Ассамблеи ООН, Совета Безопасности и других органов ООН и международных организаций, официальные документы и публикации, пресса и мемуары позволили уточнить и проверить впечатления, сохранившиеся в памяти о тех временах, и придать настоящим запискам документальную достоверность.

Работа в международных организациях и связанное с этим участие в разного рода международных совещаниях и конференциях, деятельности органов ООН (Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности, различных комитетов) представляют ши-

рокие возможности для встреч и контактов не только с дипломатами различных стран, но и с видными политическими и общественными деятелями, представителями деловых и научных кругов. Впечатления о некоторых из этих встреч с президентами и министрами, послами и банкирами, дипломатами и учеными, представляющие, на наш взгляд, некоторый интерес для понимания современных международных отношений, воспроизводятся в этой книге и предлагаются вниманию читателей.

В разделах по ООН использован публиковавшийся ранее материал.

Любовь с пристрастием

У меня была возможность познакомиться с жизнью китайского народа в те годы, когда отношения между СССР и Китаем были дружественными и добрососедскими. В 1955 году я получил приглашение приехать в КНР в качестве главного советника директора Пекинского дипломатического института. Вместе со мной поехала группа советских специалистов в области международных отношений и внешней политики СССР, государства и права, экономики, истории Китая (Н. Н. Иноземцев, А. М. Дубинский, В. И. Менжинский, Н. А. Сидоров и В. А. Масленников).

Симпатии советских людей к китайскому народу, долгие годы боровшемуся против иностранных интервентов и продажных правящих кругов, всегда были исключительно велики. Мы от души радовались успехам народного Китая, горели желанием оказать помощь китайскому народу в строительстве новой жизни, развитии экономики, культуры и науки. Народному Китаю были необходимы и дипломатические кадры для отстаивания своих интересов на международной арене. Имея определенный опыт работы по подготовке дипломатических кадров и организации научной работы (в те годы я был проректором по научной части Московского государственного института международных отношений), я дал согласие поехать в Китай, хотя это и нарушало мои личные планы. Нарушались они и у моих коллег. Но это нас не остановило. Мы считали своим долгом коммунистов оказать всю возможную помощь братскому китайскому народу.

С выездом нас торопили. Китайская сторона просила обеспечить мое прибытие к открытию Дипломатического института. Не имея времени на сборы и оставив семью в Москве, 7 сентября 1955 года я вылетел в Пекин. В то время еще не было реактивных самолетов, поэтому полет до Пекина занимал почти трое суток, поезд шел около десяти дней.

...Последняя посадка перед Пекином — Улан-Батор. В лицо ударил горячий степной воздух, напоенный запахами трав. Недалеке виднелся город. В аэропорту приветливо встретили, угостили завтраком. Короткая передышка, и самолет «ИЛ-14» берет курс на Пекин.

Яркое солнце освещало желтую выжженную землю, прорезаемую кое-где голубыми лентами рек. С самолета видно, что

Пекин расположен на равнине у гор Сишань (Западные горы). Только в центре его возвышается невысокая гора Цзиншань, в просторечии Мэйшань, что означает «угольная гора». Гора создана искусственно. Как утверждают китайские историки, много веков назад по приказу императора она была насыпана из угля в качестве запаса топлива на случай осады. Сверху уголь покрыли землей, и на горе был разбит парк с павильоном на ее вершине. Павильон Ваньчуньтин (Вечная весна) на горе Цзиншань находится точно в центре восьмикилометровой осевой линии города, идущей с юга на север. Через эту точку проходят и другие оси, по которым распланирован Пекин.

Почти от подножия горы простираются огромные, вписанные друг в друга прямоугольники красных стен древнего императорского дворца Гугун. Императорский дворец — центр внутреннего города, вокруг которого расположена столица. Стараюсь определить большую площадь Тяньаньмынь перед бывшим императорским дворцом, где проводятся парады, демонстрации и массовые митинги. Дорога на площадь Тяньаньмынь проходит через главные ворота императорского дворца. За площадью, вдоль осевой линии, идущей с юга, симметрично расположен ансамбль стросний, справа синее силуэт Храма Неба. Если посмотреть в противоположную сторону, то увидишь дорогу, тянущуюся к другим башням и Храму бога земледелия. Это главная ось города. Почти такая же магистраль раскинулась направо и налево от горы, перпендикулярно к главной оси. Волнистые линии золотистых крыш дворцов и храмов гармонично сочетаются со стремительной прямизной новых магистралей, пересекающих город. С интересом смотрю на панораму города. Здания и стены расположены в виде двух больших прямоугольников. Меньший по размеру — на севере — это внутренний город, более широкий прямоугольник на юге — внешний город. С самолета видно, что здания невысокие, видны несколько ворот и арок.

Самолет пошел на снижение. Полуденное солнце светило ярко. Было жарко и душно. Подходившие к самолету таможенники и пограничники были одеты по-летнему. У некоторых синие кители были расстегнуты. Открылся люк, и самолет наполнился жарким, влажным воздухом. Пассажиров — китайских и несколько советских — встречали. Они быстро разошлись. Меня на аэродроме никто не встретил. То ли работники посольства, куда была дана телеграмма из Министерства иностранных дел, не проинформировали китайцев, то ли последние хотели выразить недовольство тем, что я прибыл на следующий день после официального открытия института. Меня подвезли китайцы, которые встречали советского специалиста, приехавшего в политехнический институт.

Первые впечатления

С интересом смотрю по сторонам. На улицах от окраин города до центра было многолюдно. Любопытными взорами китайцы встречали и провожали проходившие мимо автомашины. Если машина задерживалась у перекрестка, наиболее любопытные бесцеремонно заглядывали внутрь автомобиля. Их интересовало все иностранное.

Пекин поразил меня. Складывалось впечатление, что ты едешь не по улицам, а по задворкам: на улицу выходили стены с узкими дверками. Ни окон, ни дверей зданий не было видно — они прятались во внутренних дворах. Сказывались исторические традиции. Многие годы гражданской войны и оккупации, видимо, тоже заставляли население прятать окна домов во дворики, чтобы избежать случайных пуль и осколков снарядов во время вооруженных столкновений, а также нападений и грабежей со стороны бандитов и гоминьдановских войск, которые зачастую вели себя как грабители.

Был солнечный сентябрьский день. На ярко-синем небе не было ни облачка. Но бредущие по улицам жители были одеты в унылые синие робы: брюки и телогрейки либо в длинные халаты. По одежде трудно было отличить мужчин от женщин. Поближе к центру города все чаще попадались рикши. Большинство из них были оснащены «техникой» — велосипедами, к которым были прикреплены двухколесные тележки. Изредка попадались рикши без велосипедов: впрягшись в оглобли, они бегом тащили коляски с пассажирами.

Попадались и грузовые рикши. Обливаясь потом, в распахнутых темных халатах, из-под которых виднелось худое тело, люди волочили по улицам тележки, груженные кирпичом, продуктами, овощами, ящиками. За эту тяжелую работу рикши получали скромную плату. Они едва зарабатывали на пропитание. В Китае в то время их насчитывалось около 6 миллионов. Мне потом пояснили, что власти не имели возможности предоставить рикшам другую работу.

Большинство пекинцев передвигались по городу на велосипедах: городской транспорт ограничивался небольшим количеством трамваев и автобусов.

Вот и центр города. На улице, куда мы сворачиваем, дома в смешанном европейско-китайском стиле; они почти скрыты за кружевом зеленых ветвей, за стенами с яркими красно-золотыми воротами с обязательными большими каменными львами — «шицзы». Это посольский квартал, бывший международный сеттльмент, куда китайцам до победы революции 1949 года не разрешалось ходить. В конце квартала, недалеко от советского посольства, расположена гостиница «Гоцзи», куда меня сначала и привезли. Потом выяснилось, что я буду жить в гостинице «Сицзяо» на западной окраине Пекина.

В целом же Пекин оставался типичным старым городом: од-

ноэтажный, с большим числом мелких лавок и магазинов, со старинными дворцами, древними крепостными стенами и башнями. Традиционная китайская архитектура, за исключением пагод, вообще не знала многоэтажных построек. Дворцы отличались от обычных жилых домов помимо богатства и разнообразия отделки высотой единственного этажа и сильно приподнятой, иногда многоярусной крышей.

«Сицзяо» — это отдельный городок для иностранных специалистов на западной окраине Пекина, состоявший из группы четырехэтажных каменных зданий. Внешний облик новых зданий отличался сочетанием экономного стиля нашего века с элементами старой китайской архитектуры. Простые фасады оживляются изогнутыми крышами из зеленой глянцевой черепицы, цветным керамическим фризом, затейливой орнаментацией балюстрад у входа в здание и балконов. Городок был опоясан рядами колючей проволоки. У въезда стояла вооруженная охрана. Китайские товарищи объяснили это необходимостью оградить специалистов от нападений со стороны чанкайшистской агентуры. За каждой группой специалистов были закреплены автомашины, поскольку министерства, научные и учебные заведения были расположены сравнительно далеко от городка.

Как-то поздно вечером, когда мы возвращались домой после сильно затянувшегося совещания и проезжали по пустынной улице, раздался выстрел. Пуля, цокнув о борт, чуть задела машину. Мы остались невредимыми. Потом нам сказали, что чанкайшистская агентура хотела создать инцидент, убив кого-либо из советских советников. Куда бы мы ни ехали, рядом с шофером садился охранник.

Квартиры были обставлены современной мебелью и имели необходимые удобства. В зависимости от числа членов семьи специалистам предоставлялись двух- или трехкомнатные квартиры. Отдавая дань суевериям иностранцев, в нумерации квартир отсутствовала цифра 13.

В городке были столовая, школа для советских детей, большой клуб, где показывали советские фильмы, давались концерты китайских артистов, а также иностранных трупп, гастролировавших в столице. В Пекине мне впервые удалось повидать танцевальные коллективы Вьетнама, Венгрии, Индонезии, Малайзии и др. Неизгладимое впечатление оставили вьетнамские танцоры, выступавшие с бамбуковыми шестами. С невероятной грацией и искусством они плавно и изящно переступали через бамбуковые шесты, которые в такт музыке то сдвигались, то раздвигались поперек сцены. Требовались исключительная техника и мастерство, чтобы одновременно выполнять замысловатые фигуры танца. Удивлению и восхищению публики не было предела. Плавные и грациозные движения девушек в национальных костюмах, сшитых из синего шелка, ловкие и слаженные движения юношей в многокрасочных национальных нарядах вызывали аплодисменты зрителей.

Неоднократно перед нами выступали китайские жонглеры. Выработанная столетиями техника исполнения вызывала изумление и восхищение. Выступление заканчивалось шествием артистов с красными флагами, которые в лучах прожекторов переливались как волны. На транспаранте зажигались иероглифы и буквы нашего алфавита, которые слагались в слова: «Да здравствует нерушимая советско-китайская дружба!»

В этой связи вспомнился и другой концерт, спустя немногим более 15 лет — весной 1972 года. Только что были восстановлены права КНР в ООН. Состоялся визит президента США Никсона в Пекин. Некоторые журналисты вздохнули и расписывали перспективы сотрудничества США с Китаем. Рисовали миражи необъятного китайского рынка и ливень заказов для американских промышленников. Постоянный представитель КНР при ООН Хуан Хуа пригласил дипломатический корпус Нью-Йорка посмотреть мастерство китайских жонглеров. Это была та же труппа, которую я видел в Пекине. Выступление завершалось так же, как и в 1956 году в Пекине: артисты выносили красные стяги, транспаранты. Буквы английского алфавита слагались в лозунг: «Да здравствует прочная дружба американского и китайского народов!»

Грубая и прямолинейная агитка вызвала некоторое смущение и неприкрытые усмешки со стороны ко всему, казалось бы, привычных дипломатов. Ни США, ни Япония, ни многие латиноамериканские страны не имели в то время дипломатических отношений с КНР и признавали чанкайшистское правительство на Тайване в качестве правительства всего Китая.

Дипломатический корпус при ООН в Нью-Йорке своеобразен, как и его деятельность. Постоянные представители (послы) — это политические деятели, занимавшие ранее посты глав правительств, министров, вождей африканских племен, видные профессиональные дипломаты, известные ученые, профессора, журналисты. Среди них немало людей, обладавших широким диапазоном взглядов, глубоких знаний, активной мысли и собственных убеждений. Собранные со всей планеты, они представляют не только различные общественные системы и политические режимы, но и многообразие национальных традиций и культур. Многие из них весьма изощренные дипломаты, с большой эрудицией, умением остро мыслить и быстро реагировать как в открытых столкновениях за столом заседаний, так и в закулисных дипломатических баталиях, часто именуемых на ооновском языке «консультациями».

Недалеко от меня сидел представитель США при ООН Джордж Буш. Он не мог скрыть смущения. Всего несколько месяцев назад на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН он вместе с государственным секретарем США У. Роджерсом вел энергичную обработку делегаций, произнес несколько речей на пленарных заседаниях Генеральной Ассамблеи в пользу сохранения Тайваня в качестве члена ООН. Учитывая позицию Пеки-

на, заявившего, что КНР откажется участвовать в работе Организации, если чанкайшисты сохранят свое членство в ООН, американцы фактически выступали против восстановления прав КНР в ООН. Именно Буш возглавлял всю работу против восстановления прав КНР в ООН.

А тут вдруг «прочная дружба» КНР и США!

На следующий день меня навестили заместители директора Дипломатического института Ли Эньчу и Хэ Ушуан и начальник учебной части Чжэн Пин. Формально директором института числился Чжан Вэньтянь — кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, первый заместитель министра иностранных дел КНР. Министром иностранных дел в то время был премьер Государственного совета Чжоу Эньлай. Заместители директора весьма отличались друг от друга. Среднего роста, худой, с узким продолговатым лицом, в очках, типичный интеллигент Ли Эньчу был прямой противоположностью своему коллеге Хэ Ушуану. Последний был высоким, полным, с грубоватым широким лицом и тяжелыми руками рабочего. Начальник учебной части Чжэн Пин был маленьким, на вид тщедушным, с хитроватыми глазами, которые все время бегали. Все трое были одеты в синие френчи и мягкие хлопчатобумажные тапочки. Ли когда-то учился в высшем учебном заведении и немного говорил по-английски. Это облегчало контакты: мы могли обмениваться мнениями и без участия переводчика. До назначения заместителем директора некоторое время он работал в МИДе КНР. Ли являлся фактически директором института и секретарем парткома. Такое совмещение государственных и партийных должностей было обычным явлением в тогдашнем Китае.

Хэ обычно молчал на наших встречах и консультациях. Было видно, что он мало разбирается в организации и содержании учебного процесса. Видимо, его главной функцией была политико-воспитательная работа, подбор и проверка кадров. Изредка он высказывался по поводу проблем китайской революции и внешней политики КНР, как видно пересказывая соответствующие партийные и государственные документы.

Среди людей, с которыми мне приходилось сталкиваться почти ежедневно, заслуживает быть отмеченным также заведующий кафедрой международных отношений Гао Дие. В этом молодом человеке, казалось, были воплощены лучшие черты молодежи нового Китая. Внешний облик полон обаяния. Глубокие черные глаза, мягкие и пластичные движения. За время работы в КНР я по достоинству оценил сердечность и ум Гао. Нас не раз удивляли его гибкость в беседе, быстрые переходы от шутки к раздумью, когда речь касалась значительных вопросов, стремление как можно больше получить знаний от нас, советских специалистов. Каждую свободную минуту Гао расспрашивал о различных международных проблемах в преломлении к Китаю. Он интересовался книгами по истории международных отношений, мемуарами, переводами советских, английских, япон-

ских и американских авторов. Горячее желание овладеть знаниями, поднять свой научный уровень сказывалось во всем.

Мне был представлен переводчик. Его звали Чэнь Чжи. Это был худощавый молодой 28-летний китаец. Чэнь Чжи в разговорах хотя и вежливо, но настойчиво проповедовал «великую китайскую цивилизацию», ее превосходство над другими культурами. Он был довольно хорошо образован, сносно говорил по-русски, знал японский и английский языки. Когда он затруднялся в понимании какого-либо сложного предложения или понятия, я говорил эту фразу по-английски или по-японски, и тогда при посредстве трех языков мы добивались довольно точного перевода.

Я учил японский язык и знал около 3 тысяч иероглифов. Смысл китайских и японских иероглифов почти одинаков. Поэтому я свободно понимал названия статей, даже смысл отдельных статей «Жэньминь жибао» на политические или международные темы. Я не знал, правда, китайской грамматики, и поэтому сложные фразы не всегда удавалось понять.

Специфика китайского произношения, отсутствие некоторых звуков русского или европейских языков, например отсутствие «р», создавали немалые трудности при чтении лекций, когда переводчик никак не мог донести до слушателей точное название того или иного географического пункта или имени политического деятеля или дипломата. Кроме того, иностранные имена могут быть выражены иероглифами лестными или обидными — в зависимости от отношения к человеку. Позднее руководители института преподнесли мне печатку из слоновой кости, где были изображены иероглифы, по звучанию соответствующие моей фамилии. В переводе они означали: «человек науки».

Для того чтобы читать газеты или книги с несложным словарным запасом, нужно знать несколько тысяч иероглифов. Известные ученые, поэты и писатели знали более 10 тысяч иероглифов.

Иероглифическая письменность сыграла важную роль в формировании китайской культуры. Эта форма письменности, как и египетская клинопись, иероглифика ацтеков, майя и др., сохранила и донесла через тысячелетия сокровища китайской духовной и материальной культуры, памятники древней философской мысли и творчества художников слова.

В отличие от буквенной письменности китайская иероглифика обладает изобразительным качеством. Каждый иероглиф имеет свою графику, с помощью которой и выражается определенное понятие. Независимо от произношения иероглифа смысл его остается неизменным. Изобразительность иероглифа, часто весьма конкретная, в то же время позволяет выражать и сложные понятия, абстрактные мысли, а иногда и целый образ.

Эта особенность письменности временами создает немалые трудности в понимании замысла автора, поскольку неопределенность, расплывчатость иероглифических понятий порождает

различное, порой противоположное толкование текста. Поэтому часто один и тот же текст или отдельные знаки, особенно когда это касается абстрактных философских или поэтических понятий, различные комментаторы могут интерпретировать с прямо противоположных позиций и делать взаимоисключающие выводы. Не случайно в Китае существовало несколько школ толкования философии Конфуция.

Вместе с тем иероглифическая система дает возможность читателю домысливать текст; в его сознании возникают обусловленные прочитанным ассоциации. Эта специфика касается не только поэтических текстов. Беседы Мао Цзэдуна с солдатами или офицерами, выступления перед партийными функционерами, записанные иероглифами, давали не раз возможность философски образованным ученым или пропагандистам интерпретировать его высказывания как нечто новое в философии. К аналогичным методам прибегали и переводчики на иностранные языки отдельных сочинений Мао Цзэдуна: статей, записей, бесед с солдатами, выступлений и т. д.

В условиях феодальной раздробленности Китая и разобщенности развились отдельные диалекты. Единственным связующим звеном различных местных диалектов, резко отличающихся друг от друга, являлась иероглифика. Отличие диалектов настолько велико, что жители одной провинции часто не понимают или плохо понимают жителей другой.

Вначале я удивлялся, что китайцы не переходят на звуковое письмо, как это сделали вьетнамцы. Но когда я побывал в Кантоне (Гуанчжоу), то понял, насколько это сложное для Китая дело. Моя переводчица, китаянка из Пекина, не могла даже объяснить полицейскому, что нам нужен ресторан. Он ничего не понимал. И только когда она достала листок бумаги и быстро набросала несколько иероглифов, полицейский заулыбался и в ответ написал иероглифами адрес ресторана и как туда пройти.

Как мне рассказывали, выступление Мао Цзэдуна в Пекине 1 октября 1949 года, в день провозглашения Китайской Народной Республики, не поняли большинство собравшихся. Мао говорил на одном из диалектов провинции Хунань, который не был знаком жителям Пекина.

Как-то мне пришлось быть переводчиком у двух китайцев из различных провинций, которые никак не могли понять друг друга. Один из них знал английский, а другой — русский. А так как я знаю эти оба языка, они смогли объясниться лишь при моей помощи.

Однако иероглифическая письменность в прошлом на протяжении тысячелетий была достоянием привилегированных классов китайского общества, она была доступна лишь весьма ограниченному кругу людей. В начале XVIII века в китайском языке было более 49 тысяч иероглифов, современные словари содержат более 60 тысяч. Естественно, что выучить написание

такого количества иероглифов под силу очень ограниченному числу людей, тративших на это многие годы.

Передовые люди Китая уже с конца XIX века выдвигали требования реформы языка, отмены иероглифики, введения фонетической письменности. Но господствующие классы — помещики и буржуазия всячески сопротивлялись демократизации письменности.

Курс на создание централизованного единого государства предполагал, конечно, наличие единого литературного языка, понятного всему населению. Невозможно развивать экономику, создавать индустриальную базу при наличии сотен миллионов неграмотных. В Китае, по официальным данным, в 1956 году было более 52 процентов неграмотных, а по отдельным районам — 78 процентов. После создания Китайской Народной Республики начала практически претворяться в жизнь политика реформирования иероглифической письменности, перехода к созданию системы фонетического письма. Первыми явились мероприятия по упрощению написания иероглифов и уменьшению числа общеупотребительных знаков, прежде всего для газет, журналов, партийных и государственных документов, с которыми должны знакомиться миллионы людей. Упрощение графики, сокращение числа иероглифов, однако, не давали полного решения проблемы. Всем была ясна необходимость радикальной реформы письменности путем создания звукового письма, его фонетизации. В этой связи главным моментом являлась нормализация единого общенационального разговорного языка.

В 1956 году было принято решение подготовить звуковую, буквенную систему написания слов, постепенно заменив ею иероглифику. Создавались кружки, по радио передавались уроки общекитайского разговорного языка путунхуа, фонетической основой которого являлось пекинское произношение. Но какво же было наше удивление, когда мы узнали, что для воспроизведения звуков было решено использовать латинский алфавит! Между тем многие китайские филологи утверждали, что русский алфавит куда лучше и точнее может воспроизводить звуки китайского языка. Такое решение сугубо практического вопроса заставляло заподозрить политическую подоплеку.

...Через день я был принят директором института Чжан Вэньтянем. Чжан Вэньтянь был первым китайским послом в Москве, сделал определенный вклад в развитие советско-китайских отношений. В годы антияпонской войны он занимал крупные посты в руководстве КПК и командовании Народно-освободительной армии.

Кабинет Чжан Вэньтяня был обставлен в старом китайском стиле: темные низкие кресла, прекрасно инкрустированные ширмы из красного дерева, лакированный, искусно расписанный старыми мастерами столик. Принесли неизменный зеленый чай. Чжан Вэньтянь — плотный, среднего роста, одет в обычный для китайских официальных лиц китель. Встретил меня друже-

любно. Внимательно рассмотрел меня, спросил, как я долетел, расспросил о моей работе, семье.

Беседа имела деловой и дружественный характер. Чжан Вэньтянь оставил впечатление умного и тонкого собеседника.

У нас установились хорошие деловые контакты. Чжан Вэньтянь довольно часто приглашал меня, выслушивал мои соображения по вопросам организации подготовки дипломатических кадров. По его инициативе в Пекине было решено создать научно-исследовательский институт по международным отношениям при Народном обществе по изучению международных отношений. Нами были подготовлены подробные рекомендации¹.

Мы старались помочь Китаю наладить подготовку оперативных и научных кадров в области дипломатии и международных отношений. С полной отдачей сил работали наши специалисты и в других областях науки, культуры, техники, медицины и образования. Не раз в те годы китайские лидеры подчеркивали, что основу современной промышленности Китая составляли предприятия, сооружавшиеся с помощью СССР. Именно они обеспечивали успешное проведение индустриализации КНР. В Китае возник ряд новых отраслей промышленности. При содействии СССР в КНР было построено большое число крупных промышленных предприятий, цехов и объектов, оснащенных новейшим оборудованием.

За десять лет советско-китайского сотрудничества в КНР работало свыше 10 тысяч высококвалифицированных советских специалистов. В СССР прошли обучение и производственную практику свыше 8 тысяч инженерно-технических работников и рабочих, более 11 тысяч китайских студентов закончили советские вузы. Среди китайских дипломатов было немало выпускников Московского государственного института международных отношений. Их мне довелось встречать в Нью-Йорке в ООН, на международных конференциях в Женеве, Париже, Вене и на разного рода дипломатических мероприятиях.

С помощью советских специалистов был возрожден Аньшаньский металлургический комбинат — один из крупных центров металлургии Китая. Я побывал на этом комбинате. Советские специалисты, работавшие там, показали прокатный стан, изготовленный на Краматорском заводе. По словам наших инженеров, это было последнее слово мировой техники. Первый такой стан был передан Китаю, и только последующие направлялись на советские заводы для замены изношенного оборудования. «С помощью советского друга, его опыта и техники, —

¹ Как теперь стало известно, Чжан Вэньтянь долгие годы был политическим противником левацких тенденций в КПК. В августе 1959 г. он был снят со всех постов вместе с Пэн Дэхуаем за критику курса «большого скачка». В годы «культурной революции» Чжан Вэньтянь оказался ее жертвой. Он был ошельмован, сослан. Будучи больным и не получая медицинской помощи, в 1975 году скончался.

заявил депутат Всекитайского собрания народных представителей Ван Чуньлунь, — мы не просто восстановили разрушенное. Мы реконструировали Аньшаньский металлургический комбинат, по существу, создали его заново... Если бы меня спросили, что такое дружба Китая и Советского Союза, я показал бы на Аньшань. А если бы мне задали вопрос, что такое Аньшань, я бы сказал: „дружба“².

«В процессе осуществления в нашей стране первого пятилетнего плана, — говорил Чжоу Эньлай с трибуны 1-й сессии VIII съезда КПК, — великий Советский Союз и страны народной демократии оказали нам огромную помощь». Подводя итоги десятилетнего сотрудничества СССР и КНР, Чжоу Эньлай выразил особую благодарность Советскому Союзу, который оказал Китаю «помощь в строительстве 166 объектов в период первой пятилетки и вновь заключил в прошлом и нынешнем годах соглашение об оказании помощи нашей стране в строительстве 125 объектов»³.

Значение для Китая опыта и учебы у советского народа Чжоу Эньлай признавал и в других официальных заявлениях. Выступая 26 июня 1957 года на IV сессии Всекитайского собрания народных представителей с отчетным докладом о работе правительства, он говорил: «Некоторые возражают против изучения опыта Советского Союза и даже считают, что недостатки и ошибки, возникшие в деле строительства в нашей стране, также являются результатом учебы у Советского Союза. Это крайне вредные взгляды. Мы считаем, что учиться у Советского Союза совершенно необходимо, весь вопрос в том, как мы учимся. Если мы учимся плохо, то ответственность полностью ложится на нас. Советский Союз — это первое в мире государство, построившее социализм и обладающее богатым передовым опытом. Именно потому, что мы серьезно изучали передовой опыт Советского Союза, мы в деле строительства прошли намного меньше извилистых путей и добились огромных успехов... Сейчас все еще находятся люди, которые пытаются отрицать огромное значение искренней помощи Советского Союза нашей стране. Совершенно ясно, что это рассчитано на то, чтобы спровоцировать ухудшение советско-китайской дружбы, подорвать международное сплочение и, следовательно, сорвать дело строительства социализма в нашей стране»⁴. Это совершенно справедливые слова, и о них их автор довольно быстро забыл.

В разговорах с нами китайцы подчеркивали, что их жизнь заметно улучшилась. За годы первой пятилетки (1953—1957) была почти полностью ликвидирована безработица, хотя это иногда достигалось за счет сохранения на предприятиях ручно-

² «Дружба», 10.VIII.1955.

³ Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15—27 сентября 1956 года). М., 1956. с. 124.

⁴ «Правда», 28.VI.1957.

го труда, перенасыщения рабочими крупных предприятий. Во время посещения Аньшаньского металлургического комбината в 1956 году я спросил главного инженера, сколько рабочих на заводе. Он сказал, что их 175 тысяч, хотя могли бы обойтись и 75 тысячами. Это, чтобы не создавать безработицы.

Выезжая в пригороды Пекина, а затем посещая другие районы страны, из окон автомобиля или поезда в любую погоду можно было видеть крестьян, копающихся на своих участках. Аграрная реформа, проведенная сразу после революции, покончила с помещичьим землевладением. Была ликвидирована вековая несправедливость — крестьяне получили землю.

Крестьянские поля были крохотными, состояли из тщательно возделанных прямоугольников. Обычно в углу участка виднелся небольшой холмик с табличкой. Под этими холмиками были захоронены предки китайской семьи. В деревнях кладбищ не было.

Крестьяне на себе пахали, вручную сажали рис, на коромыслах в деревянных бадьях носили воду для поливки овощей. Об искусственных удобрениях и какой-либо технике они и не слышали. Единственное удобрение — помет скота и человеческие экскременты тщательно собирались даже в городах. У каждого мула или лошадки подвязывался подгузник для сбора навоза. Несмотря на огромное трудолюбие, крестьяне жили еще плохо. Ели скудно — чашка риса, иногда редька или листики капусты.

Темный стеганый халат служил крестьянину все сезоны и был единственным на все случаи жизни. Я видел босых крестьян в Пекине. В большом универмаге на улице Ванфуцзинь я как-то заметил группу крестьян. Они были в длинных заносенных халатах. На ногах подобие сандалий. Они ничего не покупали. Они смотрели на дешевые часы, посуду, автоматические ручки и дешевый ситец как на невиданные диковинки, словно перед ними были куски лунной породы. Купить им было не по карману. Годовой доход крестьянина в денежном выражении измерялся 15—17 юанями. Часы стоили 30—40 юаней, метр хлопчатобумажной ткани — 2—3 юаня. Большинство крестьян были неграмотными.

Будущие дипломаты

После официального представления Чжан Вэньтяню мы поехали в Дипломатический институт, открытый несколько дней назад. Институт был создан на базе дипломатического факультета Пекинского народного университета. Преобразование факультета в самостоятельный институт, находящийся в ведении МИДа КНР, было вызвано крайне низким уровнем подготовки специалистов, выпускаемых Народным университетом, и несоответствием их знаний требованиям, предъявляемым к работе в аппарате МИДа КНР и в заграничных учреждениях КНР.

В апреле 1956 года институт получил новое здание с общежитием для студентов и флигелем для профессорско-преподавательского состава. Новое здание мало чем отличалось от прежнего. Это был трехэтажный дом, собранный из тускло-серых панелей, выглядевший скучным и бедным. Цементные полы, голые стены, украшенные кое-где портретами Мао Цзэдуна, грубо сколоченные скамейки и столы в аудиториях и лекционных залах оставляли впечатление уютной казармы.

Заведующие кафедрами, профессора и преподаватели подходили к нам, приветливо улыбались, высказывали удовлетворение по поводу встречи.

Яркое сентябрьское солнце, теплая и дружеская встреча со стороны преподавателей и слушателей согревали наши сердца. Я как главный советник директора и руководитель группы должен был проводить беседы и консультации с руководством института (два-три раза в неделю) и читать общий курс истории международных отношений с 1917 по 1957 год (по две лекции в неделю). Немалую нагрузку несли и другие члены нашей группы. В институте, да и в библиотеках Пекина отсутствовали самые необходимые документы и материалы по новейшему периоду. Сказались многолетняя гражданская война и разруха, занятость правительственных органов другими неотложными делами, связанными со становлением новой власти, борьбой с коррупцией и инфляцией, голодом и безработицей. Пекинская библиотека получила в дар от Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина немало литературы, но, конечно, специальной было недостаточно. Я попросил жену, которая выезжала из Москвы позже, захватить как можно больше книг из моей личной библиотеки. Подготовка к лекциям отнимала много времени и сил. Приходилось заранее составлять письменный текст лекций. Рукопись перепечатывалась и передавалась переводчику, который готовил ее к устному переводу. Лекцию я читал по-русски, абзац за абзацем. Чэнь Чжи переводил на китайский. Если я чувствовал, что высказанная мысль не совсем понятна слушателям, по ходу изложения давал дополнительные пояснения.

Слушателями были профессора, преподаватели и аспиранты. Они использовали наши лекции в своей лекционной и преподавательской работе.

В ходе первых же бесед мы познакомились с руководящими работниками института, с ведущими профессорами и преподавателями. Руководство института осуществлялось коллегиальным органом—комитетом (подобие нашего ректората), состоящим из семи человек. В комитет входили два заместителя директора, начальник учебной части, заместитель секретаря парткома, начальник и заместитель начальника по хозяйственной части и заведующий кафедрой истории международных отношений.

Комитет института заседал раз в месяц. Он разрешал самые основные вопросы: годовой план работы института, финансовый

план, назначение и смещение сотрудников и т. д. В ведение комитета входило также руководство учебной частью и административно-хозяйственным отделом. Учебная часть включала учебный отдел, библиотеку, бюро переводов. Непосредственно дирекции подчинялся отдел кадров.

Заседания дирекции с моим участием и приглашенными сотрудниками института происходили в большой, уютной комнате с каменными полами. Обычно на длинном столе стояли толстые глазурованные чашки и большой чайник с крепким зеленым чаем. Чай в Китае — неперенный атрибут любого совещания, встречи, беседы. Без чая не обходится ни одно застолье. До начала трапезы гостям непременно подают душистый чай, что помогает заполнить время ожидания, возбуждает аппетит. В зеленый чай иногда для усиления аромата добавляются засушенные бутоны жасмина, а также лепестки роз или других цветов.

Зеленый чай сопровождает тебя и в поездке. В вагоне поезда вручают пакетик с сухим чаем и чашку. Затем проводник обходит пассажиров и наливает из большого металлического чайника крутой кипяток. Листья чая и цветы жасмина вначале всплывают наверх, затем постепенно оседают.

В Китае принято пить чай в течение всего дня, как дома, так и на работе. По мнению китайцев, ничто так не может прогнать усталость и взбодрить, утолить жажду летом и согреть зимой, как зеленый чай. К слову сказать, аналогичное отношение к зеленому чаю существует и в Японии.

Прежде всего на совещаниях в дирекции нас познакомили с учебным планом. Учебный план, рассчитанный на четыре года, не предусматривал специализации выпускников по странам или группам стран, воспитания у них навыков самостоятельной работы. Лекционный метод преподавания иностранных языков в группах по 20—30 человек при общем низком уровне студенческого контингента не мог обеспечить достаточной подготовки и в области иностранных языков. В связи с этим руководство МИДа КНР приняло решение о переходе на пятилетний срок обучения и разработке нового учебного плана. Разработанный с учетом наших предложений, новый план более соответствовал требованиям подготовки квалифицированных специалистов-международников. Новый учебный план был утвержден МИДом КНР и министерством высшего образования КНР и введен в действие для студентов первого и второго курсов, обучавшихся по пятилетней программе. Частичные изменения были внесены и в учебный план студентов третьего курса. Была определена и специализация.

При институте имелись также двухгодичные курсы повышения квалификации. На курсы принимали сотрудников министерства иностранных дел, а также работников партийного и государственного аппарата для подготовки из них дипломатических работников среднего звена. Была небольшая группа руководя-

щих сотрудников МИДа с одногодичным сроком обучения. Они занимались главным образом изучением иностранного языка. В 1956 году было принято на курсы 50 человек из наименьшинств с мусульманским вероисповеданием для подготовки работников в странах Ближнего и Среднего Востока.

В октябре 1955 г. состоялось несколько встреч с руководством института, а также руководителями партийной и комсомольской организаций. Из беседы постепенно выяснялся идейно-политический облик преподавателей, аспирантов, студентов и слушателей курсов повышения квалификации.

Всего в институте было 490 студентов и курсантов. Курсанты составляли одну треть общего числа слушателей. По социальному происхождению почти половина слушателей были выходцами из семей помещиков, буржуазии, купцов и кулаков. Представителей рабочих было менее десяти процентов. Все студенты делились на две категории (по китайской терминологии): кадровые работники и молодые интеллигенты. Молодыми интеллигентами называли молодежь, пришедшую на учебу после окончания средних школ и не имевшую опыта работы (или имевшую очень незначительный). Кадровыми работниками считались бывшие сотрудники МИДа КНР, солдаты и командиры Народно-освободительной армии, работники партийного и государственного аппарата либо просто члены КПК. Большинство студентов и курсантов были членами коммунистической партии (из 490 студентов 292 — члены КПК)⁵. Среди преподавателей партийная прослойка была незначительной — немногим более 20 процентов. Около одной трети — члены комсомола, более одной трети были беспартийными.

Последняя группа — это наиболее квалифицированные преподаватели из числа старой интеллигенции. Большинство из них получили образование в США, Англии, Германии и других странах, их методология и воззрения на историю международных отношений, политику СССР и международное развитие Дальнего Востока имели типично буржуазный характер. Преобладали последователи историка англичанина А. Тойнби и американца Г. Моргантау. Эти профессора и преподаватели читали курсы истории Китая, внешней политики в дореволюционный период, преподавали иностранные языки и др. Молодые преподаватели — комсомольцы, равно как и члены КПК, имели общее представление о марксизме, диалектическом материализме. Но ленинской теории международных отношений не знали. Естественно, что научный и методический уровень преподавания, насколько можно было судить из бесед с ними, был довольно низким. Среди студентов и сотрудников института 50% составляли чле-

⁵ Любопытно отметить, что и среди членов партии почти половину составляли выходцы из нетрудовых сословий — помещиков, купцов, буржуазии, кулаков; около 20 процентов — дети служащих; прослойка рабочих была самой незначительной — всего 3 процента; остальные — выходцы из крестьян и семей свободных профессий.

ны КПК, более 250 человек являлись членами комсомола. Несколько человек были членами различных демократических партий, но своих организаций в институте не имели.

Небольшую группу составляли студенты из СССР, Чехословакии, Румынии, Польши и Венгрии (21 человек).

Половина коммунистов из числа студентов и курсантов вступила в партию после 1945 года — в период борьбы с чанкайшистами, другая половина — после победы народно-демократической революции 1949 года. Молодые члены партии не имели политической закалки и опыта партийной работы. Некоторым членам КПК, вступившим в партию в 1932—1945 годах, как нам рассказывал заместитель секретаря парткома Чжан Мотан, были присущи зазнайство и самоуверенность. Ссылаясь на старые революционные заслуги, многие из них не хотели утруждать себя упорной учебой, охотнее и активнее участвовали в проведении разного рода политических кампаний. В большинстве своем кадровые работники, слабо подготовленные в общеобразовательном плане, учились хуже молодежи. Свои трудности в овладении наукой они прикрывали ссылками на несовершенство учебного плана, низкий уровень преподавания, нехватку учебных пособий и т. п. Эти недостатки хотя и имели место, но не в столь гипертрофированной форме. Как отмечал Чжан, свои жалобы и несогласия они направляли руководству института и в вышестоящие инстанции. Лишь то обстоятельство, что официальным директором института считался кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, первый заместитель министра иностранных дел Чжан Вэньтянь, позволяло руководству института не поддаваться нажиму со стороны отдельных групп студентов.

Молодые интеллигенты, т. е. молодежь, имевшая определенную общеобразовательную подготовку, осваивали дисциплины лучше и легче. Это вызывало определенные трения и противоречия между учащимися. Усугублялись они неравным материальным обеспечением. Студенты и слушатели курсов — кадровые работники снабжались лучше, получали определенные материальные льготы. В столовой было три категории питания. Так называемые молодые интеллигенты получали питание стоимостью в 12,5 юаня⁶, революционные кадры — в 15 юаней, профессора, преподаватели и руководящие сотрудники — в 25 юаней. Большинство студентов относились ко второй категории. Столовая обеспечивала студентов, преподавателей и сотрудников трехразовым питанием. Однажды я зашел в столовую, точнее, в раздаточную во время завтрака. Завтрак был очень скуден: пампушка, небольшая чашечка вареных овощей, одобренная ложкой растительного масла, и чай.

Бывшие кадровые работники получали стипендию в размере прежней зарплаты (до 48 юаней), интеллигенты (из бедных се-

⁶ В те годы (т. е. до изменения масштаба цен в СССР в 1961 г.) юань по официальному курсу соответствовал 5 рублям. В 1983 г. юань равен 37 копейкам.

мей) — 12,5 юаня, которые полностью шли на питание, и по 3 юаня на приобретение пособий. Всего на стипендии тратилось 360 тысяч юаней. В целом годовой бюджет института составлял 1044 тысячи юаней.

Руководители института рассказывали мне о направлениях политико-воспитательной работы. Так как я в прошлом занимался партийной работой, то, в свою очередь, рассказывал им о нашей системе политического воспитания студентов.

Основные направления работы партийной организации института в известной мере были те же, что и в вузах нашей страны. Главной задачей партийной работы считалась борьба за выполнение учебного плана. Парторганизация стремилась добиться осуществления поставленной цели при помощи комсомольской и профсоюзной организаций.

Не менее важной задачей было политическое воспитание членов партии, а также комсомольцев и беспартийных студентов и преподавателей. Политическое воспитание осуществлялось путем проведения политзанятий. Каждая суббота считалась партийным и комсомольским днем. После обеда все освобождались от занятий и работы для участия в собраниях, посещения политзанятий и т. п. Преподаватели, кроме того, обязывались посещать вечерний Университет марксизма-ленинизма. Партийная организация проводила также идейно-воспитательную работу среди старых профессоров и преподавателей. На партийную организацию возлагалось и проведение политических кампаний и движений.

Летом 1955 года развернулась кампания по борьбе с контрреволюционерами. Во время летних каникул она приобрела массовый характер, а к осени стала затухать. Партийный комитет назначил «Комитет пяти» из числа наиболее проверенных членов партии. Члены комитета проверяли биографии коммунистов. «Комитет пяти» имел и подкомитеты, которые занимались сбором дополнительных материалов, расследованием и проверкой сообщенных в биографиях фактов, в том числе и на местах, где те или иные коммунисты работали или учились, сбором сведений о моральном облике и т. п.

Составление биографий занимало иногда целые недели. В автобиографиях требовалось подробнейшим образом изложить все факты жизни, описать все ошибки и прегрешения, взгляды и заблуждения, т. е. подвергнуть себя самокритике. Подчас автобиографии студентов и преподавателей, не достигших еще и 30 лет, составляли 45—50 страниц.

По данным на середину октября 1955 года, около 5 процентов студентов и преподавателей проходили дополнительную проверку по подозрениям в связях с контрреволюционерами.

Значительная часть молодежи отличалась политической неустойчивостью. Как отмечал секретарь комитета комсомола Ма Тин, среди них почти половину составляли выходцы из эксплуататорских классов. На их мировоззрении сказывалось влияние

классовой среды, в которой они росли, семей, в которых они воспитывались, изменение материального положения в результате революции.

Как заявил Ма Тин, «некоторые нетвердо стоят на позициях рабочего класса». Многие студенты аполитичны, у них наблюдается отсутствие бдительности, непонимание сложности и остроты классовой борьбы. Характерным для многих является индивидуализм и зазнайство. Они презирают старые кадры, которые плохо учатся, с трудом овладевают теоретическими дисциплинами и иностранными языками, воздерживаются от критики и самокритики, прощают друг другу отступление от норм морали, нарушения учебной дисциплины; у них отсутствует дух коллективизма. Учитывая эти обстоятельства, руководство МИД КНР в марте 1957 года приняло решение — с 1957 года принимать на курсы повышения квалификации только сотрудников министерства иностранных дел. Прием молодежи — «молодых интеллигентов» был прекращен.

Ма Тин подчеркивал, что комсомольская организация ведет линию на всестороннее развитие молодежи. Основной упор делается на повышение качества учебы, привитие интереса к своей специальности. Организуются встречи с руководящими сотрудниками министерства, приглашаются ученые и писатели. Большое впечатление на комсомольцев, отметил Ма Тин, произвело письмо великого русского ученого-физиолога академика И. П. Павлова к молодежи. В этом известном письме, написанном им незадолго до кончины в 1936 году, ученый говорил о высоком чувстве ответственности перед Родиной. В целях идейного воспитания лучшие комсомольцы привлекаются к движению против контрреволюционеров. Стремясь привить им чувства патриотизма и интернационализма, организуют посещения выставок, посвященных КНР, странам народной демократии и др.

Ведется работа по подготовке к приему в партию. Однако некоторые молодые люди пытаются пролезть в партию из карьеристских соображений. Большинство молодых преподавателей-комсомольцев уже переростки. Но они не хотят выходить из рядов комсомольской организации. Некоторые и вступили бы в члены КПК, но мешает низкая политическая сознательность или анкетные данные.

Комсомольцы проявляли большой интерес к нашему мнению по ряду вопросов: организации воспитания политической бдительности и классовых позиций, связи изучаемых теорий с практикой (с учетом положения Китая), организации студенческой научной работы и т. п.

Соблюдая в максимальной степени осторожность и такт, мы ограничивались в своих комментариях лишь рассказами о работе комсомольской и партийной организаций в советских вузах, и прежде всего в МГИМО. В институте не было кафедры социально-экономических дисциплин. Мы обратили внимание руководства института на необходимость создания такой кафед-

ры. Она должна организовать научную и методическую работу по основам марксизма-ленинизма, политэкономии, диалектическому и историческому материализму и истории китайской революции.

Весной 1957 года состоялся визит в Китай Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова. В огромном зале Всекитайского собрания народных представителей китайское руководство дало прием в честь К. Е. Ворошилова. Зал мог вместить две тысячи гостей. Были приглашены и советские специалисты.

Вскоре после начала приема появился Мао Цзэдун. С ним были Чжу Дэ, Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Пэн Чжэнь и другие руководящие работники КНР.

Мао Цзэдун был одет в светло-серый френч. Он выглядел массивным, особенно рядом с худощавым Чжоу Эньлаем. Чжан Вэньтянь представил меня Мао. Мао, почти не глядя, протянул руку. Его рука была пухлой, как у женщины; он посмотрел на меня и на Чжан Вэньтяня тяжелым, пронизывающим взглядом, без тени улыбки. Затем на одном выдохе произнес несколько отрывочных фраз. Переводчик, склонившись ко мне, сказал: председатель Мао Цзэдун желает Вам успеха в подготовке китайских дипломатов. Скоро настанет время, когда все страны будут приглашать нас принять участие в решении мировых проблем.

Сверкнула вспышка блицев — фоторепортеры запечатлели момент встречи. Наш разговор был прерван: подошел венгерский посол и Мао Цзэдун сказал ему тоже несколько отрывочных фраз и отвернулся к очередному гостю.

Через день я получил закрытый конверт со штампом газеты «Жэньминь жибао». В конверте была большая фотография: председатель КНР пожимал мне руку.

Судьба президента

В октябре 1956 года Пекин посетил президент Индонезии Сукарно. В пекинских книжных магазинах появились трехтомные альбомы красочных репродукций с его картин, воспевающих красоту индонезийской земли.

Сукарно проявлял огромный интерес к искусству, музыке, живописи и скульптуре. В его дворцах в Джакарте и Багоре были собраны картины, скульптуры, статуэтки индонезийских, китайских, голландских, индийских, французских и японских мастеров. Это был интерес не дилетанта, а человека, умеющего понимать и ценить прекрасное. Любовь к красоте была неотъемлемой частью его натуры.

Я долго любовался репродукциями с этих картин. Но купить альбомы не мог. Они стоили слишком дорого.

В один из вечеров правительством КНР был даң большой

прием в Летнем дворце (парке Ихэюань) в честь высокого гостя. Я также получил приглашение. Летний дворец, расположенный недалеко от западной части Пекина, принадлежит к числу знаменитых парков мира. Здесь сочетается красота природы с искусными творениями китайского народа, вкладывавшего свой талант и мастерство в создание парка в течение более семи столетий. Парк был заложен в XII веке. В середине XVIII века император Цинской династии Цяньлун (собственное имя Хун Ли) значительно его расширил и назвал парк Цзинъюань (Парк чистой воды). По распоряжению императора было расширено и углублено озеро.

В 1860 году, во время второй «опиумной» войны, парк был разрушен англо-французскими войсками. В 1888 году по указанию императрицы Цыси ко дню ее рождения парк был снова отстроен. На его восстановление были истрачены все средства (более 80 миллионов лянов серебра), предназначенные для строительства морского флота. Вместо броненосцев у самого берега озера Куньмин был построен огромный и великолепный мраморный корабль, отличавшийся тонкой отделкой с замысловатыми узорами.

Один из сопровождавших меня китайских друзей философски заметил:

— Может быть, императрица Цыси не так уж была не права, когда приказала построить этот мраморный красавец вместо боевых кораблей? Броненосцы погибли бы все равно. Войну мы и так бы проиграли. И не было бы этого произведения искусства.

В 1900 году во время подавления «боксерского» восстания интервенты западных держав сильно повредили и разграбили многие сокровища парка. В годы гражданской войны и японской оккупации парк приходил в упадок. После победы народной революции были развернуты широкие реставрационные работы. Парк обновили, и он снова засверкал. Парк знаменит тем, что в нем сконцентрированы все характерные особенности ландшафта Китая. Он представляет как бы собрание уменьшенных копий достопримечательностей, известных в Китае красивых мест, но вместе с тем он сохранил и свои собственные характерные черты.

Необыкновенно тонко гармонирует его пейзаж с фоном Западных гор, в центре которых виднеется Гора долголетия (Ваньшоушань), огромный восьмиугольный четырехъярусный храм Фосянгэ и другие строения, проглядывающие сквозь крону деревьев. Пагода Юйцюаньшань (Гора Нефритового источника) на северо-западе от парка, цепь горных хребтов и отвесных скал и затерянные в дымке вершины Западных гор слились воедино, образуя соответствующий фон для огромного парка, раскинувшегося на площади 330 гектаров.

Всего в парке имеется более сотни храмов, отдельных залых помещений, дворцов, террас, павильонов, мостов, пагод и

других больших и малых строений, разбросанных в различных уголках парка.

Большинство главных строений и частей парка носят цветистые наименования: «Зал добродетели и долголетия», «Сад благодеяний и мира», «Зал радости и долголетия», «Зал заоблачных высот» и др.

Мы шли вдоль озера по длинной, четырехсотметровой галерее с белокаменной балюстрадой, опоясывающей гору Ваньшоушань. Везде встречались стайки миловидных девушек, одетых в праздничные костюмы: шелковые блестящие платья с глухим воротом и высоким, почти от бедра, разрезом. Как потом мне рассказали, по указанию Чжоу Эньлая было отобрано около пяти тысяч миловидных студенток из вузов Пекина, им выдали нарядные платья и пригласили в Летний дворец. Ни для кого не было секретом, что президент Сукарно питал слабость к красивым женщинам.

За одним из поворотов мы неожиданно наткнулись на группу людей. В сопровождении Лю Шаоци, Чжоу Эньлая и других официальных китайских лиц и своего адъютанта шел Сукарно. Президент обладал эффектной внешностью. Он был строен, довольно высокого для индонезийца роста. На голове у него была национальная бархатная шапочка — пичи, в руке он держал небольшой, черного дерева с серебром стек. Он был одет в военную форму, как верховный главнокомандующий.

...Чжан Вэньтянь представил меня президенту. Сукарно приветливо поздоровался.

— Я рад, — сказал он, — что советские друзья также помогают моим китайским братьям. Советское правительство послало нам хороших специалистов. Я уверен, что в Китае работают самые выдающиеся советские ученые и инженеры.

Китайские газеты были полны славословия в адрес индонезийского гостя. Его именовали всеми присвоенными ему высокими титулами: президент Республики Индонезии, великий вождь революции, глашатай индонезийского народа, верховный главнокомандующий, великий вождь национального фронта, хранитель завета народных страданий, великий бойскаут, Ваше высокопревосходительство, почетный доктор, инженер, хаджи и пр. Китайцы были хорошо осведомлены, что такое перечисление импонировало индонезийскому президенту. Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и другие руководящие деятели в беседах с Сукарно всячески льстили ему, подчеркивали, что Индонезия и он лично делают великий вклад в развитие международных отношений, что судьбы Индонезии и Китая однозначны.

Прошло немногим более трех лет, и судьба свела меня еще раз с индонезийским президентом, на этот раз в Японии. Сукарно предпочитал любым письмам или телефонным разговорам живое общение и почти никогда не отказывался от личной встречи. Он говорил, что встречи с разными людьми: министрами, послами, кинозвездами, бизнесменами, художниками, жур-

налистами, служителями культа и др. — скрашивают его существование. Без промедления он согласился на встречу с нами. Это было в начале июня 1959 года. Мы с послом Н. Т. Федоренко прибыли в отель «Империал», в самую дорогую и фешенебельную гостиницу, к назначенному времени. Адъютант президента провел нас в апартаменты Сукарно.

В легкой рубашке с короткими рукавами, в сандалиях на босу ногу, Сукарно радушно встретил нас; он приказал слуге принести нам кофе и чай. Кареглазый, с чарующей белозубой улыбкой, излучающей тепло, он невольно притягивал к себе своим обаянием. О его обаянии, энергии, жизнерадостности я много слышал в дипломатических кругах Токио. На иностранцев обычно Сукарно производил яркое впечатление.

На столе в кабинете президента лежали японские, индонезийские, американские и другие иностранные газеты. Было видно, что Сукарно их уже просмотрел. Некоторые строки в статьях были подчеркнуты, на полях содержались краткие комментарии. Наше обращение: «Ваше превосходительство, господин президент...» Сукарно немедленно отверг: «Называйте меня просто бунг Карно (брат Карно. — Л. К.). Ведь мы же настоящие братья по духу, по целям нашей жизни». Сукарно обладал голосом приятного, бархатистого тембра, с очень широким диапазоном. Он свободно владел словом, прекрасно говорил по-английски, был очень начитанным человеком, его речь была расцвечена метафорами, сравнениями. В своих речах и беседах он не только широко пользовался образами народного эпоса и сказаний, но и легко цитировал многих иностранных ученых и политиков.

Сукарно высоко оценивал помощь и поддержку советского народа. Позднее, во время пребывания в Москве летом 1961 г., он заявил, что страны Азии и Африки обращают свои взоры к Советскому Союзу, зная, что он «хочет свободы всем народам», которые провозгласили себя независимыми. Сукарно назвал Советское государство маяком в борьбе за независимость⁷.

В те годы успешно развивались дипломатические и культурные связи между нашими странами. Советский Союз и другие социалистические страны поддерживали политику правительства Индонезии в его борьбе за окончательное освобождение страны от кабальных соглашений, навязанных Нидерландами, за ликвидацию последнего очага колониального господства в Индонезии — в Западном Ириане. Помощь СССР позволила Индонезии покончить с военным превосходством Нидерландов в районе Западного Ириана и в конце концов добиться воссоединения его.

— И советский, и индонезийский, и китайский народы строят социализм...— говорил в беседе с нами Сукарно,— но каждый идет своим путем. Индонезийский социализм — это смесь.

⁷ «Правда», 6.VI.1961.

Идею политического равенства мы заимствовали из Декларации независимости США, идею духовного равенства — из ислама и христианства, научную идею равенства — из марксизма. К этому мы добавили свою национальную самобытность — мархаэнизм. Затем мы внесли сюда принципы «готонг-ройонг», что означает жить вместе, работать вместе и помогать друг другу во всем. Смешайте все это и вы получите индонезийский социализм⁸. Из слов Сукарно было ясно, что в понятие «индонезийский социализм» были механически включены почерпнутые из различных, а иногда и идеологически противоположных источников положения и принципы, марксистские формулировки и религиозные догмы. Это было эклектически смешанное, мелкобуржуазное понимание социализма. Оно получило широкое распространение в Индонезии.

В ходе дальнейшего разговора Сукарно сказал:

— Вот китайцы считают, что темпы строительства социализма в СССР слишком медленные. Как мне рассказал Мао Цзэдун, они надеются выйти в короткий исторический срок на рубеж развитых стран.

Сукарно верил в силу лозунгов и приказов, не считаясь с объективными законами экономического развития. Нереальные субъективистские прожекты Мао Цзэдуна и его группы произвели, как видно, сильное впечатление на эмоционального индонезийского президента. Провал «большого скачка» несколько поколебал веру Сукарно в правильность линии Мао Цзэдуна, но в целом влияние китайцев на него с годами все более увеличивалось.

Касаясь отношений с Китаем, Сукарно несколько конфузливо отметил:

— Китайские хуацяо (иммигранты. — Л. К.) в большинстве своем не желают сотрудничать с моим правительством, саботируют наши экономические мероприятия... Это вызывает недовольство среди индонезийцев. Отсюда нежелательные эксцессы...

Мы из сообщений прессы знали об антикитайских выступлениях в Джакарте и других городах. Демонстранты громили лавки, уничтожали товары, сжигали автомашины, принадлежавшие местным китайцам. Антикитайские выступления в Индонезии всегда происходили в моменты резкого ухудшения экономического положения в стране. Власти старались свалить вину за провалы и хаос в народном хозяйстве на местных китайцев.

— Я думаю, — сказал Сукарно, — что мы найдем путь к тому, чтобы эти аномалии в жизни народов моей страны больше не повторялись..

Сукарно не сомневался, что его многолетний опыт, умение находить выход из труднейших ситуаций, достигать компромисса как внутри страны, так и в международных делах не подве-

⁸ Приблизительно в таких же формулировках он говорил об «индонезийском социализме» американской журналистке Синди Адамс.— См.: C. A d a m s. My Friend the Dictator. N. Y., 1967, с. 10.

дут его и на этот раз. Тонкое политическое чутье, знание национальной психологии помогали ему в решении самых сложных проблем.

— Вы жили много лет в Китае, — обратился Сукарно к послу, — и, может быть, лучше понимаете политику китайцев. Но ряд моментов в китайской политике для меня остается загадкой. Как понять последние акции Китая в отношении Индии? ⁹ Ведь Джавахарлал Неру очень много сделал для признания КНР и укрепления его международных позиций. А китайские лидеры и в разговорах со мной высказывались о политике Индии далеко не дружелюбно... — Президент нахмурился. — Меня это беспокоит. Но не будем обсуждать эту проблему. Вы дипломаты и выскажете официальную позицию своего правительства. А я ее хорошо знаю.

— Я бы хотел, — заключил разговор Сукарно, — чтобы отношения между двумя этими странами были дружественными. И я постараюсь их наладить.

Как известно, из попыток Сукарно помочь разрешить конфликт ничего не вышло. В 1962 году Китай осуществил военную акцию против Индии, оккупировав часть ее территории.

Сукарно преувеличивал роль и место индонезийской революции и самой Индонезии в национально-освободительном движении и в мировом революционном процессе в целом.

Осенью 1961 года Сукарно провозгласил лозунг борьбы «новых, нарождающихся сил» против «старых, установившихся сил». Эта концепция была сродни теориям о доминирующей роли стран Азии, Африки и Латинской Америки в мировом революционном процессе. Эта теория не затрагивала различий в политической ориентации и путях социального развития молодых стран Азии, Африки и Латинской Америки и фактически ограничивалась геополитическим подходом к проблеме единства. Она стала идеологической основой для сближения между индонезийскими руководителями и лидерами КНР. Сукарно претендовал на роль лидера неприсоединившихся стран, что не соответствовало ни экономическому, ни политическому положению Индонезии среди стран Азии и Африки. Практическая деятельность Сукарно в этом вопросе сводилась к поискам сильного союзника. Им стал Китай. Сукарно субъективно вовсе не намеревался действовать в интересах Китая, ошибочно полагая, что интересы обеих стран совпадают.

Стремясь сделать Индонезию «политической Меккой» афроазиатских стран, Сукарно предоставлял Китаю широкие возможности для пропаганды своих «особых позиций» на многочисленных конференциях, проводимых по предложению Сукарно в Индонезии.

В памяти индонезийского народа и всех борцов против ко-

⁹ Сукарно имел в виду обострение китайско-индийских отношений вследствие территориальных притязаний Китая к Индии и пограничный конфликт.

лониализма и империализма Сукарно остается человеком, который посвятил свою жизнь священному делу — борьбе за независимость родины. С его именем связаны подъем национально-освободительной борьбы индонезийского народа, достижение независимости и становление Индонезии как суверенного и независимого государства. Убежденный в своей непогрешимости, Сукарно нередко находился в плену заблуждений, совершал ошибки, которые оказывали негативное влияние не только на его личную судьбу, но и на судьбу всей страны. Неспособность до конца понять истинное положение вещей и пагубность этого курса способствовали тому, что Сукарно потерял опору в массах и был лишен власти.

Китайцы и атомная бомба

Как-то в конце 1956 года во время прогулки по Пекину китайские коллеги с большим удовлетворением рассказали мне, что в Пекин приехал из Америки крупный ученый-китаец, математик и физик¹⁰. По их оценке, его можно поместить в первую тройку крупнейших ученых мира.

В январе 1967 года в газете «Гримпсон», издающейся в университетском городке Кембридж (спутнике Бостона), на первой странице крупным шрифтом был набран заголовок: «Красный флаг над Гарвардом». Под заголовком — фотография: бронзовая статуя основателя университета Джона Гарварда. А над его головой — советский и американский флаги. Подпись была не менее броской: «Красные оккупировали университет? Нет, к нам приехал для выступления советский посол Леонид Кутаков».

Как, каким образом в университете, стоящем на вершине иерархической лестницы американских учебных заведений, появился красный флаг? Гарвард — университет, где обучается правящая элита Америки, представители титулованной знати и правящих кругов многих зарубежных стран. Мраморная мемориальная доска в университетской церкви сообщала, что выпускниками Гарварда была по крайней мере дюжина американских президентов: Уильям Тафт, Теодор Рузвельт, Франклин Рузвельт, Джон Кеннеди и др., не менее сотни министров и выдающихся сенаторов. Специальный отбор, высокая плата за обучение создают надежный барьер для «неподходящих» абитуриентов.

Почти 16 тысяч студентов и аспирантов обучают 3,5 тысячи профессоров и преподавателей. Свыше 5,5 тысячи сотрудников административного аппарата обеспечивают учебный процесс, помогают профессорам и научным сотрудникам в подборе материалов, проведении экспериментов, переводах с других языков и т. п.

¹⁰ Позднее я узнал, что в конце 50-х годов в КНР вернулось из США около 100 крупных ученых в области физики и математики.

В университете работает много известных ученых: экономист и социолог с мировым именем, автор десятков книг, блестящий публицист Джон Гэлбрейт, глава американского китайведения Джон Фэрбенк, будущий государственный секретарь США Генри Киссинджер (он числился профессором университета вплоть до 1973 года), известный специалист в области атомного оружия Мортон Хальперин, крупный политолог и специалист в области разоружения Маршалл Шульман, отдельные курсы читал крупнейший на Западе теоретик в области международных отношений Ганс Моргентау и др.

Для проведения семинаров приглашаются профессора из других университетов США, а также из Англии, ФРГ, Франции и других стран. На кафедре славянских языков работал Р. Якобсон, тот самый, о котором когда-то упоминал В. В. Маяковский.

Университет располагает прекрасной библиотекой (8 миллионов томов), получает научную литературу из большинства стран мира. Предупредительные хозяева познакомили меня с главным каталогом библиотеки и показали карточки моих книг, вышедших в СССР и Японии.

Оставляя для другого случая описание интересных встреч с названными учеными, остановлюсь лишь на беседе с профессором Мртоном Хальперином.

Я выступал с лекциями о внешней политике СССР. Беседовал с рядом специалистов по вопросам разоружения. Приглашавшие меня в университет профессора полагали, что для меня представят некоторый интерес беседы с М. Хальперином. Стены большой комнаты, рабочего кабинета Хальперина, были увешаны цветными фотографиями атомных взрывов, снятых с разных точек и в различных масштабах. Вздыбившиеся в атмосферу атомные грибы взрывов были окрашены в кроваво-красный цвет.

— Это фотографии двух китайских взрывов, — пояснил профессор. — Я как раз работал тогда над книгой о китайском атомном потенциале¹¹. Кстати, я хотел вас спросить. Вчера на лекции вы сказали, что Советское правительство выступает против распространения ядерного оружия. А как вы относитесь к этому? — И он показал на цветные фотографии.

— Советский Союз, — ответил я, — занимает принципиальную позицию и не меняет ее в зависимости от обстоятельств. Мы за нераспространение ядерного оружия в качестве первого шага. В более широком плане Советский Союз за запрещение ядерного оружия и его уничтожение как наиболее варварского вида оружия, угрожающего судьбам человечества. Соответственно мы не можем одобрять и эти взрывы. Это новый и опасный шаг по пути расползания термоядерного оружия.

— Насколько можно судить по этим фотографиям, — ска-

¹¹ М. Halperin. China and Bomb. N. Y., 1965.

зал Хальперин, — китайцы на начальных стадиях овладения ядерным оружием. Их взрывы напоминают по силе бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки. На начало 1967 года США произвели около пятисот испытательных ядерных взрывов, СССР — около трехсот, Франция — тридцать. Так что китайцам понадобится немало лет для отработки бомбы и превращения ее в эффективное оружие. Китайцы, по-видимому, приступили и к исследованиям в области водородного оружия.

— Как получилось, что китайцы сумели создать собственное ядерное оружие? — спросил я. — Я, например, не нахожу ответа на этот вопрос. Десять лет назад я был в КНР. Общий уровень развития науки и техники в Китае, так же как и теоретической мысли, насколько я был информирован, был значительно ниже передовых государств.

Хальперин ответил не сразу. Поколебался. Потом сказал:

— Принципиальная схема создания атомного оружия, как известно, не представляет секрета. Вопрос в технологии. Можно допустить, что китайский ученый, работавший в США, в университете в Беркли, и каким-то путем оказавшийся в Китае, оказал помощь своей стране в создании ядерного оружия.

Мне вспомнился этот разговор спустя несколько месяцев, на другом краю Американского континента.

Весной 1967 года по приглашению председателя Национального совета по американско-китайским отношениям профессора Р. Скалапино я оказался в Беркли, небольшом университетском городке — спутнике Сан-Франциско. В совет наряду с учеными входили представители деловых кругов запада и востока США, включая таких видных деятелей, как президент «Чейз Манхэттен Бэнк» Д. Рокфеллер, президент компании «Пепси-кола» Кендалл и др. Основное население городка — студенты, преподаватели, научные сотрудники.

В США принято выводить университеты за пределы больших городов, создавать для них специальные «кампусы» (дословно: «лагеря»), изолировать от общественно-политической жизни крупных центров страны. Однако молодежь в США, как, впрочем, и в ряде других капиталистических стран, не раз выступала в авангарде различных антиправительственных волнений: против войны во Вьетнаме, против вторжения американских войск в Камбоджу в 1970 году, за запрещение атомного оружия и т. п.

Бурные, стихийно возникавшие и плохо организованные выступления молодежи все же доставляли немало хлопот губернаторам и федеральной администрации. Студенты захватывали здания университетов, строили баррикады, вступали в стычки с полицией и войсками. Не раз студенты, искренне верившие в принципы буржуазной демократии и свободы, были жертвами полицейского произвола и насилий со стороны реакции.

В университете в Беркли, который являлся частью Калифорнийского университета, в то время было около 40 тысяч сту-

дентов и свыше 5 тысяч профессоров, преподавателей и научных сотрудников. Калифорнийский университет куда более демократичен: плата за обучение в два-три раза ниже, чем в Гарварде; большинство студентов сами зарабатывают деньги и на пропитание, и на плату за образование. Среди студентов часто вспыхивали антиправительственные выступления: студенты требовали прекращения вьетнамской авантюры. Кое-где висели обрывки лозунгов, а на стенах зданий университета и в городе виднелись полустертые надписи: «Вон из Вьетнама», «Долой грязную войну» и т. д. На тротуарах города группками сидели хиппи: с длинными волосами, в невообразимо ободранных джинсах, некоторые босиком, несмотря на довольно прохладную мартовскую погоду. Девицы и парни лениво перебрасывались замечаниями. У книжного магазина двое давно не бритых, заросших парней перебирали струны гитар и вполголоса что-то напевали. Была эпоха расцвета хиппи — стихийного протеста молодежи против буржуазного истеблишмента, бездумного делячества, погони за долларами, пошлости и мещанства, бессмысленных смертей в джунглях Индокитая.

Ободранный старый «Форд» остановился около группы молодежи. На заднем бампере был наклеен типографски отпечатанный призыв: «Если вы нуждаетесь в помощи и не любите полицию, зовите хиппи!»

Университет в Беркли — крупный научный центр в области атомной энергии, математики, изучения Дальнего Востока и других проблем.

Р. Скалапино, человек довольно консервативных убеждений, постарался ограничить мои выступления и контакты лишь профессорско-преподавательским составом, занимающимся проблемами Дальнего Востока.

После одного из моих выступлений — я говорил о принципах советской политики на Востоке и о советско-китайских отношениях — ко мне подошла группа слушателей. Одни задавали вопросы, другие просто пожимали руку, знакомились. Стоявший поодаль высокий худой мужчина, который, казалось, чего-то ожидал, шагнул в мою сторону и протянул руку.

— Джек Сервис — назвал он себя. — Я слышал, что вы работали в Китае. Если не возражаете, давайте вместе позавтракаем. Я в прошлом тоже занимался китайскими делами. Думаю, что нам будет интересно поподробнее поговорить, обменяемся мнениями.

Скалапино, стоявший рядом, добавил:

— Джек заведует библиотекой центра китайских исследований.

Мы условились встретиться на следующий день. Сервис обещал заехать за мной в отель, показать библиотеку, а затем вместе поехать в ресторан. «Джек Сервис», — про себя много раз повторял я. Где я ранее слышал это имя? При каких обстоятельствах? Напрягая память, вспомнил. Имя Сервиса .я

встречал в американских газетах за 1945 год в связи с так называемым делом сотрудников журнала «Амерэйша» (о чем расскажем позже) и в дипломатических документах, опубликованных госдепартаментом США в 1949 году в сборнике «Отношения Соединенных Штатов с Китаем. С особым вниманием к периоду 1944—1949 годов. Основан на досье государственного департамента»¹². Тогда я занимался исследованием международных отношений на Дальнем Востоке во время второй мировой войны и первых послевоенных лет.

Марка машины, год ее выпуска — визитная карточка американца. Показатель его благосостояния и положения в обществе. Потрепанный, старый «Шевроле» Сервиса свидетельствовал, что и положение и благосостояние его владельца далеко не блестящи. Седые виски, худое лицо с глубокими морщинами, глубоко запавшие глаза. В разговоре не было обычного для большинства американцев оптимизма и наигранной бодрости.

Библиотека научного центра была невелика: она располагалась в трех комнатах, зато в ней были собраны новейшие издания по Японии, Китаю из большинства стран мира (Англии, Японии, Франции, ФРГ, СССР и др.). Но главная ценность собрания была не в этом. Сервис рассказал, что библиотека систематически получает микрофильмы всех материалов по Китаю из американского генконсульства в Гонконге (Сянгане): фотокопии провинциальных китайских газет, протоколы допросов китайских перебежчиков из КНР (а их было ежегодно три-пять тысяч человек), информацию с Тайваня о положении в Китае и др. Все эти материалы обрабатывались многочисленным (до 500 человек) штатом сотрудников генконсульства.

— Наш центр, — сказал Сервис, — установил связи с Пекинской государственной библиотекой и получает оттуда новые издания: книги, журналы, брошюры и т. п. Правда, пекинские издания малосодержательны, по преимуществу пропагандистская литература. Провинциальная пресса, не предназначенная для иностранцев, дает куда больше материала для понимания процессов, происходящих в Китае.

...В небольшом ресторанчике было многолюдно: одна группа студентов, наскоро глотая сандвичи или неизменные «хот догс» (горячие сосиски) и запивая их ледяной кока-колой, оживленно спорила по вопросу о политике США во Вьетнаме, другая, сидевшая поблизости от нас, обсуждала перспективы атомного вооружения Китая.

Вскоре к нам подсели еще несколько китаеведов, присутствовавших на моей лекции.

Кивнув в сторону студентов, один из них заметил:

— Они правы, что всерьез обсуждают эту проблему. Китай взорвал всего две атомные бомбы, но при дисциплинированности

¹² United States Relations with China. With Special Reference to the Period 1944—1945. Based on the Files of the Department of State. Wash., 1949.

китайцев, их способностях к техническим наукам Китай сможет быстро догнать другие ядерные державы.

— Если бы не профессора Беркли, — сказал я, — китайцы вряд ли бы так быстро смогли заполучить атомное оружие.

— Может быть, кое в чем вы правы, — ответил собеседник. — Утверждают, что один из создателей китайской атомной бомбы учился, а затем работал в исследовательском центре Беркли. Он был человеком выдающихся способностей. Я не знаю деталей, но в 1956 году ему разрешили поездку на Тайвань. Кажется, он хотел навестить своих родственников. Оттуда он сбежал на материк.

— Странная, скорее даже фантастическая история, — заметил я. — Чем-то напоминает боевик с известным киногероем Джеймсом Бондом. Не правда ли? Видный физик, работал в области атомной энергии, что связано с безопасностью страны. И вдруг едет на Тайвань. Хотя это еще как-то можно объяснить: там американские войска. Но дальше... Пролив между Тайванем и КНР патрулируется американскими кораблями и самолетами. Не забывайте, что в 1955—1957 годах отношения между Тайванем и КНР были обостренными. Обсуждались перспективы высадки китайцев на Тайвань. Там все было мобилизовано. Усилена охрана и т. п. Тысячи людей наблюдали за проливом. И вдруг ученый, пужный для США, успешно преодолевает все преграды и оказывается в Пекине. Китайские знакомые в свое время с удовлетворением рассказывали мне, что из США приехал крупнейший ученый-китаец, но они не упоминали, что он перебрался в КНР через Тайвань...

— Не было ли в США влиятельных лиц, которые были заинтересованы оказать содействие Китаю в создании ядерного оружия? — спросил я

Собеседники ничего не сказали, их молчание показалось мне красноречивым.

...Переводя разговор на другую тему, Сервис, как бы думая вслух, заметил:

— Значит, вы тоже работали в Китае... Этой стране я отдал много сил. Именно там погибла и моя дипломатическая карьера.

Сервис напомнил мне, что по предложению Стилуэлла в феврале 1944 года Рузвельт принял решение о направлении американских наблюдателей в Яньань — центр Освобожденных районов, находившихся под контролем КПК. Из-за сопротивления Чан Кайши миссия прибыла в Яньань лишь в конце августа 1944 года. Ее возглавил опытный американский разведчик Дж. Баррет. В состав миссии вошел и Д. Сервис. Сервис более полугода тщательно готовился к поездке. Он отметил, что к этому времени убедился в неспособности Чан Кайши объединить страну и мобилизовать людские и материальные резервы для борьбы с Японией. Сервис разработал серию вопросов, ответы на которые он рассчитывал получить путем общения с лидерами

и рядовыми сотрудниками ЦК КПК и личного наблюдения за порядками, сложившимися в Яньане. Эти вопросы касались разных сторон политики КПК: насколько последовательно КПК осуществляет политику единого антияпонского фронта? Каковы формы местного управления и насколько они отвечают коммунистической идеологии? Является ли управление демократическим, и получает ли оно поддержку со стороны народа? Насколько оно отличается от гоминьдановских форм управления? Какова военная и экономическая мощь коммунистов и какой они могут внести вклад в борьбу союзников?

Немедленно по прибытии в Яньань Сервис с энтузиазмом окунулся в работу по изучению положения в КПК и ее линии. Ему удалось установить контакты с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Кан Шэном, выяснить отношения их к таким крупнейшим международным проблемам, как послевоенное устройство мира и новый порядок на Дальнем Востоке. Как видно из опубликованных Сервисом материалов, его очень интересовали намерения китайских лидеров в отношении США, прочность связей с СССР и возможности отрыва КПК от коммунистического фронта. За месяц пребывания в Яньане он написал и отправил в Вашингтон 50 докладов.

Донесения Сервиса читал сам президент США Ф. Рузвельт. Сервис сообщал о намерениях Мао установить дружбу и сотрудничество с США, о выраженных Мао Цзэдуном симпатиях к американцам.

Сервис сообщал в Вашингтон, что КПК поддерживает стратегию Объединенных Наций, признает целесообразность объединенного фронта против Японии и придает большое значение американской помощи для развития китайской экономики. Сервис, таким образом, приходил к выводу о возможности использования этих настроений в интересах США.

В Вашингтоне решили направить в Китай личного представителя Ф. Рузвельта генерала Патрика Хэрли для посредничества между Чан Кайши и Мао Цзэдуном. Бывший военный министр П. Хэрли не раз выполнял щекотливые поручения Рузвельта: в Мексике, на Ближнем Востоке, в 1943 г. инспектировал китайский театр военных действий, не раз встречался с Чан Кайши. Хэрли исходил из того, что США должны оказать максимальную помощь Чан Кайши и склонить его к соглашению с коммунистами. Взгляды Сервиса и его коллег из госдепартамента и среди ученых, группировавшихся вокруг журнала «Амерэйша» (О. Латтимор, Ф. Джессап, Дж. Дэвис и др.), Хэрли считал вредными и опасными.

Как мне рассказывал Сервис, Хэрли при первой же встрече с ним с солдафонской грубостью заявил:

— Если вы строго ограничите себя рамками информации, мы будем действовать сообща... Если же вы попытаетесь проявлять самостоятельность и вмешиваться в мои дела, я раздавлю вас.

10 ноября 1944 года Хэрли и Чжоу Эньлай подписали коммюнике, подтвердившее необходимость создания коалиционного правительства и объединенного командования. Однако Чан Кайши категорически отказался признать соглашение. Хэрли, чтобы не потерять лицо, представил соглашение как предварительное, а главным условием его осуществления поставил подчинение Освобожденных районов и их вооруженных сил гоминьдановским властям. Переговоры были прерваны.

Сервис и его коллеги в американском посольстве считали, что порывать с компартией невыгодно, что целесообразно продолжить маневрирование. Пользуясь отсутствием Хэрли, который выехал в Вашингтон, 28 февраля 1945 года они направили в госдепартамент записку, в которой предлагали от имени президента информировать Чан Кайши о том, что военная необходимость требует от США снабжения коммунистов оружием и сотрудничества с ними, а также с другими группами, которые могут способствовать успешному ведению военных действий против Японии. Это предложение, по словам Сервиса, имело целью подтвердить нейтральный характер политики США во внутренней борьбе в Китае.

Несомненно, что авторы предложения не хотели закрывать двери для маневров в отношении руководства КПК. Поставка оружия Народно-освободительной армии Китая, по их мнению, должна была способствовать укреплению политического контакта США с КПК и ослаблению связей китайской компартии с Советским Союзом.

Когда стали налаживаться отношения США и КНР, что вызвало волну интереса и повышенное внимание к политике КНР со стороны правящих кругов США, вышла в свет книга Сервиса «Документы Америкэша. Некоторые проблемы в истории американо-китайских отношений»¹³. Сервис раскрыл в ней более подробно, на что рассчитывал он и его коллеги, настаивая на развитии контактов с лидерами КПК. Если бы предложения от 28 февраля 1945 г. были приняты вашингтонскими политиками, то, по мнению Сервиса, Народно-освободительная армия с помощью американцев смогла бы принять капитуляцию японской армии в Северном Китае и разоружила бы марионеточные войска Ван Цзинвэя; японское вооружение и снаряжение попало бы в руки американцев, а не коммунистов, которые его получили после разгрома японской квантунской армии советскими войсками.

Американское посредничество привело бы, как думал Сервис и его коллеги, к разграничению сил коммунистов и войск Чан Кайши: КПК контролировала бы Северный Китай, гоминьдановцы — долину Янцзы и Южный Китай. Возможно, что это предотвратило бы гражданскую войну и создало предпосылки к

¹³ J. Service. The Amerasia Papers: Some Problems in the History of US-China Relations. Berkeley, 1971; В. Б. Воронцов. Дело «Америкэша». Политические столкновения США по проблемам Китая. М., 1974.

сотрудничеству с Мао Цзэдуном еще в конце второй мировой войны.

Будь во время войны достигнуто сотрудничество с КПК, утверждал Сервис, Мао Цзэдун не пошел бы на союз с СССР. Тогда отношения США с КНР строились бы если и не на тесной дружбе и союзе, то, во всяком случае, на более благоприятной основе, чем это было в действительности в послевоенный период в течение более 20 лет. Непродуманные действия Хэрли и его покровителей в Вашингтоне, взявших курс на безоговорочную поддержку Чан Кайши, толкнули Мао Цзэдуна в сторону СССР.

Предложения Сервиса не были приняты. Большинство американских политиков тогда считали обреченной на неудачу любую попытку оторвать КПК от СССР. Но дело было не только в этом. Ялтинское соглашение руководителей СССР, США и Англии от 11 февраля 1945 года о вступлении СССР в войну против Японии обеспечивало победу над милитаристской Японией и с этой точки зрения рассматривалось американскими стратегами как позитивный фактор, сокращавший сроки войны не менее чем на год и сохранявший жизни более чем миллиона американских солдат.

Отправив записку в Вашингтон 28 февраля, Сервис решил получить заверения лидеров КПК об их стремлении к сотрудничеству с США, несмотря на неудачу миссии Хэрли. В отсутствие Хэрли Сервис выехал в Освобожденный район.

9 марта 1945 года Сервис прибыл в Яньань и уже на четвертый день встретился с Мао Цзэдуном. Во время беседы Мао уделил особое внимание отношениям с США, подчеркнув наличие общих интересов между народами США и Китая, взаимных симпатий и желание руководства КПК получить от США необходимую помощь и привлечь американский капитал. 19 докладов направил Сервис из Яньаня.

Однако маневры американской дипломатии не могли изменить объективно антифеодальный, антиимпериалистический характер народно-демократической революции в Китае. Нельзя также забывать, что в начале апреля Советская Армия начала битву за Берлин. Предстоящее окончание войны в Европе означало и вступление СССР в войну на Дальнем Востоке. Этим самым снижалась заинтересованность США в использовании китайских войск в борьбе с Японией. Сказывались и растущие антисоветские тенденции во внешней политике США; поднимали головы будущие «архитекторы» «холодной войны» и проповедники «мира по-американски», направленного против национально-освободительных движений и усиления влияния Советского государства в международных делах. Все это закрывало для Вашингтона путь к поддержке КПК.

Узнав о новой поездке Д. Сервиса в Яньань, властолюбивый и амбициозный П. Хэрли пришел в ярость. Он усмотрел в этом прежде всего подрыв его положения как главы американской

миссии в Китае. Хэрли, используя свой авторитет и широкие связи в администрации, потребовал немедленного выдворения Сервиса из Китая.

31 марта 1945 года Сервис получил указание покинуть Яньань. Тучи над его головой сгущались. Сервис не знал, что еще 11 марта агенты Управления стратегической службы (американская разведка) тайно проникли в здание редакции ежемесячного журнала «Амерэйша» и обнаружили ряд секретных документов и копий с них, поступавших из американских зарубежных учреждений по азиатским проблемам. Среди них были и документы, написанные Сервисом. Ряд сотрудников журнала и дипломатов, в том числе и Сервис, были привлечены к судебной ответственности по обвинению в разглашении государственной тайны, шпионаже и т. п. Адвокаты обвиняемых доказывали, что деятельность их подзащитных не выходит за рамки обычной журналистской практики. Несогласие с политикой правительства в Азии не может служить основанием к преследованию. Обвинение с Сервиса было снято. Но для него был закрыт доступ к китайским делам.

Между тем Советская Армия в короткий срок покончила с группировкой японских войск в Маньчжурии и Корее. Разгром японских оккупантов явился мощным подспорьем для победы народно-демократической революции в Китае. Не помогли реакционному режиму Чан Кайши ни высадка американской морской пехоты в портах Маньчжурии, ни поставки оружия, ни переброски на американских самолетах гоминьдановских войск в ряд крупных городов и центров коммуникаций в Северном Китае. Они лишь способствовали развязыванию гражданской войны в Китае.

Что касается Сервиса, то его мытарства, связанные с процессом по делу «Амерэйша», не кончились. 9 февраля 1950 года оголтелый фашиствующий демагог сенатор Маккарти сделал сенсационное заявление: 206 сотрудников государственного департамента — члены компартии! Коммунисты и предатели в дипломатическом ведомстве!

Среди названных им лиц значился и Сервис как главное лицо, планировавшее китайскую политику в дальневосточном отделе госдепартамента. Его обвиняли в содействии свержению Чан Кайши и созданию «объединенного Китая с коммунистическим правительством во главе», ему приписывали участие в деятельности «просоветской группы» в госдепартаментах и т. п. В качестве обвинительных материалов были использованы его сообщения из Яньнаня.

Сервиса арестовывали, подвергали перекрестным допросам в подкомиссиях сената, палаты представителей, прокуратуре и т. п. Генерал Хэрли обвинил Сервиса в предательстве американских интересов.

Сервиса уволили с дипломатической службы. Понадобилось более семи лет хождений по апелляционным судам и различным

правительственным учреждениям, рассказывал мне Сервис, чтобы добиться отмены приказа об увольнении из госдепартамента. Наконец его формально восстановили на работе в госдепартаменте, но назначали на малозначительные посты. В 1962 году он ушел в отставку. Так Сервис оказался в Беркли.

Прошло несколько лет.

В 1971 году вышла в свет уже упоминавшаяся книга Сервиса. В начале 1972 года его портрет появился на обложке журнала «Тайм». Такой чести обычно удостоиваются либо крупные государственные деятели (президенты, министры, короли), либо «герои» каких-либо сенсаций (миллиардеры, знаменитые актеры, генералы, убийцы вроде лейтенанта Колли, расстрелявшего более сотни вьетнамских детей и женщин).

В феврале 1972 года Сервис выступает в сенатской комиссии уже не как жертва преследований, а как видный эксперт, вернувшийся из поездки в Китай, куда он вместе с женой ездил по приглашению Чжоу Эньлая в конце 1971 года.

Реабилитация Сервиса отражала новые тенденции в политике США в Китае. Понадобились люди, известные пекинским лидерам для развития контактов с ними.

Диалектика политики

Мы чувствовали огромный интерес к нашим лекциям и высказанным мнениям. К каждому нашему слову прислушивались. Лекционный зал всегда был забит до отказа. Среди слушателей были руководители кафедр, преподаватели и аспиранты всех специальностей (юристы, экономисты, страноведы, даже преподаватели языковых кафедр). Почти после каждой лекции ко мне поступало (в письменном виде) много вопросов. Иногда их было больше сотни.

Отчасти это объяснялось слабой общей теоретической подготовкой слушателей, метафизическим характером мышления, отсутствием навыков применения диалектики к явлениям общественного развития, особенно международного характера. Но главное, в вопросах, которые мне передавал переводчик, чувствовался горячий и живой интерес к науке, стремление глубоко и всесторонне понять исторические явления и ход развития международных отношений.

У большинства старых преподавателей, получивших образование в гоминьдановских учебных заведениях, да отчасти и у молодежи сложился метафизический, формально-юридический подход к явлениям международной политики. Слушатели поэтому нуждались в точных формулировках и всесторонних разъяснениях сложных явлений международных отношений и внешней политики СССР. Для правильного понимания требовался марксистский диалектический подход. Для многих из них, например, было нелегко понять, что история международных отношений далеко не исчерпывается теми или иными международными конференциями и дипломатическими акциями, а представляет собой совокупность экономических, политических, правовых, дипломатических и военных связей и взаимоотношений между народами, государствами и системами государств, между основными классами, экономическими и политическими силами и организациями, действующими на мировой арене. Приходилось долго на исторических примерах разъяснять, что социально-экономические факторы, характеризующие всемирно-исторический процесс перехода человечества от одной общественной формации к другой, часто сказываются на сфере международных отношений опосредствованно; социально-политическое развитие — важный фактор формирования внешней политики, поскольку внешняя политика находится в тесной взаимосвязи с внутренней. На

формирование внешней политики в разной степени непосредственно оказывают влияние такие факторы, как интересы правящих классов, характер политического строя, состав правящей элиты, степень ее зависимости от различных социальных и политических групп, роль военных кругов и т. п. Менее прямое воздействие оказывают идеологическое и политическое лицо основных партий, участвующих в правительствах, степень влияния и политическая активность народных движений, господствующие тенденции общественного мнения и его эволюция.

В разные эпохи и даже исторические периоды влияние тех или иных прямых и косвенных факторов на формирование внешней политики отдельных стран и международные отношения менялось в зависимости от роли этих факторов во внутренней и внешней политике отдельных стран.

Наши слушатели долго не могли усвоить, что до выхода на арену классовой борьбы пролетариата народные массы принимали лишь стихийное участие в историческом процессе, в развитии международных отношений.

Обращаясь к истории Китая, в своих лекциях я подчеркивал, что движения народных масс часто проходили под религиозным флагом, их участники смутно осознавали цели своей борьбы. Это характерно для народных выступлений в Китае (движение тайпинов в 50—60-е годы XIX века, восстание «Ихэтуань» на рубеже XX века). Господствующие круги Китая принимали решения, касающиеся международных проблем, исходя из своих классовых интересов. Так, китайские феодалы в XVII веке предпочитали идти на сговор с маньчжурскими поработителями в целях борьбы с выступлениями крестьян; в середине XIX века цинская монархия шла на сговор с западными колонизаторами для борьбы с крестьянами во время тайпинского восстания. Особенно ярко этот предательский сговор реакционного цинского режима с иностранными империалистами проявился в годы народного восстания «Ихэтуань».

В одной из первых лекций мною было подчеркнута, что в первом своем внешнеполитическом акте — Декрете о мире — Советское правительство отказывалось от тайной дипломатии, заявляло, что оно желает вести переговоры открыто и приступает к опубликованию тайных договоров. Советское правительство аннулировало империалистические договоры царского и Временного правительств, заключенные правящими кругами за спиной народов и вопреки их воле, и вообще порвало с империалистической политикой царского и Временного правительств. Вместе с тем все пункты договоров, где содержались условия добрососедства (в том числе и определяющие границы) и экономические соглашения, Советское правительство признавало. Это было осуществлением ленинского принципа мирного сосуществования двух противоположных социально-экономических систем.

С 1917 года наступила эра новой дипломатии, серьезно за-

труднявшая происки врагов мира. Это, однако, отнюдь не отрицает того факта, что сегодня еще в большей степени, нежели в XIX веке, буржуазия стремится вершить дела своей внешней политики в глубочайшей тайне от народов.

После лекции ко мне подошел пожилой плотный мужчина в очках. Представился: «Профессор Ван». Я уже знал, что он до победы революции 1949 года учился в Англии, в Кембридже. Там он занимался изучением внешней политики Англии и англо-китайскими отношениями в XIX и начале XX века. Ван был беспартийным. Руководство института относилось к нему сдержанно. Он задал мне вопрос: «Не изменилась ли позиция Советского государства в вопросе об отказе от тайной дипломатии, провозглашенном в первые годы Советской власти? Чем же объяснить, что часто в сообщениях о встречах, переговорах и беседах государственных деятелей и дипломатов СССР с представителями капиталистических стран сообщается, что „обсуждались вопросы, представляющие взаимный интерес“? Почему же нет информации о содержании переговоров, раз СССР отказался от тайной дипломатии?» Вопрос отражал в известной мере точку зрения буржуазных теоретиков, которые стремятся доказывать «открытый» характер империалистической дипломатии, ссылаясь при этом на то, что в капиталистических странах никогда прежде не говорили и не писали столько о внешней политике, как теперь. Они же утверждали, что Советское правительство все держит в тайне.

В ответе я указал, что это чисто внешняя «открытость», «публичность», которая осуществляется с помощью пресс-конференций, интервью, систематического опубликования дипломатических документов, открытых заседаний международных конгрессов и других мероприятий. Активная «информационная» деятельность подобного рода служит не столько средством «информации» масс, сколько средством их обмана, дезинформации. История дипломатии последних десятилетий дает в этом отношении немало ярких примеров.

Тайная дипломатия буржуазных правительств состоит в том, что за спиной народов и в ущерб их интересам происходил и происходит сговор о сферах влияния, разного рода военных союзах и соглашениях в интересах империализма. Именно поэтому империалисты стремятся скрыть от народов правду о своей внешней политике. Отказ Советского государства от тайной дипломатии отнюдь не исключает в межгосударственных отношениях конфиденциальность и доверительность. Социалистической дипломатии приходится действовать в мире, в котором наряду с социалистическими государствами и развивающимися странами имеются империалистические державы, чья внешняя политика выражает интересы монополий, направлена против демократии, мира и социализма. Правительства обмениваются лотами, меморандумами и другими дипломатическими документами, часть которых не предназначена для опубликования.

В той же мере это относится и к встречам, переговорам, беседам государственных деятелей и дипломатов. Публикация содержания этих переговоров может лишь дать пищу для врагов мира и социализма, базу для дезинформации и клеветы.

Находясь под влиянием разного рода сочинений иностранных буржуазных авторов, широко распространенных в дореволюционном Китае, и лекций буржуазных профессоров, слушатели, например, долгое время не могли понять необходимость заключения и затем аннулирования Брестского мира, оправданность блестящего маневра советской внешней политики в 1939 году, когда СССР пошел на заключение пакта о ненападении с гитлеровской Германией. Этот пакт, как известно, сыграл важную роль в подготовке Советской страны к отражению нападения фашистской Германии и обеспечению победы советского народа над гитлеровцами. Благодаря этому пакту Советский Союз избежал необходимости вести войну на два фронта — на Востоке против милитаристской Японии, которая летом 1939 года войну фактически уже начала, напав на союзную нам Монголию, и на Западе — против фашистской Германии. Понадобилось несколько занятий, чтобы разъяснить слушателям справедливость этого акта в интересах как советского народа, так и всего прогрессивного человечества, в том числе и китайского народа, в интересах победы над фашизмом и империализмом не только в Европе, но и в Азии.

Еще бóльших усилий потребовало разъяснение справедливости действия Советского Союза в отношении Японии в конце мировой войны. Известная часть слушателей находилась под влиянием сочинений (мемуаров, исследований и др.) японских, а также некоторых американских и английских ученых и политиков, утверждавших, что вступление СССР в войну против Японии якобы произошло в нарушение пакта о нейтралитете, заключенного СССР и Японией 13 апреля 1941 года.

В лекциях пришлось подробно показывать, как японские правящие круги свели пакт о нейтралитете на нет, грубо нарушая его положения.

Тревоги памяти

В конце 1956 года нас пригласили послушать выступление одного из видных чиновников МИДа КНР — Цяо Гуаньхуа. Он сопровождал премьера Государственного совета Чжоу Эньлая в поездке по странам Юго-Восточной и Южной Азии. Высокий и худой китаец, одетый в обычный для чиновников партийного и государственного аппарата темно-синий френч, держался самоуверенно и несколько снисходительно. Свою речь, которую он читал по заранее заготовленному тексту, он сопровождал жестикуляцией. Голос у него был высокий. Спустя 15 лет, в 1971 году, мы вновь встретились с ним. На этот раз

в Нью-Йорке. Цяо Гуаньхуа был уже заместителем министра иностранных дел КНР и возглавлял китайскую делегацию, прибывшую на XXVI сессию Генеральной Ассамблеи ООН в связи с ее решением о восстановлении прав КНР в ООН. Об этом мы расскажем позже. Вернемся к докладу. Рассказывая о поездке, Цяо давал характеристику политической обстановки в каждой из стран, в которой они побывали, а также состоянию межгосударственных отношений с КНР.

Вряд ли для читателей будет интересным пересказ содержания всего доклада, я остановлюсь лишь на отдельных его положениях, дающих представление об основных тенденциях политики тогдашнего китайского руководства. Цяо начал свое сообщение с характеристики обстановки в Камбодже. Он подчеркнул хорошее отношение населения к Китаю, объяснив это наличием родственных уз между кхмерами и китайскими эмигрантами. Большое количество браков между кхмерами и китайцами, утверждал он, создает базу для развития политических и экономических связей между двумя народами. Цяо отметил, в частности, что в жилах главы государства Камбоджи принца Сианука течет китайская кровь. «Почему Камбоджа так хорошо относится к Китаю? — задал риторический вопрос Цяо. — Потому, что Китай никогда не игнорировал Камбоджу, относился к ней с уважением». Приезд Чжоу Эньлая явился, по его мнению, историческим событием в жизни Камбоджи. Представитель великой державы приехал в маленькую страну. Пномпень и другие города были украшены красными флагами. Цяо отметил сильное влияние на политику Камбоджи французов, владевших большими плантациями.

Никакого классового марксистского анализа политической обстановки в странах Юго-Восточной и Южной Азии слушатели не получили.

Когда читаешь заметки о выступлении Цяо, вспоминаешь трагическую судьбу доброго и талантливого народа Кампучии. Три миллиона человек, почти половина населения страны, были уничтожены кликой Пол Пота. Эти события потрясли совесть человечества. Кампучийский народ изгнал человеконенавистническую банду убийц и ныне успешно идет по пути строительства социализма.

Отношения Китая с Бирмой, Лаосом и Таиландом Цяо назвал хорошими. «Хорошие отношения» с названными странами Цяо объяснил наличием большого числа китайских переселенцев и религиозным единством. Как и китайцы, население этих стран исповедует буддизм.

Зато различия в религиозных верованиях населения Индонезии, Малайзии (мусульмане) и Китая создают ряд трудностей во взаимоотношениях китайских переселенцев с местным населением. Докладчик отметил широкие культурные связи с Вьетнамом, близость вьетнамцев по своему быту и идеологии к китайцам, братские чувства вьетнамцев к Китаю. Отметив

большие трудности, переживаемые Вьетнамом из-за длительной войны, Цяо сообщил, что Китай оказал помощь ДРВ в развитии местной промышленности, поставив оборудование для спичечной фабрики и текстильных предприятий.

По оценке Чжоу Эньлая, заметил Цяо, эти страны, кроме ДРВ, добились независимости благодаря националистическим настроениям народов и руководителей.

Докладчик рассматривал историческое развитие народов Юго-Восточной Азии поверхностно, игнорируя всемирно-историческое значение победы Советского Союза над фашизмом и силами реакции во второй мировой войне и влияние этого фактора на национально-освободительные движения.

Из высказываний Цяо Гуаньхуа можно было понять, что у Китая почти ко всем соседям имелись территориальные притязания. Докладчик объяснил этот беспрецедентный в истории международных отношений факт тем, что империализм и колониализм оставили на границах Китая в наследие «ряд исторических несправедливостей». Это объяснение впоследствии мне приходилось читать и в пропагандистской китайской литературе. Такая интерпретация, с одной стороны, позволяла воздействовать на национальные чувства китайского народа, с другой — давала возможность представить Китай перед миром, и в первую очередь перед афро-азиатскими странами, в качестве последовательного борца против империализма и его наследия. Это часто использовалось китайцами для перенесения в выгодный ему момент конкретных пограничных вопросов в область идеологической борьбы для дискредитации позиций противной стороны, как якобы направленных на сохранение империалистического наследия или исходящих из предпосылок и основ империалистической политики.

Такой подход был сформулирован еще в общей программе Народного политического консультативного совета Китая (статья 55) 29 сентября 1949 года; в программе указывалось, что правительство КНР «будет изучать договоры и соглашения, заключенные гоминьданом и иностранными правительствами, и в зависимости от их содержания либо признает, либо аннулирует, либо пересмотрит или возобновит их». Это положение распространялось на все государства и включало все договоры, в том числе и по пограничным вопросам.

В 60-х годах произошла известная трансформация позиции: если в начале 60-х годов китайские руководители говорили о принципиально различном подходе КНР к разрешению вопросов о границах с социалистическими и несоциалистическими странами, то в конце 60-х годов они отказались от этой позиции. Решение пограничных вопросов со всеми странами связывалось не с конкретной ситуацией на границах, а с политикой в отношении данной страны или группы стран.

Китай имеет общую границу с группой социалистических стран: КНДР, СССР, МНР, ДРВ и с освободившимися от ко-

лониального ига государствами: Бирмой, Непалом, Бутаном, Индией, Пакистаном, Афганистаном. При марксистском подходе какие-либо спорные вопросы, если они имелись, могли бы быть быстро и дружелюбно разрешены и сняты с повестки дня международной политики КНР. Но этого не случилось.

21 марта 1957 года нам сообщили, что заведующий отделом Азии МИДа КНР Чжан Вэньцинзнь выступит перед преподавателями и аспирантами с докладом «О политике КНР в отношении Бирмы». На доклад были приглашены и советские специалисты. В небольшом зале с каменными полами и рядами скамеек собралось довольно много народу. Нас представили Чжан Вэньцинзню. Обменялись несколькими фразами.

Из газет мы знали, что бирманское правительство высказывало свое недовольство картографическими публикациями китайцев, на которых часть Бирмы была показана как китайская территория. Против китайских публикаций высказывалось не только правительство, но и широкие общественные круги Бирмы. Бирма, как известно, вела нейтральную политику, поддерживала дружественные связи с СССР и другими социалистическими странами. В это время в Бирме положение было сложное: на территории страны сохранялись остатки чанкайшйстских войск, не затухала гражданская война. Но не в этом была главная причина созданного китайцами пограничного спора. Он был нужен китайской дипломатии для политического воздействия на Бирму.

Публикация в КНР карт свидетельствовала о том, что китайцы не признают силу прежних соглашений (1894, 1897, 1914 и 1941 годов), определявших китайско-бирманскую границу. Недавно я нашел у себя некоторые заметки, которые позволили мне воспроизвести основное содержание доклада.

Чжан Вэньцинзнь отметил, что Бирма очень важная для Китая страна, ведущая нейтральную политику и занимающая важные позиции в Юго-Восточной Азии. В Бирме имеются огромные революционные силы, поэтому Китаю нужно уделять больше внимания этой стране. В Бирме власть удерживают помещики и буржуазия, так же как в Индонезии и на Цейлоне. Реальное руководство страной в руках национальной буржуазии, хотя позиции ее слабы. Чжан дал краткую характеристику развития Бирмы от захвата страны английскими колонизаторами в 1885 году до освобождения от японских оккупантов в результате борьбы народных масс, выделил основные этапы послевоенного развития. Вряд ли представляют интерес характеристики, которые давал докладчик внутреннему развитию Бирмы после получения независимости в 1948 году. Лучше обратимся к трактовке внешнеполитической линии бирманского правительства.

Бирманский народ, отметил Чжан, недавно получил независимость и был настроен антиимпериалистически. Однако национальная буржуазия вследствие своей двойственности от-

носится к социалистическим странам настороженно, надеясь на помощь со стороны империалистического лагеря. В последние годы, подчеркнул докладчик, миролюбивая политика социалистического лагеря повернула У Ну¹ в сторону социалистических стран. У Ну занимает колеблющуюся позицию. Он против конфликта с Китаем.

Между бирманским народом и английским империализмом существует сильный антагонизм. Население ненавидит англичан, бывших колонизаторов, больше, чем других империалистов. У Ну хочет внутри страны править единовластно, без учета мнения народных масс, опираясь на Англию. Бирма, получившая независимость от Англии, экономически тесно с ней связана, особенно в области внешней торговли, равно как и в снабжении оружием армии. Значительная часть интеллигенции, получившая образование в английских колледжах и университетах, находится под влиянием английской культуры и буржуазной идеологии. Хотя экономическая зависимость Бирмы от Англии сокращается, экономические связи остаются тесными. В 1953 году Бирма отказалась от американской помощи, поскольку американцы выдвигали определенные политические условия.

В 1954 году Чжоу Эньлай в ходе своих поездок по 11 странам Азии посетил Бирму. В Рангуне студенты организовали антикитайскую демонстрацию. Однако, по мнению докладчика, основная масса населения относится к Китаю хорошо.

Докладчик умолчал, что главной причиной выступления бирманской учащейся молодежи послужили китайские картографические публикации, о которых говорилось выше.

Докладчик указывал, что со стороны Бирмы в первые годы после победы революции в Китае было «недопонимание». Бирма опасалась возобновления экспансии со стороны великой страны. «Численность населения Китая растет быстро, — заметил У Ну при посещении Китая в 1954 году, — и мы опасаемся за наше будущее». Немаловажным обстоятельством для Бирмы служит и тот факт, что в Бирме проживало 300 тысяч китайцев; нацменьшинства шан и дзино, по мнению докладчика, имели общее происхождение с китайцами. Большинство народности дзино проживает в Китае. Все это вынуждает Бирму поддерживать хорошие отношения с КНР, хотя она активно и не выступала против гоминьдановских войск, окопавшихся на ее территории после победы народной революции в Китае; в Рангуне вывешивали портреты Чан Кайши, гоминьдановские флаги и т. п. Серьезные изменения в отношениях Бирмы с Китаем наступили после Женевского совещания 1954 года и Бандунгской конференции 1956 года. Во время встреч в Женеве, Бандунге и Пекине Чжоу Эньлай, по словам докладчика, разъяснил У Ну политику Китая. Большое значение, по словам Чжана, имели беседы У Ну с Мао Цзэдуном в 1954 и 1956 годах.

¹ У Ну — бирманский буржуазный политический деятель. Премьер-министр Бирмы в 1948—1956, 1957, 1959—1960 годах. Посещал Советский Союз.

Прошло несколько лет...

В 1960 году У Ну посетил Токио. Его партия победила на выборах, и через несколько месяцев он вновь должен был возглавить правительство. Время до вступления в должность он решил использовать для поездки по ряду стран. В Японию У Ну приехал, чтобы добиться увеличения репарационных платежей, а также получить новые займы для приобретения оборудования и строительства промышленных предприятий.

В Токио имеется международный клуб, там собираются дипломаты, политические деятели, ведущие журналисты. Клубом установлено правило: содержание выступлений не публиковать. Нарушитель карается исключением из клуба и запрещением присутствовать на следующих заседаниях. Для выступлений в клубе приглашают приезжающих видных зарубежных политических деятелей, послов крупнейших держав и т. п. Был приглашен туда и У Ну. Посол СССР Н. Т. Федоренко и я также получили приглашение. Я не вел записи, в памяти осталось не очень многое.

У Ну появился в национальной одежде: длинная черная кофта и широкие штаны, костюм напоминал японское кимоно, на голове был светлый платок, завязанный традиционным узлом слева.

В своем выступлении У Ну охарактеризовал основные линии внешней политики страны. Он подчеркнул, что нейтральный внешнеполитический курс его страны подвергается испытаниям. У Бирмы могучие соседи, которые стараются перетянуть страну в свой лагерь. Для того чтобы Бирма продолжала придерживаться нейтральной позиции, она должна быть сильной, и прежде всего экономически. Укреплению ее внешнеполитической позиции способствовала бы помощь со стороны Японии.

На следующий день мы посетили У Ну в отеле. Он принял нас в большой комнате, устланной мягкими душистыми татами (циновками). В углу комнаты, как это принято в Японии, стоял букет, подобранный с хорошим вкусом. Подбор букета в Японии — это сложное искусство — икэбана. Девушки из зажиточных семей специально обучаются этому искусству в течение нескольких месяцев. Но и простые люди обычно обладают прекрасным вкусом. Из трех-четырёх цветков, нескольких зеленых листочков и веточек пихты или карликовой ели создается скромное, но удивительное по своему вкусу и изяществу произведение.

У Ну был в национальном костюме. Поздоровавшись, он сел на циновку около низкого лакированного столика, жестом пригласил нас последовать его примеру. У Ну, недавно побывавший в СССР, тепло отозвался о беседах с советскими руководителями. Особо отметил свою встречу и беседы с Л. И. Брежневым во время посещения Алма-Аты.

— В Москве и Алма-Ате, — сказал У Ну, — можно было обсуждать, спорить, добиваться взаимопонимания по самым

сложным проблемам, позиции по которым, казалось, были взаимоисключающими. Другая обстановка в Пекине.

Вернемся, однако, к событиям 1954 года. В декабре 1954 года У Ну во время посещения Пекина согласился, что пограничный вопрос требует дополнительного обсуждения и будет решен в соответствующее время путем обычных дипломатических переговоров. Китайцы трактовали это как согласие Бирмы на полную ревизию пограничных договоров. Уступчивость дорого обошлась У Ну. В стране, как рассказал Чжан, распространились слухи, что бирманский премьер «слишком внимательно относится к тому, что ему говорят в КНР и СССР». Оппозиция добилась его отставки.

В ноябре 1955 года произошел вооруженный конфликт на границе с Бирмой (в районе княжества Ва). Бирманцы отвели свои войска, опасаясь новых инцидентов. В бирманской ноте протеста подчеркивалось, что место столкновения находится в глубине бирманской территории, к западу от границы, установленной соглашением 1941 года.

Китайский МИД заявил, что КНР не признает «линии 1941 года», установленной во время войны. Китайское командование, по сообщениям иностранной печати, направило около тысячи солдат через «линию 1941 года», а затем предложило расположить китайские и бирманские войска на «спорной» территории на принципах «сосуществования». Это была попытка добиться признания со стороны Бирмы спорного характера принадлежности этого района. Бирма отказалась, требуя вывода китайских войск.

В октябре 1956 года в Китай прибыла делегация, которую возглавил У Ну, не занимавший в то время руководящих официальных постов. Китайцы заявили, что готовы признать «линию 1941 года» и отказаться от притязаний на так называемый Намванский выступ при условии, если в другом секторе три качинские деревни, захваченные англичанами в 1910 году, будут переданы Китаю. Китайцы также требовали сохранения статуса в княжестве Ва.

Переговоры закончились безрезультатно.

Во время встреч с Чжоу Эньлаем и Мао Цзэдуном У Ну обратил внимание на то, что китайцы поддерживают бирманскую компартию, которая ведет вооруженные действия против правительства. Мао заверил У Ну, что Китай соблюдает пять принципов мирного сосуществования, одобренных Бандунгской конференцией. Вместе с тем китайцы настаивали на том, чтобы 300 тысячам натурализованных китайцев, проживавших на территории Бирмы, предоставлялось право работать в государственном аппарате, и обещали предоставить аналогичные права бирманцам в Китае. Но главный вопрос в отношениях между Бирмой и Китаем, как подчеркнул докладчик, — пограничный. Чжан попытался исторически обосновать китайские территориальные притязания.

Феодалный Китай господствовал над странами Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Лаос и Бирма находились под китайским контролем. Тогда вопроса о границах вообще не возникало. На картах было одно, на деле — другое. После второй мировой войны возникли вопросы: кому принадлежат отдельные территории и княжества между Пакистаном и КНР, Индией и КНР, Бирмой и КНР? С Монголией вообще не решен вопрос: независимое это государство или часть Китая? Докладчик и не упомянул, что даже гоминьдановцы признавали независимость МНР. Остро стоит вопрос с Бирмой. Между Китаем и Бирмой, утверждал докладчик, некоторые районы не имеют границ, или нельзя точно указать, чья это территория. Китайское правительство не торопится с этой проблемой, сохраняет линии, бывшие при гоминьдановцах в 1941 году. Хотя вопросы о северных и южных границах Бирмы разные.

На юге четко не определена граница. Ее установили в 1941 году гоминьдановцы. Но китайский народ, утверждал докладчик, считает территорию по другую сторону границы тоже китайской. Мы считаем «линию 1941 года» несправедливой. Народно-освободительная армия, преследуя гоминьдановцев, заняла этот район. Правительство КНР считает, что вопрос о «линии 1941 года» можно решить позднее: в этом районе есть китайские войска и с их выводом можно не спешить.

Договоры с Бирмой, утверждал докладчик, для Китая неравноправные. Гоминьдановцы уступили Бирме часть провинции Юньнань, где проживают национальные меньшинства. Этого признать нельзя.

Переговоры в 1957 году, которые вели Чжоу Эньлай и У Ну в Куньмине, также кончились безрезультатно.

В 1959 году правительство Не Вина возобновило переговоры, пойдя на компромисс, дабы обеспечить мир на своих границах с КНР. Оно согласилось на обмен Намванского выступа на район расселения племен баньхун и банлао. Китай должен был, в свою очередь, признать «линию 1941 года» на остальном участке южного сектора. Текст был согласован в январе 1960 г. Пекин получил два района, не менее 50 лет бесспорно находившихся под бирманской юрисдикцией, «в обмен» на один район, также находившийся под договорно обусловленной юрисдикцией Бирмы свыше 60 лет. Соглашение с Бирмой было нужно КНР для того, чтобы получить положительную реакцию в афро-азиатских странах.

Докладчик не ограничился проблемой бирманской границы. Он походя упомянул и о проблеме индо-китайской границы.

Правительство Индии, заметил Чжан, не торопится с решением пограничных вопросов. Оно затягивает его решение. Мы и сами, признался докладчик, вопроса хорошо не знаем. И для его решения нужно время: для изучения проблемы, а затем для ведения переговоров.

И действительно, как показали беседы с рядом работников

МИДа КНР и народного общества по изучению международных отношений, в этих учреждениях шла скрупулезная разработка проблемы индо-китайской границы, собирались исторические материалы, разрабатывалась аргументация и т. п.

Спустя год я оказался в Токио. Познакомился с рядом дипломатов из азиатских и европейских стран. Среди моих знакомых были советники посольства Индии в Японии Банерджи и Хаджмеди. Это были симпатичные, доброжелательные люди, с которыми мы часто обменивались мнениями не только по японским проблемам, но и по вопросам глобального характера, в частности двусторонних взаимоотношений Индии и СССР с другими странами.

В японской прессе нет-нет да и появлялись разного рода сообщения со ссылкой на пекинские или тайбэйские источники, свидетельствовавшие о критическом отношении Пекина к проводимой Джавахарлалом Неру политике неприсоединения. Как-то в дружеской беседе со мной Хаджмеди сказал, что Китай рассматривает Индию как препятствие к установлению китайского доминирующего влияния в афро-азиатском мире. Китайская дипломатия и пропаганда направляют усилия, сказал он, на то, чтобы нейтрализовать Индию как конкурента в борьбе за влияние в развивающихся странах.

На мои возражения собеседник заметил, что Китай лишь создает впечатление, главным образом для внешнего мира, что у него нет никаких спорных проблем с Индией: обе страны признают «панча шила», между ними развивается сотрудничество и т. п.

Он обратил мое внимание на то, что в условиях недостаточной международно-правовой фиксации границы и неясности привычной традиционной линии фактическое реальное обладание той или иной территорией приобретает решающее значение. Начиная с 1954 года, подчеркнул он, Китай главные усилия направляет на то, чтобы путем ввода своих войск и гражданской администрации закреплять за собой спорные участки. Постепенно продвигая свои погранпосты в не контролируемом никем западном районе, китайцы достигли, как они считают, законной традиционной линии границы. Одновременно Китай стал обвинять Индию в том, что она якобы нарушает традиционную линию границы в центральном секторе и по «линии Макмагона»² путем выдвижения своих аванпостов. Японская газета «Асахи» сообщила в конце 1958 г. о том, что в Пекине опубликованы географические карты, на которых по-новому даны очертания индийско-китайской границы.

23 января 1959 года Чжоу Эньлай направил письмо Неру,

² Линия восточного участка границы между Тибетом и Британской Индией, зафиксированная в 1914 году в обмене письмами между английским представителем Макмагоном и представителем тибетских феодалов. Китайский представитель парафировал конвенцию, к которой была приложена карта с обозначением этой линии, но впоследствии отказался ее подписать.

в котором заявил, что граница между Китаем и Индией не установлена и не оформлена договорами и соглашениями. Китайцы предъявили претензии на территории площадью 125 тысяч квадратных километров. Индия считала, что хотя единого договора о границе и не было, но все ее участки были определены различными соглашениями либо традиционно признавались обеими сторонами.

В августе—сентябре 1959 года произошли вооруженные столкновения на китайско-индийской границе в районе Ладака. Советский Союз призвал 8 сентября 1959 года решить китайско-индийский спор путем мирных переговоров³. Чжоу Эньлай в письме к Неру от 7 ноября 1959 года предложил отвести китайские и индийские войска на 20 километров от «линии Макмагона» на восточном участке и от линии фактического контроля на западном участке. Позже в беседе Хаджмеди сказал: «Теперь ясна тактика китайцев. Достигнутую ими линию фактического контроля они считают выгодной для начала переговоров и подготовки общественного мнения к визиту премьер-министра Госсовета Чжоу Эньлая в страны Европы и Азии».

Знакомство с документами показывает, что предложение от 7 ноября 1959 года китайцы считали исходным для дальнейших переговоров, рассчитывая добиться признания Индией китайского варианта границы на западном и центральном участках в обмен на признание «линии Макмагона» на восточном участке границы.

В 1960 году я вернулся в Москву. Но я с интересом следил за развитием событий. Китай трижды пытался навязать Индии возобновление переговоров на своих условиях. Не добившись успеха дипломатическим путем, в октябре 1962 года китайцы прибегли к силе, вторгшись на территорию Восточной Индии, а затем предложили отвести войска от линии фактического контроля на 20 километров, уважать эту линию и организовать встречу премьер-министров.

Индия отклонила это предложение, потребовав восстановления положения, существовавшего на 8 октября 1962 года на восточном участке границы, а на западном — отвести китайские войска за линию, предложенную Индией 16 ноября 1959 года.

Твердость индийской стороны заставила китайцев предпринять ряд шагов по дипломатическим каналам.

Мировое общественное мнение оказалось на стороне Индии. 15 ноября 1962 года Чжоу Эньлай обратился со специальным посланием к главам афро-азиатских стран, заверяя их в твердом намерении искать решения вопроса о китайско-индийской границе мирным путем.

Правительство КНР объявило 21 ноября 1962 года об отводе своих войск на север, за «линию Макмагона». Впоследствии китайская сторона вновь заявила о своих притязаниях на эти

³ «Правда», 10.IX.1959.

территории. В 1965 году на одном из приемов в Нью-Йорке я вновь встретил Хаджмеди. В ходе разговора он отметил, что в сентябре 1965 года, когда начались вооруженные столкновения между Индией и Пакистаном, Китай потребовал от Индии снести военные сооружения на границе, как якобы находящиеся на китайской территории. Индия отвергла эти требования. Территориальный спор все еще не разрешен и часть индийской территории удерживается китайцами.

Дни нашей жизни

Руководство института, профессора и преподаватели окружили нас большим вниманием, искренне стремились скрасить наше пребывание вдали от Родины, от друзей и родных. Нас познакомили с достопримечательностями города и пригородов Пекина. Об исторических памятниках Китая написано немало книг. Кое-что удалось повидать и нам в немногие часы досуга. Ограничусь лишь короткими заметками, без которых, как кажется, картина нашей работы и жизни в Китае была бы неполной.

В один из выходных дней нас повезли в Храм Неба, построенный еще в XV веке, при династии Мин. Храм Неба — величественный ансамбль, окруженный целым кольцом садов, парков, прудов. Структура общего ансамбля Храма Неба и основных зданий отличается красотой и своеобразием стиля. Здесь искусно использованы и развиты самобытные традиции китайского зодчества.

Войдя в Западные небесные ворота (Ситяньмынь), мы прошли по дороге, окаймленной с обеих сторон лесом древних кипарисов, и подошли к подножию террасы, имеющей 360 метров в длину. Она соединяет основные строения Храма Неба: Храм жертвенных молитв (Циняньдянь) на севере и Храм небесного свода (Хуанцюньюй) и Алтарь Неба (Хуанью) на юге. Эти три строения расположены по прямой линии, идущей с севера на юг. Южная часть ансамбля окружена квадратной оградой, а северная — полуокружной. Это является символом, отражающим представление древних китайцев о вселенной: квадратная форма земли и круглый небосвод.

Храм жертвенных молитв — круглое трехъярусное здание с крышей, крытой яркой ультрамариновой глазурованной черепицей, крыша увенчана позолоченным шишаком. Цвет черепицы, как нам сказали, объясняется цветом неба. Здание стоит на пьедестале из белого камня. Пьедестал трехступенчатый. Каждая ступень окружена балюстрадой из резного мрамора. Издаля балюстрада кажется кружевной. Высокая и тяжелая трехъярусная кровля поддерживается 28 гигантскими деревянными колоннами, сделанными из стволов деревьев, привезенных с юга, из Юньнани. Потолок покрыт цветной росписью большой художественной ценности.

Храм этот очень красив. Здесь ежегодно в начале весны императоры совершали молитвы, испрашивая богатый урожай.

Южнее — Храм небесного свода. Его одноярусный купол также покрыт ультрамариновой черепицей и увенчан золотым шишаком. Купол сооружен из деревянных брусьев, ступенями сужающихся кверху. Краски, которым более двух веков, сохранили удивительную свежесть. Вокруг храма высокая Стена кружащихся звуков.

Сопровождавшие нас китайские преподаватели с гордостью продемонстрировали акустические чудеса стены. Самый тихий шепот доносится по окружности из одного края в другой — и это при диаметре двора около 80 метров. Через маленькие, почти незаметные отверстия в стене звук, даже самый слабый, улавливается и, словно через резонатор, передается по всей ее окружности. Строители использовали явление отражения звука.

Перед ступенями, ведущими в Храм небесного свода, расположены знаменитые каменные плиты — Камень трехкратного эха (Синьиньши). Встанешь на первую каменную плиту и крикнешь или хлопнешь в ладоши — услышишь однократное эхо, на вторую — двукратное, а на третью — трехкратное. Как нам объяснили, плиты находятся на различном расстоянии от отражающей звук круглой стены.

В южной части возвышается мраморный Алтарь Неба. Он имеет круглую форму и состоит из трехступенчатых ярусов. Каждый ярус обнес перилами из ряда фигурных мраморных столбиков; всего их 360, что соответствует числу градусов, на которые разделена окружность.

Поднявшись на верхнюю круглую площадку, чувствуешь себя один на один с небом. Это впечатление достигается продуманным сочетанием окружающего пейзажа с архитектурным комплексом. Здесь ежегодно в день зимнего солнцестояния императоры династий Мин и Цин во время торжественной церемонии давали «отчет» небу о своих действиях.

В другой раз нас познакомили со старинным буддийским храмом Юнхэгун. Это целый ансамбль храмов, отличающихся строгостью в окраске. В огромном главном здании храма находится 25-метровая статуя Будды. Она сделана из цельного ствола сандалового дерева, привезенного в XVIII веке с юга Китая, из провинции Юньнань. Когда смотришь на голову статуи снизу, чувствуешь себя приниженным.

Окрестности Пекина, как и сам город, полны многими замечательными памятниками древнего китайского искусства. В Храме лазоревых облаков (Биюнсьы) мы бродили по коридорам среди бесчисленных, сидящих вдоль стен фигур учеников Будды размером в рост человека. Выражения лиц у всех разные: то грозные, то веселые, то задумчивые, то хитрые, то злые; один из учеников Будды в яростном исступлении сдирает с себя, как маску, кожу лица, под которой обнаруживается лицо с иным выражением, у другого из головы выглядывает другая

голова. 500 деревянных статуй отливают всеми возможными оттенками золота.

В центре Пекина утопает в зелени и цветах парк Бэйхай, история которого начинается в X веке. Одной из достопримечательностей парка является Белая пагода, построенная в 1651 году. Пагода выглядит величественно, высота ее — 68,3 метра. Ее нижняя часть представляет собой квадратный пьедестал, на котором воздвигнута основная часть пагоды в виде усеченного конуса, обращенного меньшим своим основанием вниз, а большим — вверх. С верхней площадки поднимается что-то вроде высокой «шеи», также в виде усеченного конуса, но обращенного большим основанием вниз. В верхней части «шеи» укреплен бронзовый круг, увенчанный маленькой пятиярусной медной пагодкой высотой 5 метров. Четыре нижних яруса пагоды сделаны из красной меди и покрыты позолотой, а самый верхний — из особого сплава, никогда не теряющего блеска. Вокруг пьедестала пагоды установлено 108 железных фонарей.

В Пекине, Шанхае, Тяньцзине и других городах Китая я видел множество пагод. По некоторым данным, их свыше 3 тысяч. Из них более 100 построены 700—800 лет назад, некоторые относятся к более ранним периодам (VI—XI векам). Китайские архитекторы, как нам рассказывали, на основе опыта создания многоэтажных сооружений, беседок, павильонов освоили форму индийских сооружений, в которых хранились останки будд и другие буддийские реликвии. Но они стали строить пагоды на свой лад — из дерева, кирпича и камня, высотой до 15 ярусов. Многие пагоды являются значительными архитектурными произведениями. В XIII—XIV веках на архитектуру пагод оказал влияние ламаизм.

Сравнительно древняя и большая пагода Мяоинсы, построенная в западной части Пекина в 1271 году, была создана по проекту архитектора из Непала. Высота пагоды — 63 метра. Она явилась прообразом белой пагоды, сооруженной в парке Бэйхай.

Пагоды — это прежде всего буддийские мемориальные сооружения, но в древности пагоды приморских районов играли роль маяков, иногда наблюдательных пунктов. В пагодах статуи толстого, улыбающегося Будды, а вокруг суетятся монахи, продавая какие-то листочки с текстами просьб к Будде. Одеты они были в коричневые халаты, бедно и неряшливо.

В одном из храмов в пригороде Пекина китайцы стыдливо показали нам бога любви: он обнимал женщину 40 руками. Веками в народе насаждалась упрощенная мораль конфуцианства: будь честным, чти предков, уважай правителей. Эти прагматические постулаты заменяли религиозные догмы. В Китае буддизм, да и другие религии играли второстепенную роль.

Однажды мы были приглашены на спектакль Пекинской классической оперы. Китайская музыка нас поразила: много шума, ударов в барабан и гонги, протяжных звуков, похожих

на звуки флейты; удивили и приемы актерской игры. Китайский спектакль сложен, насыщен условными понятиями. Искусство, конечно, немислимо без условностей. Условности нашего театра нас не удивляют. Исторические герои — Борис Годунов, Кутузов, декабристы поют, Ромео и Джульетта, Кармен и Анна Каренина, умирая, танцуют. В китайской опере фактически нет пения. Масса различных трюков, напоминающих акробатические. Артисты Пекинской оперы в совершенстве владели всеми жанрами театрального искусства, включая пластику балета, а также приемами акробатического мастерства; они совершали всевозможные прыжки, сальто, кульбиты и т. п. Все женские роли исполняли мужчины. Знаменитый китайский актер Мэй Ланьфан, которому тогда было более 60 лет, исполнял роль влюбленной девушки, а его сын — служанки. Зато в Шанхае был театр, где играли только женщины. Многие на сцене были непонятным. По ходу действия переводчик старался разъяснить, что означают отдельные движения актеров: если актер трясет руками над головой, значит, он испытывает страх; флажки на спине полководца обозначают, сколькими полками он командует; красное лицо свидетельствует о порядочности персонажа, а белое матовое — о его бесчестности и коварстве. Золотая краска применялась для обозначения богов и духов и т. д. Хлыст в руках артиста означал, что он едет на лошади, весло — плывет на лодке, высокое приподнимание ног — движение по лестнице или восхождение на гору. В репертуаре Пекинской музыкальной драмы значительное место занимали спектакли о деятельности полководцев и правителей древности или средневековья. Однако в Китае сложилась традиция — в подтексте таких пьес отображать события текущей внутривосточной борьбы и современной внешней политики. Мои соседи — заместители директора и профессора смотрели представление с огромным интересом и вниманием, переживали происходящее на сцене, находили им понятный подтекст. Нужны были привычка к традициям исполнительства и богатое воображение для понимания содержания пьесы. Раз или два на представлениях Пекинской оперы я видел Чжоу Эньлая и других руководящих сотрудников правительства и министерства иностранных дел.

В Пекин часто приезжали различные театральные коллективы из СССР и других социалистических стран. Наши слушатели — преподаватели и переводчики были приглашены на балет «Лебединое озеро» в исполнении артистов Большого театра. Китайцы аплодировали. Затем я спросил одного из преподавателей о его впечатлениях, он ответил: «Да, конечно, это не плохо, но Пекинская опера куда лучше». Другие были такого же мнения. Конечно, о вкусах не спорят. В этом ответе и в других критических замечаниях по поводу русской и советской литературы и искусства в какой-то мере проявлялось то, что в течение многих веков культивировалось и насаждалось в народе: чувство превосходства китайцев над остальным миром, обусловлен-

ное не только тем, что когда-то сильная Китайская империя расширяла свои границы, облагала данью соседние народы, огнем и мечом подавляла восстания некитайских народов, но и тем, что китайское правление самое совершенное, политика — самая мудрая, искусство — лучшее в мире, философия — самая глубокая и т. д. Известно, что китайская имперская доктрина, сложившаяся в своих основах еще 2 тысячи лет назад, рассматривала Китай как центр мира (что отразилось и в названии страны «Чжунго» — «Срединное государство» и в другом, более древнем названии Китая «Тянься» — «Поднебесная», которое понималось как государство, объемлющее весь мир под небом), а китайцев — как носителей высшей цивилизации, окруженных «варварами» (так китайцы называли все народы и государства, с которыми китайская империя вступала в контакт). Китайские императоры считались полновластными господами не только китайского народа, но и всех других народов, известных китайцам. Даже в конце XIX века, когда Китай превратился в полуколониальное государство, китайские императоры и двор рассматривали иностранных послов как представителей зависимых от Китая государств, данников Китайской империи. Эту концепцию развивали большинство мыслителей далеких эпох — поэтов, философов и историков, оставивших след в сознании многих поколений китайцев вплоть до наших дней.

Отсюда проистекали пренебрежительное отношение к «варварам», этнические предрассудки, приверженность к «своим» национальным (в действительности же к феодальным) традициям. Китай заплатил дорогой ценой за изоляцию от внешнего мира, за косность и реакционность господствующего класса. Горечь поражений, следовавших одно за другим после первой «опиумной» войны в 40-х годах XIX века, испытали различные слои китайского общества. С середины XIX века начался мучительный и унижительный процесс постепенного закабаления страны, ущемления государственного суверенитета, заключения неравноправных договоров. Советские ученые-китаеведы в своих исследованиях показали, что этот процесс ускорил рост национального самосознания, но одновременно он стимулировал новый прилив националистических настроений в китайском обществе, усилил неприязнь ко всему иностранному, ненависть к иностранцам вообще. Националистические теории реформаторов и буржуазных революционеров начала XX века наряду с исторически прогрессивными чертами впитали в себя и основные традиции китайского феодального национализма с его конфуцианской проповедью национальной исключительности и превосходства, великодержавным шовинизмом, представлениями об избранности китайской нации.

Национализм с его утверждением приоритета и превосходства над другими народами неизбежно порождает вражду, разобщает народы, служит питательной почвой для милитаризма, фашизма и агрессии.

Наступило лето 1956 года. Поскольку учебные заведения закрывались, нам также предоставлялся отпуск. Мы могли или поехать домой, или остаться в Китае; предоставлялась возможность выехать к морю, в район Бэйдайхэ или Циндао. Руководство посольства поручило мне возглавить коллектив советских специалистов, отправившихся на отдых в Бэйдайхэ. Организацией питания, отдыха, охраной занимались соответствующие китайские органы. На меня возлагалась задача согласования с китайской стороной возникавших у специалистов проблем, связанных с размещением, культурно-массовыми мероприятиями и т. д. Должен сказать, что это оказалось весьма хлопотливой миссией, отрывавшей у меня много времени и сил. При выполнении этих обязанностей у меня были многочисленные интересные встречи с китайскими руководителями разных уровней.

Бэйдайхэ — курортный городок, расположенный на берегу Бохайского залива Желтого моря. Местечко чистенькое, несколько улиц, длинная набережная вдоль побережья — словом, типичный приморский курорт. Иногда налетал ветер, сверкали молнии, выхватывая пенящиеся волны, затем все стихало, пахло озоном, зеленью, солнце ласково улыбалось. Наступал жаркий душный день. Роскошные особняки, коттеджи с просторными всрандами, построенные на европейский лад, скрывались в густой зелени. До победы революции в 1949 году здесь проводили жаркое и влажное лето богатые иностранцы, компрадоры, крупные чиновники и другая состоятельная публика из Пекина, Тяньцзиня и Шанхая.

За годы народной власти здесь произошли изменения: в богатых виллах жили иностранные дипломаты, снимали комнаты журналисты, а отдельные особняки предоставлялись высшим партийным и государственным чиновникам. Часто летом там жил и Мао Цзэдун. Много дач было отведено под военные госпитали, в которых на государственном обеспечении доживали свой век заслуженные в прошлом военачальники. Для кадровых работников более низких рангов, больных рабочих, передовиков производства был построен ряд новых корпусов. Обитатели больших корпусов подчинялись строгому регламенту: по команде поднимались, на пляже появлялись строем, купались, одевались по команде, занимались изучением произведений Мао.

Небольшой дачный поселок был отведен для отдыха советским специалистам. Каждая из семей получила комнату. Питались мы в столовой.

Дачи были близко от моря, окружены садами. Я обратил внимание, что ветки деревьев снизу до самого верха были обвешаны бумажными пакетиками; оказалось, что на каждое яблоко или грушу был надет бумажный чехольчик для того, чтобы в них не завелись черви, личинки, чтобы плоды не клевали птицы и не точили насекомые. Сколько нужно было вложить труда, чтобы аккуратно, не поломав веток, надеть чехольчик на каждый плод!

Вода в море была теплая, берег песчаный, кое-где встречалась и галька. Два раза в сутки вода поднималась более чем на один метр и почти вплотную приближалась к берегу, а затем уходила, обнажая дно. В жаркий полдень после обеда все шли на дачи или в сад под деревья, чтобы спрятаться от палящего южного солнца и изнуряющей духоты. В саду целый день оглушающе стрекотали цикады. Иногда, как по команде, они замолкали. Первое время, с непривычки, невозможно было заснуть от их непрерывного концерта.

Метрах в двухстах от берега была натянута железная сетка. Китайцы предупреждали, чтобы мы не заплывали за сетку: у берегов иногда появлялись акулы. Особенно опасны они были в августе. Акулы — живородящие рыбы. И когда приходил срок рожать, а именно в августе, они подплывали к берегу и на мели терлись брюхом о песчаное дно. В это время они были особенно раздраженными и агрессивными. Один китайский матрос стал жертвой такой акулы. Она отхватила ему руку. Зажимая другой рукой рану, он выбрался на берег, но, пока приехал врач, истек кровью. Эту историю мы настойчиво повторяли всем любителям далеко плавать. Но море манило вдаль. Вода была ласковая и теплая. Во время приливов сетку было плохо видно, и некоторые заплывали дальше, чем было установлено. К счастью, обошлось без несчастных случаев.

По вечерам на открытом воздухе показывали советские фильмы, перед нами также выступали участники китайской самодеятельности. В отличие от Пекинской или Шанхайской оперы при постановке современных пьес использовались реалистические приемы, понятные всем сидящим в зале.

На сцене действовали и разговаривали современные китайцы, одежда была той, в которой мы видели их ежедневно. В пьесах показывали жизнь и борьбу китайских крестьян против японских интервентов и гоминьдановских предателей. Играли самодеятельные артисты с большим энтузиазмом и искренностью. Как советские специалисты, так и китайский обслуживающий персонал горячо аплодировали артистам.

В Китае много условностей, обычаев и правил поведения, которые далеко не совпадают с нашими представлениями. У нас, например, принято, что в гостях нельзя оставлять в тарелке угощение — этим ты обидишь хозяйку. В Китае к чашке отварного риса, которую подают в конце обеда, редко кто дотрагивается — нужно показать, что ты сыт.

Однажды ко мне подошел преподаватель и извинился, что пропустил мою лекцию: его жена была тяжело больна и два дня назад умерла; говоря это, он улыбался. Его улыбка меня поразила. Позднее я прочитал у китайского писателя Эми Сяо, что когда китайцы рассказывают о печальном событии, то улыбаются — это значит, что тот, кто слушает, не должен огорчаться. Когда у китайца спрашиваешь, как его здоровье, как его дела, то, как бы плохо он себя ни чувствовал, какие бы у него

ни были неприятности, он отвечает неизменным «хэнь хао» («очень хорошо»).

Китайцы очень сдержанны на людях в проявлении чувств к женщине. Внешний аскетизм китайцев, их стремление скрыть от посторонних свою внутреннюю жизнь, свои интимные отношения находят отражение и в искусстве: в театре, кино. В китайских кинофильмах или даже современных пьесах взаимоотношения мужчин и женщин обычно показывались в сдержанных тонах, там не встретишь ни поцелуев, ни объятий. Китайцы это считали проявлением высокой морали их общества, моральным превосходством китайской культуры над всеми культурами мира. Моему переводчику Чэнь Чжи очень нравилась секретарь директора. Об этом я узнал от его коллег. На одном из вечеров молодежи, куда мы были приглашены, я заметил Чэнь Чжи:

— Что же вы не проявляете внимания к Чэн?

Он смутился, а затем сказал:

— Мне как-то неудобно подойти и заговорить с ней. За ней ухаживает наш молодой преподаватель. Это будет с моей стороны аморально.

И это в стране, где численность женщин значительно меньше мужского населения. Я как-то спросил, чем это объясняется. Ведь по законам биологии число рождающихся женщин и мужчин приблизительно равное. Во время войны с Японией и гражданской войны много мужчин в Китае погибло. И тем не менее женщин там меньше. Одиноких женщин не встретишь. Найти жену для многих юношей — сложная проблема. Мне разъяснили: по традиции в крестьянских семьях рождение девочки считают несчастьем. Девочку надо кормить, воспитывать, а потом она все равно уйдет. Да еще нужно готовить приданое. Никакой пользы для семьи. Поэтому о девочках мало заботятся, даже кормят их плохо.

Как-то зашел разговор о советских писателях и драматургах. Преподаватели и руководители кафедр, относившиеся к нам с большим уважением; осторожно заметили, что, например, пьеса «Таня» А. Арбузова, которую они видели, им во многом непонятна, она даже в известной мере вредна для воспитания молодежи! На мои недоуменные вопросы последовал ответ: героиня пьесы бросает мужа. Это неправильно. О какой любви к другому может идти речь, если она замужем? И вообще, если считать любовь величайшим счастьем, то можно потерять интерес к делу социализма и могут появиться противоречия с коммунистической моралью...

Впоследствии мне прислали в Москву вырезку из журнала «Чжунго циннянь» («Китайская молодежь», 1963, № 19), где прямо заявлялось: «Любовь может серьезно отразиться на учебе и работе, и даже может случиться так, что из-за любви пожертвуешь принципами, забросишь работу, в политическом отношении совершишь ошибки».

Руководители Китая всеми средствами пытались внушить китайской молодежи, что любовь — явление чуть ли не постыдное, лучше вообще отбросить ее, если же отбросить не удастся, подойти к любви «трезво и осмотрительно». Насаждалась мысль о том, что любовь лишь биологическое явление, средство продолжения рода, и только. Не случайно газеты и журналы в Китае без всякого стеснения обсуждали вопросы половой жизни, усиленно рекомендуя молодому читателю различного рода «научные методы» в этой области. В аптеках, общественных местах устраивались выставки противозачаточных средств. Какой-то китайский профессор проповедовал использовать в качестве противозачаточного средства... головастики лягушек. В аптеках и медицинских учреждениях на стенах были вывешены красочные плакаты, показывающие способы применения головастиков для предупреждения беременности. Кампания началась после VIII съезда КПК, на котором была высказана мысль о необходимости сдерживать рост населения.

Китайские знакомые рассказывали, что при посещении Чжоу Эньлаем одной из фабрик директор фабрики, указав на одну из работниц, сказал: «Она у нас мать-героиня — имеет 16 детей и продолжает активно работать. Мы гордимся ею и намерены ее премировать». Чжоу Эньлай, по словам собеседников, в ответ заметил, что за рождение такого числа детей нужно не благодарить, а наказывать.

Молодежи рекомендовали не торопиться с вступлением в брак, создавать семьи в более позднем возрасте: мужчинам не ранее 30 лет, а женщинам в возрасте после 22 лет.

В Дипломатическом институте жены заведующих кафедрами и заместителей директора работали на кафедрах, в учебной части и т. д. Они жили отдельно от мужей, за городом. Встречались лишь по субботам. Поэтому большинство преподавателей и аспирантов старались освободиться от каких-либо поручений, падавших на субботные дни. Мы сначала этого не знали. Потом, когда выяснили, старались не загружать субботы какими-либо совещаниями или консультациями.

Мы ни разу не были дома ни у заместителей директора, ни у заведующих кафедрами. Семьи их жили в общежитии. Лишь представители старой интеллигенции сохраняли некоторые привилегии в этой области. Как-то нас пригласил к себе профессор Ван. Он преподавал всеобщую историю в Пекинском университете еще до революции 1949 года. Он ходил слушать наши лекции вместе с другими преподавателями. Осенью и зимой одет он был, как и все преподаватели, в синюю стеганую телогрейку, летом носил синюю рубашку поверх брюк.

Квартира Вана, находившаяся на территории университета, была обставлена изысканно. Лакированные столики, ширмы, красивая старинная мебель. В библиотеке хозяина было много книг английских и американских авторов. Куплены они были, вероятно, еще до революции. Встретила нас жена Вана. Она

была в шелковом облегающем платье с глубокими по бокам разрезами, на ногах — лакированные лодочки.

Сопровождавшие нас вместе с мужьями жены руководителей института, одетые в синие рубашки и брюки, несколько смутились. Уж очень разительно отличались они от элегантной жены профессора. Жена Вана свободно говорила по-английски. Держала себя непринужденно. Интересовалась жизнью советских людей, положением женщин в советском обществе.

В подтексте вопросов элегантной китайки чувствовались западное воспитание, прозападные мнения о жизни в Советском Союзе. Она охотно соглашалась с моими разъяснениями, но по глазам было видно, что она не очень верила моим словам.

Сам профессор никогда не вступал с нами в спор, обычно отмалчивался. Услышав нашу оживленную беседу и зная, конечно, взгляды своей жены, он вдруг подошел к нам и что-то тихо по-китайски сказал жене. Она понимающе кивнула и немедленно перевела разговор на другую тему.

Крылья добрых дел

В начале 1957 года я совершил поездку по ряду крупных городов Северо-Восточного и Южного Китая, где выступал с лекциями о международном положении перед советскими специалистами и сотрудниками советских консульств. Путь мой пролегал через Ухань в Кантон (Гуанчжоу), затем Шанхай, Мукдэн (Шэньян), Аньшань, Дальний (Далянь) и другие города.

Первым пунктом моей остановки был Ухань — город славный своим революционным прошлым. В 1927 году Ухань был последним оплотом революционного правительства Китая, оказывавшего сопротивление контрреволюционному перевороту Чан Кайши. В 1938 году, в период войны против японских оккупантов, под Уханем развернулись крупные сражения, в которых активную роль сыграли советские летчики-добровольцы. В результате их участия ранее безраздельно господствовавшая в воздухе японская авиация понесла тяжелые потери и вынуждена была перейти к осторожным действиям, опасаясь ударов советских «ястребков».

Ухань — главный город провинции Хубэй, крупный промышленный центр и порт Центрального Китая. Ухань состоит из трех слившихся между собой городов — Учана, Ханькоу и Ханьяна. Город разделен могучей и широкой Янцзы, через которую не было ни одного моста. Река отделяла к тому же Северный Китай от Южного. Связь через реку в Ухане осуществлялась на железнодорожных паромов и катерах. В старом Китае не нашлось ни сил, ни средств на строительство моста. Народные власти обратились к Советскому правительству за помощью. Из СССР были командированы специалисты, прибывшие в Ухань в 1954 году. Руководителем группы был К. С. Силин, известный советский мостостроитель. Советский инженер пошел со мной к Янцзы, чтобы показать мне развернувшееся строительство. Янцзы — самая крупная река Китая. Ее протяженность — 5800 километров. Бассейн Янцзы занимает примерно одну пятую часть территории Китая — 1,8 миллиона квадратных километров. Река начинается в провинции Цинхай. Ее истоки лежат на склонах горного хребта, откуда она пускается в свой долгий путь, принимая воды других рек, становясь все более широкой и полноводной. Свыше триллиона кубометров воды сбрасывает она в океан каждый год. Янцзы течет по

каменистому и лесистому Сикано-Тибетскому нагорью, пересекает житницу Китая — провинцию Сычуань и, пройдя провинции Хубэй и Хунань, образует дельту, земли которой славятся плодородием.

Мне не терпелось взглянуть на великую реку, благо гостица была недалеко от набережной.

Вот и река. «Словно море, разлилась Янцзы...» — писал о великой реке древний китайский поэт Чжан Жосюй (660—720).

Поколенья покидают мир,
Но течет река.
Но одна луна на синем лоне —
Вечные века ¹.

Сажусь на катер, который перевозит людей на другую сторону: мне хотелось поближе посмотреть на реку. Под нами бурное течение желтой, окрашенной в глинистый цвет воды. Река полна лёсса, которым она оплодотворяет поля, раскинувшиеся на огромных просторах ее дельты. Течение настолько бурное и сильное, что сносит вниз паромы и катера. Трудно себе представить облик Китая без Янцзы, как бы олицетворяющей сам китайский народ, его могучую силу.

Реки Китая — кормилицы страны, но вместе с тем они гроза и проклятие, причиняющие стране во время наводнений огромные убытки, уносящие порой сотни человеческих жизней. Перед силой и своеволием рек народ веками чувствовал себя беспомощным. Он поклонялся им, как живым существам, молил не выходить из берегов и не губить его селения, посева, не обречь на голод и гибель.

Великие китайские реки Янцзы, Хуанхэ (Желтая), Чжуцзян (Жемчужная), Хуайхэ и др. не только соединяют провинции Китая, но и разъединяют их. Строительство мостов через такие реки — дело сложное и трудное. Особенно на Янцзы. Как ни искусны были древние китайские мастера, воспетые в легендах, поэмах и народных сказаниях, им и во сне не снилась возможность перебросить мост через Янцзы. В народной песне даже говорилось:

Человеку Хуанхэ не покорить,
А Янцзы мостом не перекрыть ².

Мы поднялись на мост. У меня сохранилась фотография: Силин и я стоим у переплета моста через огромную бурную реку. Рядом — большое и сложное инженерное сооружение. Огромные плечи моста с левого и правого берегов и выступившие из воды опоры протянулись до середины реки. В сером туманном воздухе зимнего дня мост светится бесчисленными голубыми огоньками электросварки. С высоты моста совсем малень-

¹ Цит. по: Н. Федоренко. Земля и легенды Китая. М., 1961, с. 133—134.

² Там же, с. 164.

кими кажутся плотно сгрудившиеся внизу пароходы и джонки с грузами для строительства. Стрелы подъемных кранов движутся высоко в небе. Стройка стала огромной школой для тысяч юношей и девушек освободившегося народа. В то время, в январе 1957 года, два пролета еще не были готовы.

К. С. Силин увлеченно и горячо рассказывал, как советские инженеры предложили применить на строительстве Большого уханьского моста новый метод возведения мостовых опор — бескессонный. Западные специалисты считали этот проект неосуществимым. Они называли срок строительства как минимум четыре-пять лет.

Предложенный советскими инженерами метод позволил возвести мост в кратчайший срок — в два с небольшим года — и гораздо дешевле. Было сэкономлено 34 миллиона юаней.

Осенью 1957 года начальник управления стройки Пэн Линь писал по этому поводу: «При возведении фундаментальной части Большого уханьского моста мы сообща осуществили творческие предложения советского специалиста товарища Силина — строить фундамент глубоко под водой не кессонным способом, а методом проходки скважин с применением труб крупного диаметра... Мы с чувством величайшей признательности приносим благодарность Советскому Союзу, советским специалистам за их искреннюю помощь»³.

Был создан самый большой мост не только в Китае, но и на всем Востоке. 15 октября 1957 года по новому двухъярусному мосту было открыто движение. По верхнему ярусу пошли машины, троллейбусы и пешеходы, по нижнему — поезда.

Зимний день короток; все ниже опускаются сумерки. Включается электрическое освещение. Контуры готовой части моста обозначены ярким светом электрических лампочек: они напоминают крылья гигантской фантастической птицы, прикрывающие могучий поток желтой и бурной воды.

В Ухане в парке «Освобождение» высится памятник советским летчикам-добровольцам, которые в тяжелые для Китая годы пришли на помощь китайскому народу в его борьбе против японских захватчиков. Китайские люди помнили тех, кто отдал свою жизнь за свободу их родины. Я подошел к памятнику. На фронте обелиска начертаны имена советских героев. У подножия лежали цветы.

Историк Пэн Мин писал: «В то время как американские капиталисты снабжали Японию бензином и железным ломом, помогая тем самым японским империалистам бомбить китайский народ, советские герои в воздушных просторах над нашей родиной проливали свою драгоценную кровь за китайский народ»⁴.

Памятники советским воинам установлены на центральных площадях и улицах Мукдена (Шэньян), Харбина, Порт-Артура (Льюйшунь), Дальнего (Далянь), Аньшаня и других городов.

³ «Дружба». 1957, № 9.

⁴ Пэн Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959, с. 212.

Бывая в этих городах, я видел жителей, подходивших к могилам, обелискам и памятникам. Они возлагали венки, сажали цветы. В дни наших праздников сюда приезжали сотрудники посольства СССР в КНР для возложения венков. Позже (до 1983 года) было запрещено советским дипломатам посещать эти и другие города и возлагать венки на могилы советским воинам, отдавшим свои жизни за дело китайского народа, его свободу и независимость.

На следующий день я покидал Ухань — город трех городов. После постройки мостов через Янцзы и ее приток Ханьшуй три города объединились в единый комплекс.

Из окна вагона я видел огни города, гирлянды света у Большого уханьского моста и вспоминал старую китайскую легенду о строителях мостов. Даже легендарные герои Китая, созданные народной фантазией, не могли совершить того, что сделали простые люди — советские и китайские. Сотрудничество двух великих народов оседлало природу и ее стихийные силы.

Хвост дракона

После Уханя мой путь лежал в Кантон (Гуанчжоу). Чем ближе к Кантону, тем больше преобразается пейзаж. Минуем горы, на склонах которых, точно ступени гигантской лестницы, лежат террасы с маленькими полями. Земля на дорогах и на возделанных полях кажется медно-красной. Это и есть знаменитый плодороднейший китайский лёсс, позволяющий снимать по два-три урожая в год. Почти все зелено и в цвету, несмотря на конец января. Из окон поезда иногда удается увидеть экзотические дынные (папайя) и банановые деревья с созревающими плодами, иногда кокосовые пальмы и ананасовые огороды. Темная южная зелень и насыщенно красная земля — новое необычное сочетание для глаз. Серо-желтые области Северного и Центрального Китая остались позади. Мы приближаемся к северному тропику.

Кантон встречает теплой солнечной погодой после туманного и холодного Уханя. В кантонских садах и парках в это время года цветут южные цветы, деревья с огненными кронами, похожие на букеты маков, другие деревья с огромными толстыми стволами с вытянутыми по земле корневищами, похожими на набухшие от усилий мышцы какого-то чудовища, вцепившегося в землю. В парках — братские могилы жертв революции 1911 года и многочисленных восстаний, могилы деятелей, погибших во время белого террора после разгрома Кантонской коммуны в 1927 году. На могиле героев Кантонской коммуны — большой холм с обелиском. Невдалеке строится памятник советским дипломатам — работникам нашего консульства, зверски убитым гоминьдановцами при подавлении Кантонской коммуны в декабре 1927 года.

В парках, на улицах группы людей занимаются гимнастикой. Их движения плавны, ритмичны, напоминают наш балет. Без определенных навыков и упражнений повторить эти движения трудно.

Вечером вместе с сотрудником нашего консульства выходим побродить по улицам. Светятся маленькие ресторанчики; иногда это два или три столика за соломенной ширмой, где при свете ацетиленовой лампы ужинают грузчики или уличные торговцы.

К вечеру стало прохладно. У многих прохожих появились походные грелки: маленькие ручные жаровни, где тлеют угли.

В консульстве тоже холодно и сыро. На улице всего +2—3 градуса. В большом зале с высокими потолками тепло камина почти не чувствуется. Лицо и руки согреваются, а спи-на мерзнет. Кажется, я никогда так не мерз, как в тропиках!

На следующий день вышли на набережную реки Чжуцзян. Целый город джонок. Нам назвали цифру жителей — 300—400 тысяч. У них свой райком КПК, свой районный комитет народных представителей. В некоторых местах джонки стоят как бы на вечных якорях. С одной джонки на другую проложены мостики и перекинуты жерди с бельем. Вроде коммунальной квартиры. Женщины готовят еду, мастерят безделушки. Мужчины уходят в город или на других, движущихся джонках ловят рыбу, перевозят грузы. Из джонок постоянно выкачивают воду. Сыро и холодно. Кое-где струится дымок: небольшие железные печурки служат и для приготовления пищи, и для обогрева.

В Пекине мне настоятельно советовали попробовать знаменитую кантонскую кухню. При этом ссылались на поговорку: «Жить в Ханчжоу, есть в Кантоне, умереть в Сучжоу». В Ханчжоу самые красивые в Китае места; в Сучжоу такие мастера по дереву, что сделают прекрасный гроб; в Кантоне лучшая кухня.

Входим в здание ресторана. Вдоль стен — деревянные ящики, сквозь сетку видны крупные змеи. Я с недоумением обращаюсь к переводчице: «Туда ли мы попали?»

В это время на лестнице, ведущей вверх, появляется человек в поварском одеянии. Он запускает в ящик длинные шипцы и вытаскивает извивающуюся змею, ловко схваченную около головы. Стоящий рядом с нами посетитель одобрительно кивает головой и вслед за поваром поднимается вверх.

Переводчица объясняет: посетитель будет пить чай, есть закуску и ждать, пока из змей приготовят кушанье.

Мне что-то расхотелось идти в ресторан со столь экзотическими блюдами. Но отступать было неудобно.

Поднялись на второй этаж. Официант приносит бутылку водки. На ней изображены три змейки. Это знаменитая змеиная водка: в гаоляновую водку выдавливают желчь живой змеи.

Выбирать удача для приготовления особого блюда я не пошел. Сказал, что доверяю опыту повара.

Пока ждали знаменитое блюдо «битва тигра с драконом» (из мяса удава и дикого кота), нам рассказали некоторые подробности. Змеи в большом количестве водятся в одном районе провинции Гуандун. Местные крестьяне ловят их и привозят в кантонские рестораны. Змеиная желчь идет на изготовление змеиной водки. Я купил две бутылки, чтобы угостить таким экзотическим напитком своих друзей. Большого впечатления она не произвела.

Ужин начинается с плавников акул и других разнообразных закусок. Наконец появляется и шедевр кантонской кухни — «битва тигра с драконом». Ожидания не оправдываются. Я представлял, что удав будет в виде сочных аппетитных ломтиков. Кота я не хотел есть. Однако принесли нечто вроде горячего коричневого студня, в котором плавали разваренные мясные волокна.

Кантон большой город. В двух часах езды — граница с Гонконгом (Сянганом). Между Кантоном и Гонконгом поддерживается связь.

Немало китайцев, проживавших в Гонконге в первые годы после установления народной власти, стремились переехать и обосноваться в Китае. Появилось реальное понятие родины, независимой и могучей, и тяга к ней нередко пересиливала узкие собственные интересы. Правительство КНР активно занималось привлечением в страну интеллигенции, технических специалистов.

На вокзале в Кантоне мы увидели группу ярко одетых людей. «Это гости из Гонконга», — сказал сопровождавший меня переводчик. Сотни людей с чемоданами, в европейских костюмах сходили с поезда. У входа на вокзал стояла большая толпа китайцев, встречавших родственников, знакомых...

Спустя три года, в 1960 году, мне удалось побывать в Гонконге, когда я возвращался на Родину из Японии. В те времена не было еще прямой воздушной линии, связывающей Москву с Токио. Лететь надо было через Европу или Индию.

У борта самолета неожиданно появилась высокая гора. Гонконг — объявили по радио. Гонконг — неповторимый город. Он вздыбился по обе стороны проливчика. Центр Гонконга называется Викторией, он расположен на горе. Высокая гора сплошь усеяна зубцами светлых небоскребов, будто горб какого-то морского чудовища. На ум приходит и другое сравнение. Город похож на горный поселок, только если сакли заменить высокими 20—30-этажными громадами. Самолет делает заход на посадку. Чтобы не нарушить воздушное пространство Китая, самолет компании «Эр Франс» поворачивает к морю и летит очень низко над склоном горы, облепленным сотнями маленьких хижин. Вдоль берега скопление джонок, борт к борту, как в Кантоне, и, если бы не раскачивающиеся мачты, можно подумать, что они стоят на суше.

Летим все ниже и ниже, все отчетливее видны кажущиеся

сверху маленькими океанские суда, небольшие островки, и вдруг прямо перед нами вырастает несколько десятков небоскребов. Кажется, что кто-то украдкой оторвал кусок Нью-Йорка, посадил на эту скалу, и новоявленный саженец привился. Узкая ленточка воды — и мы уже над Азиатским материком. Самолет совсем низко спустился к морю, а затем, коснувшись песчаной косы, глубоко выдвинутой в море, побежал по направлению к острову. Приземляемся на море — звучит странно, но еще более необычно это выглядит на деле. Пассажир самолета не видит бетонной полоски под колесами, и ему кажется, будто авиалайнер садится на воду. Немного не по себе. Кое у кого это вызывает страх.

Аэропорт Гонконга Кай-так является своего рода уникальным. На небольшом скалистом островке не нашлось подходящего земельного участка для аэродрома. Поэтому намыли песчаную косу, выходящую далеко в море.

Мой сосед по самолету, шведский инженер и бизнесмен Сигурд, представитель шведской фармацевтической компании в Токио, не раз бывал в Гонконге. Он предложил вместе погулять по городу. Я охотно согласился. Английские пограничники долго и внимательно просматривали мой паспорт. Гонконг — «открытый город», но не для граждан социалистических стран. Я ждал визу для транзитной остановки на несколько часов почти два месяца.

В зале пассажирского аэропорта чиновник, стоящий под вывеской с надписью «Таможня ее королевского величества», не интересуется нами: сюда почти все ввозится беспшлинно. Японцы, итальянцы, французы, немцы приобретают товары своих стран в Гонконге по ценам значительно ниже, чем у себя дома. Здесь товары не обременены многочисленными налогами. За таможней санитарный контроль. Служащие в тщательно выглаженных шортах, шерстяных гольфах и фуражках с эмблемой британской короны действуют деловито. Напутствуемые гулом авиалайнеров, срывающихся с бетонной дамбы, на автобусе авиакомпании едем в отель. В нашем распоряжении 8 часов. Авиакомпания специально делают такую длительную остановку, чтобы пассажиры имели время осмотреть город, магазины, сделать покупки.

Душная и влажная жара окутывает нас. Прямые солнечные лучи нещадно жгут и, кажется, проникают сквозь одежду, которая немедленно становится влажной от пота. Вот мы и в городе, поразительно живучем, удивительно современном, выжившем, несмотря на мрачные прогнозы, высказываемые в Англии при его рождении.

У колыбели этого детища британской короны ему пророчили злосчастную судьбу. Английский премьер лорд Пальмерстон тоскливо говорил: «Гонконг — голая скала, на которой не вырастет ни одно строение». А королева Виктория, регулярно отмечавшая в дневнике настроения своего супруга, принца Аль-

берта, записала однажды: «Альберт от души смеялся, узнав, что мне достался остров Гонконг».

В одном серьезном английском исследовании о Китае того времени был раздел, посвященный Гонконгу. Он был озаглавлен: «Гонконг: его положение, перспективы, характер и абсолютная непригодность для Англии во всех отношениях»⁵.

Несмотря на эти прогнозы и прорицания, клочок скалистой земли, городок, возникший как торгово-перевалочная база на перепутье морских дорог, превратился в крупный промышленный и торговый центр. Город рос как на дрожжах, больной всеми пороками капиталистического Запада и колониального Востока. Рядом с роскошью и фешенебельностью центра колонии — Виктории, всего через узкий пролив, на материке, находится Коулун — район с широкими асфальтированными дорогами, бесконечным количеством крупных и мелких магазинов, лавочек, кафе, ресторанов, опиекурилен, официально запрещенных колониальными властями. Тут же и «китайский город», место жительства гангстеров, контрабандистов, фальшивомонетчиков, сосредоточение уголовного мира. На кривых, запутанных улочках Коулун тесно, шумно, круглые сутки буйствуют запахи. В открытых окнах, на прилавках, лотках лежали горы подпорченных фруктов, тут же под навесами в масле шипели пампушки, в котлах варилось цзайлами — дешевый рис, зерна которого были маленькими и безвкусными. Китайки, несмотря на удушающую жару, одетые в черные с разрезом на боку халаты, что-то мастерили, сидя на обочинах тротуаров. Рядом с ними стояли лотки с сигаретами, чаем, жевательной резинкой, бегали голые ребятишки с большими животами и кривыми ножками. С крыш зданий свешивались полотнища с крупными, написанными красной или черной краской иероглифами, пестрели американские, японские, индийские и тайваньские рекламные объявления, сновали кули, нищие, разносчики воды (эта часть города не имеет водопровода).

В мастерских с открытыми окнами сидели кустари и создавали на потребу иностранным туристам «неповторимые шедевры» старины любых эпох и династий. Торговцы-китайцы обмахивались большими мужскими веерами, тянули из чашечек чай и не спеша вели беседы с покупателями. Индийские торговцы более экспансивно зазывали покупателей, развертывая перед ними яркие шелковые ткани, платки и т. п. Все шумело и гудело.

Не все, конечно, китайцы живут в этом районе. В Виктории богатым китайцам принадлежат банки и фабрики, рестораны и пароходы. Они имеют тесные связи с английской колониальной администрацией, правителями Пекина и чанкайшистами на Тайване.

Бурному развитию города и его промышленности помимо

⁵ Л. Воляновский. В самых дальних странах Дальнего Востока. М., 1971, с. 51.

чисто объективных причин способствовали еще кропотливый труд его обитателей, прирожденная аккуратность китайцев в работе, связи китайского населения Гонконга с 20-миллионной китайской общиной, обитающей на всем протяжении от Джакарты до Сан-Франциско и от Манилы до Таити. 20 миллионов китайцев в Юго-Восточной Азии и «странах Южных морей» обладают большим экономическим влиянием, спаяны взаимной поддержкой и, не имея собственной территории и своего правительства, являются крупной экономической силой в Юго-Восточной Азии. От Бирмы до Филиппин эти люди живут и трудятся, спаянные сложными, освященными многовековыми традициями клановыми и родственными связями. Их значение намного превосходит их численность. Гонконг, насчитывающий всего 2 процента жителей некитайского происхождения, — один из крупных бастионов делового мира наряду с Сингапуром (76 процентов — китайцы), Малайзией, где китайцы составляют 34 процента населения; в Таиланде 12 процентов жителей — китайцы, в Индонезии — 3,5, на Филиппинах — всего 2 процента, но их влияние повсюду велико.

В Гонконге реальная власть принадлежит «Джокей-клубу», фирме «Жардин энд Мэтисон», «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорейшн», «Бэнк оф Чайна» и английскому губернатору. Губернаторы приходят и уходят, а монополии и банки остаются. С ними и имеют прежде всего контакты пекинские лидеры. Через «Бэнк оф Чайна» осуществляется контроль над 28 другими банками, принадлежащими КНР в странах ЮВА.

700 американских предприятий обосновалось в Гонконге, где налоги не досаждают большому капиталу.

Китайские бизнесмены постепенно вытесняют старые, засидевшиеся здесь в течение столетия английские колониальные фирмы и теперь устанавливают стрелки часов по американскому времени. Большие, оборудованные кондиционерами лимузины этих китайцев прокладывают путь через людскую толчею в маленьких улочках. Китайские джентльмены безукоризненно одеты, но их кричащие яркие галстуки говорят о моде и безвкусице, пришедшей с противоположного берега Тихого океана. Гонконг дает пекинским властям по крайней мере полмиллиарда долларов прибыли в год.

Гонконг вплоть до установления в Пекине американской миссии связи в 1973 году был главным наблюдательным пунктом США в Азии. Из Гонконга поступала в США информация о внутреннем положении КНР, основных тенденциях ее внешней политики.

В годы вьетнамской войны Гонконг широко использовался американской военщиной. Военные корабли пополнялись здесь запасами продовольствия, воды, горючего.

Все более вольготно в Гонконге себя чувствуют бизнесмены и банкиры китайской национальности. Английские правящие круги прилагают максимум усилий к тому, чтобы не раздра-

жать Пекин, понимая, что Англия не сможет защитить свою колонию, если Китай решит вернуть отнятую у него английскими империалистами территорию. Но подробнее об этом поговорим позже.

Пиджаки, плащи и всю ручную кладь мы оставили в отеле. Вооружившись фотоаппаратами, направились в Коулун. Толпа пешеходов медленно движется вдоль улиц. Кого только здесь не увидишь: китайцы в синих или черных робах, полуголые майяцы, индианки, закутанные в сари, японцы с неизменными фотоаппаратами и множество белых — американцев, англичан, немцев. Разноязычный говор, гудки многочисленных автомобилей, гортанные выкрики рикш — все сливается в один неумолчный рокот.

Прошли несколько кварталов и наткнулись на район бедняков, живущих в лодках. Их владельцы занимаются рыбной ловлей, торговлей, перевозкой людей с судов и обратно. Лодки с навесами вроде кают. Тут и готовят, и обедают, и занимаются рукоделием. Невольно вспомнилось, что этот самый квартал более ста лет назад видел наш знаменитый соотечественник писатель И. А. Гончаров, посетивший Гонконг в 1853 году во время кругосветного плавания на фрегате «Паллада».

Пройдешь несколько кварталов и попадаешь как бы в другой мир: великолепные дворцы, прохладные сквозные галереи, затененные жалюзи или ставнями окон. Тут же солидные, с колоннами старые здания банков и новомодные конторы корпораций. Туда и обратно бегают разносчики, тащат письма, пакеты, входят и выходят англичане, американцы в соломенных или полотняных шляпах, в белых куртках с короткими рукавами и шортах.

Гонконг называют черным ходом в Китай. Четыре миллиона человек, обитающих на этом маленьком клочке земли, никогда не прокормились бы сами, если бы не продовольствие, поставляемое из Китая. Даже вода — товар, покупаемый в Китае. Вовсе не является упрощенным утверждение, что Гонконг можно завоевать просто по телефону. Не нужно посылать танки на Натан-роуд, где помещается резиденция губернатора, или предъявлять ультиматум нескольким тысячам солдат, составляющим гарнизон Гонконга. Достаточно позвонить на насосную станцию и потребовать прекратить подачу воды для четырех миллионов человек, если появится такое желание у Пекина. Но даже в бурные дни «культурной революции» в Китае не выдвигали требования покончить с британским колониализмом в Гонконге. Из Пекина в 1966 году как раз поступило сообщение, что КНР обязалась поставить городу 70 миллиардов литров воды, больше, чем в предыдущие годы. Китайская пословица гласит: никто не сажает грушу, не будучи уверенным, что сможет отдохнуть в ее тени.

Осмотрев Коулун, мы направились в центр колонии — Викторию. Собственно остров Гонконг соединился в 1960 году с

Коулуном паромами японской фирмы «Яумати ферри компани». В 1978 году вошел в строй подводный туннель.

Мы вышли к проливу, отделяющему остров. Взгляд упирается, как в стену, в красно-желтую гору, местами зеленую от травы. У подошвы ее, по берегу, толпятся большие, по-английски солидные дома. Балконы этих дворцов обращены на море, затененные бананами и пальмами. Взгляд скользит выше. Видишь еще более крупные, высокие светлые дома, напоминающие американские небоскребы 40—50-х годов.

...На пароме, который перевозит пассажиров из Коулуна на остров, было немногочленно: несколько богатых китайцев в белоснежных кофтах и атласных шароварах, в туфлях на толстой подошве и с богатыми веерами, которыми они прикрывали голову, и, видимо, зажиточных китайцев в длинных национальных платьях, с роскошными прическами, на затылке волосы скреплялись большими золотыми или серебряными булавками.

Небольшая группа европейских туристов. Рядом со мной, по левому борту, стоял пожилой, бедно одетый китаец. Я заметил, что мой сосед внимательно меня разглядывает. Затем, оглянувшись и видя, что никто не обращает на него внимания, он тихо по-китайски спросил: «Сулянь?» («Советский?»). Я кивнул.

— Как же это вы определили? — спросил я.

Китаец развел руками:

— Я наблюдал за Вашим поведением. Оно очень отличается от поведения других белых, приезжающих сюда развлекаться или обогащаться. Они ведут себя высокомерно, презирают людей с другим цветом кожи. Я впервые вижу советского человека. Мне очень приятно, — продолжал он, — разговаривать с Вами. Я и мои сыновья многое слышали о Советском государстве. И плохого и хорошего. Я простой рабочий, но я и вся моя семья были бы счастливы встретиться и поговорить с Вами...

Я ответил, что, к сожалению, через несколько часов улетаю из Гонконга. В 16 часов я должен вернуться.

— Я понимаю, — сказал он. — Вы проездом. Прошу Вас... Возьмите на память от Сун Вэйцзяо. — И он протянул мне большую апельсин.

У меня в кармане нашелся небольшой сувенир. Он горячо поблагодарил меня.

...Фуникулер доставил нас на верхушку горы. Среди пальм, бананов и другой тропической растительности как высеченные из горы на склонах высились большие светлые современные здания. По змеившимся вокруг улицам проносились роскошные машины современных марок: «Мерседесы», «Бьюики», «БМВ» и др. Рекламы призывали вкладывать деньги во всемирно известные банки: «Барклай», «Чейз Манхэттен Бэнк», «Кемикл бэнк» и др.

Мой спутник, бывавший здесь раньше, затащил меня передохнуть от жары в английский клуб. Клуб — это образцовый дворец в своем роде: учредители клуба не пожалели издержек,

чтобы придать помещению клуба ту же роскошь, какая заведена в лондонских клубах. Несколько больших залов обращены окнами на залив; веранда, камин, окна обложены мрамором; везде бронза, хрусталь; отличные зеркала, изящная мебель. Как будто бы и не было войны и разграбления японцами Гонконга, захваченного в 1941 году, в начале тихоокеанской войны. Именно этот клуб описывал И. А. Гончаров во время путешествия на фрегате «Паллада» более 100 лет назад. Кажется, ничего не изменилось: существует роскошный клуб для толстосумов и аристократии.

Мы побродили по Виктории. Посмотрели на богатые отели и рестораны, мощные здания банков и корпораций, построенных в послевоенные годы не только англичанами, но и японцами и китайцами. И если во времена И. А. Гончарова в Гонконге полновластно хозяйничали английские капиталисты, то к 1960 году произошло перераспределение власти. Заметно усилились позиции американцев, исподволь действуя, набирали силы банки китайской буржуазии, связанной с Пекином.

Наше время между тем подходило к концу. На том же пароле мы возвращаемся в Коулун. Взглянув на пристань, я увидел знакомое лицо. Это был Сун. Он стоял не один. Рядом с ним были двое рослых парней. Сун приветливо закивал и вместе с молодыми китайцами подошел ко мне. Он с гордостью сказал, что это его сыновья, они работают в доке и, так же как и он, очень рады видеть советского человека...

Когда я думаю о китайцах, всегда вспоминаю этого китайского рабочего и его сыновей. Эти люди, думалось мне, не так уж много знают о нашей стране, но они усвоили главное: Советский Союз — друг китайского народа, что бы там ни говорили и ни писали.

Ворота в океан

После Кантона мой путь лежал в Шанхай. Город занимает исключительно выгодное положение по отношению к одному из главных морских торговых путей вдоль восточной окраины Азии. Он расположен в устье великой китайской реки Янцзыцзян, на ее притоке Хуанпу. Фарватер Хуанпу допускает плавание крупных морских судов. Город приобрел значение главных ворот в страну со стороны Тихого океана и важнейшего центра внешнеторговых связей Китая.

С вокзала едем в гостиницу по знаменитой центральной улице Шанхая — Наньцзин, в прошлом она называлась Наньцзинрод. Эта улица известна своим роскошными отелями, огромными респектабельными банками, магазинами и ресторанами. Еще более она знаменита тем, что на ней происходили демонстрации и сражения китайских трудящихся с империалистами в 1925, 1927 и 1932 годах.

Шанхай по внешнему облику резко отличается от других китайских городов. Лишь Тяньцзинь в известной степени напоминает Шанхай. Центральная часть Шанхая застраивалась колонизаторами. Она похожа на крупные американские города с ущельями узких, темных улиц между небоскребами. На огромных зданиях с колоннами, мраморными ступеньками у подъезда можно было прочесть на бронзовых досках надписи: «British property» или «American property», т. е. английская или американская собственность, или еще не стертые крупные буквы названий всемирно известных банков и компаний. Многие медные доски потускнели, были заклеены плакатами или «дацзыбао» («газета больших иероглифов»). Кое-где, правда, доски и буквы названий банков были свежевывищенными и сверкали на солнце.

Мне хотелось посмотреть легендарный Чжабэй. В этой рабочей части города в 1927 году произошло восстание рабочих, а в 1932 году народ долго сопротивлялся японской интервенции. Но от старого Чжабэя осталось очень мало; все было перестроено заново.

Вспомнились события недавнего прошлого.

После разгрома на континенте остатки армии Чан Кайши укрылись на Тайване и некоторых прибрежных островах. Оттуда чанкайшистская авиация в 1950 году и позже продолжала совершать налеты на приморские города Китая, и прежде всего на Шанхай, рассчитывая вызвать панику и дезорганизовать жизнь шестимиллионного города. Ей удалось вывести из строя электростанцию, радиостанцию, узлы связи и т. п. Правительство КНР обратилось за помощью к Советскому Союзу, который незамедлительно перебросил в Китай несколько авиационных полков, оснащенных реактивными самолетами «МИГ-15», которые считались в то время лучшими в мире. Советские летчики быстро отбили охоту у чанкайшистов и их американских покровителей совершать разбойничьи налеты на территорию Китая.

Впечатляет панорама города с крыши многоэтажной гостиницы. Внизу река Сучжоу, забитая джонками. Город, простирающийся во все стороны, ошетинился темными небоскребами, в серо-сиреневом тумане сливался с черной полосой неба, опоясывающей горизонт. Над городом постоянно висит пелена гари. В прорывах туч виднеется оранжево-желтое небо. Типичный урбанистический пейзаж, напоминает пейзажи, созданные В. Брюсовым и Э. Верхарном.

Гуляя по центру города, вечером, зашли в кафе столиков на десять — согреться и выпить кофе. Там сидело несколько хорошо одетых китайцев. Переводчик шепчет: «Эти из числа национальной буржуазии. Они получают ежегодно 5 процентов доходов от своих бывших предприятий, перешедших ныне в руки народного правительства».

За другими столиками сидят иностранцы, точно сошедшие с

карикатур Б. Ефимова или плакатов А. Дени. Переводчик тигонько объясняет: «Последние представители капиталистических фирм».

Это — бывшие хозяева Шанхая, знаменитого когда-то игорными и публичными домами, притонами, опиекурильнями, шикарными гостиницами и ресторанами. Здесь спасались и гибли русские эмигранты — купцы, чиновники, родовитая знать и запутавшиеся интеллигенты, потянувшиеся в Китай после разгрома Колчака, японцев и различных атаманов в Сибири и на Дальнем Востоке.

Вечером смотрим знаменитую шанхайскую набережную. До 1949 года здесь был представлен весь капиталистический мир. Высятся красивые здания, построенные капиталистами разных стран в своих национальных стилях. Они резко выделяются своим благоустройством; вокруг зелень, парки, сады. В меньшем масштабе такую же картину можно было наблюдать и в Тяньцзине. Теперь эти здания используются под административные помещения и гостиницы. Набережная простирается от моста, возведенного англичанами через реку Сучжоу, впадающую недалеко в Хуанпу, до района, где расположены товарные склады, станции, хозяйственные постройки. К югу от центра находится бывший торговый город. Здесь можно было видеть, как мне и говорили, кусочек старого Шанхая. Эта часть набережной была заполнена людьми: на толкучке продавалась всякая всячина. Стоял обычный базарный шум, время от времени прерываемый громкими выкриками: «Хай-я! Хай-я! Сяосинь!» («Эй! Эй! Поберегись!») Это пробегали носильщики с корзинами на коромысле. Тяжелый груз почти касался земли. Народ тут же расступался, и носильщик продолжал свой бег, никого не задев.

Я выступил с лекциями перед сотрудниками генерального консульства. Рассказал о международном положении, о решениях VIII съезда КПК. Съезд был важным историческим событием в жизни китайского народа и всего международного рабочего и коммунистического движения. Съезд провозгласил и наметил линию на строительство социализма в Китайской Народной Республике.

У твердынь Порт-Артура

Во время пребывания в Дальнем (Далянь) наши товарищи, зная, что я писал в свое время исследование по дипломатической истории русско-японской войны, предложили мне приехать в Порт-Артур (Люйшунь) — город, связанный с героическими страницами русской военной истории. Еще с детских лет мне была памятна популярная в свое время песня, которую напевал мне мой дед, участник русско-японской войны и революции 1905 года. Песня эта начиналась словами:

От павших твердынь Порт-Артура,
С кровавых маньчжурских полей
Калека-солдат истомленный к семье
возвращался своей...

Я помню слова этой песни и по сей день.

Посмотреть «твердыни Порт-Артура» и «кровавые маньчжурские поля» была моя заветная мечта. Нечего и говорить, с какой радостью и интересом я принял предложение.

Китайские военные власти, как мне сказали, не очень охотно дали разрешение посмотреть гавань и остатки фортов, где разыгрались драматические события 1904 года. Меня это неприятно поразило. По дороге из Дальнего в Порт-Артур вспомнил недавние события, связанные с историей этой крепости. В 1894 году японцы в ходе японо-китайской войны захватили китайскую крепость Порт-Артур. Потерпев поражение в войне, Китай согласился на передачу Японии Ляодунского полуострова с Порт-Артуром. Но в результате совместного дипломатического выступления России, Германии и Франции Япония в конце 1895 года была вынуждена вернуть полуостров вместе с Порт-Артуром Китаю. В 1897 году Германия захватила в Северном Китае бухту Цзяочжоу (Циндао) и построила там военно-морскую крепость. Царское правительство навязало Китаю соглашение о передаче ему в аренду на 25 лет Ляодунского полуострова с крепостью Порт-Артур. Однако после поражения России в войне с Японией в 1904—1905 годах полуостров и крепость Порт-Артур были оккупированы японцами. 23 августа 1945 года Советская Армия освободила Порт-Артур.

Разгром Квантунской армии в 1945 году сыграл решающую роль в деле освобождения Китая, победе народно-демократической революции.

3 августа 1955 года в Порт-Артуре был открыт памятник победы Советской Армии над милитаристской Японией. Заместитель министра обороны КНР Сяо Кэ при открытии памятника сказал, что Советская Армия «нанесла сокрушительный удар по главным силам японских захватчиков на Северо-Востоке — Квантунской армии, освободила наш Северо-Восток и тем самым сыграла решающую роль в достижении окончательной победы китайского народа в антияпонской войне»⁶.

14 февраля 1950 года одновременно с заключением договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР было заключено соглашение о Порт-Артуре, предусматривавшее совместное использование указанной базы Советским Союзом и Китайской Народной Республикой до конца 1952 года. К этому времени Советский Союз обязался вывести свои войска из Порт-Артура и передать все сооружения в этом районе Китайской Народной Республике. В конце 1952 года правительство КНР, учитывая обострение обстановки на Дальнем Востоке,

⁶ «Дружба», 6.IX.1955.

вызванное американской агрессией в Корее, обратилось к Советскому правительству с предложением продлить срок пребывания советских войск в Порт-Артуре.

Соглашение по этому вопросу было оформлено 15 сентября 1952 года. Это было время ожесточенных сражений народной армии Кореи и китайских добровольцев против американских агрессоров. Мир был на грани новой мировой войны. Как это стало известно из посмертно опубликованных материалов главнокомандующего американскими войсками на Дальнем Востоке генерала Макартура, он в феврале 1951 года предлагал сбросить 30—50 атомных бомб на военно-воздушные базы и тыловые объекты КНДР и КНР. Для предотвращения наступательных операций со стороны Корейской народной армии и китайских добровольцев он намеревался создать зараженную радиоактивным кобальтом зону от Японского до Желтого моря. Макартур настаивал также на вводе в Корею 500 тысяч солдат Чан Кайши. Американское командование на Дальнем Востоке не ограничивалось планами развязывания войны против Китая. Как свидетельствовал в своих мемуарах тогдашний президент США Г. Трумэн, Макартур был готов пойти на риск «всеобщей войны». Макартура поддерживали ряд членов правительства, сенаторов и конгрессменов. Однако трезвомыслящие военные и политические деятели США воспротивились осуществлению этих авантюристических планов.

Главной причиной, которая помешала американским империалистам напасть на Китай и вообще развязать мировую войну, был страх перед военной и политической мощью Советского Союза.

Мне вспомнились материалы происходивших в американском сенате дебатов в мае 1951 года. Министру обороны США генералу Д. Маршаллу был задан прямой вопрос: «Если бы Вы были убеждены, что Советские Вооруженные Силы не примут участия в войне в Корее, то приняли бы Вы рекомендации Макартура бомбить Маньчжурию?». С солдатской прямоотой Маршалл ответил: «Если бы не было никакой опасности вмешательства СССР, упомянутые Вами бомбардировки начались бы без всякого промедления».

Трумэн в своих мемуарах тоже признавал, что именно страх перед выступлением СССР был главным фактором, заставившим отказаться от принятия плана Макартура и его сторонников и даже сместить его с поста главнокомандующего. Советское правительство еще в конце 1950 года перебросило в северо-восточные провинции Китая несколько советских авиационных дивизий. В воздушных боях советские летчики сбили десятки американских самолетов и надежно прикрыли Северо-Восток Китая от налетов американской авиации. На случай ухудшения обстановки СССР готовился отправить в Корею пять дивизий для оказания помощи КНДР и КНР в отражении американской агрессии. Все это вынуждены были учи-

тывать американские милитаристы. Советский Союз спас Корею, Китайскую Народную Республику и весь мир от разрушительной войны, от ядерного кошмара.

Прекращение войны в Корее и восстановление мира в Индокитае в 1954 году существенным образом изменили международную обстановку на Дальнем Востоке. С помощью Советского Союза укрепила свою обороноспособность КНР. Исходя из этого и в соответствии с установившимися и все укреплявшимися отношениями дружбы и сотрудничества между двумя странами по инициативе СССР в октябре 1954 года было заключено советско-китайское соглашение о том, что советские воинские части выводятся из совместно используемой военно-морской базы Порт-Артур и сооружения в этом районе безвозмездно передаются правительству КНР. Вывод советских войск и передача сооружений китайским властям в районе военно-морской базы Порт-Артур были завершены в мае 1955 года. Советские воинские части оставили китайским вооруженным силам танки, тяжелую артиллерию, корабли и подводные лодки, реактивные самолеты и снаряжение. Советские солдаты пришли в Порт-Артур как освободители и уходили как друзья китайского народа.

В крепости оставалась небольшая группа советских военных советников. Китайские командиры в большинстве своем слабо разбирались в современной военной технике, многие были попросту малограмотны. Как мне рассказал китайский спутник, о таких руководителей говорили: «Не команду, но несу ответственность». Делами ведали молодые офицеры — выпускники военных училищ и академий; многие из них обучались в СССР.

Мы подъехали к городу со стороны горы Высокой, где во время обороны Порт-Артура в 1904 году развернулись наиболее кровопролитные сражения. В боях за эту гору в ноябре 1904 года японцы потеряли 12 тысяч убитыми.

От вокзала к бывшему штабу советских войск вела широкая асфальтированная набережная, которая огибала порт-артурскую бухту (Западный бассейн). Всмотревшись в окружающую местность, я старался отыскать знакомые по литературе места, пытался представить, где происходили сражения в период русско-японской войны 1904—1905 годов. Однако это было не просто. Время смыло многие следы прошлого. Лишь безошибочно угадывались Золотая гора и мыс Тигровый хвост, между которыми был выход на внешний рейд.

Я с интересом разглядывал город. Справа виден был Старый город, казавшийся издали беспорядочным скоплением европейских домов и китайских фанз. Левее, за внутренним рейдом, на котором стояло несколько военных кораблей, возвышался Новый, чисто европейский город с широкими, правильно распланированными улицами. Видны были громадные хребты Ляотешань и Тигровый полуостров. Прямо внизу — узкий Тигровый хвост с несколькими домиками, небольшими доками

и заводом, за доками — Золотая гора, с горы открывалась широкая панорама Порт-Артура. Золотая гора нависала над узким проходом на внешний рейд. Напротив Золотой горы была видна гора Тигровый хвост, охранявшая вход на внутренний рейд с противоположной стороны.

Миновав Золотую гору, машина быстро покатила вниз к Электрическому утесу, названному так русскими накануне русско-японской войны 1904—1905 годов. Свое название он получил за то, что на утесе, выдающемся в море, были расположены мощные прожекторные установки, освещавшие внутренний и внешний рейды крепости.

С вершины хребта Ляотешань, возвышавшегося на 400—500 метров над уровнем моря, открывалась огромная панорама. Побережье Ляодунского полуострова отсюда было видно до Дальнего на востоке и до бухты Луизы на западе, т. е. примерно на 30 километров в обе стороны. С трех сторон до самого горизонта расстилалась гладь моря, а сзади как на ладони виднелись гавань и Порт-Артур. Погода была довольно теплая. Светило непривычно яркое солнце, отражавшееся в морских волнах. С моря тянуло прохладным ветерком, шевелившим зеленые рощи акаций. Среди акаций виднелись одно- и двухэтажные коттеджи, построенные японцами за период их 40-летнего господства.

Когда смотришь на узкую горловину входа в гавань и на внутренний рейд крепости, то нельзя не удивляться, почему царское командование не дало указания флоту уйти на внутренний рейд и таким образом предотвратить внезапное нападение японцев на русские корабли, стоявшие на внешнем рейде. Известно, что выдающийся русский флотоводец и ученый вице-адмирал С. О. Макаров, находившийся в Петербурге, предупредил морского министра о грозившей флоту опасности. Но министр и наместник царя на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев игнорировали предупреждение. Они не сочли нужным даже поставить противоминные сети, которые могли бы предотвратить удары торпед, запущенных с японских миноносцев по русским броненосцам.

Ни офицеры, ни тем более матросы не знали о напряженных дипломатических переговорах в Токио и Петербурге, не догадывались, что война вот-вот может вспыхнуть. Адмирал Е. И. Алексеев и вся его компания (генералы А. М. Стессель, А. В. Фок и др.) проявили преступное отношение к задаче обороны столь важной для России на Дальнем Востоке крепости. Они не подумали ни о бдительности, ни о повышении боеготовности матросов и солдат. Воспользовавшись недостаточной подготовленностью русской армии и флота, без объявления войны в ночь на 27 января (9 февраля) 1904 года японский флот напал на русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура, выведя из строя броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада».

...Затем мы спустились с горы ближе к гавани; у входа в гавань, почти напротив нас, был виден небольшой обелиск с якорем наверху — место гибели адмирала С. О. Макарова.

Обстоятельства гибели Макарова известны. Он прибыл в крепость 24 февраля (8 марта) 1904 года и принял энергичные меры для подготовки флота к активным боевым действиям. Он посетил все корабли, беседовал с офицерами, матросами и портовыми рабочими, вселял в них бодрость духа и веру в силу русского флота. 31 марта (13 апреля) эскадра под его руководством вышла навстречу японскому флоту. Броненосец «Петропавловск», на котором находился Макаров, подорвался на японских минах и затонул. Макаров погиб вместе с большинством команды.

На память пришли полные экспрессии строки из стихотворения классика японской литературы Такубоку Исикава, написанные им спустя два месяца после гибели Макарова. Стихотворение называлось «Памяти адмирала Макарова». Поэт отмечал его бесстрашие и мужество:

Мой друг Макаров! Ты сошел в могилу,
Но в имени твоём, в моих стихах,
В бессмертной правде отыщу я силу,
Чтоб быть, как ты, в передовых боях...
Утихни, ураган! Прибой, молчи!
Друзья и недруги, отбросьте прочь мечи,
Не наносите яростных ударов!
Замрите со склоненной головой!
Пусть в тишине мой голос огневой
Вас к скорби призовет: погиб Макаров!
В морской пучине, там, где вал кипит,
Защитник Порт-Артура ныне спит⁷.

В связи с длительной кровопролитной битвой вокруг Порт-Артура, где японцы несли огромные потери, другой японский автор — поэтесса Ёсано Акико в те дни опубликовала антивоенное стихотворение «Не отдавай, любимый, жизнь свою». Поэтесса посвятила стихотворение «Брату в войсках, ведущих осаду Порт-Артура». Она подчеркивала антигуманный, античеловечный характер войны:

Нет, не родители твои вложили
Меч в руку сына, чтоб разить людей!
Не для того они тебя растили,
Чтоб дать наказ: погибни, но убей!

Поэтесса говорила об отсутствии всякой заинтересованности народа в успехе или неуспехе японских милитаристов:

...И что тебе твердыня Порт-Артура?
Пускай падет иль устоит навек.

В заключение поэтесса призывала брата: «Не отдавай, любимый, жизнь свою»⁸.

⁷ Японская поэзия. Пер. В. Н. Марковой. М., 1954, с. 237.

⁸ Там же, с. 223—224.

Когда я работал в Японии в 1958—1960 годах, я узнал, что это поэтическое отрицание войны пользовалось в Японии большой популярностью и в те годы. Революция 1905 года в России усилила и углубила антивоенные настроения японского народа. Захват Порт-Артура, успехи японских милитаристов в войне против царизма не вызвали патриотического подъема в японском народе. Война была чужда интересам простых людей, тяготы жизни которых она лишь увеличила.

После посещения Электрического утеса мы решили посмотреть остатки артиллерийских позиций, редутов, окопов, а также сохранившиеся форты и укрепления того времени. Когда мы спустились с утеса, а затем направились в город мимо штаба крепости к бывшему второму форту, меня удивила хорошо вымощенная дорога. Она была куда лучше дорог, по которым мы ехали 60 километров из города Дальнего. «Неужели сохранились дороги, наскоро построенные более полувека назад?» — подумал я и решил спросить:

— Дорогу отремонтировали китайские власти?

В ответ разъяснили:

— Это дело рук японцев. До 1943 года ежегодно тысячи японцев приезжали сюда. И не для посещения могил погибших. Сюда посылались за счет правительства юнкера и кадеты военных и военно-морских училищ, школьники выпускных классов, студенты, проходившие военную подготовку.

Им показывали остатки фортов, окопы и линии сообщений, рассказывали о мужестве и стойкости русских солдат и офицеров во время боев за Порт-Артур. А затем подсказывали внешне логический вывод: несмотря на силу русской армии, мужество и героизм русских солдат и офицеров, победителем оказалась японская армия. Кто же является поистине неустрашимой и победоносной вооруженной силой на земле? Императорская японская армия.

Наглядный пример действовал куда более эффективно, нежели тысячи патриотических речей и общих слов.

Показ Порт-Артура был составной частью глубоко продуманной системы воспитания японских солдат и офицеров, возвеличивания японского оружия, мужества солдат японской армии и самурайского духа.

После этого разъяснения меня уже не удивляли восстановленные редуты и брустверы окопов, ходы сообщений и артиллерийские позиции.

Проходя вдоль линий укреплений второго форта, я заметил небольшой шестигранный обелиск из темно-серого камня. Это было место гибели героя обороны Порт-Артура генерала Р. И. Кондратенко. Обелиск также был поставлен японцами. Японцами была восстановлена часть окопов и каземата, в котором погибли генерал и его ближайшие помощники 2 (15) декабря 1904 года в результате прямого попадания крупнокалиберного артиллерийского снаряда. Памятник на месте гибели

генерала Р. И. Кондратенко был поставлен японцами не ради почестей герою, а для целей милитаристского воспитания.

Гибель генерала, души обороны крепости, предредила участь Порт-Артура. Как только перестало биться сердце Р. И. Кондратенко, руководство обороной перешло в руки предателей и трусов, поспешивших сдать крепость японцам.

20 декабря (2 января) 1905 года возглавлявший оборону крепости генерал А. М. Стессель сдал крепость, хотя гарнизон его еще располагал силами для продолжения обороны и имел необходимые запасы боеприпасов и продовольствия. Даже царский суд признал Стесселя виновным и осудил его.

329 дней сражались защитники крепости. 112 тысяч убитыми и ранеными потеряла японская армия; русские потери составили около 27 тысяч человек.

Падение Порт-Артура было крупнейшим военным и политическим событием русско-японской войны, ускорившим поражение царизма и развитие революции в России. В период японской оккупации (1905—1945 годы) Порт-Артур служил основной базой японской армии и военно-морских сил, предназначенных для закрепления за Японией захваченных районов Китая и для осуществления новых захватов.

В центре Северо-Востока

Мукден является центром Северо-Востока Китая. В годы оккупации Северо-Востока японцами (1931—1945) он был столицей марионеточного государства, созданного оккупантами, — Маньчжоу-го. Недалеко от города — огромный парк Дунлин, служивший когда-то местом захоронения бывших завоевателей Китая, императоров маньчжурской династии Цин, правившей в Китае почти три столетия.

Маньчжурская династия Цин была свергнута в результате буржуазной революции в 1911 году. Последний император этой династии — Пу И в 1933 году был провозглашен японцами императором Маньчжоу-го. Никакой властью в действительности он не пользовался. Все за него делал японский советник генерал Ёсиока. Он не только регулировал и определял политические и важные экономические проблемы, но и решал вопросы, касавшиеся личной жизни «императора».

17 августа 1945 года наше воздушно-десантное подразделение приземлилось на мукденском аэродроме. Солдаты заметили группу китайцев и японцев, направлявшихся к другому самолету, готовому к вылету. Их задержали. Высокий молодой китаец, которого попросили предъявить документы, сказал, что он император Пу И. С ним была свита, включая его японских советников.

Около пяти лет Пу И прожил в СССР. Во время процесса над главными японскими военными преступниками в Токио он

привлекался в качестве свидетеля. В 1950 году был передан властям КНР по их просьбе. До 1959 года он содержался в лагере для почетных заключенных, вел вольготный образ жизни. Позже был амнистирован китайским правительством, стал депутатом Всекитайского народно-политического консультативного совета, начал работать в Ботаническом саду Академии наук КНР. Написал мемуары — бесцветные, как и вся его жизнь. В годы «культурной революции» подвергся гонениям и в 1967 году умер. В 1980 году его посмертно реабилитировали, заявив, что он был «честным патриотом и любил коммунистическую партию».

Мукден — крупный промышленный центр и узел железных дорог. В Мукдене находилась большая группа советских специалистов, целый городок железнодорожников ЮКВЖД. У железнодорожников был свой клуб, плавательный бассейн и т. п. В Мукдене было советское консульство. Сотрудники консульства встретили меня на вокзале.

Мукден зимой выглядел грязным и хмурым. В городе все время пахло дымом и серой. Как мне рассказали, металлургический завод был построен японцами вблизи города так, что ветер непрестанно нес на город дым и гарь завода.

На многих крупных магазинах и лавках висели еще старые вывески — «Магазин Чурин и К°». Чурин был крупный русский купец, основавший свою фирму еще в начале века. После победы революции, в 50-х годах, китайские власти стали настаивать на передаче фирмы в руки китайцев. Чурин уехал в Советский Союз, где потом успешно трудился.

Советским гражданам, осевшим на Северо-Востоке, в Пекине и других районах Китая до и после Октябрьской революции, китайские власти настойчиво рекомендовали покинуть Китай — выехать в СССР или эмигрировать в другие страны. Десятки тысяч русских в 50-х годах покинули пределы Китая.

Проблемы развития

Уже в годы моего пребывания в КНР исподволь начали проявляться взгляды, в которых преуменьшалась роль Советского Союза в разгроме Германии и Японии, снижалось значение опыта Советского Союза в строительстве социализма в КНР. Это отмечалось в секретных документах, на узких собраниях актива, в речах отдельных руководителей КПК. Указывалось не прямо, а в косвенной форме, например, на неприемлемость «шаблонного изучения иностранного опыта». Фактически речь шла об отказе применять опыт строительства социализма в СССР.

...Как-то весной 1956 года мы узнали, что в Пекинском дипломатическом институте намечено проведение партийного актива с выступлением кандидата в члены Политбюро, председателя Госплана КНР Бо Ибо. Осторожно поинтересовались, нельзя ли нам присутствовать. Исполняющий обязанности директора института Ли Энчу переговорил с докладчиком, и нам разрешили быть на собрании.

Бо Ибо держался подчеркнуто демократично, доступно. Меня представили. Бо Ибо был хорошо осведомлен о работе института, о наших лекциях (его сын учился в институте). В ходе краткой беседы мы обменялись мнениями по поводу текущих международных событий...

В своем докладе Бо Ибо обрушился с резкими нападками на решения XX съезда КПСС, на положения, касающиеся оценки деятельности И. В. Сталина, разнообразных форм революционной борьбы в капиталистических странах. Докладчик возражал против установок съезда на расширение борьбы за осуществление ленинских принципов мирного сосуществования.

Когда я рассказал товарищам из нашего посольства о слышанном, они вначале даже усомнились: правильно ли я понял слова докладчика. Но сомнений не было, переводчик не мог ошибиться настолько серьезно. Более того, Бо Ибо во время выступления прямо сослался на меня. «Здесь сидит советский советник, — сказал он, — ему будет это слушать неприятно, но я должен это сказать. Пусть знает, что думают в Китае по этим проблемам».

Летом 1956 года главных советников учебных заведений Пекина пригласил к себе министр высшего образования Ян Сюфэн. Он долго и цветисто говорил о том, какое значение в Ки-

тае придают опыту советской высшей школы и ее достижениям в подготовке научно-технических и культурных кадров. Однако, подчеркнул министр, в Китае сложилась своя традиционная система образования, и надо прежде всего ориентироваться на нее, исключив иностранные шаблоны. Было ясно, что под «иностранными шаблонами» министр имел в виду методы и формы образования, принятые в советской высшей школе. Он сообщил, что отменяется устная форма экзаменов даже по общественным наукам, где умение формулировать мысль, полемизировать и логически развивать свои соображения и доказательства имеет важное значение. Министерство решило вернуться к старой, до-революционной системе экзаменов, где в основу положены письменные ответы. Была отменена пятибалльная система оценок и восстановлена стобалльная и т. п.

Тенденция отказа от советского опыта стала сказываться в период кампании «пусть расцветают все цветы» в 1956—1957 годах уже более определенно. Все меньше стали печатать материалов, дававших китайскому читателю информацию о советском народе, сужался прокат советских фильмов, причем официальные китайские представители прямо объясняли это «новыми требованиями к контрпропаганде» в связи с «движением за упорядочение стиля работы».

В августе 1960 года руководство КПК дало указание снять с продажи все советские печатные издания, выпущенные после 1957 года, а также прекратить розничную продажу советских газет и журналов.

Линия на разрыв с «иностранным опытом» завершилась в конце концов разрывом дружеских отношений с большинством стран социалистического содружества, отказом от всего зарубежного культурного наследия.

В потоке вопросов, которые мы получали, все чаще стали появляться вопросы с определенным подтекстом, преуменьшавшие значение наших достижений в строительстве социализма, содержавшие сомнения в правильности тех или иных внешнеполитических акций нашей партии и правительства.

Мне показали учебник для средней школы «Краткая история современного Китая», выпущенный в Пекине в 1954 году.

На картах, помещенных в учебнике, были названы в качестве территорий, «захваченных империалистами», районы, возвращенные России по договорам в Айгуне (1858 год), Пекине (1860 год), Чугучаке (1861 год). Эти земли, как известно, были отторгнуты от России по Нерчинскому договору в 1689 году, заключенному Россией под угрозой цинских войск. Как территории, «отнятые у Китая империалистами», были обозначены и современные Бирма, Вьетнам, Лаос, Камбоджа (Кампучия), Непал, ряд районов Индии и других соседних государств. Создавалось впечатление, что все это отражение определенной линии.

В вопросах, переданных мне, были подняты проблемы рус-

ско-китайских границ. Спрашивали, насколько справедлива нынешняя демаркация границ, как она сложилась, можно ли считать справедливыми границы, установленные в прошлом веке, а договоры равноправными.

Пришлось проанализировать те договоры, которые определили существующую границу между СССР и КНР.

Самым первым договором, определившим русско-китайскую границу на Дальнем Востоке, является Нерчинский договор 1689 года. При каких условиях он был заключен?

В начале XVII века в Приамурье, Приморье и даже в северной части нынешнего Северо-Востока (Маньчжурии) Китая не проживали ни китайцы, ни маньчжуры. Эти районы были населены местными племенами — нивхами, даурами, эвенками, орочами и др. Население было малочисленным. Временами появлялись там вооруженные отряды маньчжуров, собиравшие дань с местного населения, сохранявшего независимость.

Русские в Приамурье стали проникать в начале и особенно в середине XVII века. Это была преимущественно крестьянская и казачья вольная колонизация. Казачество в то время представляло собой тех же крестьян, бежавших на свободные земли от крепостнического гнета. Лишь позже следом за крестьянско-казачьим населением появились в Приамурье представители царской власти. Казаки построили на Амуре и по его притокам ряд укрепленных острогов и городков. Русская колонизация захватила не только левый, но и правый берег Амура и Аргуни, т. е. нынешнюю Северную Маньчжурию. Русские землепроходцы проникли и в Приморье, в нижнее течение Амура. Они впервые в этих краях распространили земледельческие культуры.

В 40-х годах XVII века маньчжуры завоевали Китайскую империю. Китайская династия Мин была свергнута. В Китае водворилась маньчжурская династия Цин. Укрепившись в Китае, Цины приступили к расширению своих владений на юге и на севере. Начались многочисленные столкновения между русскими и маньчжуро-китайскими отрядами в Приамурье, на южном, а затем и на северном берегу реки. Долголетняя борьба шла вокруг основанного в Приамурье русского города Албазина.

В 1689 году в Нерчинске состоялись переговоры между русским послом Ф. А. Головиным и цинскими представителями. Немногочисленному отряду, сопровождавшему Головина, была противопоставлена во много раз превосходящая по численности маньжуро-китайская армия. В этих условиях Головин подписал договор, по которому Россия уступила Китаю Приамурье — территорию, уже осваивавшуюся русскими крестьянами-переселенцами. Таким образом, Нерчинский договор зафиксировал захват Приамурья Цинской империей.

Китайская историография с императорских времен и дипломатия КНР квалифицируют Нерчинский договор, передавший китайской монархии огромные, никогда ей ранее не принадле-

жавшие земли, как единственный равноправный договор с Россией. На самом деле этот договор, подписанный представителем русского правительства под угрозой со стороны превосходящих маньчжуро-китайских войск, был вовсе не равноправным, а навязанным силой актом, причем в роли захватчика и насильника выступала Цинская империя. Захваченные территории по-прежнему остались не освоенными Китаем в хозяйственном отношении и весьма слабо заселенными. Китайцев к моменту возвращения территории России в 1858 году, т. е. спустя 170 лет, на левом берегу Амура было всего несколько тысяч. Следует иметь в виду, что во время нерчинских переговоров Головин добился от китайской стороны устного, но официального обязательства не возводить на вновь приобретенных Китаем землях строений и укреплений. Китайское правительство тем самым само отказалось от освоения вновь захваченных земель и согласилось с тем, что его суверенитет над ними будет ограниченным, неполным.

Договорами, на которых основывается современная граница с Китаем, являются Айгунский договор 1858 года и Пекинский договор 1860 года. По Айгунскому договору Россия приобрела левобережное Приамурье. Правый берег остался за Цинской империей. Иначе говоря, Россия только вернула себе часть того, что было захвачено Цинами по Нерчинскому договору.

По Пекинскому договору 1860 года к России отошло Приморье — область между нижним течением Амура по его правому берегу, рекой Уссури, озером Ханка и Тихим океаном. По Нерчинскому договору было признано, что приморские районы остаются не разграниченными впредь до будущего разграничения. По Айгунскому договору статус их был определен как временное совместное владение России и Китая — впредь до разграничения. По Пекинскому договору такое разграничение областей, со времен Нерчинского договора остававшихся не разграниченными, но признанными подлежащими разграничению в последующем, и было произведено.

С XVII до середины XIX века Цинская империя вела политику завоеваний и захватов на Дальнем Востоке. Многие народы перед угрозой китайского завоевания предпочитали присоединяться к России. Особенно это относится к Средней Азии.

Китайская историография утверждает, что Китай будто бы располагает какими-то историческими правами на часть советской Средней Азии и Казахстана. Они ссылаются при этом на то, что когда-то владения Цинской монархии простирались до районов озер Зайсан, Балхаш и Иссык-Куль, распространялись на Коканд и даже дальше.

Надо было показать китайским слушателям, как в действительности обстояло дело. В указанный период цинские власти эпизодически производили сбор дани в этих районах. Это были грабительские налеты цинских войск на чужие земли. Такие грабительские, многовековой давности агрессивные действия

цинской военщины никаких прав Китая на территории народов Средней Азии создать не могли.

Более того, те территории КНР, которые ныне граничат с советской Средней Азией и Казахстаном, были включены в состав Цинской империи в результате ее агрессии и произведенных ею грабительских актов. Так, в середине XVIII века была захвачена Джунгария, причем ликвидация Джунгарского ханства сопровождалась страшными зверствами: было уничтожено свыше миллиона человек — большая часть населения Джунгарии. В этих условиях киргизский народ и часть казахских жузов добровольно присоединились к России.

Западные районы Китая — нынешний Синьцзян — перешли к Цинской империи в результате захвата и агрессии. Во второй половине XIX века эти районы были ареной многочисленных восстаний местных народов, протестовавших против маньчжурского владычества и связанных с ним притеснений и грабежей. Широкую известность приобрело одно из таких восстаний в Кашгарии под предводительством Якуб-бека. Цинское правительство подавило его не без содействия русского царизма. В 1881 году между русским и цинским правительствами был заключен Петербургский договор, на котором и основывается современная граница на участке от стыка границ СССР, МНР и КНР и до Памира.

Советское правительство отказалось от всех несправедливых и неравноправных договоров царского и Временного правительств. В. И. Ленин в заключительном слове по докладу о мире 8 ноября 1917 года на II Всероссийском съезде Советов в отношении старых договоров говорил, что в этих договорах «есть разные пункты... ведь грабительские правительства не только соглашались о грабежах, но среди таких соглашений они помещали и экономические соглашения и разные другие пункты о добрососедских отношениях... Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать»¹. В. И. Ленин был, таким образом, против огульной отмены всех постановлений договоров царского правительства.

В обращении СНК к китайскому народу, опубликованном 25 июля 1919 года, говорилось об отказе Советского правительства от захватов чужих земель и при этом перечислялись те русско-китайские договоры, которые оно предлагало аннулировать²: договор 1896 г., протокол 1901 года и все касающиеся Китая соглашения с Японией за период 1907—1916 годов. Эти договоры в основном касались позиций и привилегий царского

¹ В. И. Ленин. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. 3. Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября). — Полное собрание сочинений. Т. 35, с. 20.

² См.: Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1958, с. 221—223.

правительства в Маньчжурии, северная часть которой составляла сферу влияния России. Кроме того, речь шла о так называемой боксерской контрибуции. В этом заявлении содержался вместе с тем отказ от всех прав экстерриториальности, вытекавших из режима капитуляций. Но ни один из пограничных договоров в обращении назван не был.

Мао Цзэдун 16 декабря 1949 года в Москве говорил: «После Октябрьской социалистической революции Советское правительство... первым аннулировало неравноправные договоры в отношении Китая, существовавшие во время царской власти»³.

Позднее, в 1964 году, правительство КНР поставило под сомнение принадлежность Советскому Союзу территории более чем в полтора миллиона квадратных километров. Оно назвало действующие пограничные договоры неравноправными и настаивало на признании так называемых «спорных районов» на территории СССР вдоль советско-китайской границы. Естественно, что эти претензии отвергаются советской стороной.

* * *

Однажды мне рассказали, что заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПК выступил перед пропагандистами с докладом, в котором заявил, что темпы строительства социализма в СССР не устраивают Китай. Вывод докладчика был таким: Китай не будет следовать образцам Советского Союза. Он построит социализм, индустриализирует страну посредством рывка вперед. Он сказал, что в Китае имеются все возможности выполнить основные положения плана развития сельского хозяйства КНР на 1956—1967 годы не за 12, а за 5—8 лет. Действовать постепенно нельзя. Председатель Мао теоретически доказал, что планомерное развитие не является закономерностью социализма. Равномерное развитие, равновесие — это временное явление. Неравновесие — постоянное состояние. Благодаря постоянному неравновесию происходит движение вперед. Позднее, выступая на Верховном государственном совещании 28 января 1958 года, Мао призывал к проведению технической революции... Наша нация подобна атому, говорил он. Нужно разбить ядро нашей нации и высвободить энергию... За 15 лет мы перегоним Англию⁴.

Была поставлена задача в течение трех лет изменить облик страны путем «капитального строительства» на полях, что выражалось главным образом в ирригационном строительстве силами крестьян. Без хозяйственно-технической базы, без достаточного числа подготовленных специалистов, опираясь только на огромное количество рабочих рук и энтузиазм народа, лидеры КНР сочли возможным невиданно форсировать темпы строительства. Одна только «сила воли» должна была служить

³ «Правда», 17.XII.1949.

⁴ См.: М. Яковлев. 17 лет в Китае. М., 1981, с. 164.

рычагом, с помощью которого предполагалось в кратчайшие сроки повысить уровень производства в огромных масштабах и перейти к «коммунистическому способу производства». Авантюристические установки Мао строились на волюнтаристских умозаключениях.

Первоначально план социалистических преобразований в стране был рассчитан на довольно длительный период — более чем на три пятилетки. Однако уже в 1955 году заговорили о необходимости «досрочно завершить преобразования».

Многие аспекты генерального плана начали выполняться ускоренными темпами, не соответствовавшими изменениям производительных сил. Форсированными темпами в 1956 году в основном было завершено кооперирование индивидуального кустарного производства.

Были созданы тысячи примитивных домен и сталеплавильных установок. Каждое учреждение, вузы, министерства, коммуны занимались выплавкой металла. Председатель Госплана КНР, кандидат в члены Политбюро ЦК КПК Бо Ибо заявил: «Массовое движение за развитие металлургической промышленности силами всего народа окончательно разгромило мистические взгляды в области промышленности. Без инженеров и специалистов можно выплавлять высококачественные стали и чугуны»⁵.

Как-то в 1958 году я получил письмо от сотрудников Дипломатического института. Рассказывая о своей жизни, они писали: «Мы продолжаем усиленно изучать международные отношения и одновременно заниматься выплавкой стали». Известно, чем кончилась эта затея. Впустую были израсходованы миллионы тонн руды, угля, топлива, дезорганизовано производство. Более 15 миллионов тонн стали и чугуна, выплавленных примитивным путем, никуда не годились.

Примитивные домы пришлось закрыть. Чугунные болванки были выброшены ржаветь на пустыри, небольшая часть была направлена на переплавку. «Большой скачок» нанес огромный урон сельскому хозяйству. Массы крестьянства были оторваны от производства на бессмысленные упражнения по сталеварию. Это сказалось на урожае.

**«Пусть расцветают все цветы,
пусть соперничают все ученые»**

В конце 1956 и весной 1957 года мы были очевидцами кампании, проходившей под лозунгом «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые». Личные наблюдения, беседы с китайскими интеллигентами и знакомство с имеющейся литературой дают основания отметить некоторые специфиче-

⁵ Цит. по: Судьба культуры в КНР (1949—1974). М., 1978, с. 98.

ские черты этого политического курса. Эта кампания, как и многие другие, являлась одним из составных элементов «особой» линии в области культуры. Призывы к «скачкообразному» пробуждению активности интеллигенции должны были, по мысли их инициаторов, способствовать не только подъему науки и культуры, но и выявлению противников существующего режима и последующему их разгрому.

Курс «пусть расцветают цветы, пусть соперничают все ученые» был рассчитан также на то, чтобы показать всему миру «демократичность», пример «нового подхода» к культуре, превзойти в этом отношении Советский Союз. Заведующий отделом пропаганды ЦК КПК Лу Динъи на совещании ведущих деятелей науки и культуры в мае 1956 года заявил, что «необходимо не только укреплять народную власть, развивать экономику, просвещение и усиливать государственную оборону, но и обеспечить бурное развитие литературы, искусства и научной работы... Все, если только они не являются контрреволюционерами, пользуются свободой вне зависимости от того, пропагандируют ли они материализм или пропагандируют идеализм».

В Китае все еще продолжала существовать обладающая политическими правами буржуазия; относительная немногочисленность пролетариата и преобладание в составе населения крестьян и мелкой буржуазии создавали весьма благоприятную почву для возникновения и процветания буржуазно-идеалистических концепций.

Вначале этот курс касался лишь литературно-художественной деятельности, просвещения, науки, что привело к некоторому оживлению в сфере литературно-художественного творчества, подготовленного всем ходом развития зарождавшейся в стране социалистической культуры. Увеличился выпуск литературы, вернулись к творчеству старые художники, писавшие в национальном стиле «гохуа», расширился театральный репертуар, зазвучала современная музыка, воскресли запретные ранее темы человеческих взаимоотношений, любви и т. п. Стали предприниматься шаги по улучшению жизненных условий работников просвещения, науки, культуры. Начало сокращаться количество безработных интеллигентов. Наряду с этим немедленно стала давать себя знать путаница, вызванная в умах призывами к «расцвету всех цветов» в области идеологии, к «соперничеству» в сфере философии и других общественных наук.

Курс на «расцвет всех цветов», первоначально заявленный как политика, направленная на «расцвет литературы и искусства», стал распространяться на все сферы идеологии и политики. Толчком к этому послужила новая кампания «за упорядочение стиля работы», объявленная в феврале 1957 года. Сфера действия этой кампании должна была охватить не только членов партии, как это было в аналогичной кампании 1942 года, но и все слои населения, включая буржуазию. Основная задача пропаганды, казалось, сводилась к одному: заста-

вить представителей всех слоев населения, не только работников культуры, как можно активнее включиться в критику, причем критиковать главным образом партию и по политическим вопросам.

На Всекитайском совещании КПК по пропагандистской работе Мао Цзэдун заявил, что ЦК партии считает: «Нельзя „свертывать“, можно только „развертывать“... „развертывать“ — значит дать людям возможность свободно высказываться... не пугаться ошибочных суждений, не пугаться ничего ядовитого... не надо бояться „развертывания“, не надо бояться критики, не надо бояться „ядовитых трав“»⁶.

Газета «Дружба», издававшаяся на русском языке и предназначенная главным образом для советских специалистов, не печатала материалов, которые публиковались в китайской прессе. Китайские коллеги в разговорах обходили эти вопросы. Но кое-какие материалы доходили до нас.

В кампанию вовлекалось и студенчество. Организаторы кампании указывали, что участие в курсе «пусть расцветают все цветы» должно выработать у студентов умение различать ошибочные и правильные теории. С этой целью разрешалось даже читать философские идеалистические курсы при наличии соответствующих преподавателей и при условии предоставления полного текста лекций.

В учебных заведениях: Дипломатическом институте, Пекинском университете, Политехническом институте и др. — были прекращены занятия. Не работали учреждения. Студенты и профессора, служащие и актеры, ученые и рабочие митинговали.

Не только разрешались, но и поощрялись выступления с критикой любых руководящих государственных и партийных работников (за исключением Мао Цзэдуна), министерств, ведомств, политического и общественного строя, идеологии и культуры. На стенах института красовались «дацзыбао» и листовки, в которых критиковались партийные и государственные деятели, политическая система и т. д. Кое-где попадались антисоветские лозунги. Как-то в Дипломатический институт приехал министр высшего образования Ян Сюфэн. Когда он вышел из здания и направился к автомашине, он ее не узнал. Все стекла, дверцы и крыша были заклеены листовками. Министра называли контрреволюционером, бюрократом, бездельником; критиковались система экзаменов, учебные программы.

В один из дней мы побывали в Пекинском университете. В центре большого двора на зеленой лужайке была поставлена трибуна с микрофоном. Каждый студент, профессор или преподаватель мог выступить с любой речью, выдвинуть любую теорию, критиковать кого угодно (кроме председателя Мао).

⁶ Мао Цзэдун. О правильном разрешении противоречий внутри народа. Речь на Всекитайском совещании КПК по вопросам пропагандистской работы. Пекин, 1958, с. 272—273, 276.

Как мне рассказывали китайцы, речи недоучившихся юнцов в университете были полны курьезов. Так, один из ораторов заявил, что он, изучив всю мировую историю, пришел к выводу, что действительно выдающихся теоретиков в мире существует лишь три: Конфуций, Маркс и... он сам.

Были и куда более серьезные «курьезы». Несколько профессоров выступили с откровенно буржуазных и ревизионистских позиций, утверждая, что марксизм-ленинизм неприменим к Китаю, что Маркс «устарел», что нужна новая, «очищенная» и «обновленная» теория. Подвергали критике основы социализма, роль рабочего класса в социалистическом строительстве, классовую борьбу, подчеркивали необходимость особого пути для Китая. Выдвигались территориальные притязания к СССР.

Газета «Наньфан жибао» 14 июня 1956 года опубликовала статью «Правильно относиться к исследовательской работе в области естественных наук». Статья выходила далеко за пределы естественных наук. Ее автор пытался поставить под сомнение правильность использования опыта Советского Союза, ценность советских научных книг и учебников. Развитие способностей к самостоятельному мышлению у студентов автор сводил, по существу, к умению сугубо критически относиться ко всему советскому. В одном из весенних номеров за 1957 год газета «Гуанминь жибао» поместила заметки, содержавшие откровенные антисоветские выпады, появлялись материалы, содержавшие утверждения, будто Советское государство продолжает агрессивную политику царской России против Китая. Выступление подобного рода не получали соответствующей политической оценки или отпора.

В мае — начале июня 1957 года в некоторых газетах появились требования о введении в Китае двухпартийной системы по англо-американскому образцу, о создании крупной буржуазной партии, которая попеременно с КПК могла бы приходить к власти и формировать правительство.

Руководство партийных организаций поощряло и даже провоцировало выступления беспартийных или «подозрительных» элементов. Как-то в конце мая я встретился с заместителем директора Дипломатического института (он же секретарь парткома) Ли Эньчу. Он выглядел озабоченным.

На мой вопрос, что случилось, он ответил: «Сегодня было совещание в горкоме партии. Там не очень удовлетворены ходом кампании в нашем институте. Не выступили еще человек десять, которые, как мы считаем, занимают правоуклонистские позиции, но отмалчиваются».

Большинство сотрудников и преподавателей института каждый день участвовали в многочасовых собраниях, кончавшихся далеко за полночь. Были отменены лекции и обычные еженедельные совещания дирекции, где обсуждались проблемы организации работы института, программы курсов и т. п. Все писали длинные автобиографии о своей жизни и деятельности.

Позднее мне рассказывали, что профессор Ван крепился дольше всех. Как ни старались вызвать его на дискуссию, он предпочитал отмалчиваться. В конце концов, когда кампания втянула в дискуссию большинство интеллигенции, учащейся молодежи, молчать стало невозможно. И профессор Ван не выдержал. В его выступлении, носившем откровенно прозападный характер, подверглись критике народно-демократическая революция, роль партии, внутренняя и внешняя политика правительства КНР. Профессор призывал лидеров Пекина сменить внешнеполитическую ориентацию, взять курс на сближение с США и другими западными державами.

В то время это было еще слишком рано. Лидеры КНР говорили о «великой и нерушимой дружбе с СССР», о «братстве с советским народом» и т. п. Вскоре китайское правительство без консультации с СССР и другими социалистическими странами пошло на обострение обстановки в Тайваньском проливе. Китайцы хотели или делали вид, что хотели, освободить острова Цзиньмэнь и Мацзу, которые находились под контролем Тайваня. Американцы направили в пролив корабли 7-го флота. Назревал серьезный военный конфликт. Газеты писали о планах КНР освободить Тайвань. Американцы, ссылаясь на свой договор 1954 года о совместной обороне с чанкайшистами, грозили военным вмешательством.

Советский Союз в сентябре 1958 года твердо предупредил американцев: он выполнит свои обязательства по договору о дружбе и взаимопомощи с Китаем. Это охладило воинственность американцев, заставило их отказаться от эскалации конфликта. Понятно, что в таких условиях откровенно проамериканские заявления были сочтены неуместными.

Позднее профессор Ван и ряд других преподавателей были квалифицированы как «правые» и высланы из Пекина на перевоспитание в одну из сельских коммун.

Широкий размах антисоциалистических выступлений вызвал у нас, советских специалистов, беспокойство. У всех в памяти свежи были недавние события в Венгрии, где подобного рода антисоциалистические выступления, поддержанные внешними империалистическими силами, привели к контрреволюционному мятежу, поставившему под угрозу социалистические завоевания венгерского народа.

В мае 1957 года состоялась встреча группы советских специалистов с Чжоу Эньлаем. До этого мне не раз приходилось встречаться с китайским премьером. В то время ему было под шестьдесят: молодежавое худое лицо, быстрая и энергичная походка. Сын помещика, обучавшийся в Европе, Чжоу хорошо владел французским и английским языками.

Первое знакомство состоялось на одном из приемов. Чжоу Эньлай и его свита обходили все столики, здоровались с гостями. Чжан Вэньтянь представил меня. Премьер по-английски спросил, каковы мои впечатления о работе Дипломатического

института, о возможных сроках подготовки молодых дипломатов и преподавательских кадров в области международных отношений.

В ответ я сказал, что мои слушатели — народ трудолюбивый, старательный, однако им не хватает общей культуры, знакомства со всеобщей историей и литературой. Отметил, что нет подходящих учебников и т. п.

— Вот вы и напишите нам такой учебник, — сказал Чжоу.

— Постараюсь сделать, — ответил я.

Я выполнил свое обещание. В Китае была опубликована издательством «Жэньминь жибао» в 1958 году моя книга «Новейшая история международных отношений (1918—1945 годы)». Эта книга потом служила учебником в ДРВ и других соседних с Китаем странах. Для партийного, государственного и военного актива были изданы мои лекции по истории международных отношений 1918—1956 годов. Они были отпечатаны крупными иероглифами. Многие руководители, как мне рассказывали, не имея элементарной подготовки, плохо разбирали иероглифы. Для них эти тексты набирались крупным и ясным шрифтом.

Через несколько дней заместитель министра иностранных дел дал большой обед в честь советников Пекинского дипломатического института. Мне сказали, что это было сделано по указанию Чжоу. За столом наши хозяева откровенно высказывали мысли и идеи относительно международной обстановки.

Впоследствии я не раз встречал Чжоу Эньлая на различного рода банкетах и приемах. Премьер охотно танцевал, шутил. Часто его можно было видеть на представлениях китайской оперы, на концертах иностранных артистов. Чжоу всегда интересовался, как идут дела в Дипломатическом институте.

...Встреча советских специалистов с Чжоу Эньлаем началась с того, что все сфотографировались вместе с ним. Затем он выступил с большой речью. Премьер высоко отозвался о работе советских специалистов, подчеркнув, что без помощи советских людей Китай не смог бы развиваться такими темпами и быстро осваивать передовой опыт мировой науки, техники и культуры. «Без советской помощи, — сказал Чжоу Эньлай, — нам бы понадобилось в два-три раза больше времени, чтобы достичь того уровня, который мы имеем сейчас».

Мы высказали свое беспокойство по поводу проходившей кампании «пусть расцветают все цветы». Чжоу заявил: «У нас невозможно то, что произошло в Венгрии. После войны там сохранились контрреволюционные кадры и их социальная опора: помещики, буржуазия, кулаки. Мы в 1949 году покончили с помещиками и капиталистами, мы расстреляли 900 тысяч эксплуататоров. У нас, в Китае, выступления контрреволюционеров исключены».

Чжоу Эньлай сказал о замысле проведения этой кампании. «Мы будем знать, — сказал он, — кто что думает. Это полезно».

Создавшейся обстановкой воспользовались правые деятели

демократических партий, входившие в правительство. Они надеялись, что их выступления поддержит неуравновешенное, мелкобуржуазное в своем большинстве студенчество, они полагали также привлечь на свою сторону и какую-то часть недовольной политикой правительства интеллигенции.

Подъем выступлений правых падает на май — начало июня 1957 года. Страницы печати были широко использованы для критических выступлений. Газеты, особенно «Вэньхуэй бао» и «Гуанминь жибао», помещали статьи с нападками на парткомы вузов, требовали отказа от партийного руководства учебными заведениями. Были инспирированы беспорядки в Пекинском университете. В студенческих «дацзыбао» подвергались критике внутренняя и внешняя политика КПК, социалистическая культура и марксизм. Начались волнения в Тяньцзине, Нанкине, Шанхае, волнения крестьян.

2 июня 1957 года «Гуанминь жибао» поместила материал, критикующий самого Мао Цзэдуна. 8 июня «Жэньминь жибао» вышла со статьей, призывавшей к борьбе с правыми. 19 июня было опубликовано выступление Мао Цзэдуна на февральском совещании КПК «О правильном разрешении противоречий внутри народа» с дополнениями, определявшими, какие «цветы» имеют возможность «расцвести», а какие должны считаться «ядовитыми травами» и не имеют права «цвести».

Началось яростное «выпалывание» «ядовитых трав». Основным объектом новой кампании стали не подлинно буржуазные правые элементы, а партийные и беспартийные работники науки и культуры. Всего было выявлено около 300 тысяч «правых». «Правые» были обнаружены во всех сферах жизни общества. Спустя некоторое время, как мне сообщили, «правые» были, в зависимости от их «опасности», рассортированы на группы. Одни, «наиболее злостные», были репрессированы (посажены в тюрьмы, высланы), другие — посланы на перевоспитание в деревни, в «народные коммуны», третьи — сняты с работы, понижены в должности и т. д.

Последний раз я видел Чжоу Эньлая в 1964 году в Москве на приеме в честь годовщины Октября в Кремлевском Дворце съездов. Чжоу был крайне мрачен.

Привезенные им условия восстановления партийных связей между КПК и КПСС были отвергнуты ЦК КПСС. Китайцы выдвигали ультимативные требования, пытались вмешаться в наши внутрипартийные и государственные дела.

Рядом с китайским лидером оказался американский посол. Он предложил тост за развитие мирных отношений между всеми странами и народами. Стоявшие рядом советские государственные деятели подняли бокалы. Чжоу Эньлай демонстративно отвернулся и поставил свой бокал на стоящий рядом столик.

... Прошли годы.

Правительство Рейгана, пришедшее к власти в 1981 году,

объявило о решении исключить Китай из списка «недружественных коммунистических стран» и причислить его к категории «дружественных развивающихся государств». Этот шаг не только позволил Китаю приобретать в США военную технику и технологию, которая в силу специальных ограничений запрещена к вывозу в «недружественные страны», но и открыл ему доступ к льготным кредитам. В Китае рассчитывают, что это поможет осуществить программу «четырёх модернизаций» за счет получения передовой американской технологии и преодолеть трудности, связанные с нехваткой иностранной валюты. Вашингтонские руководители выразили готовность предоставить Пекину средства ведения современной войны, вплоть до наступательного оружия. Американские политики полагают, что, давая оружие Китайской Народной Республике, они получают возможность влиять на политику Пекина, использовать его в целях своей глобальной стратегии, направленной на достижение военного превосходства над странами социализма и господства над миром.

Перед важным решением

В свете решений VIII съезда КПК пленум ЦК КПК (декабрь 1956 года) обсудил вопрос о состоянии высшего образования в стране.

В материалах пленума было отмечено, что качество подготовки специалистов улучшилось. В 1955 году в вузы было принято 97 тысяч, а в 1956 году — 183 тысячи человек. На 11 тысяч увеличилось число преподавателей. Однако обнаружилась нехватка общежитий и аудиторий для занятий, острая нехватка квалифицированных преподавателей. Было решено сократить число вузов и набор студентов, ввести конкурсные экзамены, пересмотреть учебную нагрузку преподавателей с целью высвобождения времени для научной работы. Предусматривалось принять в 1957 году 123 тысячи человек при выпуске школами 191 тысячи человек. Прочувшись один год, студенты должны были пойти на производство на один год, а затем продолжать учебу. Рекомендовалось сократить нагрузку слушателей, пересмотреть программы, учебные планы.

Руководство вузами было передано провинциальным правительствам и парткомам. За министерством высшего образования сохранялся общий надзор: планирование контингента, методическое руководство, финансирование, строительство и т. п. Общая установка — пересмотреть прежнее положение. Образование должно быть марксистским, но с учетом китайской действительности и советского опыта.

Руководство МИДа и ЦК КПК проявляло интерес к деятельности института. По результатам работы за первый год существования института были внесены изменения в учебный

план. Вначале, как уже указывалось, руководство института, не сообразуясь с уровнем подготовки преподавателей, наметило 17 спецкурсов, которые охватывали историю и внешнюю политику не только крупных держав мира, но и ряда районов, имевших региональное значение: некоторых стран Африки, Юго-Восточной Азии и др.

Мы высказали сомнения в реальности подобных планов, исходя из нашего знакомства с преподавателями, а также и с некоторыми студентами. Но мы своего мнения как в этом случае, так и позже не навязывали. Высказывали лишь свои соображения. Осуществление же рекомендаций оставляли на усмотрение китайской администрации. Мы исходили из того, что им лучше известны требования китайских внешнеполитических ведомств, уровень подготовки преподавателей, возможности привлечения профессуры из Пекинского и Народного университетов, ученых из Академии наук, практических работников из аппарата МИДа КНР и международного отдела ЦК КПК. Мы не располагали достаточными данными и об уровне общеобразовательной и специальной подготовки слушателей.

Такой подход был высоко оценен китайскими товарищами. Они считали, что именно так и должны строиться взаимоотношения между китайской администрацией и советскими советниками. Впоследствии они специально подчеркнули этот факт как пример правильного интернационалистского подхода к взаимоотношениям между советниками и китайским руководством.

Опыт первого года работы показал, что, несмотря на помощь со стороны советских специалистов, молодые преподаватели института оказались не в состоянии обеспечить чтение специальных курсов на соответствующем уровне.

В марте 1957 года Чжан Вэньтянь поручил изучить вопрос о пересмотре системы спецкурсов, с тем чтобы все студенты прежде всего изучали США в качестве обязательной дисциплины. Принималось в расчет и общее ухудшение международного положения КНР, и обострение отношений между КНР и США из-за Тайваня. Что касается спецкурсов по истории и внешней политике других стран — Англии, Японии, Индии, Франции, Юго-Восточной Азии, то было рекомендовано их изучать факультативно. «Надо концентрировать усилия на изучении США, — сказал Чжан Вэньтянь. — США — наш главный враг, в любой стране мы сталкиваемся с ним». Но это не было еще окончательным решением, условились 6 марта 1957 года на совещании дирекции с моим участием обсудить эту проблему, учитывая опыт Московского института международных отношений.

Узкая специализация при ограниченных дипломатических связях КНР ставила выпускников института в трудное положение. Ли Эньчу заметил: «Немало наших выпускников осталось без работы». Ли Эньчу имел в виду выпускников факультета международных отношений Народного университета, на

базе этого факультета был образован Дипломатический институт.

Другой заместитель, Хэ Ушуан, поддержал точку зрения Чжан Вэньтяня. Он сослался на слабую подготовку преподавателей, для которых подготовка ряда спецкурсов была слишком трудным делом.

Начальник учебной части Чжэн Пин также поддержал своих коллег. Он указал на то, что целесообразно готовить и читать не семнадцать спецкурсов, а восемь.

Соглашаясь с идеей сокращения числа спецкурсов, Ли Эньчу высказал тревогу: как быть с преподавателями? Ведь если их уволить, то в будущем, когда они понадобятся, их трудно будет собрать. Не целесообразно ли их сохранить в резерве?

У студентов тоже не будет настроения учиться, если они не будут знать перспектив своей будущей деятельности.

Ли Эньчу и Хэ Ушуан поинтересовались, каково наше мнение о возможности использования преподавательских кадров на другой работе.

Я высказался в том плане, что для международных широкого профиля полезно изучение страны или региона; для института целесообразно сохранить определенный резерв преподавательских кадров, использовать их для научно-исследовательской работы: подготовки учебных пособий, отдельных записок для министерства. Участники совещания Хэ Ушуан, Ху Дайцун (заведующий кафедрой), Ли Го (заместитель начальника учебной части) поддержали нашу точку зрения. Ли Эньчу подчеркнул, что институту необходимо проводить твердую линию и иметь определенную перспективу. Он отметил, что МИД не имеет определенной точки зрения на характер подготовки дипломатов, часто меняет свои установки, в министерстве отсутствует перспективный план роста численности состава. Не знают, сколько нужно специалистов, и планирующие органы.

МИД хочет использовать Дипломатический институт в качестве резерва для сохранения своих кадров. В институте ныне слишком много преподавателей: на 700 студентов 400 преподавателей. Это значительно превышает установленную норму соотношения 3 : 1. На будущий год будет 600 студентов, и должно быть 200 преподавателей, а не 400. Ли заявил о необходимости сохранить определенный резерв преподавателей для подготовки из них экспертов по ряду крупных стран, имеющих определенное влияние на международное развитие. Было высказано согласие и с нашим предложением о сокращении обязательных спецкурсов до четырех — по истории и международным отношениям США, Японии, Индии и Англии. Что касается факультативных спецкурсов, то было предложено создавать их по мере подготовки преподавателей и овладения студентами иностранными языками.

Все выступавшие высказывались за то, чтобы основные курсы, которые читали советские специалисты, были прочитаны в

полном объеме. Я читал курс «Истории международных отношений в новейший период (1917—1957)», А. М. Дубинский — «Истории стран Востока», В. А. Масленников — «Экономики зарубежных стран», Н. Н. Иноземцев — «Внешней политики США», Н. А. Сидоров — «Государственного права зарубежных стран».

Подводя итоги совещания, Ли заявил, что линия дальнейшего развития института будет определена Чжан Вэньтянем на основании наших предложений позже, после его возвращения из длительной зарубежной поездки, приблизительно в мае 1957 года.

После нашего отъезда в июле 1957 года институт посетил Чжоу Эньлай. Он высказал свои соображения, о которых мне сообщили китайские коллеги в письмах. Он выступил с речью перед коллективом института, призвал усилить борьбу с правыми элементами, бороться с «иностранными шаблонами» в учебе. По его указанию было прекращено преподавание марксистских теоретических дисциплин: политэкономии, философии, теории государства и права, их заменили «воспитанием социалистического сознания». Воспитание проводилось в виде докладов и дискуссий по работам Мао Цзэдуна и материалам, издаваемым отделом пропаганды Центрального Комитета Коммунистической партии Китая. Основное внимание уделялось изучению иностранных языков.

Вклад в дружбу

В конце июня 1957 года предстоял мой отъезд и еще некоторых советских специалистов в СССР. В связи с этим дирекция института решила провести несколько совещаний для подведения итогов работы за два года, прошедших после создания института и приезда советских специалистов. На совещании 17 мая 1957 года начальник учебной части Чжэн Пин от имени дирекции зачитал доклад: «Основные достижения и недостатки в работе института». Если отбросить цветистость китайских выражений, говорящих о вкладе советских советников в дело становления института, и сохранить лишь существо, то основные положения доклада сводились к следующему.

1. В течение двух лет с помощью советских советников институт заложил основы дальнейшей работы: определены структура института и административного управления, система преподавания, созданы программы и подготовлены учебные пособия. Руководство института ныне избавлено от текучки.

2. С помощью советских советников китайские преподаватели и аспиранты приобрели опыт преподавания. «Для нас, — говорил докладчик, — стали яснее многие вопросы организации педагогического процесса... Теперь, — подчеркнул он, — мы обращаем внимание на эффективность преподавания. Если рань-

ше мы не интересовались успеваемостью студентов, то теперь это поставлено в центр внимания. Руководство интересуется причинами недостаточного освоения отдельных дисциплин. Можно сказать, что капитальное строительство института в основном закончено. Создана основа для дальнейшего улучшения работы».

3. За два года удалось добиться того, что большинство преподавателей и студентов серьезно относятся к труду, они старательно работают и учатся.

С помощью советских специалистов повысились профессиональные знания преподавателей. Хотя и есть критические замечания, эффективность преподавания значительно возросла. Много сделано по подготовке молодых преподавателей. Возросла и их политическая закалка. Наши преподаватели не проявляли колебаний во время волнений в 1956—1957 годы, правильно понимая политику партии и стоящие перед страной задачи.

Мы считаем, что повышение уровня преподавания — основное звено для улучшения качества подготовки специалистов. Мы не можем приглашать много специалистов со стороны. Единственный выход — воспитывать молодых преподавателей, преданных партии и народному государству.

4. Изменилось и отношение студентов к учебе. Многие стали самостоятельно работать над книгой и размышлять по поводу идей, высказываемых авторами. Это стало возможным в результате сокращения учебной нагрузки: лекций, семинаров, консультаций.

5. Если говорить о недостатках, отметил докладчик, то они сводятся к следующему: действующий учебный план не полностью отвечает уровню подготовки студентов и слушателей курсов повышения квалификации. Этот план скорее соответствует подготовке студентов из числа молодых интеллигентов, в нем не всегда учитываются уровень подготовки и возможности кадровых работников, прошедших школу жизни. Кафедры еще не заняли своего места в качестве основных звеньев учебного процесса. Слишком часто дирекция и учебная часть вмешиваются в дела кафедр, рассматривая их прежде всего как административные единицы, игнорируя их роль как центров научно-преподавательской работы. Поэтому предстоит поднять роль кафедр. Еще не налажена идейно-политическая и воспитательная работа. Среди преподавателей и студентов имеются беспартийные (главным образом молодежь) и члены КПК (кадровые работники). Между этими группами нет единства. Это создает нездоровое соперничество, различного рода трения, что влияет на качество учебы.

Докладчик остановился на вопросах, которые волновали как руководство, так и слушателей: каковы перспективы института? Кого институт в будущем будет обучать — революционные кадры или молодых интеллигентов? Отсюда, говорил Чжэн Пин, возникают сложности распределения на работу: каждое учреж-

дение предъявляет свои требования: для одних главное — хорошее знание языка, для других — политическая закалка, опыт революционной борьбы; вследствие этого возникает противоречие: преподаватели кафедр иностранных языков жалуются, что руководство «не уважает» деятельность их кафедр, а кафедры по общественно-политическим и специальным дисциплинам утверждают, что студенты уделяют главное внимание иностранному языку и недостаточно серьезно относятся к их предметам. Предложение советских советников использовать изучение языка для овладения специальными дисциплинами (изучение дипломатических документов, договоров и соглашений, актуальных газетных текстов и т. п.) пока еще слабо претворяется в жизнь.

Совещание в дирекции, состоявшееся на следующий день, было посвящено состоянию научно-исследовательской работы. Докладчик, опять Чжэн Пин, отметил определенные сдвиги в организации научно-исследовательской работы: ряд статей преподавателей был опубликован, ведется разработка 41 темы (из них пять уже завершены). Подготовлен учебник международного права, дорабатывается учебник частного международного права. По истории международных отношений новейшего времени (1918—1956 годы) было решено ограничиться курсом лекций Кутакова. Издательство «Жэньминь жибао» приняло курс лекций для издания в виде отдельной монографии.

Как отметил докладчик, в организации научно-исследовательской работы имеются две трудности. Первая — преподаватели слабо знают иностранные языки, вторая — лучшие преподаватели имеют большую педагогическую нагрузку и мало времени для ведения научно-исследовательской работы. Молодые преподаватели предпочитают заниматься научно-исследовательской работой, нежели вести преподавательскую и общественную работу.

Докладчик также сообщил о ряде наметок дирекции, которые, по ее мнению, будут способствовать развитию научно-исследовательской работы; предоставление преподавателям специальных отпусков для изучения иностранных языков, уменьшение педагогической нагрузки некоторым из них, увеличение числа и качества научных конференций, создание творческой атмосферы в институте, ежегодный выпуск тома «Ученых записок» и т. п.

На совещании в дирекции совместно с заведующими кафедрами 6 июня 1957 года с сообщением выступил первый заместитель директора института и секретарь парткома Ли Эньчу. Он подвел некоторые итоги работы главного советника и его коллег.

Ли отметил большое значение совещаний в дирекции с участием главного советника, на которых обсуждались административные, организационные, идейно-воспитательные проблемы и вопросы общественной жизни института. Ли подчеркнул, что

протоколы совещаний сохранились и те рекомендации, которые еще не были выполнены, будут впоследствии осуществлены.

Ли отметил, что главный советник «активно оказывал нам помощь, особенно кафедре истории международных отношений, Пекинскому университету, Народному университету, Институту международных исследований, обществу китайско-советской дружбы».

Для обогащения своих лекций новым исследовательским материалом (главный советник) систематически знакомился с китайскими и японскими материалами, архивом МИДа Китая, прессой и периодическими изданиями, оказал большую всестороннюю помощь в организации научной работы, учебного процесса, политико-воспитательной работы. «Между нами и советскими специалистами, приехавшими в 1955 году, — говорил Ли, — установилась крепкая революционная дружба на основе пролетарского интернационализма. Мы очень довольны работой Кутакова и всех приехавших с ним специалистов». Эту точку зрения поддержал и другой заместитель директора — Хэ.

Заместитель заведующего кафедрой истории международных отношений Ши Лей отметил, что «многие вопросы, которые мы не могли решить пять-шесть лет, были выяснены». Это вселило в нас уверенность при чтении лекций. Советники показали, как вести работу кафедры, проводить семинары, работать с аспирантами.

Подводя итоги, Ли Эньчу сказал, что специалисты вели себя правильно. Они активно предлагали осуществить те или иные меры, но как и когда решать — оставляли на усмотрение китайских товарищей; они никогда не настаивали и не требовали выполнения своих советов. В этом сказался подлинный интернационализм.

От имени премьеры Государственного совета КНР Чжоу Эньлая мне и моим коллегам были вручены медали «Китайско-советской дружбы». В удостоверении отмечалось: «В знак благодарности за Вашу бескорыстную и преисполненную энтузиазма помощь делу социалистического строительства нашей страны». Затем мне было передано официальное прощальное письмо, подписанное руководством института. В письме, в частности, говорилось: «Вы приехали к нам в то время, когда наш институт только что был основан. Для устройства такого института мы не имели опыта. Благодаря Вашей всесторонней помощи работа нашего института в смысле административного управления, организации учебных, научных исследований, политико-идейного просвещения получила прочную основу. Это неотделимо от Вашего усердного труда. Вы — один из создателей нашего института». Отмечалась в письме и работа вне института: чтение лекций, докладов, публикация статей в журналах, «горячая пропаганда великой китайско-советской дружбы» и т. п. В заключение письма давалось обязательство: «В ответ на помощь, которую Вы оказали нашему институту, мы впредь

должны лучше работать, еще более укреплять китайско-советскую дружбу». Много дружеских писем было передано мне другими руководителями, сотрудниками и профессорами. В одном из них говорилось: «Навсегда запомните этот мир, запомните ваших товарищей, друзей и учеников в Китае».

Прощальный ужин был устроен в Летнем дворце. Угощения были изысканными и вкусными. Как показатель высокого уважения во время ужина было подано не менее 25 блюд. Нам представили шеф-повара. Он был стар, но энергичен и бодр. Повар работал во дворце со времен императрицы Цыси.

На вокзал нас вышли провожать дирекция в полном составе, члены парткома, все преподаватели и аспиранты. Из репродукторов гремели песни «Москва—Пекин» и «Восток заалел, родился Мао Цзэдун».

Однако планы и надежды преподавателей и руководства на дальнейшее развитие института и повышение общего уровня образования были сорваны. В 1958 году всю страну стало лихорадить от волюнтаристской идеи Мао Цзэдуна в течение нескольких лет догнать и перегнать передовые капиталистические страны по уровню производства. Это был так называемый «большой скачок».

Страна не оправилась еще от этого шока, как в 1966 году развернулась так называемая «культурная революция». Как признано сейчас в Китае, «культурная революция» принесла колоссальный ущерб развитию экономики, науки и техники страны. В области развития науки и образования страна была отброшена назад на 10—20 лет. Учебные здания и школьные помещения были заняты бесчинствующими хунвэйбинами, библиотеки, музеи были разбиты, исторические памятники, многие произведения искусства были растоптаны. Здания заняты под ревкомы, штабы хунвэйбинов, воинские части. По официальным китайским данным, было незаконно занято 17,6 миллиона квадратных метров зданий. Государственный совет и ЦК КПК в августе 1978 года обязали вернуть в течение года самовольно занятые здания, необходимые системе просвещения. В результате этого обращения за 1979—1980 годы партийные, государственные и военные органы из 17,6 миллиона квадратных метров незаконно занятой площади зданий вернули всего 2,8 миллиона квадратных метров.

В годы «культурной революции», как мне рассказывали приехавшие из Китая товарищи, Дипломатический институт фактически прекратил работу. Директор института и многие профессора и преподаватели были репрессированы. Подверглись гонениям и многие слушатели курсов из числа кадровых работников и сотрудников МИДа КНР. Как известно, в эти годы были отозваны со своих постов все послы, за исключением бывшего помощника Чжоу Эньляя Хуан Хуа. Как мне расска-

зывает У Тан, в 1971 году в беседе с ним Хуан Хуа утверждал, что правительство Пекина считало, что оно добьется восстановления своих прав в ООН в 1972 году. Исходя из этого, в 1970 году институт возобновил работу по подготовке дипломатических кадров. Был восстановлен Институт иностранных языков, где готовили переводчиков для работы в международных организациях, министерстве внешней торговли, агентстве Синьхуа и других внешнеполитических учреждениях. Директор Дипломатического института почти шесть лет пробыл в опале, был в лагерях перевоспитания и т. п. После разгрома «банды четырех» он вновь возглавил институт, начав восстанавливать то, что осталось от ранее сформировавшегося учебного заведения.

На основании обнародованных в китайской печати отрывочных сведений можно себе представить тот упадок, в котором оказалось образование в Китае в результате «культурной революции». По сведениям американской газеты «Крисчен сайенс монитор» от 4 ноября 1980 года, в Китае на 10 тысяч человек приходится 9 учащихся. Для сравнения можно сказать, что в Индии последняя цифра в 5 раз больше, в СССР — в 20 раз. Китай занимает 113-е место среди 141 страны мира. Даже по самым сдержанным оценкам, число полностью неграмотных составляет в КНР около 150 миллионов человек. По крайней мере еще 300 миллионов можно отнести к категории необразованных.

Значительную долю неграмотных в Китае составляют молодые люди. Власти утверждают, что причиной тому — «культурная революция», что из-за нее в последние десять лет число неграмотных среди молодежи увеличивалось. На душу населения в Китае тратится на образование в 200 раз меньше, чем в Японии.

Об этом говорят и сами китайские руководители. Заместитель премьера Государственного совета КНР Дэн Сяопин, выступая в январе 1980 года, заявил: «В наших учебных заведениях всего менее миллиона учащихся. Еще незначительное число людей учится в университетах... Индийцы израсходовали на образование больше, чем мы, а такая страна, как Египет, тратит на образование в расчете на душу населения во много раз больше, чем мы».

Начиная с 1978 года было основано несколько «ведущих», или основных, учебных заведений. Они должны были предоставить наилучшие возможности и сосредоточить лучших преподавателей для обучения наиболее способных учащихся.

Введение этой системы, однако, привело к тому, что во «второстепенных» вузах обучение поставлено так плохо, что многие студенты, как сообщается, вообще бросают учение. «Многие болтаются без дела, — передает агентство „Китайская молодежь“. — Они приобретают плохие привычки, становятся правонарушителями».

Учащиеся «второстепенных» вузов проявляют безразличие, такое же безразличие, судя по всему, проявляют и их преподаватели, которых также относят ко «второму классу» в китайском обществе, где делению на категории уделяют большое внимание. Низкий уровень обучения будет еще долго влиять на подготовку абитуриентов для высшей школы. Создание системы «ведущих» вузов и школ свидетельствует об элитарных тенденциях («отбора талантов») в системе образования КНР.

Вперед Нью-Йорк

21 июня 1965 г. самолет «Боинг-707» бельгийской компании «Сабена» приближался к Нью-Йорку.

Из репродуктора слышится голос:

— Дамы и господа! Наш самолет через несколько минут сделает посадку в международном аэропорту Кеннеди. По нью-йоркскому времени 6 часов вечера. Температура воздуха 96 градусов по Фаренгейту, 35 градусов по Цельсию. Приготовьте необходимые документы для таможенного и паспортного контроля. Внимательно заполните иммиграционные анкеты и таможенные декларации. Наш рейс № 231.

...Мы садимся в машину и едем на Манхэттен, на 67-ю улицу, в представительство СССР при ООН. Горячий и влажный воздух окутывает нас. Как-то не верится, что еще сегодня утром мы ходили по прохладным улицам июньской Москвы. Немного грустно, но обилие новых впечатлений быстро отвлекает от воспоминаний.

Многоярусные переплетения автомобильных дорог на подъезде к западному району Нью-Йорка, Куинсу, заставляют вспомнить иллюстрации к фантастическим романам Уэллса. Потоки автомашин несутся в разных направлениях над нами и под нами. Мост Куинсборо соединяет Куинс с центром города. С моста открывается вид на восточную часть Манхэттена. На фоне гигантов-небоскребов «Эмпайр стэйт билдинг» и «Крайслер билдинг», прямо у воды широкой Ист-ривер, стоит здание, не особенно высокое по американским масштабам.

— Видите коробочку? — показал на него встречающий меня сотрудник. — Это и есть здание ООН — 40-этажный небоскреб. Здесь размещаются секретариат ООН, офис У Тана и три с половиной тысячи чиновников. Слева от него — невысокое, с куполообразной крышей здание Генеральной Ассамблеи. Между небоскребом и зданием Ассамблеи — залы заседаний Совета Безопасности, комитетов, рестораны.

...Командировка в Штаты предполагалась на два-три года. Я не мог подумать, что они обратятся для меня в долгие восемь лет. После трех лет работы в представительстве СССР при ООН Генеральный секретарь ООН У Тан по рекомендации Советского правительства назначил меня своим заместителем по политическим вопросам и делам Совета Безопасности. Один из важнейших департаментов Секретариата ООН — департа-

мент по политическим вопросам и делам Совета Безопасности, работой которого мне, находясь на этом посту, пришлось руководить, располагается на 35-м этаже небоскреба ООН. Через политический департамент неизбежно проходят важнейшие, актуальнейшие события международной жизни. О некоторых из них и хотелось рассказать в последующих главах; поскольку ранее я жил и работал в Китае и Японии, естественно, что дальневосточным проблемам я уделял наибольшее внимание.

У колыбели ООН

В августе 1965 года неожиданно скончался постоянный представитель США при ООН Эдлай Стивенсон. Он был заметной фигурой в американской политической жизни. Лидер одной из ведущих буржуазных партий США — демократической, он баллотировался от этой партии в качестве кандидата в президенты в 1952 и 1956 годах. Учитывая известность Стивенсона в стране, президент Джонсон распорядился провести государственные похороны. На траурную церемонию были приглашены члены правительства и конгресса США, дипломатический корпус в Вашингтоне и миссии при ООН. Мне было поручено представлять советскую делегацию при ООН.

Траурная церемония состоялась в протестантском соборе. Она была лишена всякой эмоциональности и торжественности, присущих католикам и православным. Присутствующие, не скрывая, рассматривают своих соседей, выскивают знакомых и знаменитостей, обмениваются репликами. Здесь впервые я увидел младших братьев убитого в 1963 году президента Джона Кеннеди — генерального прокурора США Роберта Кеннеди и совсем молодого конгрессмена от штата Массачусетс Эдварда Кеннеди. Оба невысокого роста, хорошо сложены, со светлыми, рыжеватыми волосами, похожи друг на друга.

Многие оборачивались, чтобы взглянуть на представителей легендарного «клана Кеннеди». В памяти жили воспоминания о трагической судьбе их старшего брата, президента. Никому и в голову не приходила мысль, что менее чем через три года один из этих молодых людей, скорее напоминавших студентов, чем государственных деятелей, окажется жертвой нового преступления. Роберт Кеннеди был убит в июне 1968 года.

Печальный повод, связанный с похоронами Стивенсона, дал мне возможность впервые побывать в вашингтонском Думбартон-Оксе, колыбели ООН¹.

¹ Думбартон-Окс — одна из старинных усадеб в черте города. Здесь в конце 1944 года проходила Международная конференция с участием СССР, США, Англии и были проведены предварительные переговоры в целях выработки устава международной организации по поддержанию международного мира. На заключительной стадии делегации США и Англии провели переговоры с представителем Китая. Конференция в Думбартон-Оксе разработала предложения, которые легли в основу Устава ООН.

Идея создания международной организации по поддержанию и укреплению мира и международной безопасности получила широкое распространение в годы второй мировой войны.

Созданию ООН предшествовали: Вашингтонская декларация 26 государств (1942), Московская декларация министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Китая, Тегеранская декларация глав правительств СССР, США и Великобритании (1943), конференция в Думбартон-Оксе, постановления Крымской конференции (1945) и конференция в Сан-Франциско (1945).

Уже на этом этапе выявился разный подход к вопросу о целях и задачах Организации. Советское правительство настаивало на том, чтобы основное место в деятельности новой организации занимали вопросы международной безопасности, сохранения мира и предотвращения войны. После окончания войны самой острой, жизненно необходимой была проблема поддержания и укрепления мира и международной безопасности. Поэтому СССР настаивал, чтобы ООН сосредоточила свои усилия именно в этом направлении. Западные же державы пытались растворить деятельность ООН во множестве различных вопросов, не имеющих непосредственного отношения к насущным политическим проблемам. В дальнейшем СССР согласился с тем, чтобы часть из них вошла в функции международной организации, но с сохранением приоритета за политической стороной деятельности.

Наибольшие трудности при выработке Устава ООН вызвал вопрос о порядке голосования в Совете Безопасности, главном органе Организации. СССР, США и Англия были единодушны в том, что функции по поддержанию мира входят в ведение Совета, что на Советском Союзе, Соединенных Штатах, Англии, Франции и Китае лежит исключительная ответственность за сохранение мира и что эти страны должны занимать соответствующее положение в Совете, быть его постоянными членами.

Советская делегация добивалась, чтобы Организация действительно служила делу мира и не могла быть использована какой-либо державой или группой держав в качестве орудия борьбы против других членов Организации. Для этого нужно было установить такой порядок решений в ее главном органе — Совете Безопасности, который бы не допускал использования Организации вопреки интересам мира или в ущерб законным интересам тех или иных государств.

Руководитель делегации США Стэттиниус предложил, чтобы для принятия решений, касающихся применения принудительных мер, осуществлялся принцип единогласия всех его постоянных членов. США были инициатором так называемого права вето, проистекавшего из требования единогласия пяти великих держав.

Мнение участников совещания разошлись при обсуждении порядка принятия решений в тех случаях, когда кто-либо из

постоянных членом оказывался сам замешан в споре. СССР исходил из того, что принцип единогласия постоянных членом должен сохраняться при принятии Советом любых политических решений и что нарушение этого принципа приведет к краху Организации, как это уже было с Лигой наций.

США, однако, настаивали, чтобы голос постоянного члена Совета, являющегося стороной в споре, не учитывался при голосовании. Этот порядок не давал гарантий против злоупотреблений. Западные державы, имея большинство, могли бы навязать решение о применении экономических и военных санкций, о разрыве дипломатических отношений и т. д., исходя из своих целей. СССР отказался признать такой порядок, и вопрос этот не был решен в Думбартон-Оксе. На Ялтинской конференции глав правительств СССР, США и Англии в феврале 1945 года вопрос о процедуре голосования снова был детально рассмотрен. В основном была одобрена формула, предложенная Ф. Рузвельтом. Она предусматривала единогласие пяти постоянных членом Совета при решении всех политических вопросов, за исключением вопросов процедуры, утверждения повестки дня и др. Если же речь идет о применении средств принуждения (санкциях экономических, дипломатических, военных), решение требует согласия всех постоянных членом, т. е. отсутствия отрицательного голосования хотя бы одного постоянного члена Совета.

Большое внимание на совещании в Думбартон-Оксе было уделено роли и полномочиям Генеральной Ассамблеи². После длительных дискуссий было решено, что Ассамблея имеет право самостоятельно рассматривать вопросы поддержания мира и безопасности, но только Совет будет обладать правом выносить обязательные для членом ООН решения и принимать принудительные меры в целях восстановления мира или предотвращения его нарушений.

Любопытно отметить, что США настаивали на системе так называемого «взвешенного голосования» наподобие системы, существующей в акционерных обществах, где количество голосов определяется размером капитала, вложенного каждым его участником. США предлагали, чтобы каждое государство имело количество голосов, прямо пропорциональное его взносу на расходы Организации. Предложение это не прошло. Каждое государство в ООН имеет один голос.

Конференция в Сан-Франциско проходила в апреле—июне 1945 года.

282 делегата представляли 50 стран. Всего же в работе конференции принимали участие почти пять тысяч человек. Она прошла под знаком единства союзных держав: СССР, США,

² Генеральная Ассамблея правомочна обсуждать вопросы, относящиеся к поддержанию международного мира и безопасности, рекомендовать меры для мирного улаживания международных споров. Решения Генеральной Ассамблеи принимаются большинством в две трети голосов.

Англии. Устав ООН был утвержден в основном в тех формулировках, которые были выработаны в ходе совещаний в Думбартон-Оксе и переговоров в Ялте между руководителями трех великих держав.

Весной 1967 года я получил приглашение от председателя Национального совета по американско-китайским отношениям профессора Р. Скалапино³ посетить Беркли, небольшой университетский городок — спутник Сан-Франциско.

Дорога до Беркли лежала через Сан-Франциско, город тихоокеанского побережья США.

Калифорнийский город Сан-Франциско завораживает своих гостей. Побывав там, легко понять, почему среди многих участников конференции 1945 года раздавались голоса в пользу избрания Сан-Франциско местом штаб-квартиры ООН. «Я оставил сердце в Сан-Франциско», — поют американцы в Нью-Йорке и в Оклахома-Сити, в Бостоне и Чикаго. Город действительно полон очарования.

...Еще до американцев в Калифорнию мирно пришли русские землепроходцы. Память о них живет в названиях улиц и районов Сан-Франциско: Русский холм, Русская речка, Русский форт, улица России.

С самолета Сан-Франциско виделся зыбью своих холмов и кварталов, которые наискось пересекала центральная улица — Маркет-стрит. С востока на запад тянулась к океану зеленая полоса парка. Дальше к северу — оранжевые гигантские опорные башни над синей водой — это висячий мост над заливом Золотые ворота. Помимо знаменитого моста над заливом и холмов в Сан-Франциско по-своему знаменит и неповторим Рыбачий рынок. Он завален дарами моря, там масса кафе и ресторанов, где готовят великолепные блюда из только что выловленных омаров и креветок.

Красоты Сан-Франциско чаруют его гостей. Сам же город живет своей жизнью, решая множество проблем.

Разные люди обитают под небом Сан-Франциско и в штате Калифорния.

В Сан-Франциско, подобно Нью-Йорку, смешение рас и национальностей. На 700 тысяч жителей 96 тысяч негров, 60 тысяч китайцев, столько же выходцев из России, не меньше итальянцев. Затем идут многочисленные группы ирландцев, поляков, евреев, мексиканцев, японцев, филиппинцев.

Русских, с которыми я встретился в Сан-Франциско, привели в Америку разные пути. И взгляды были у каждого свои. И разговоры с ними были разными. Но общим был у всех интерес к Родине, тоска по родным русским местам. Расспрашивали меня, что нового в Ростове, как изменился Ленинград,

³ В Совет наряду с учеными входили представители деловых кругов Запада и Востока США, включая таких видных деятелей, как президент «Чейз Манхэттен Бэнк» Д. Рокфеллер, президент компании «Пепси-кола» Кендалл и др

восстановлен ли Днепропетровск после войны и т. п. К сожалению, я не всегда мог полностью удовлетворить интерес собеседника. В Днепропетровске никогда не был, в Ростове был проездом, вот о Ленинграде мог поговорить более обстоятельно...

Многие в Сан-Франциско, особенно молодежь, интересуются политикой. Когда я впервые посетил Сан-Францисский колледж в 1966 году (в нем обучалось около 40 тысяч человек), на арке при въезде в кампус, район колледжа, было написано: «Остановить войну во Вьетнаме!», «Представителям американской армии и флота вход воспрещен». На большой лужайке бушевал митинг. Один оратор за другим подходили к микрофону и гневно клеймили преступную войну во Вьетнаме, заявляли, что никто из них не пойдет в армию.

Тут же около импровизированной трибуны на столиках лежали листовки всевозможных организаций — от «Черных пантер» до «Союза христианской молодежи». Листовки вручались всем желающим. Сан-Франциско — своего рода колыбель разнородных и разношерстных левых движений.

Тогдашний губернатор штата Калифорния, бывший актер Голливуда Рональд Рейган, известный своими реакционными взглядами, резко сократил ассигнования для Калифорнийского университета. Крупным дельцам и монополистам не нравились свободный дух учащейся молодежи и части профессуры, их антивоенные выступления. Сокращение ассигнований имело целью освободиться от профессоров либерально-демократического толка, а также студентов, особенно из числа неимущих, не имеющих средств заплатить за учебу.

...Сан-Франциско, крупнейший финансовый, портовый, культурный центр тихоокеанского побережья, не был избран местом штаб-квартиры ООН. Для большинства стран Европы, Африки, Латинской Америки и даже части Азии расстояние до Нью-Йорка значительно короче, а значит, и дешевле, нежели до Сан-Франциско. Организация Объединенных Наций начала свою работу в пригороде Нью-Йорка — Лейк-Саксесе. Миллиардер Рокфеллер преподнес в подарок новой организации пустырь на берегу Ист-ривер, у небольшого залива Тартал-бей (Черепашьей бухты). По тем временам участок стоил несколько миллионов долларов. Американская пресса прославляла его щедрость, преданность делу мира. Но расходы на подарок не остались безвозмездными. Местность вокруг здания ООН тоже принадлежала Рокфеллерам. Она стала быстро раскупаться под отдельные учреждения ООН, миссии ряда государств при ООН, рестораны, отели. Район разросся, а прибыли от продажи земли и эксплуатации построенных зданий стали поступать в карман тем же Рокфеллерам.

Сейчас комплекс зданий ООН занимает несколько кварталов между 41-й и 47-й улицами на берегу Ист-ривер. Место это названо площадью Объединенных Наций.

Здание ООН с огромными стеклянными окнами, выходящи-

ми в большой зеленый парк и на набережную Ист-ривер, многочисленными залами для заседаний Генеральной Ассамблеи и ее комитетов, Совета Безопасности, Социального и Экономического совета, Совета по опеке — прекрасный образец современной архитектуры.

Внутренние помещения: холлы и большие «лонджи» (комнаты отдыха) — украшены замечательными произведениями искусства, подарками ООН от правительств разных стран. Необычайно красивый и оригинальный ковер — подарок Ирана, древний бронзовый Зевс привезен из Греции, отполированный металлический шар с длинными усами-антеннами (макет первого искусственного спутника Земли) подарен Советским правительством. Кусок лунной породы, доставленный американскими космонавтами, сверкает под стеклянным колпаком как драгоценный камень... На втором этаже — зал заседаний Генеральной Ассамблеи, рядом большой холл, декорированный произведениями искусств Индонезии. Этот холл, место многочисленных встреч и переговоров дипломатов различных стран, получил название индонезийского «лонджа». Недалеко от входа в зал заседаний Совета Безопасности стоит большая фарфоровая ваза, украшенная затейливыми узорами украинских национальных орнаментов, — подарок Украинской ССР. На зеленой лужайке парка около здания ООН установлена замечательная скульптура Е. В. Вучетича «Перекуем мечи на орала» — яркий символ миролюбивой внешней политики СССР.

В работе Организации, в каждодневной деятельности ее учреждений отражаются все международные события, все многообразие международной жизни планеты. Ветры и бури, вызываемые конфликтами и войнами, переворотами и революциями, постоянно пронесаются над небоскребом на Ист-ривер, врываются в кабинеты генерального секретаря и поднимают новые политические вихри в залах, где заседают различные органы ООН.

В здании ООН не бывает слышно выстрелов и разрывов бомб... Чинный и размеренный порядок, царящий на заседаниях, мало ассоциируется с конфликтами и катаклизмами. Но за каждым словом делегатов подчас скрыты судьбы десятков тысяч людей. Прислушаешься к иному оратору, и видно, что красивые слова и изящные выражения скрывают бесстыдные махинации империалистов, плетущих сети против социалистических стран, освободительных движений, прикрывающих пышным славословием заговоры и перевороты в странах, вставших на путь независимости и социальных реформ.

Разный стиль, разные манеры ораторов. Одни говорят ярко, красочно, не обращаясь к заранее подготовленному тексту, другие глухо и монотонно читают. Разные языки. Разная аргументация. Несмотря на многообразие стилей и форм, ясно видны две главные линии, два направления в деятельности ООН: силы мира, демократии и социального прогресса, с одной стороны, и силы войны, реакции, угнетения — с другой.

Сан-Франциско вошел в историю Организации Объединенных Наций как город, где был принят Устав Организации. Ее задачи были определены в первой статье Устава. Изложены они следующим образом:

«1. Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира.

2. Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира.

3. Осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

4. Быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей».

Организация Объединенных Наций призвана быть форумом для выражения государствами — членами ООН своих взглядов по широчайшему кругу политических, экономических, социальных, правовых и других вопросов, механизмом для установления контактов, проведения переговоров для выработки согласованных решений, инструментом поддержания и укрепления всеобщего мира, предотвращения, а если необходимо, то и подавления агрессии.

В любой области международных отношений при рассмотрении и решении того или иного вопроса ООН неизменно действует как межгосударственная организация, как организация суверенных, независимых государств. В Организации, состоящей из государств, принадлежащих к различным социальным системам, никакая другая основа деятельности, кроме межгосударственной, невозможна.

ООН не стоит и не может стоять над государствами. Именно поэтому ни один орган ООН, за исключением Совета Безопасности, практически ни по каким вопросам не может принимать решений, обязательных для всех государств — членов ООН. Решения Генеральной Ассамблеи и других органов являются в соответствии с Уставом ООН рекомендациями, обращаемыми к государствам — членам Организации. Предоставление Генеральной Ассамблее или ее органам права принимать обязательные решения было бы равносильно предоставлению какой-то одной группе государств возможности диктовать свою волю остальным членам ООН, ущемлением национального су-

веренитета. Особые права в этом отношении предоставлены лишь Совету Безопасности, на который возложена ответственность за поддержание международного мира. Решениям Совета Безопасности все члены Организации обязаны подчиняться. Обязательный для всех характер решений Совета Безопасности, в состав которого входит лишь часть членов ООН (15 государств), вызван необходимостью обеспечить принятие действенных мер по предотвращению или пресечению возможной агрессии, но для этого необходимо соблюдение принципа единогласия пяти постоянных членов Совета Безопасности: СССР, США, Англии, Франции, Китая. Установление этого принципа, иначе говоря, предоставление каждому из пяти постоянных членов Совета Безопасности права вето, отражает тот объективный факт, что эти пять государств, как при создании ООН 38 лет назад, так и в настоящее время, являются наиболее мощными в военном отношении державами и потому несут наибольшую ответственность за обеспечение дела мира, хотя и принадлежат к различным социальным системам. Если осложнившаяся международная обстановка требует применения силы для предотвращения или подавления агрессии, Совет Безопасности может действовать только при условии согласия пяти великих держав, иначе Организация Объединенных Наций могла бы превратиться в орудие политики тех держав, которые, располагая большинством в Совете Безопасности, вместо упрочения мира могли бы встать на путь войны. Конкретные же результаты деятельности ООН всегда зависели и зависят от конкретной расстановки сил на мировой арене.

В июне 1965 года, когда я приехал в Нью-Йорк, отмечалось 20-летие Организации, состоялись юбилейные торжества в Сан-Франциско, затем в Нью-Йорке, в сентябре, на XX сессии Генеральной Ассамблеи. Многие делегаты говорили об итогах 20-летней деятельности ООН, о больших изменениях, происшедших как на международной арене, так и в деятельности Организации Объединенных Наций.

Развитие по спирали

В конце 40-х и начале 50-х годов характер расстановки сил в ООН отражал в целом положение в мире. Социалистическое содружество только начинало складываться. Целые континенты — Азия, Африка, Латинская Америка — находились, по существу, под военным, политическим и экономическим контролем империалистических держав. Большинство государств Западной Европы, некоторые страны других континентов были участниками военных блоков, возглавляемых Соединенными Штатами. В этих условиях США легко могли контролировать положение в органах ООН.

Советскому Союзу и тем немногим государствам, что выступали в ООН с прогрессивных позиций, лишь в редких случаях

удавалось добиться принятия конструктивных решений. К их числу можно отнести резолюции о выдаче и наказании военных преступников, о всеобщем сокращении вооружений и вооруженных сил, запрещении атомного оружия, об осуждении пропаганды войны, предупреждении и наказании геноцида.

Вместе с тем империалистические державы не раз навязывали Организации Объединенных Наций решения, находившиеся в прямом противоречии с интересами мира, с интересами народов. В 1950 году американские империалисты под флагом ООН развернули войну против корейского народа. Сессии Генеральной Ассамблеи использовались для беззастенчивых попыток очернить, дискредитировать внешнюю политику стран социализма, их внутреннее развитие. Долгое время ставились препятствия приему в ООН социалистических стран, статус представителя Китая в Организации Объединенных Наций незаконно сохранялся за чанкайшистами.

Империалистические державы прилагали немало усилий и к тому, чтобы приспособить к своим агрессивным внешнеполитическим планам саму основу деятельности ООН. В 1950 году механическим большинством голосов была принята резолюция «Единство в пользу мира», которая уполномочивала Генеральную Ассамблею вопреки Уставу ООН принимать решения об использовании вооруженных сил.

Со второй половины 50-х годов соотношение сил начинало все более определенно меняться в пользу социализма, прогресса, национального освобождения. Эти изменения не могли не сказаться на деятельности ООН.

Организация Объединенных Наций пополнилась более чем 20 новыми членами, среди которых были четыре социалистических государства: Румыния, Венгрия, Болгария, Албания, одиннадцать азиатских стран (в том числе Афганистан, Бирма, Индонезия, Лаос, Камбоджа, Цейлон, Непал). Укрепление социалистической группы в ООН, вступление в ООН ряда молодых азиатских государств, родившихся в огне национально-освободительной борьбы, серьезные политические и социальные сдвиги в некоторых азиатских и африканских государствах, которые и ранее входили в ООН, способствовали появлению новых веяний. Теперь США и их союзники по военным блокам не во всех случаях могли контролировать ход событий в органах ООН. Уже в 1956 году миролюбивые государства смогли добиться фактического осуждения Генеральной Ассамблеей англо-франко-израильской агрессии против Египта. Но в целом даже во второй половине 50-х годов империалистические державы в значительной мере оказывали определяющее влияние на деятельность Организации. На заседаниях Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и других органов ООН они продолжали вести «холодную войну» против социалистических стран, добиваясь «рассмотрения» всевозможных провокационных вопросов вроде «венгерского», «корейского» и др.

Вступление в ООН десятков молодых независимых государств заметно повлияло на деятельность Организации Объединенных Наций. К середине 60-х годов ее состав вырос более чем в два раза. К 1965 году в Организации Объединенных Наций, насчитывающей 114 государств, возникла новая расстановка сил и объективно появилась возможность образования антиимпериалистического большинства в составе социалистических стран и независимых стран Азии, Африки, Латинской Америки, проводящих политику неприсоединения.

Вследствие этого государства, против которых империалистические державы предпринимают акты агрессии или угрожают своими вооруженными силами, все чаще стали обращаться в Организацию Объединенных Наций за поддержкой и помощью. Рассмотрение таких обращений приобрело определенно антиимпериалистический характер. В Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее состоялось обсуждение таких острых вопросов, как империалистическая агрессия против Конго (1960), агрессивные действия США против Кубы (1962), угроза независимости и суверенитету Республики Кипр (1964), американская интервенция в Доминиканской Республике (1965) и др.

Обсуждение подобных вопросов в Организации Объединенных Наций представляет собой определенную морально-политическую поддержку народам, борющимся за укрепление своей независимости, и в ряде случаев становится фактором, сдерживающим или по крайней мере затрудняющим действия империалистов.

Так, инициатива СССР о рассмотрении в Совете Безопасности вопроса об интервенции США в Доминиканской Республике помешала американской военщине уничтожить демократические силы страны, привлекла внимание мировой общественности к агрессивной политике американского империализма в Латинской Америке. Правда, в данном случае империалистические державы смогли воспрепятствовать принятию действенных решений по подавлению агрессии. В других случаях империалистам удавалось подчинить своему контролю операции ООН, предпринимаемые для защиты подвергшихся агрессии государств. Войска ООН, посланные в Конго в 1960 году по просьбе первого конголезского премьер-министра Патриса Лумумбы для пресечения бельгийской интервенции, были использованы империалистами для нового закабаления конголезского народа. Но уже после событий в Конго империалистические державы не смогли использовать в своих интересах ни одно из решений ООН, связанных с непосредственными действиями в том или ином районе мира.

Перед лицом подавляющего большинства государств — членов ООН Совет Безопасности принимал согласованные решения, содействовавшие урегулированию острых международных ситуаций. Так было при рассмотрении вопроса об иностранном

вмешательстве в дела Кипра, об урегулировании конфликта между Индией и Пакистаном. Советская дипломатия неоднократно использовала Совет Безопасности для разоблачения агрессивных действий и вмешательства империалистических держав в дела народов.

Мирлюбивые государства смогли добиться принятия Организацией Объединенных Наций ряда решений в поддержку борьбы народов за устранение угрозы ядерной войны. XIV сессия Генеральной Ассамблеи в 1959 году приняла по инициативе Советского Союза резолюцию, в которой признала всеобщее и полное разоружение самым важным вопросом, стоящим перед миром в настоящее время. В 1961 году Генеральная Ассамблея приняла Декларацию о запрещении применения ядерного оружия. Применение ядерного оружия объявлено преступлением против человечества и цивилизации, а Африканский континент в целом был провозглашен безъядерной зоной.

Более продуктивной стала деятельность Организации и в области международного права. На XVIII сессии Генеральной Ассамблеи в 1963 году была принята Декларация правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства.

Изменение состава ООН за счет увеличения представительства молодых государств Африки, Азии и Латинской Америки привело к решению об увеличении числа непостоянных членов Совета Безопасности, избираемых на два года, с 6 до 10 из числа главным образом государств Африки, Азии и Латинской Америки.

С 1965 года, когда вошло в силу это решение, Совет Безопасности стал более представительным, отражающим реальную расстановку сил на международной арене. Был увеличен численный состав Экономического и социального совета с 18 до 27 членов. В этих поправках к Уставу ООН нашло отражение изменение соотношения сил на мировой политической арене.

Изменившиеся международные условия создали базу для повышения активности организации, перспективу превращения ООН в подлинный инструмент мира и содействия народам в их борьбе за свободу и социальный прогресс. В настоящее время Организация Объединенных Наций — неотъемлемый элемент системы международных отношений, объединяющий государства, принадлежащие к различным социально-экономическим системам.

Организация стала важным элементом дипломатической деятельности. Штаб-квартира ООН — место регулярных встреч представителей подавляющего большинства государств для обмена мнениями, обсуждения международных проблем, выдвижения различных предложений, согласования внешнеполитических концепций. Организация Объединенных Наций стала важным участком идеологической борьбы и эффективным каналом

пропаганды, мобилизации общественного мнения, оказания влияния на формирование его в том или ином направлении.

Важную роль ООН играет в деле содействия экономическому и социальному прогрессу развивающихся стран. Она стала центром координации специализированных учреждений, число которых неуклонно возрастает.

Одним из главных органов Организации является секретариат. Он призван играть важную роль в обеспечении успешного функционирования всего механизма Организации.

Возглавляется секретариат генеральным секретарем. Он назначается Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности на пятилетний срок.

Статус генерального секретаря, его функции и полномочия определены Уставом ООН. Генеральный секретарь является «главным административным должностным лицом Организации». Основная его задача — руководство работой всего персонала секретариата по организации деятельности главных органов ООН — Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности, Экономического и социального совета, Совета по опеке.

Ни одно из положений Устава не дает оснований рассматривать генерального секретаря в качестве лица, наделенного правом принимать политические решения от имени Организации. Однако уже первые генеральные секретари — норвежец Трюгве Ли (1945—1952) и швед Даг Хаммаршельд (1952—1961) — претендовали на то, чтобы их считали не просто административными должностными лицами, а политическими лидерами Организации. Особенно ярко это проявилось во времена Хаммаршельда и было связано как с действиями ООН на Ближнем Востоке в 1956—1957 годах, так и с операциями ООН в Конго в 1960—1961 годах. 26 сентября 1957 года на XV сессии Генеральной Ассамблеи Д. Хаммаршельд утверждал, что генеральный секретарь может действовать не только в тех случаях, которые определены Уставом ООН, но и, «если он сочтет это необходимым, для заполнения возможного вакуума в системах, которые предусматриваются Уставом и традиционной дипломатией для обеспечения мира и безопасности»⁴.

Позиция Хаммаршельда, верного исполнителя воли империалистических держав, его претензии встретили горячую поддержку в западных странах. Линия Хаммаршельда отвечала давним стремлениям империалистических держав подменять решение важных политических вопросов в Совете Безопасности, где они должны были учитывать позицию СССР, располагающего правом вето, единоличными действиями генерального секретаря. Генеральный секретарь мог явиться удобной ширмой и для обхода решений Генеральных Ассамблей, где ранее послушное западным державам большинство все более и более таяло. Следует заметить, что и до сих пор установки Хаммар-

⁴ См.: ООН. Итоги, тенденции, перспективы. М., 1970, с. 445.

шельда широко пропагандируются некоторыми сотрудниками секретариата ООН. Их пытались навязать У Тану и К. Вальдхайму.

На опасный характер попыток наделения генерального секретаря полномочиями, которые составляют исключительную компетенцию Совета Безопасности, было указано в меморандуме Советского правительства от 16 марта 1967 года. «Даже наиболее авторитетный и объективный деятель (на посту генерального секретаря. — Л. К.), — говорилось в меморандуме, — не может решать тех проблем, которые должны решать сами государства и их правительства, руководствуясь Уставом»⁵.

Хаммаршельд погиб в марте 1961 года в результате авиационной катастрофы над территорией Конго.

Операция ООН в Бельгийском Конго была предпринята по просьбе правительства Патриса Лумумбы для защиты молодой республики от бельгийских колонизаторов и поддерживаемых ими сепаратистов, стремившихся к отторжению от только что возникшего государства его богатейшей провинции Катанги. В результате империалистического заговора Патрис Лумумба был убит.

Операцию ООН в Конго Хаммаршельд превратил в подобие карательной экспедиции, отстранив от руководства операцией Совет Безопасности. Ряд обстоятельств гибели самолета, на котором летел генеральный секретарь, остались невыясненными. Заместитель генерального секретаря ООН Ральф Банч (США), один из руководителей операции ООН в Конго, в разговоре со мной утверждал, что катастрофа была подстроена наемниками. Бельгийским и английским монополиям не нравилась активность Хаммаршельда, действовавшего, как они считали, в интересах США.

После гибели Хаммаршельда ему был сооружен памятник перед зданием секретариата ООН. Модернист-скульптор установил в центре фонтана большой кусок камня в форме несколько вытянутой и опрокинутой груши с отверстием в верхней части. Как объясняют, оно должно символизировать пробитое сердце Хаммаршельда.

Новым генеральным секретарем был избран представитель Бирмы У Тан. У Тан родился в 1909 году. Он окончил Высшую национальную школу и Рангунский университет, примкнул к национально-освободительному движению. С 1931 года У Тан работал в области народного образования, был директором школы, занимался журналистикой. В 1945 году был назначен директором отдела пропаганды Антифашистской лиги народной свободы. После получения Бирмой независимости в 1947 году У Тан стал главным советником премьер-министра, занимал ряд ответственных постов в правительстве. В 1957 году Бирма была принята в члены ООН, и У Тан стал ее первым представителем.

⁵ «Известия», 5.IV.1967.

лем. Как он впоследствии рассказывал, премьер-министр пригласил его и сказал:

— Надо на годик съездить в Нью-Йорк, посмотреть, что полезного можно получить от Организации.

— Я никогда не думал, — рассказывал У Тан, — что моя поездка в Нью-Йорк свяжет мою личную судьбу с судьбой ООН на многие годы.

У Тан был постоянным представителем Бирмы, возглавлял бирманскую делегацию на сессиях Ассамблей, участвовал в Бандунгской конференции 1955 года и в Белградской конференции неприсоединившихся стран в 1961 году.

В ноябре 1961 года он был избран исполняющим обязанности, а спустя год — генеральным секретарем ООН.

Деятельность У Тана получила широкую международную известность. Он проявил себя активным сторонником предоставления независимости колониальным странам и народам, последовательно выступал за осуществление принципов мирного сосуществования, за решение международных конфликтов и споров путем переговоров.

Следуя этой политической линии, У Тан содействовал мирному урегулированию кубинского кризиса в октябре 1962 года, решению вопроса о возвращении Западного Ириана Индонезии, урегулированию сфабрикованного западными державами в 1964 году так называемого «финансового кризиса» ООН и ряда других важнейших международных проблем.

Операция ООН в Конго показала всему миру трагическое несоответствие исполнительного механизма ООН новым условиям, сложившимся в Организации в связи с приходом в нее десятков новых государств и громадными сдвигами в международных отношениях.

У Тан это учел. Говоря о политических функциях генерального секретаря ООН, У Тан в 1964 году заявил: «Генеральный секретарь является прежде всего слугой Организации и может действовать только в рамках полномочий, представляемых ему в каждом конкретном случае Советом Безопасности или Генеральной Ассамблей, он должен поддерживать тесный контакт и постоянно консультироваться с членами Организации и правительствами, непосредственно заинтересованными в решении данной проблемы».

В общем он следовал этой формуле, хотя впоследствии и допускал некоторые отступления под нажимом западных держав и под влиянием своих советников из западных стран.

За годы своей службы на посту генерального секретаря ООН У Тан снискал большой международный авторитет. Большинство его заявлений были политически определенными, яркими. Они публиковались во всех странах мира. К его оценкам прислушались и друзья и враги ООН.

КОНФЛИКТ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Как это началось

4 июня 1967 года было воскресенье. В 10 часов вечера по американскому телевидению компания Си-би-эс (Коламбия бродкастинг систем), как обычно, передавала последние новости.

Телевизионную информационную передачу в Нью-Йорке ведут три человека, которые поочередно зачитывают сообщения, как правило иллюстрируемые кинокадрами: интервью со знаменитостями, сообщения корреспондентов из столиц мира, жизнь Нью-Йорка во всевозможных аспектах (забастовки, грабежи, пожары, убийства и т. п.). Бывают в передачах и уголок моды, сообщения о новых книгах, посещения художественных выставок и т. д. Но первенство принадлежит политике. 4 июня в обзоре международных событий не было ничего тревожного. Международный раздел открывался репортажем из Каира. По улицам вечернего города гуляли празднично одетые люди. Сверкали огнями реклам кабаре, ночные клубы, кинотеатры. Красиво одетые женщины под руку с офицерами спешили попасть в театры, рестораны. Настроение безмятежности передалось и нам. Казалось, напряженность на Ближнем Востоке пошла на убыль, в Каире, отстоящем всего на сотню километров от израильских аэродромов, царит спокойствие.

Я находился на даче советского представительства. Бесконечные заседания Совета Безопасности, начавшиеся 24 мая по вопросу о положении на Ближнем Востоке, всех сильно утомили. Правда, утром по радио сообщили, что в Вашингтон вылетает вице-президент ОАР для переговоров с президентом Л. Джонсоном о мирном урегулировании обстановки на Ближнем Востоке. Одновременно было объявлено о готовности принять в Каире вице-президента США Г. Хэмфри. Эти сообщения в кругах ООН были восприняты с облегчением.

А в 5 часов утра 5 июня в дверь моей комнаты резко постучали.

— К телефону, вас к телефону, — громким шепотом сказал мне комендант дачи.

Из Нью-Йорка звонил дежурный дипломат:

— Израиль совершил нападение на ОАР. По требованию ОАР председатель Совета Безопасности назначил экстренное заседание на 8 часов утра.

Вместе с нашим постоянным представителем при ООН Н. Т. Федоренко выезжаем в Нью-Йорк. По радио дикторы скороговоркой сообщают: на рассвете израильская авиация, зайдя с моря, нанесла неожиданный удар с воздуха по египетским аэродромам, подвергла бомбардировке Каир, Порт-Саид и Суэц. Танковые армии Израиля развернули наступление на Синайском полуострове и нанесли удары по району Газы, по Иордании и Сирии. Военные обозреватели высказывают соображения о возможном исходе новой, третьей по счету арабо-израильской войны.

Полные лживых измышлений заявления из Тель-Авива: «Война — вынужденная мера самообороны... Арабские страны давно планировали уничтожить еврейское государство...»

Сионистская пропаганда создала миф о том, что в 1967 году Израиль стоял перед опасностью уничтожения, что ОАР, Сирия и Иордания планировали напасть на Израиль и ликвидировать его как государство. Посему нападение 5 июня было якобы предупредительной мерой, предпринятой в интересах самообороны. Эти рассуждения опровергаются многочисленными свидетельствами членов израильского правительства времен «шести-дневной войны» и руководителей правительства США.

Положение на Ближнем Востоке было, несомненно, напряженным. СССР и другие государства предпринимали немало усилий для того, чтобы избежать войны. В то время в Каире шла подготовка к посещению Вашингтона делегацией на высоком уровне для обсуждения с президентом Джонсоном вопросов мирного решения проблемы. В Израиле знали об этих фактах, однако решили встать на путь войны.

Откровенно признаются в этом и военные руководители Израиля. В своем выступлении по израильскому радио в июне 1972 года генерал Пелед, начальник отдела тылового снабжения во время войны 1967 года, заявил, что в июне 1967 года не существовало опасности уничтожения «еврейского государства» со стороны Египта. Он утверждал, что не было никаких доказательств того, что египтяне собирались напасть на Израиль.

Экспансионистские планы завоевания арабских территорий были разработаны сионистскими лидерами еще в конце XIX века. В 1897 году на конгрессе в Базеле сионистское движение провозгласило своей целью создание еврейского государства в Палестине. Их не смущало, что Палестина была населена тогда почти исключительно арабами. Еврейское население составляло лишь около 6 процентов. Но руководители сионистов мечтали о «великой Палестине». Сионистская делегация на мирной конференции в Париже в 1919 году выдвинула план создания такого еврейского государства, границы которого охватывали бы территорию Палестины и соседних с нею государств. Эта экспансионистская линия доминировала в сионистском движении и в годы второй мировой войны, накануне создания Израиля. Личный представитель президента Ф. Рузвельта на Ближнем

Востоке генерал Хэрли сообщал в Вашингтон, что сионистские организации имеют расширенную программу, предусматривающую создание суверенного еврейского государства и руководство всем Ближним Востоком в области экономического развития и контроля.

Сионистские руководители Израиля никогда не рассматривали границы, установленные Генеральной Ассамблеей ООН в 1947 году, как окончательные. В истории ООН последних двух десятилетий разбор многочисленных конфликтов Израиля с его соседями не сходил с повестки дня Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности.

Созданное в результате решения ООН в 1947 году государство Израиль многие годы выступало на международной арене как орудие в руках могущественных империалистических держав, правящие круги которых любыми путями стремились остановить движение народов к национальной независимости, демократии и социализму. В этой связи нельзя не вспомнить нападение Израиля в союзе с Англией и Францией на Египет в 1956 году.

В 1952 году патриотически настроенные офицеры египетской армии свергли прогнивший режим короля Фарука и провозгласили республику. Египетское правительство приступило к проведению мероприятий, направленных на ликвидацию последствий многолетнего хозяйничанья английских колонизаторов, на развитие национальной экономики и повышение жизненного уровня народа. Оно планировало с помощью западных держав осуществить строительство высотной Асуанской плотины, которая должна была дать значительный прирост посевных площадей и энергетическую базу для развития промышленности.

США и Англия в феврале 1956 года согласились предоставить Египту заем в 200 миллионов долларов на определенных условиях: Египет должен был отказаться от развития дружественных отношений с Советским Союзом. Когда египетское правительство отклонило эти унижительные условия, западные державы отказались от своего обещания предоставить Египту заем. В ответ египетское правительство 26 июля 1956 года приняло решение о национализации принадлежавшей английским и французским банкирам Всеобщей компании Суэцкого морского канала. Национализировав ее, египетское правительство решило доходы от эксплуатации Суэцкого канала направить на строительство жизненно важной Асуанской плотины¹.

¹ Позднее Асуанская плотина с помощью СССР была построена. В 1977 году вместе с другими членами Исполнительного совета ЮНЕСКО я был приглашен посетить Египет в связи с мероприятиями по спасению памятников древней архитектуры в Абу-Сабель. Мы имели возможность посмотреть на Асуанскую плотину — одно из самых грандиозных сооружений нашей эпохи. Незабываемое впечатление осталось от гигантских турбин, созданных на ленинградских заводах, и огромного озера Насера (600 квадратных километров), образовавшегося около дамбы. Это озеро — огромное водохранилище для орошения выжженных солнцем египетских полей.

Западные державы начали бешеную кампанию против законных действий Египта. Национализация Суэцкого канала расшатывала позиции империалистов на Ближнем Востоке, сказывалась на их политических и экономических интересах.

За национализацией канала могла последовать национализация нефтяных концессий на Ближнем Востоке, которые давали 20 процентов всей нефти, добываемой в капиталистическом мире. От импорта арабской нефти в значительной мере зависела энергетика США и их важнейших союзников. Англия, к примеру, в 1956 году до 80 процентов своих потребностей удовлетворяла за счет ввоза арабской нефти, Франция и Италия — до 90 процентов.

Американские нефтяные монополии, оказывающие существенное влияние на выработку внешнеполитического курса США, были серьезно заинтересованы в том, чтобы не допустить развертывания антиимпериалистической национально-освободительной борьбы арабских народов. Отсюда и проистекала упорная борьба империалистических держав против прогрессивных режимов в арабских странах.

Англия, Франция и США прибегли к экономическому нажиму на Египет. Одновременно правительства Англии и Франции начали военные приготовления.

Советское правительство 15 сентября 1956 года выступило с заявлением о необходимости мирного решения суэцкого вопроса, подчеркнув, что военные приготовления, проводимые Англией и Францией, свидетельствуют о намерении этих держав захватить Суэцкий канал, что было бы актом агрессии против Египта. СССР, указывалось в этом заявлении, не может стоять в стороне от суэцкого вопроса, так как любое нарушение мира в районе Ближнего и Среднего Востока затрагивает интересы безопасности Советского государства, находящегося в непосредственной территориальной близости к этому району².

Проблема Суэцкого канала приобрела международное значение, вокруг нее развернулась одна из битв национально-освободительного движения с империалистической политикой Запада, стремившегося сохранить контроль над странами Ближнего Востока.

Правящие круги Англии, Франции и США взяли курс на свержение правительства Египта с целью восстановления своих позиций и демонстрации мощи империализма.

Англия и Франция с самого начала суэцкого кризиса планировали применение вооруженной силы в отношении Египта. Позднее это признал глава английского правительства Иден в своих мемуарах. «Правительство, — писал он, — твердо решило, что наши кровные интересы в этом районе должны быть гарантированы, даже, если потребуются, путем военных действий».

Правительство США было в курсе военных приготовлений

² См.: «Правда», 16.IX.1956.

Англии и Франции. Заручившись молчаливой поддержкой США, Франция и Англия вступили в секретные переговоры с правительством Израиля для выработки совместного плана вооруженного нападения на Египет. Экстремистское израильское руководство охотно согласилось принять участие в нападении.

Израиль совершил его в ночь с 29 на 30 октября 1956 года. Через 24 часа после этого английское и французское правительства предъявили Египту ультиматум, в котором потребовали, чтобы Египет в течение 12 часов прекратил все действия военного характера на суше, море и в воздухе, отвел свои вооруженные силы на 10 миль от Суэцкого канала и согласился на оккупацию ключевых позиций в Порт-Саиде, Исмаилии и Суэце. В случае отказа Англия и Франция угрожали интервенцией.

Правительство Египта категорически отвергло этот ультиматум. 31 октября англо-французская авиация предприняла массированное нападение на территорию Египта. В результате бомбардировок были разрушены многие египетские города и села.

Американское правительство на словах отмежевалось от своих союзников по НАТО — Англии и Франции, внося в Совет Безопасности проект резолюции с требованием прекращения огня и вывода вооруженных сил Израиля с египетской территории. Советское правительство также внесло в Совет Безопасности проект резолюции по вопросу об израильской агрессии. Но как американский, так и советский проекты были отклонены в результате вето, наложенного Англией и Францией.

Вопрос о вооруженной интервенции против Египта был передан на рассмотрение чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 2 ноября подавляющим большинством голосов она приняла резолюцию, требующую от Англии, Франции и Израиля прекращения военных действий против Египта и вывода войск с египетской территории.

Агрессоры отказались выполнить резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН. Более того, 5 ноября Англия и Франция оккупировали зону Суэцкого канала, высадив объединенный десант в районе Порт-Саида.

В этот критический момент Советское правительство предприняло решающий шаг. 5 ноября 1956 года оно обратилось к Англии, Франции и Израилю с требованием немедленно прекратить военную интервенцию против Египта. Оно резко осудило преступные действия агрессоров против Египетской республики и предупредило об опасных последствиях, к которым может привести продолжение агрессии³.

Твердая позиция, занятая Советским Союзом, его решимость принять активное участие (в том числе и вооруженными силами) в обуздании агрессоров и восстановлении мира в районе Ближнего Востока отрезвляюще подействовали на правящие

³ См.: «Правда», 6.XI.1956.

круги Англии и Франции и сыграли решающую роль в безоговорочном прекращении ими военных действий.

Прошло лишь 22 часа после вручения советскими послами в Лондоне и Париже посланий Советского правительства, и военные действия в Египте были прекращены. Англо-франко-израильская агрессия против Египта закончилась полным провалом.

Сообщение о прекращении войны против Египта было получено в Пекине утром 7 ноября. В тот день вечером правительство КНР давало в гостинице «Пекин» большой прием в честь иностранных специалистов.

Когда мы вошли в огромный банкетный зал, то партийные и государственные деятели КНР, а также работавшие с нами китайцы, несмотря на принятую у них сдержанность в проявлении чувств, горячо нас поздравляли, восхищались смелостью и решительностью Советского правительства в мерах по защите египетского прогрессивного режима. Многие дипломаты из социалистических стран, в прошлом студенты, обучавшиеся в Институте международных отношений МИДа СССР, подходили к нашему столу, поздравляли нас с праздником Октября и успехами нашей внешней политики; наиболее эмоциональные обнимали и целовали нас.

Был потушен пожар, грозивший поставить человечество на грань новой мировой войны. Решающим образом сказались новое соотношение сил на мировой арене, сложившееся в результате ослабления империалистической системы, с одной стороны, и дальнейшего укрепления мировой социалистической системы — с другой.

В 1966—1967 годах Израиль организовал новые провокации в отношении соседних арабских государств. Агрессивная политика Израиля неоднократно была предметом обсуждения Совета Безопасности, однако маневры западных покровителей Израиля помешали Совету принять меры пресечения агрессии.

7 апреля 1967 года израильские войска предприняли нападение на Сирийскую Арабскую Республику. ОАР, связанная с Сирией договором о взаимопомощи, предприняла ряд мер военно-оборонительного характера, которые должны были показать Израилю, что Сирия не одинока. Кроме того, ОАР попросила отозвать со своей территории войска ООН, которые находились там. Они должны были находиться и на территории Израиля, но последний, несмотря на решение Ассамблеи, упорно отказывался обсудить предложение У Тана относительно размещения войск ООН по обе стороны израильско-египетской границы. Наличие войск ООН на арабской стороне линии перемирия становилось препятствием для проведения правительством ОАР оборонительных мероприятий.

Так шло развитие событий до мая 1967 года.

Обстановка на Ближнем Востоке становилась все более напряженной. 22 мая 1967 года правительство ОАР объявило об

установлении контроля над судоходством в Тиранском проливе, запретив проход через пролив судов, доставлявших в Израиль стратегические материалы.

В связи с мерами ОАР израильское правительство выступило с рядом угрожающих заявлений.

Экспансионистская политика израильских правящих кругов привела к тому, что в ближневосточный конфликт оказались втянутыми многие арабские страны. Сионистские планы создания «великой Палестины» по-прежнему подогревали страсти.

23 мая У Тан вылетел в Каир. Президент Насер и министр иностранных дел Египта заверили его, что никаких наступательных действий по инициативе ОАР предпринято не будет.

Между У Таном и президентом ОАР была достигнута договоренность о том, что генеральный секретарь ООН постарается убедить Израиль не направлять свои суда через Тиранский пролив, а правительство ОАР, со своей стороны, не будет возражать против того, чтобы суда других стран проходили в Израиль через пролив без досмотра, лишь объявляя, что они не везут в Израиль стратегических материалов⁴.

Не дожидаясь возвращения У Тана, в Нью-Йорке по требованию Канады и Дании было созвано заседание Совета Безопасности. Американский представитель в ООН Артур Голдберг проявлял показную активность якобы в целях мирного разрешения конфликта.

Голдберг — опытный юрист, набивший руку на урегулировании конфликтов между американскими профсоюзами и монополиями. При президенте Кеннеди он был министром труда, затем членом Верховного суда США — пост почетный и весьма влиятельный. Но даже его большой опыт, ораторские способности не могли скрыть произраильской линии американской администрации.

Представитель Саудовской Аравии, хорошо известный в ООН посол Баруди, в одной из своих речей недипломатично заметил: «Я хотел бы уточнить: от имени кого выступает наш друг Голдберг — Соединенных Штатов или Израиля?»

Подозрительную активность проявлял в мае и председатель Совета Безопасности⁵ — представитель Канады Джордж Игнатьев. Бывший русский граф, Д. Игнатьев был выходцем из известной в царской России семьи Игнатьевых, члены которой занимали высокие посты на дипломатической и государственной службе. Дядя канадского представителя был премьер-министром, а отец — министром просвещения при Николае II (в 1916 году). По отзывам современников, отец Д. Игнатьева среди русской интеллигенции имел репутацию человека либерального и честного.

⁴ См.: «Международная жизнь». 1967, № 10, с. 52.

⁵ По правилам процедуры Совета Безопасности председателя Совета сменяются каждый месяц. Очередность соблюдается по наименованию стран в порядке английского алфавита.

После революции семья Игнатьевых оказалась в Канаде. Старый граф напутствовал детей: «Россию мы потеряли. Надо перестраиваться и служить новой Родине, как мы служили России». Джордж это хорошо усвоил. Он сделал завидную для эмигранта карьеру — был помощником министра торговли, послом в ряде стран и, наконец, представителем Канады при ООН.

Сопровождая своего министра, Игнатьев побывал в Ленинграде. «Когда я был в Ленинграде, — рассказывал он, — я пошел посмотреть наш бывший дворец на Невском. В нем я родился и жил в детстве. Оказалось, что теперь там помещается дворец бракосочетаний...»

Внешне Игнатьев всегда дружелюбен, демократичен. С нами он старался говорить по-русски, слова произносил немного растягивая, как старые петербуржцы. Когда разговор касался деловых, политических проблем, Игнатьев предпочитал английский: так ему было легче⁶.

В мае 1967 года Игнатьев как председатель Совета Безопасности пытался оказывать активное воздействие на результаты обсуждения проблемы Ближнего Востока.

24 мая он и представитель Дании посол Табор внесли в Совет Безопасности проект резолюции, в котором высказывалась поддержка усилиям генерального секретаря ООН по разрядке напряженности и содержался призыв к членам ООН воздерживаться от каких-либо шагов, могущих ухудшить обстановку. Ни в выступлениях Игнатьева, ни в проекте резолюции не содержалось ни слова осуждения агрессивной политики Израиля. Линия канадского представителя мало чем отличалась от позиции Голдберга.

Игнатьев стремился убедить всех, что проект его объективен, что только такая резолюция может «спасти мир» на Ближнем Востоке. Но проект не получил поддержки. Он был слишком односторонен.

27 мая делегация ОАР потребовала обсуждения в Совете Безопасности вопроса об агрессивной политике Израиля, угрожавшей миру и безопасности на Ближнем Востоке и всеобщему миру. Последовала серия заседаний... Обструкционистская тактика США и Англии, поддержанная некоторыми другими членами Совета — их союзниками по НАТО, помешала принятию позитивных решений...

И наступило утро 5 июня 1967 года.

Несмотря на ранний час, зал заседаний Совета Безопас-

⁶ Кстати сказать, родители американского представителя Артура Голдберга тоже были выходцами из России. Они приехали в США до Октябрьской революции. В кругах ООН шутили: «Русские захватывают контроль над Советом Безопасности. Помимо советского представителя, в Совете еще двое русских».

Через год, правда, угроза «русского нашествия» миновала. В 1968 году Голдберг ушел из ООН; с приходом к власти нового правительства в Канаде был отозван и Игнатьев.

ности переполнен. Дипломаты арабских государств, африканских стран, социалистического и капиталистического мира, многочисленные журналисты, фото- и телекорреспонденты встревоженно обсуждали новый военный взрыв на Ближнем Востоке и его возможные последствия.

Представитель Сирии посол Джордж Томэ и представитель Иордании Мухаммед Эль Фарра сообщили нам, что Сирия и Иордания также подверглись нападению со стороны Израиля и их войска ведут бои с израильтянами.

Возбужденные пресс-атташе и журналисты ежеминутно вбегали в зал с обрывками телетайпных лент, со все новыми сообщениями крупнейших мировых агентств. Ирак... Алжир... Кувейт... заявили о поддержке ОАР. Ирак направляет свои войска в Египет. Иракская авиация подвергла ответной бомбардировке израильскую территорию.

В первый день войны мы не имели сколько-нибудь достоверной информации о положении дел на фронтах. Не располагали достоверной информацией и дипломаты арабских стран.

Я подошел к представителю ОАР послу Эль Куни. Посол выглядел встревоженным. Серые виски и глубокие морщины подчеркивали усталость. Непрерывные заседания Совета Безопасности, переговоры и консультации измотали посла. Отведя меня в сторону, Эль Куни сказал, что, по его данным, египетская армия из района Газы продвинулась вперед и идет на соединение с иорданскими частями. «Агрессор должен быть наказан», — внушительно произнес он.

В тревожной атмосфере члены Совета занимают свои места. Нервничает и председатель Совета — датчанин Табор, высокий, крупный блондин с типично скандинавскими чертами лица. Большие светлые глаза тревожно оглядывают зал заседания. Он понимает: крупный военный конфликт, угрожающий всеобщему миру. Здесь немало зависит от его, Табора, дипломатического искусства. Не только решение конфликта, но и его дипломатическая карьера... Его слова и заявления будут цитировать все газеты и радиостанции мира. На экранах телевизоров его увидят сотни миллионов людей...

Вспыхивают блицы фотоаппаратов. Им важно запечатлеть наиболее драматические и сенсационные моменты. Какое выражение лица у египтянина Эль Куни? Как выглядит этим утром всегда подтянутый, с неизменной трубкой в руках советский представитель Н. Т. Федоренко? Не видно ли замешательства на лицах арабских дипломатов?

Голдберг, жестикулируя, разговаривает со своими главными советниками — Максом Фингером и Диком Педерсенем. На другом конце длинного подковообразного стола — советская делегация во главе с Н. Т. Федоренко. Советский представитель спокоен, хладнокровно читает и правит проект выступления.

В амфитеатре зала Совета Безопасности места для представителей стран — не членов Совета. В первом ряду, справа от

председателя, неподалеку от американцев, израильская делегация. Видно, как младшие сотрудники нервничают, возбужденно переговариваются, приносят срочные телеграммы, сообщения...

За невысоким заборчиком места для прессы, еще выше — для публики. Сотрудники охраны ООН зорко следят за публикой. Бывали (и не раз!) попытки провокаций. Не один раз охрана отнимала оружие у представителей экстремистской сионистской организации «Лига защиты евреев».

Удар молотка председателя. Усиленный микрофоном, слышится голос Табора:

— Объявляю открытым 1347-е заседание Совета Безопасности.

Утверждается повестка дня: жалоба правительства ОАР на преднамеренное, неспровоцированное нападение израильских вооруженных сил на территорию ОАР.

К столу Совета для обсуждения вопроса без права голоса приглашаются представители ОАР, Сирии, Иордании и Израиля.

Заслушав выступления представителей ОАР и Израиля, Совет прерывает заседание для консультаций. Нет времени для словесной перепалки. В кабинете председателя обсуждается вопрос о неотложных действиях Совета. Представитель Франции посол Сейду высказывается за то, чтобы Совет потребовал не только прекращения военных действий, но и отвода войск на позиции, которые они занимали до начала этих действий. Его поддерживает представитель Индии. Английский представитель лорд Карадон заявил, что готов голосовать за решение «о прекращении огня и даже за разъединение и вывод войск».

Советский Союз, всегда последовательно выступавший против агрессии, за солидарность с народами, борющимися за свою свободу и независимость, решительно выступил в защиту арабских государств.

Н. Т. Федоренко сообщает, что 5 июня 1967 года Советское правительство опубликовало специальное заявление, в котором решительно осудило израильскую агрессию против ОАР и других арабских стран, грубо поправшую Устав ООН и элементарные нормы международного права.

Советское правительство, говорит он, настаивает на том, чтобы ООН осуществила свой главный долг — осудила агрессивные действия Израиля и предприняла срочные меры к восстановлению мира на Ближнем Востоке⁷.

Американцы и англичане, заявляя о готовности пойти на принятие резолюции о прекращении огня и выводе войск, не торопились с ее оформлением. Они выжидали дальнейшего развития событий.

Вскоре стали поступать сообщения о крупных неудачах еги-

⁷ См.: «Правда», 6.VI.1967.

петских вооруженных сил. Внезапность нападения хорошо подготовленных и оснащенных американской техникой израильских войск, преступная беспечность генералов, нежелание реакционной части высшего командования египетской армии защищать завоевания революции обеспечили быстрый успех израильским войскам.

Офицеры обратились в бегство. Дрогнули и солдаты.

У Египта было достаточно оружия, чтобы сдержать и отбросить противника, но в руководстве армии явно преобладали те пораженческие элементы, которые предпочитали разгром продолжению социальных реформ, начатых президентом Насером. Многие египетские офицеры — выходцы из буржуазной и феодальной среды — капитулировали еще до начала войны. Их капитулянтство выражалось в нежелании готовить боеспособных солдат, в отказе учить их овладевать современной военной техникой. Среди высших офицеров было много бездельников, для которых армейские погоны были всего лишь мандатом на получение многочисленных привилегий. Эти люди наживались, устраивали свои делишки, наслаждались жизнью. У них не было желания готовить армию к битве, которая надвигалась с каждым днем. Египет имел достаточно людских и материальных ресурсов, чтобы не допустить поражения. Но эти ресурсы не были отоброшены заранее. Шовинистическая пропаганда, шапкозакидательские речи и статьи, которыми были заполнены печать и радио в связи с провокациями израильской военщины, не могли заменить серьезной подготовки всех сил и средств к сопротивлению врагу. Дали знать себя и классовые противоречия в обществе.

Американские средства массовой информации широко сообщали о победах израильских войск. По телевидению показывали захваченные израильтянами сотни новых танков. Корреспондент из Тель-Авива Джей Вышинский издевательски комментировал: «Я смотрю на эти колонны танков, с орудий которых даже не сняты чехлы. Мне представляется, что танки выстроились, чтобы принять участие в параде...»

Получив сведения о том, что Израиль добился определенных военных успехов, американская и английская дипломатия изменила свою позицию. 6 июня Голдберг и Карадон заявили нам о своем отказе включить в любую резолюцию Совета Безопасности требование о выводе войск.

— Это дело будущего, — сказал цинично Голдберг.

Выдвигая различные поправки к проекту резолюции и затягивая консультации, Голдберг, Карадон, Игнатъев препятствовали даже принятию резолюции о прекращении огня. Это было выгодно израильской военщине, которая, воспользовавшись удачей, стремилась развить успех.

6 июня утром перед началом заседания я подошел к Голдбергу.

— Советская делегация надеется, что американский предста-

витель, который ранее проявлял озабоченность по поводу угрозы конфликта на Ближнем Востоке, будет последовательным и поддержит предложение срочно принять резолюцию о прекращении огня.

Голдберг резко повернулся ко мне:

— Я не уверен, что смогу поддержать такую резолюцию.

Обстановка на фронте становилась все более критической. Советская делегация стремилась добиться одобрения решения о прекращении огня, подчеркивая, что продолжение военных действий на Ближнем Востоке может привести к распространению военного конфликта на другие страны и районы. В результате интенсивных консультаций, проводимых советскими дипломатами, удалось убедить даже ближайших союзников США (Англию, Канаду, Данию) в необходимости принятия такой резолюции, и для них стала очевидной опасность продолжения войны для судеб всего мира.

Острая дискуссия длилась весь день, и лишь поздно вечером, около 10 часов, Совет Безопасности вынес решение, в котором требовал принять безотлагательно меры для немедленного прекращения всех военных действий на Ближнем Востоке. Резолюция подчеркивала, что указанные меры должны явиться лишь первым шагом. Это было важное положение, означавшее недопустимость примирения с захватами, осуществленными агрессором.

В нарушение резолюции, призывавшей стороны прекратить огонь, израильская армия развивала успех. Бронетанковые части рвались к Суэцу, вышли к берегам реки Иордан. Создавалась угроза выхода израильских войск на западный берег Суэцкого канала.

Советское правительство потребовало срочного созыва Совета Безопасности.

Поздно вечером 7 июня Совет принял резолюцию № 234, в которой в категорической форме требовал прекратить огонь в течение нескольких часов.

Советский Союз принимал все меры, поддерживая Египет как в политическом, так и в военном отношении. Позиция нашей страны имела как своих сторонников, так и своих противников.

Видный египетский журналист и политический деятель, главный редактор газеты «Аль-Ахрам» Хейкал, касаясь событий тех дней, рассказывал мне, что в самые напряженные и трагические для Египта дни китайский посол Хуан Хуа посетил президента Насера и вручил ему личное послание Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун рекомендовал Насеру отвергнуть резолюцию о прекращении огня и не заключать перемирия с Израилем. Если даже израильтяне захватят Каир, говорилось в письме, то египетская армия и партизаны могут уйти в сельские местности и пустынные районы и оттуда развернуть партизанскую войну.

Мао Цзэдун при этом ссылался на опыт ведения партизанской войны в Китае.

Насер отверг рекомендации китайцев и решительно стал добиваться осуществления резолюции Совета Безопасности о прекращении военных действий.

Израильская армия, добившись успеха на Синайском полуострове, развернула наступление вдоль всей сирийско-израильской демаркационной линии. Израильцы планировали захватить Дамаск и свергнуть прогрессивный режим в Сирии. Наблюдатели ООН сообщали о фактах бомбардировок окрестностей Дамаска и артиллерийского обстрела демилитаризованной зоны.

Утром 9 июня Совет Безопасности потребовал прекращения всех военных операций на израильско-сирийском фронте.

США и Израиль затеяли в Совете дипломатическую игру, утверждая, что неясно, кто именно нарушает резолюцию Совета. Голдберг заявил о необходимости «беспристрастного» расследования «взаимных обвинений», оспаривал сообщения о дальнейшем продвижении израильских войск, ссылаясь на «необходимость проверки» всех данных. США явно делали ставку на то, чтобы выиграть время и дать возможность Израилю не только захватить как можно больше территорий, но и добиться свержения прогрессивных режимов в арабских странах. Им казалось, что цель близка — президент Насер заявил о своем намерении уйти в отставку. Главный удар израильцы теперь наносили по Сирии.

9 июня заседание кончилось поздно ночью, а рано утром 10 июня позвонил сотрудник миссии Сирии. Прерывающимся от волнения голосом он сообщил, что из Дамаска получено сообщение: обстановка значительно ухудшилась. Израильские войска захватили Кунейтру и двигаются к Дамаску.

Срочно приезжаем в штаб-квартиру ООН. Спрашиваю у представителя Сирии:

— Как дела на фронте?

Сирийский дипломат бледен.

— Израильские танки в шестидесяти километрах от Дамаска.

— А войска для защиты столицы подтянуты?

— Нет. Собирается ополчение. Войска на других участках фронта.

По согласованию с послом звоню председателю Совета Безопасности датчанину Табору. Решительно поддерживаем просьбу Сирии о срочном заседании Совета. Датский посол очень неохотно соглашается.

Невыспавшиеся представители хмуры. Советская делегация просит У Тана сообщить, какие известия получены от начальника штаба наблюдателей ООН.

У Тан зачитывает телеграмму.

Обозреватели ООН подтверждают, что на территории Сирии

продолжаются сражения, что дамаский аэропорт и пригороды подвергаются бомбардировке израильскими военно-воздушными силами.

Израильский представитель Рафаэль лицемерно заявил, что, по сведениям МИДа Израиля, атак на Дамаск и его аэропорт не было, что израильские самолеты летали над территорией Сирии для прикрытия израильских сил и т. п.

Начальник штаба наблюдателей ООН снова подтвердил факты воздушных атак на предместья Дамаска.

Необходимы были решительные действия в поддержку жертв агрессии вне рамок ООН, выполнение решений которой срывалось империалистическими силами.

9 июня было принято совместное заявление центральных комитетов коммунистических и рабочих партий и правительств семи социалистических стран: Болгарии, Чехословакии, ГДР, Венгрии, Польши, Советского Союза и Югославии — в связи с положением, создавшимся на Ближнем Востоке. В заявлении указывалось, что социалистические страны считают необходимым сделать соответствующие выводы из того факта, что Израиль не выполнил решения Совета Безопасности и не прекратил военные действия. «В трудный час для государств Арабского Востока, — говорилось в заявлении, — социалистические страны заявляют, что они целиком и полностью солидарны с их справедливой борьбой и будут оказывать им помощь в деле отражения агрессии и защиты национальной независимости и территориальной целостности». Если Израиль не прекратит агрессию, говорилось далее, то подписавшие заявление социалистические страны «сделают все необходимое, чтобы помочь народам арабских стран дать решительный отпор агрессору»⁸.

Дискуссия в Совете достигает наивысшего накала.

Слово берет советский представитель. Телекамеры нацелены на советскую делегацию.

Н. Т. Федоренко сообщает о решении Советского правительства разорвать дипломатические отношения с Израилем, вследствие того что Израиль продолжает агрессию, несмотря на решение Совета Безопасности и предупреждения со стороны правительства СССР и других социалистических стран. Если Израиль не прекратит военные действия, заявил советский представитель, СССР вместе с другими миролюбивыми государствами применит санкции против Израиля⁹.

Заявление Советского правительства и других социалистических стран¹⁰ произвело исключительный эффект. Спустя несколько часов У Тан информировал Совет, что израильское правительство дало согласие на осуществление мер по прекращению всех военных операций и на размещение наблюдателей

⁸ «Правда», 10.VI.1967.

⁹ Текст см.: «Правда», 11.VI.1967.

¹⁰ Одновременно с СССР заявили о разрыве дипломатических отношений и другие социалистические страны, подписавшие заявление.

ООН по обеим сторонам сирийско-израильского фронта. Израиль после этого продолжал нарушать резолюцию Совета, но уже в меньших масштабах.

Таким образом закончилась «шестидневная война». Для этого, как уже указывалось, понадобилось несколько решений Совета Безопасности, потребовался разрыв дипломатических отношений Советского Союза и других государств с Израилем, решительное предупреждение о применении санкций, прежде чем израильские войска прекратили военные действия.

Прекращение огня и военных действий на Ближнем Востоке явилось определенным успехом миролюбивых сил. Но это был лишь первый шаг, поскольку вооруженные силы Израиля продолжали оккупировать земли Объединенной Арабской Республики, Сирии и Иордании, в три с лишним раза превышающие его территорию.

Дипломаты в ООН сражаются

Острая политическая борьба по Ближнему Востоку продолжалась и позже. В процессе работы сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заседаний Совета Безопасности и других органов Организации Объединенных Наций не только принимаешь участие в рассмотрении сложнейших международных проблем, разрешении всевозможных споров, конфликтов, но и знакомишься с обширным кругом людей — главным образом государственных деятелей, дипломатов. Чаще всего это незаурядные личности. О некоторых из них хотелось бы рассказать отдельно.

С яркими речами, обличавшими израильских агрессоров и их покровителей, выступали помимо СССР представители Болгарии, Мали, Индии, Саудовской Аравии.

Активную роль играла в Совете болгарская делегация. Высокий, смуглолицый, с седой шевелюрой болгарский представитель Милко Тарабанов пользовался широкой известностью в кругах ООН. Он всегда был хорошо информирован, поддерживал контакты со многими делегациями.

Ряд лет мне пришлось сотрудничать с Милко Тарабановым. Профессиональный революционер, активный участник подпольной борьбы против монархо-фашистского режима в Болгарии, он вынужден был эмигрировать во Францию. После победы народного восстания 9 сентября 1944 года Тарабанова назначили на дипломатический пост. Он был послом в ряде стран, заместителем министра иностранных дел и представителем Болгарии при ООН. У меня сложилось о Милко Тарабанове впечатление как об искреннем и добром человеке, друге нашего народа, талантливом дипломате, подлинном коммунисте-интернационалисте.

Ежегодно Милко Тарабанов приглашал советскую делегацию на приемы, посвященные годовщине подписания советско-бол-

гарского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Болгарский народ, говорил он на одном из таких обедов, с радостью и гордостью отмечает это историческое событие, открывшее новый этап в развитии давних дружеских взаимоотношений между русским и болгарским народами. Болгарский народ никогда не забудет, что от пятивекового турецкого ига его освободили русские воины. Плевна и Шипка, Шейново и Старо-Загора — для каждого болгарина это символы русской отваги, эпопеи кровопролитных боев за свободу Болгарии, это памятники нашего братства, скрепленные совместно пролитой кровью. Никогда болгарский народ не забудет того, подчеркнул Милко Тарабанов, что возрождение Болгарии и ее расцвет были достигнуты с помощью СССР, при его постоянной бескорыстной поддержке и помощи.

В годы эмиграции и в болгарских тюрьмах Тарабанов хорошо изучил французский язык, овладел русским и английским языками. Он мог без помощи переводчика поддерживать контакты практически с любой делегацией. В ООН, как нигде, это важно. Выступления Тарабанова, его речь отличаются большой страстностью и убедительностью.

Болгария играла существенную роль в борьбе социалистических стран за всеобщее и полное разоружение, укрепление международной безопасности, выступала в защиту прав арабских народов, поддерживала героическую борьбу вьетнамского народа против империалистической агрессии.

В 1971 году на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи Милко Тарабанов был избран председателем I (Политического) комитета Ассамблеи, занимающегося вопросами международной безопасности, разоружения, проблемами мирного использования космоса, морского дна и Мирового океана. Приходилось не раз советоваться с Тарабановым по конкретным вопросам работы комитета, тактики проведения резолюций, направленных на укрепление мира и отражающих интересы большинства Организации. На поддержку и помощь представителя Болгарии всегда можно было положиться. Он являл собой новый тип дипломата, сложившегося в процессе активной дипломатической деятельности стран социалистического содружества и достойно представлявшего одну из этих стран.

Совершенно иной человек — посол Баруди.

...Председатель произносит стереотипную фразу:

— Представитель Саудовской Аравии посол Баруди обратился ко мне с письмом, в котором просит допустить его к участию в обсуждении вопроса. Если не последует возражений со стороны членов Совета, я пригласу представителя Саудовской Аравии к столу Совета Безопасности и предоставлю ему слово в соответствующее время...

Возражений никто не высказывает. В зале оживление. С места, где расположены делегаты — не члены Совета, поднимается невысокого роста пожилой человек. Он не торопясь идет

к столу Совета. В руках у Баруди книга. Он медленно кладет ее перед собой. Это Библия или мемуары кого-либо из политических деятелей, имевших отношение к созданию Израиля. В отличие от других ораторов Баруди не готовит заранее текст речи. Обычно он достает из кармана клочок бумаги, на нем несколько строк. И это все.

По официальным спискам состава миссий, издаваемых ежегодно секретариатом ООН, Баруди уже более 20 лет числится заместителем представителя Саудовской Аравии. Представителем считается сам король. За всю историю ООН он не появлялся в Организации, тем не менее Баруди только заместитель.

Баруди — колоритная фигура. В ООН его знают все. Во время сессий Ассамблеи он выступает практически во всех главных комитетах, на пленарных заседаниях Генеральной Ассамблеи и в Генеральном комитете. Там, где возникает острая дискуссия, столкновение мнений, конфликт, наверняка можно обнаружить саудовского посла. Особенно любит Баруди выступать в Совете Безопасности. Главная тема его выступлений — обличение израильской агрессии и ее пособников. Своеобразные речи произносит Баруди и в главных комитетах Генеральной Ассамблеи. Часто без всякой подготовки. Иногда в поддержку предложений социалистических стран, как это было, в частности, по вопросу о Корее.

Баруди в течение ряда лет поддерживал предложения социалистических и развивающихся стран о приглашении КНДР для участия в обсуждении так называемого корейского вопроса, сохранявшегося в повестке дня Ассамблеи со времени американской интервенции в 1950 году. Активная деятельность Баруди не ограничивалась рамками ООН. На одном из приемов я разговаривал с вице-президентом «Чейз Манхэттен Бэнк» Э. Эйлером. Проходя мимо нас, Баруди поклонился. Я спросил собеседника, знает ли он посла Саудовской Аравии. Эйлер усмехнулся: «О, конечно! Господин Баруди хорошо известен на фондовой бирже Нью-Йорка. Я не раз следовал его советам и делал хорошие деньги. Не только я один советуюсь с ним».

Проамериканский в своей основе курс правительства Саудовской Аравии, связи самого Баруди с американской биржей определяли поведение саудовского представителя при голосовании по острым вопросам, в которых сталкивались интересы двух противоположных систем. И тем не менее Баруди нередко демонстрировал широту взглядов. Говорили, что у Баруди надежные «тылы», он имел доверительные отношения с королевской семьей — ряд лет занимался воспитанием детей членов королевской фамилии, а также некоторыми финансовыми операциями королевского дома.

В ходе дискуссий в Совете Безопасности Баруди произнес ряд ярких речей с критикой политики США и Англии на Ближнем Востоке, направленной на ущемление прав арабов и поддержку политики Израиля. Рассматривая вопрос о создании

Израиля, Баруди начинал с критики так называемой «декларации Бальфура», послужившей основой для создания Израиля.

Министр иностранных дел Англии Бальфур 2 ноября 1917 года опубликовал декларацию о политике Англии в Палестине в форме своего письма банкиру Ротшильду. В декларации провозглашалось, что британское правительство «относится благосклонно к установлению в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все свои усилия, чтобы облегчить достижение этой цели». При этом оговаривалось, что «не должен быть нанесен ущерб гражданским и религиозным правам существующих в Палестине нееврейских общин, а также политическому статусу, которым пользуются евреи в любой другой стране»¹¹.

Баруди рассматривал эту декларацию как предательство интересов арабского народа. Он полемизировал с утверждением израильских и американских представителей, что евреи получили землю, которой владели их предки две тысячи лет тому назад, до завоевания еврейского государства римлянами.

Обращаясь к американским представителям, Баруди заявлял:

— Если вы так строго придерживаетесь этого принципа, то почему бы вам не вернуть остров Манхэттен, на котором расположен Нью-Йорк, краснокожим индейцам, которые всего триста лет назад владели им? Они смогут вернуть вам 24 доллара, которые были уплачены им за остров, вместе с процентами!

Под шум зала и одобрительные возгласы публики Баруди продолжал:

— То, что эти сионисты сделали с нами (арабами. — Л. К.), точно соответствует тому, что американцы сделали в отношении индейцев. Они живут в резервациях, а арабские беженцы живут в палатках... Бедные арабские беженцы, изгнанные со своих земель израильянами, получают на жизнь только 7 центов в день, тогда как газета «Нью-Йорк таймс» стоит 10 центов.

В другом выступлении, полемизируя с опытным демагогом, представителем Израиля при ООН Текоа, Баруди говорил:

— Сегодня господин Текоа снова напомнил, что они вновь обрели землю, которую у них отняли две тысячи лет назад римляне... То, что Палестина принадлежит какому-либо одному религиозному исповеданию, чепуха. Палестина или любая другая страна принадлежит исконному народу этой земли. В 1918 году коренное население составляло 94 процента, и некоторую часть его составляли евреи. Но с теми евреями у нас не было ссор. Они были нашими братьями. Но вот являются евреи из Европы, использовавшие иудаизм как побуждение для достижения политических и экономических целей. Они явились в двадцатом веке, чтобы сделать национальность из религии...

¹¹ Цит. по: «Дипломатический словарь». Т. 1. М., 1971, с. 1174.

Баруди разоблачал произраильскую позицию западных государств, стремившихся руками Израиля добиться своих империалистических целей.

— Мне весьма авторитетно было сказано, — говорил он, — что, если израильтяне встретятся с каким-либо отпором, Израилю будет оказана помощь со стороны западных военно-морских и военно-воздушных сил.

Баруди полностью поддержал проект резолюции по Ближнему Востоку, предложенный Советским Союзом. Иногда он выступал с речами, разоблачавшими антисоветизм западных делегаций.

— Я помню, будучи старожилом Организации Объединенных Наций, — заявлял Баруди, — что раньше любой, кто говорил с коммунистом, становился объектом нападок. Но теперь положение изменилось. Советский Союз выступает с резолюцией, которая пытается помочь делу. Источник коммунистический? И что же? Я, например, монархист, но должен сказать, что резолюция логична, гуманна и излагает все, как надо, без обмана и двуличия.

Баруди утверждал, что арабский народ не примирится с насилием сионистов.

— Арабский народ, — заявлял он, — не менее стоек, чем англичане и русские. Черчилль не сказал, когда пал Дюнкерк: «мы проиграли войну», он обещал своему народу кровь, пот и слезы. Когда Наполеон был у ворот Москвы, а позднее, когда Гитлер повторил это, русские не сдались. Почему? Они боролись за свою Родину. Почему арабы должны быть иными?

...Затягивая решение вопроса, покровители Израиля хотели дать время израильской военщине закрепиться на занятых рубежах. В то же время западная дипломатия не хотела бросать открытого вызова арабским народам.

7 июня семь арабских стран (ОАР, Алжир, Сирия, Ирак, Йемен, Судан и Мавритания) разорвали дипломатические отношения с США, показав тем самым свое возмущение недостойными маневрами американской администрации в ООН и поставками американского оружия израильскому агрессору.

14 июня советская делегация потребовала поставить на голосование свой проект резолюции. Напряженная тишина воцарилась в зале, заполненном дипломатами, журналистами, политическими деятелями из ряда стран.

Председатель Совета Безопасности Табор объявляет:

— Ставлю на голосование проект резолюции, содержащейся в документе S/10021, представленный Советским Союзом.

Глаза всех обращаются на дипломатов западных стран.

— Кто за? — спрашивает председатель. — Прошу поднять руки.

Представители СССР, Болгарии, Мали, Индии поднимают руки.

— Кто против?

Никто не поднимает руки. Никто не осмелился голосовать против. Это было бы вызовом мировому общественному мнению, привело бы к резкому осуждению политики западных держав в арабских, африканских и азиатских странах. Поэтому США и их союзники прибегли к так называемому «скрытому вето», т. е. воздержались при голосовании, чтобы резолюция не получила необходимых девяти голосов и тем самым была отвергнута.

Западные державы, возглавляемые США, не допустили принятия справедливого решения о возвращении арабских земель, захваченных Израилем в результате агрессии.

Обстановка продолжала оставаться напряженной. В июле была созвана Чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи, в которой приняли участие главы правительств от ряда государств. Глава делегации Советского Союза Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин призвал Генеральную Ассамблею к принятию решений, которые бы расчистили путь к восстановлению мира на Ближнем Востоке. Требуя осуждения агрессии и вывода войск с захваченных территорий ОАР, Сирии и Иордании, Советское правительство исходило не только из необходимости восстановления мира и урегулирования других нерешенных вопросов на Ближнем Востоке.

Оставить безнаказанными действия Израиля против арабских стран означало бы поощрение борьбы против национального освобождения народов, против интересов многих государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Советская делегация заявила, что СССР не признает территориальных захватов со стороны Израиля. Верный идеалам мира, свободы и независимости народов, Советский Союз принимал все зависящие от него меры как по линии ООН, так и вне рамок Организации, с тем чтобы добиться ликвидации последствий агрессии и содействовать налаживанию прочного мира в этом районе.

Подавляющее большинство делегаций от имени своих государств в той или иной форме осудило агрессора и совершенные им территориальные захваты, осудило применение силы в международных отношениях, высказалось за безотлагательное освобождение оккупированных арабских территорий от войск захватчиков.

За проект Советского Союза проголосовало 45 делегаций. За проект группы неприсоединившихся стран, которых активно поддерживал Советский Союз, проголосовало 53 страны (против проголосовало 46).

По правилам процедуры для принятия решения требуется две трети голосов. Обе резолюции, таким образом, не были приняты. Однако главный итог заключался в том, что агрессор был осужден подавляющим большинством государств. Этот важный политический вывод подтверждается и тем, что 100 делегаций проголосовало за осуждение действий Израиля в оккупирован-

ном им Иерусалиме. Генеральная Ассамблея 4 июля 1967 года одобрила резолюцию, объявившую действия Израиля по изменению статуса Иерусалима «не имеющими законной силы». Генеральная Ассамблея призвала Израиль отменить принятые меры и впредь воздерживаться от действий, которые могли бы изменить статус Иерусалима. Но Израиль цинично игнорирует это решение.

Каждое утро, когда я входил в свой кабинет в секретариате ООН, на моем столе лежала гора документов. Среди них постоянно с 1967 года присутствовали донесения военных наблюдателей ООН с линий перемирия Израиля с Египтом, Сирией и Иорданией. Эти сообщения (иногда по нескольку в день) информировали Совет Безопасности о происходивших перестрелках, нападениях израильских частей. Сухой, протокольный текст сообщений обычно гласил: в секторе «грин» (или каком-либо другом) был отмечен артиллерийский (минометный, пулеметный) огонь, начавшийся с израильской стороны в 17.15 по средневропейскому времени. С египетской (сирийской, иорданской) стороны был отмечен ответный артиллерийский (минометный, пулеметный) огонь. Перестрелка прекратилась в 19.35. В разных вариантах сообщения начальника штаба наблюдателей на Ближнем Востоке канадского генерала Булла (а затем с 1971 года финского генерал-майора Сииласвуо) появлялись в секретариате ООН и рассылались по миссиям ежедневно. Не проходило и недели, чтобы представители арабских стран — соседей Израиля: Сирии, ОАР, Иордании или Ливана — не доводили до сведения Совета Безопасности факты нарушения условий перемирия израильской стороной: облет территорий израильскими самолетами, обстрел и бомбардировки населенных пунктов или лагерей беженцев. Многократно, когда нарушения превращались в крупные столкновения, представители то одной, то другой арабской страны требовали созыва Совета Безопасности.

Совет заседал. Произносились горячие обличительные речи. Выносилось осуждение действий Израиля. Однако, когда вставал вопрос о применении решительных мер против агрессии, срабатывал механизм тесного американо-израильского альянса. Американские представители Голдберг (1965—1968), Болл (1968), Йост (1968—1970), Буш (1971—1973), Скали (1973—1975) неизменно заявляли: США не могут поддержать такую резолюцию. Однако год за годом при обсуждении вопроса о положении на Ближнем Востоке на Генеральных Ассамблеях, в Совете Безопасности выявлялась растущая изоляция Израиля в странах Африки, Азии и Латинской Америки. Это заметно отражалось на результатах голосований.

Израильская военщина, опираясь на поддержку США, продолжала творить насилие и беззакония на оккупированных территориях, провоцировать вооруженные конфликты, обстреливать города и села ОАР, Сирии и Иордании.

24 октября 1967 года представитель ОАР потребовал созыва Совета Безопасности для обсуждения вопроса о новом акте агрессии. Был совершен артиллерийский обстрел и бомбардировка гражданских объектов — нефтеперерабатывающих заводов и жилых кварталов в городе Суэце.

25 октября Совет Безопасности одобрил резолюцию, в которой осуждал все акты нарушений прекращения огня и требовал строгого соблюдения предыдущих резолюций по этому вопросу.

Через две недели срочного созыва Совета Безопасности потребовала ОАР, чтобы рассмотреть вопрос об опасной ситуации, сложившейся на Ближнем Востоке, в результате агрессии, совершенной 5 июня 1967 года против ОАР, Сирии и Иордании.

Между 9 и 22 ноября состоялось семь заседаний Совета Безопасности, на которых был подробно рассмотрен вопрос о положении на Ближнем Востоке, обсуждены проекты резолюций, внесенных представителями разных стран.

16 ноября внес свой проект резолюции представитель Англии лорд Карадон, утверждая, что его проект является хорошо сбалансированным и справедливым.

Лорд Карадон был широко известен в международных кругах. Он начинал карьеру под именем Хью Фута в качестве лейбористского функционера вместе со своим братом Майклом, ставшим впоследствии известным лейбористским журналистом и парламентарием. В кабинете Вильсона, сформированном в 1974 году, Майкл Фут получил портфель министра труда¹². Хью Фут сделал довольно быструю карьеру на государственной службе — в области управления колониями. Он возглавил колониальную администрацию в Нигерии, был генерал-губернатором Кипра, охранял интересы британского империализма на Ближнем Востоке.

Заслуги Хью Фута были высоко оценены правящими кругами Великобритании. Ему был пожалован титул лорда. Он принял имя лорда Карадона. В его апартаментах на 5-й авеню в Нью-Йорке на камине и в библиотеке можно было видеть фотографии хозяина с королевой Елизаветой II и ее мужем принцем Филиппом, с премьер-министрами Англии.

Выступая обычно по тексту, который миссия получала из Лондона, Карадон свои речи в Совете Безопасности начинал с какого-либо афоризма или шутки. Как-то в ответ лорду советский представитель привел восточную поговорку: «Когда лев растягивает губы, не думайте, что он смеется. Он показывает зубы». Восточная мудрость вызвала усмешки у дипломатов и шумное оживление в публике. Со склеротическими прожилками на лице, остатками седых волос, лорд Карадон воистину символизировал дряхлеющего британского льва...

Лорд Карадон вместе с представителем США резко возражал против советского проекта резолюции. В нем намечались

¹² Майкл Фут в 1980 году стал лидером лейбористской партии.

конкретные меры по ликвидации последствий израильской агрессии — вывод израильских войск со всех оккупированных арабских территорий к линиям, существовавшим на 5 июня 1967 года, возвращение беженцев к их очагам, возмещение убытков жертвам агрессии. Но из-за возражений США и Англии советский проект не имел шансов быть принятым. Создавалась угроза повторения того же, что было 14 июня 1967 года, когда наш проект не получил необходимого большинства.

После изложения своих позиций делегации постоянных членов Совета Безопасности: СССР, США, Англии и Франции — перешли к неофициальным консультациям, чтобы выработать документ, приемлемый для большинства. Обмен мнениями показал, что наибольшие шансы быть принятым имеет проект резолюции, представленный Англией.

Он был единогласно одобрен Советом Безопасности 22 ноября 1967 года.

Резолюция предусматривала вывод израильских войск с оккупированных арабских территорий, прекращение состояния войны, уважение и признание суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в данном районе и их права жить в мире; справедливое урегулирование проблемы беженцев, обеспечение территориальной неприкосновенности и политической независимости каждого государства с помощью различных мер, включая установление демилитаризованных зон.

Эта резолюция стала важной вехой урегулирования ближневосточного конфликта, международно-правовой основой для отстаивания интересов арабских стран, ликвидации последствий израильской агрессии.

Резолюция № 242, принятая Советом Безопасности 22 ноября 1967 года, помимо принципиальных решений предлагала генеральному секретарю ООН назначить специального представителя на Ближнем Востоке, чтобы установить и поддерживать контакты с заинтересованными государствами и оказать помощь в достижении мирного решения в соответствии с условиями и принципами этой резолюции.

После длительных раздумий и консультаций выбор У Тана пал на шведского посла в Москве Гуннара Ярринга. Как писал американский журнал «Тайм» 17 августа 1970 г., Яррингу была поручена «наиболее трудная в мире дипломатическая миссия». После того как он, выполняя поручение, посетил Каир, Амман, Дамаск, Иерусалим, Нью-Йорк, журналисты многих стран стали публиковать всевозможные материалы о Ярринге, его вкусах, стиле работы, семье и т. п. По роду своих обязанностей мне приходилось видеть посла довольно часто, когда он приезжал в Нью-Йорк. У нас установился хороший деловой контакт и дружественные взаимоотношения. Обычно сдержанный и немногословный, Ярринг в кругу друзей охотно рассказывал о своей жизни.

Он родился в 1908 году на юге Швеции, на ферме, которую и сейчас содержит его брат. Изучал тюркские языки в университете и провел несколько лет в Синьцзяне, собирая материалы для книги по проблеме восточнотюркских диалектов. Получив докторскую степень, преподавал в университете. Во время второй мировой войны его привлекли к работе в шведской миссии в Анкаре. После этого он уже не возвращался в академический мир, хотя и не терял интереса к научной работе.

Ярринг быстро продвигался по дипломатической лестнице. В 1956 году был назначен представителем Швеции при ООН, два года спустя — послом в Вашингтоне, в 1964 году — послом в Москве. В отличие от многих западных дипломатов Ярринг не стремился к паблисити, не делал никаких заявлений прессе, воздерживался от широковещательных обещаний и прогнозов. Своей сдержанностью, стремлением понять позиции сторон и добиться осуществления резолюции Совета Безопасности Ярринг завоевал доверие сторон. Американский журнал «Тайм» писал о Ярринге: «Ярринг — модель классического дипломата: скромный, проникательный, бесконечно терпеливый. Его сдержанность с прессой легендарна». Ярринг приезжал в страны Ближнего Востока без официальных объявлений, встречался с руководителями правительств и тихо уезжал из-за нежелания показаться пристрастным.

Советское правительство оказывало дипломатическую и политическую поддержку Яррингу, рассчитывая, что его деятельность может способствовать сближению позиций сторон и достижению мирного урегулирования. Яррингу было официально заявлено, что Советский Союз рассматривает резолюцию Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года как приемлемую международно-правовую основу для урегулирования на Ближнем Востоке и поэтому будет оказывать всемерную помощь его миссии, призванной обеспечить выполнение этой резолюции.

Правительство ОАР тоже стремилось способствовать выполнению миссии Ярринга. 8 мая 1968 года оно проявило инициативу, направив Яррингу предложение о разработке плана выполнения резолюции Совета Безопасности. План поэтапного урегулирования мог бы, по мнению правительства ОАР, включить в себя следующие положения:

а) при условии, что Израиль заявит о готовности выполнять резолюцию Совета Безопасности, могли бы быть установлены сроки поэтапного вывода израильских войск;

б) в день начала отвода израильских войск арабские страны — соседи Израиля, а также Израиль могли бы депонировать в ООН заявление о прекращении состояния войны, признании суверенитета и территориальной целостности государств.

Правительство Израиля, следуя своему агрессивному курсу, под всякими предлогами уклонялось от выполнения мер по реализации решения Совета Безопасности, и в частности саботировало деятельность Ярринга, запутывая проблему многочис-

лесными казуистическими запросами, не имеющими прямого отношения к урегулированию и восстановлению положения, существовавшего до 5 июня 1967 года. Одновременно продолжались провокационные нападения на ОАР.

Советский Союз оказывал политическую и дипломатическую поддержку арабским странам. «Советский Союз оказывает и впредь будет оказывать всестороннюю помощь арабским государствам, подвергшимся агрессии»¹³, — заявил Л. И. Брежнев 7 июня 1969 года.

Весной 1969 года Советское правительство проявило важную инициативу, разработав предложения, направленные на содействие политическому урегулированию на Ближнем Востоке. Эти предложения обсуждались правительствами СССР, США, Англии и Франции в апреле 1969 года и сыграли положительную роль, хотя и не привели к соглашению. Участники обмена мнениями продемонстрировали понимание того, что неурегулированность положения на Ближнем Востоке создает угрозу новой войны, отравляет международную обстановку.

Израиль по-прежнему не признавал резолюцию № 242. В зоне Суэцкого канала, на берегах реки Иордан и Голанских высотах столкновения между враждующими армиями в конце 1969 и первой половине 1970 года крайне обострились. Применялись ракеты, авиация, часто высаживались десанты. Продолжение войны стало фактом. Это было отмечено и в докладах У Тана.

Переговоры в Нью-Йорке между представителями четырех держав, ведущиеся в рамках ООН, не дали результатов. Египетская, сирийская и иорданская армии усиливали отпор израильской военщине. Стремление Израиля решать ближневосточные проблемы силой вызывало все большее осуждение в ООН. Неизбежным следствием поддержки Израиля Соединенными Штатами явилась потеря престижа американской политики на Ближнем Востоке.

Летом 1969 года каирские газеты опубликовали американский план урегулирования ближневосточного конфликта. Он сводился к поддержке требований исправления границ арабских стран с Израилем, передачи Израилю сектора Газы и Голанских высот, односторонней демилитаризации западного берега реки Иордан и части Синайского полуострова, предоставления израильским судам права прохода по Суэцкому каналу и Акабскому заливу и т. д. Вопрос об Иерусалиме практически оставался открытым. Открытой осталась и проблема палестинских беженцев.

Когда план стал достоянием гласности, политику США и в Каире, и в других арабских столицах называли политикой «все для Израиля, ничего для арабов».

В желании навязать арабам то, что выгодно только Изра-

¹³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 2. М., 1973, с. 411.

лю, проявлялся один из загадочных на первый взгляд парадоксов. В самом деле, важнейшие экономические и стратегические интересы США, Англии и ФРГ в этом районе связаны с арабскими странами, а не с Израилем. Достаточно напомнить о кувейтской, саудовской, аравийской, ливийской нефти, которая вывозится в Западную Европу. Несмотря на это, Англия, США и ФРГ активно поддерживали Израиль.

Разгадка в том, что основные нефтепроизводящие арабские страны: Саудовская Аравия, княжества Аравийского полуострова и некоторые другие — противостояли прогрессивным государствам Ближнего Востока. Существующие в них монархические режимы являются политической и социальной опорой империалистических держав на Ближнем Востоке. Поэтому американским, английским и западногерманским монополиям в то время не грозило лишение прав на эксплуатацию арабской нефти. В противном случае произраильская политика США, Англии и ФРГ не выдержала бы испытаний перед лицом арабской антиимпериалистической солидарности.

Между тем вооруженные столкновения на линиях перемирия стали происходить постоянно и систематически. В связи с обострением обстановки и нежеланием Израиля выполнять резолюцию Совета Безопасности осенью 1969 г. Ярринг вынужден был прекратить свою деятельность.

Проблема палестинцев

Одной из ключевых в ликвидации ближневосточного кризиса является проблема палестинских беженцев.

В результате израильско-арабской войны 1947—1948 годов более миллиона палестинских арабов были изгнаны из своих домов и с земель. Они вынуждены были искать пристанища в Иордании, Сирии, Ливане. Не имея ни жилища, ни работы, ни средств к существованию, они жили в лагерях для беженцев, которые содержались за счет добровольных взносов некоторых государств — членов ООН. Число беженцев возросло на 350 тысяч человек в результате израильской агрессии 1967 года. Арабское население бежало с оккупированных израильянами территорий западного берега реки Иордан, района Газы и других земель.

Палестинцы хотят возвратиться домой. Это их право зафиксировано в нескольких документах ООН, в том числе в известной резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 194 (III), принятой в декабре 1948 года. В резолюции было заявлено, что арабским беженцам, которые желают вернуться на свои земли и в свои дома, должна быть предоставлена такая возможность или выплачена определенная компенсация тем, кто не желал возвращаться. Подписав в 1949 году Лозаннский протокол, Израиль добровольно взял на себя обязательство принять бе-

жснцев или выплатить им материальную компенсацию, если они того пожелают. Более 30 лет Израиль отказывается от выполнения взятых на себя обязательств.

На сессиях Генеральной Ассамблеи ежегодно обсуждались доклады специально созданного агентства ООН по оказанию помощи палестинским беженцам на Ближнем Востоке.

В выступлениях представителей арабских, социалистических и неприсоединившихся стран всегда осуждается игнорирование Израилем упомянутой резолюции 1948 года. Ее положения каждый год подтверждались решениями Генеральной Ассамблеи.

14 июня 1967 года Совет Безопасности принял резолюцию № 237, в которой обязал израильское правительство обеспечить безопасность палестинским беженцам и предоставить им возможность возвратиться в районы, которые они покинули после возникновения военных действий.

Израиль не только игнорировал все эти решения, но и осуществлял вооруженные нападения на лагеря беженцев, в результате которых были убитые и раненые.

Проблема палестинских беженцев — проблема прежде всего политическая. Она неотделима от обстановки, которая сложилась на Ближнем Востоке, и не может быть решена без немедленного вывода израильских войск с оккупированных Израилем территорий.

Вопрос о палестинских беженцах, их правах и положении неоднократно обсуждался и в Совете Безопасности. Представитель Саудовской Аравии Баруди, выступая в Совете Безопасности 4 ноября 1968 года, говорил: «Палестина не принадлежит Египту, Иордании, Ливану или Сирии — никому иному, кроме палестинского народа, будь то арабы, христиане, мусульмане или люди иной веры». Он предупреждал об опасных последствиях политики создания привилегированных условий для еврейского населения. «Человеческой природе свойственно стремиться к привилегиям, — говорил он. — Но когда это делается за счет целого народа, палестинского народа, мы должны признать тот факт, что, если не остановим Израиль, будет мировой пожар... Израильтяне не хотят мира, они могли бы иметь мир, если бы вместо поднятия израильского знамени спустили бы его и стали составной частью общества Ближнего Востока, проживая в мире, отказавшись от собирания евреев со всех стран света. Большинство евреев не хотят ехать в Израиль; они счастливы там, где находятся. Они строят небоскребы на Манхэттене, контролируют большой бизнес в Западной Европе. Нельзя отказывать палестинскому народу в праве вновь обрести родину. Если бы создавшие Израиль убедили его прислушаться к голосу мудрости и не возвращаться к тем дням, когда Израиль создавали силой, был бы мир. Мир будет, если он основан на справедливости, а справедливость означает: не отказывать палестинскому народу в праве иметь родину».

Бесчинства оккупантов на захваченных арабских землях при-

вели к появлению новой волны беженцев. К началу 80-х годов в изгнании (с учетом естественного прироста 55 тысяч человек в год) находится около 3 миллионов палестинских арабов. Они оказались в труднейшем положении. Многие семьи разобщены. Школы, существующие на средства ЮНРВА (Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам), находятся в жалком положении. Фонды на их содержание ежегодно сокращаются. Добровольные взносы в ЮНРВА год от года уменьшаются. Материальное положение большинства палестинцев, живущих в бараках и палатках многие годы, очень тяжелое. Естественно, что палестинский народ поднялся на борьбу за свои права и земли.

В 1964 году на совещании глав арабских государств и правительств было принято решение о создании общепалестинской политической организации и палестинской освободительной армии.

В июне 1964 года было провозглашено создание Организации освобождения Палестины (ООП), которая была призвана представлять интересы всех палестинцев. Однако ООП в те годы по ряду причин не смогла объединить палестинские вооруженные отряды.

Палестинское движение не является однородным в классовом отношении. Наряду с силами, ориентирующимися на прогрессивное развитие (а они составляют ядро этого движения), есть и реакционеры, есть и люди, экстремистски настроенные, не понимающие реального соотношения сил, не умеющие выбрать правильную тактику борьбы. Тяжелое, безысходное положение в лагерях беженцев, террористические действия израильской военной толкнули некоторые группы на путь необдуманных акций (угон гражданских самолетов, направление по почте самовзрывающихся посылок, убийство израильских спортсменов в Мюнхене и т. д.), которые нанесли урон палестинскому движению сопротивления.

Но при всей разобщенности главное в палестинском движении — стремление освободить захваченные Израилем земли и вернуться в родные места. С января 1965 года палестинцы начали вооруженную партизанскую войну. 1 января 1965 года — день первой боевой операции против Израиля.

Советский Союз, являющийся сторонником национально-освободительных движений, твердо поддерживает палестинское движение, право палестинцев на самоопределение вплоть до создания собственного государства. В 1974 году Организация освобождения Палестины была признана СССР и арабскими государствами в качестве единственного представителя палестинского народа¹⁴. Представитель ООП был приглашен на XXIX сессию Генеральной Ассамблеи ООН и смог изложить

¹⁴ В 1981 г. СССР предоставил представительству Организации освобождения Палестины полный статус дипломатического представительства.

требования палестинского народа на создание независимого палестинского государства перед мировым форумом — представителями 138 государств мира.

Голда Меир в Нью-Йорке

Израильский премьер-министр Голда Меир (1969—1974) была частым гостем в США. Здесь она встречалась с руководителями американской администрации, деловых кругов и сионистских организаций. Результатами визитов всегда были большие суммы денег, собранные сионистами, соглашения о новых займах и поставках американского оружия (самолеты «Фантом» и «Скайхок», ракеты, танки и т. п.).

На встрече с редакторами американских газет 23 сентября 1970 года Г. Меир самоуверенно заявила: «Мы никогда не вернемся к границам, существовавшим до 1967 года»¹⁵. 24-го Г. Меир посетила ООН. Как это принято в международной практике, генеральный секретарь ООН дал в ее честь завтрак.

Волею судеб, а точнее, протокольных правил ООН я оказался соседом израильского премьер-министра. Ей в то время было более 70 лет. Старомодный песочного цвета костюм, дешевые коричневые туфли на низком каблучке, небрежно надетые чулки, черная дамская сумка. Ее вид должен был говорить: Израиль ведет борьбу за существование, он мобилизует все силы и энергию. Каждый цент нужен для обороны страны. Это производило впечатление на массы еврейского населения США, одурманенного сионистской пропагандой. В первое появление Г. Меир в Нью-Йорке в качестве премьер-министра в 1969 году мэр города Линдсей устроил подчеркнуто торжественный и пышный прием. Сам Линдсей появился на приеме в еврейской ермолке. Всем, конечно, была понятна причина особого внимания к израильскому премьер-министру. В Нью-Йорке проживает свыше двух с половиной миллионов евреев. В руках еврейских капиталистов находятся крупные банки, промышленные предприятия, средства массовой информации: телевидение, радио, крупные газеты. Позиция этих кругов во многом определяет результаты избирательной кампании по выборам мэров в Нью-Йорке. И не только мэров. Сенаторы, члены палаты представителей США, губернаторы штатов и даже президенты страны вынуждены считаться с этой силой.

Накануне президентских выборов 1948 года американское правительство обсуждало вопрос о создании Израиля. Как свидетельствует сотрудник госдепартамента полковник Эдди, в кабинете президента произошла следующая сцена.

«Джордж Уодсворт¹⁶ устно представил проект заявления США о поддержке предложения о создании государства Из-

¹⁵ «Международная жизнь». 1970, № 10, с. 93.

¹⁶ Заместитель постоянного представителя США при ООН.

раиль. Обсуждения почти не было. Президент (Трумэн. — Л. К.) задал несколько вопросов. В конце концов г-н Трумэн сформулировал свою позицию с чрезвычайной откровенностью... „Я очень сожалею, господа, но я должен отвечать сотням тысяч избирателей — тем, кто болеет за успех сионизма. А среди арабов у меня нет избирателей“»¹⁷.

Вернемся, однако, к завтраку на 38-м этаже здания ООН у генерального секретаря, данному в честь Г. Меир. К удивлению присутствующих, США и Англия были представлены не постоянными представителями, а их заместителями.

Меир сразу заметила это, и настроение ее было испорчено.

— А где же посол Йост? — сердито спросила она своего представителя при ООН Текоа.

Чарлз Йост был в то время представителем США при ООН. Ходили слухи, что Йост не разделял точки зрения своего правительства на ближневосточное урегулирование. (Зналок ближневосточных проблем, Йост высказывался за то, чтобы положения резолюции № 242 Совета Безопасности стали основой для мирного урегулирования, был противником безоговорочной поддержки Соединенными Штатами захватнической линии Израиля.) Заместитель Йоста, высокий худой посол Филлипс, извиняющимся тоном объяснил, что Йост не смог прийти на завтрак ввиду ранее запланированного мероприятия. Это мало что объясняло, ведь гостем У Тана была премьер-министр Израиля, ближайшего союзника и клиента США.

Общий разговор шел вяло. У Тан, сидевший напротив почетной гостьи, задавал вопросы, шутил, старался создать непринужденную обстановку.

Меир отвечала односложно, угрюмо.

Мой разговор с Меир, носивший вначале общий, протокольный характер, шел по-английски. Затем я спросил ее что-то по-русски. Она удивленно посмотрела на меня, затем ответила, что, хоть она и родилась в России, русский язык совсем забыла. Вместе с родителями до Октябрьской революции она эмигрировала в США, жила в штате Висконсин, преподавала в школе. В 1921 году в связи с созданием «еврейского очага» прибыла в Палестину. После создания Израиля стала активно заниматься политической деятельностью.

В ходе разговора я заметил, что министры ее правительства Эбан (иностраннных дел), Даян (обороны), Аллон (заместитель премьера) в своих выступлениях часто высказывают противоречивые мнения в отношении мирного урегулирования. Меир посмотрела на меня и резко, грубым, низким голосом сказала:

— Мало ли что говорят мои министры. Слушайте то, что говорю я.

После завтрака состоялась беседа У Тана с Г. Меир. Со стороны секретариата ООН на беседе присутствовал и принимал

¹⁷ Addy. American Zionism and Foreign Policy (1942—1947), с. 138.

участие в переговорах Р. Банч (США), который ведал вопросами Ближнего Востока как заместитель генерального секретаря по специальным политическим вопросам.

Р. Банч потом рассказывал, что Г. Меир в беседе заняла жесткую позицию и дала понять, что она против возобновления деятельности Ярринга. Она дезавуировала некоторые «примирительные» заявления Эбана, сказав, что надо учитывать не то, что говорят министры, а ту позицию, которую высказывает она сама.

Несбывшиеся надежды

Растущая изоляция Израиля на международной арене, давление нефтяных монополий, связанных с арабской нефтью, на правительство США заставили Израиль летом 1970 года заявить о признании резолюции Совета Безопасности № 242 от 22 ноября 1967 года, согласиться на прекращение огня на трехмесячный срок и возобновление миссии Ярринга.

Американское правительство не на шутку встревожилось, как бы недалековидная и бесперспективная политика всесторонней поддержки Израиля не лишила Соединенные Штаты престижа в некоторых арабских странах и не поставила бы под серьезную угрозу интересы действующих на Ближнем Востоке американских нефтяных компаний.

Соглашаясь на возобновление миссии Ярринга, правительство США не могло не учитывать и все более растущее сопротивление арабских государств агрессии Израиля, их решимость добиваться ликвидации последствий этой агрессии. Немаловажным фактором, подтолкнувшим США на такой шаг, была непоколебимая и постоянно расширяющаяся политическая, дипломатическая, экономическая поддержка Советским Союзом справедливой борьбы арабских народов против израильской агрессии.

ОАР и Иордания всегда признавали важность миссии Ярринга, выражали готовность конструктивно сотрудничать и практически содействовать его деятельности. Согласие ОАР и Иордании на прекращение огня и возобновление миссии Ярринга явилось весомым вкладом этих стран в усилия по установлению мира на Ближнем Востоке.

Как только стало известно, что Ярринг возобновит свою посредническую миссию, журналисты бросились к специальному представителю генерального секретаря, который отдыхал на юге Швеции. Они надеялись выяснить детали его предстоящей деятельности, услышать комментарий по поводу нового раунда переговоров по урегулированию арабо-израильского конфликта.

К великому разочарованию журналистов, на все вопросы Ярринг отвечал: «Комментариев не будет».

Наконец, когда бесплодное интервью уже близилось к концу, Ярринг сказал:

— Солнце сегодня первый раз за мой отпуск ярко светит.

Репортеры начали анализировать это замечание шведского дипломата с точки зрения перспектив мира на Ближнем Востоке, надеясь на возможность каких-либо сенсационных сообщений. Обменялись мнениями. После длительных раздумий журналисты, как повествует один из них, пришли к выводу, что Ярринг имел в виду не более того, что он сказал: это был действительно один из редких солнечных дней в необычно дождливое лето 1970 года в Швеции.

6 августа 1970 года, сообщая о приезде Ярринга в Нью-Йорк, У Тан подчеркнуто хвалил его как «мастера спокойной дипломатии, которая, как кажется, может быть наиболее продуктивной на Ближнем Востоке».

Произраильская пресса вылила немало грязи на Ярринга, высказывая сомнения и скепсис по поводу его способности успешно довести дело до конца. Это делалось для того, чтобы произвести определенное политическое и психологическое давление на представителя генерального секретаря ООН.

Переговоры возобновились 21 августа, но вскоре были прекращены. Израиль отказался их вести под предлогом нарушения соглашения о прекращении огня со стороны ОАР. На страницах израильской и западной, особенно американской, печати замелькали крикливые заголовки о вводе новых ракетных комплексов ОАР в 50-километровую зону к западу от Суэцкого канала, о «нарушении баланса сил» на Ближнем Востоке и т. д. Истинный смысл шума вокруг «нарушения баланса сил» заключался в том, что израильские правящие круги искали новые поводы для проволок в деле урегулирования, саботируя деятельность Ярринга, выдумывая новые и новые предлоги. Советское правительство еще в июне 1970 года внесло свои предложения по практическому решению конфликта, в которых, в частности, предусматривалось участие ООН и Совета Безопасности в решении или гарантировании некоторых конкретных вопросов ближневосточного урегулирования: наблюдение за выводом израильских войск с оккупированных арабских территорий, обеспечение статуса демилитаризованных зон, обеспечение безопасности арабо-израильских границ.

У Тан был ознакомлен с предложениями СССР во время его пребывания в Москве в июле 1970 года. На пресс-конференции в Женеве 7 июля 1970 года У Тан отметил положительное значение советских предложений, подчеркнув, что они содержат ряд «новых, интересных и конкретных элементов в целях установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке». После пресс-конференции У Тан пояснил:

— Я сделал это заявление в качестве подготовки к встрече с американским президентом. Я не вижу большого смысла во встрече, поскольку президент знает мою позицию, а я знаю его. Но я не считал удобным отказаться встретиться с президентом США. Своим заявлением я хотел подготовить почву для разговора с Никсоном. Пусть он знает мое отношение к предложе-

ниям Советского правительства. Я считаю, что они более конкретны, нежели американские, и составляют хорошую основу для мирного урегулирования.

Ярринг смог возобновить переговоры лишь в январе 1971 года. В феврале, пытаясь вывести переговоры из тупика, Ярринг проявил важную инициативу, предложив Израилю и Объединенной Арабской Республике взять на себя обязательства, которые, по его мнению, являлись необходимым условием продолжения переговоров. Он стремился получить от Израиля обязательство вывести свои войска на бывшую границу между Египтом и британской подмандатной Палестиной, а от Объединенной Арабской Республики — обязательство вступить в мирное соглашение с Израилем, в котором предусматривались бы различные обязательства и признания, вытекающие из соответствующих принципов резолюции № 242 (1967) Совета Безопасности. Объединенная Арабская Республика согласилась взять на себя конкретные обязательства, которые ей были предложены, однако Израиль не ответил на предложения Ярринга.

Переговоры были прекращены в начале марта 1971 года. У Тан во введении к годовому докладу о работе Организации писал: «По мнению посла Ярринга (и по моему мнению), до тех пор, пока Израиль не изменит свою позицию по вопросу о выводе войск, вряд ли будет целесообразно пытаться возобновить эти переговоры».

Ярринг пытался возобновить контакты с израильской стороной в 1971 и 1972 годах, однако представитель Израиля Текоа, как мне рассказывали У Тан и новый генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм, выдвигал в качестве предварительного условия отказ Ярринга от его меморандума от 7 февраля 1971 года и неприменение положений резолюции XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, требовавшей вывода израильских войск со всех оккупированных Израилем арабских территорий.

Естественно, что Ярринг не мог отказаться от своего меморандума, основанного на положениях резолюции Совета Безопасности, и игнорировать резолюцию Ассамблеи, принятую более чем двумя третями членов ООН. Это вызвало резкое недовольство со стороны израильских правящих кругов. Посол Израиля в США генерал Рабин в интервью израильскому телевидению в августе 1972 года призвал к открытому саботажу миссии Ярринга.

Правительство Г. Меир, сказал он, должно блокировать политический вариант, предусматривающий общее урегулирование на основе резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года, главным орудием достижения которого является миссия Ярринга.

За пределами Организации Объединенных Наций на различных двусторонних и многосторонних совещаниях и конференциях вопрос о положении на Ближнем Востоке всегда находился в центре внимания народов. Но, опираясь на поддержку США

и международных сионистских организаций, израильские правящие круги игнорировали как решения Совета Безопасности, так и мнение других международных организаций и мировой общественности. Израиль все более откровенно стал заявлять о своих аннексионистских притязаниях.

Китайская дипломатия уходила от осуждения действий Израиля и стоящих за ним США. Все их выступления в органах ООН сводились к лицемерному рассуждению о столкновении интересов «сверхдержав» на Ближнем Востоке, обвинениям Советского Союза в «экспансионизме». Китайцы упорно умалчивали о правах палестинского народа на родные земли и образование самостоятельного независимого государства.

23 ноября 1972 года Г. Меир в интервью, данном корреспонденту итальянского журнала «Европа», заявила: «Израиль никогда не отдаст Иерусалима... недопустимо, чтобы вопрос об Иерусалиме ставился на обсуждение». Относительно палестинского сектора Газы сказала, что «Газа должна оставаться частью Израиля», а насчет сирийских Голанских высот — что Израиль готов вести переговоры с Сирией при том условии, если новые границы будут гарантировать Израилю его присутствие на этих высотах. «Другими словами, — продолжала она, — сирийцы сейчас находятся как раз там, где и нужно установить границу. В этом вопросе мы не уступим»¹⁸.

Затрагивая вопрос о палестинцах, премьер-министр исключила возможность их возвращения на оккупированные земли и заявила, что она не согласна с идеей создания государства, расположенного между Израилем и Иорданией, т. е. она против создания палестинского государства. Такая позиция израильских правящих кругов не могла не обострять обстановку на Ближнем Востоке, создавая ситуацию, чреватую взрывом.

Позиция Израиля вызывала растущее возмущение в арабских странах, недовольство деятельностью ООН, которая, как это казалось многим, недостаточно активно и решительно добивалась выполнения собственных резолюций о выводе израильских войск. Горячие головы среди студенчества в Каирском университете, молодое офицерство в Египте, Сирии, Иордании настаивали на отмене установившегося с августа 1970 года прекращения огня и развертывании военных операций против агрессора.

Встречи в Каире

Всемирная федерация ассоциаций содействия ООН не раз приглашала меня выступить на проводимых федерацией семинарах и совещаниях, где обсуждались проблемы мира и безопасности. Многочисленные обязанности в секретариате ООН, под-

¹⁸ «Европе», 23.XI.1972.

готовка документов для генерального секретаря, участие в работе комитетов, представительство в ряде международных органов не позволяли отлучиться из штаб-квартиры. В начале февраля 1972 года я присутствовал на сессии Совета Безопасности ООН в Аддис-Абебе, а на середину месяца Всемирная федерация ассоциаций содействия ООН наметила провести в Каире семинар министров высшего образования арабских государств, посвященный проблеме образования в целях мира и международного сотрудничества. Федерация и Лига арабских стран обратились к генеральному секретарю ООН с просьбой направить на семинар кого-либо из его заместителей. Вальдхайм попросил меня на пути из Аддис-Абебы в Нью-Йорк сделать остановку в Каире и выступить на семинаре с докладом «Совет Безопасности и деятельность ООН по поддержанию мира». Тема была очень актуальной. Неспособность ООН добиться выполнения резолюции Совета Безопасности № 242 о выводе израильских войск с оккупированных территорий не могла не вызывать в арабских государствах чувство разочарования и неверия в силу и возможности ООН. Поэтому приходилось разъяснять многое, и прежде всего то, что Организация Объединенных Наций не сверхправительство. Лишь в исключительных случаях ООН может претворять в жизнь свои решения насильственным путем. Но для этого необходимо решение Совета Безопасности, принятое с согласия всех постоянных членов.

Мое выступление вызвало оживленную дискуссию, многочисленные вопросы и комментарии. Вместо отведенных по программе полутора часов обсуждение заняло все утреннее заседание — с 9 до 13 часов.

Вечером состоялась встреча с Мэрэй — одним из руководителей ЦК Арабского социалистического союза. Из-за стола поднялся высокий бронзоволицый мужчина с седоватой шевелюрой.

— Только что беседовал с группой крестьян, — сказал он. — Они выразили свое беспокойство тем, что мы все еще не освободили наши земли от израильтян. Они пришли со мной посоветоваться и поговорить — степенно и спокойно. Куда тяжелее разговаривать с молодежью. Сегодня утром я был в университете и считаю для себя большим успехом, что мне дали говорить. Другим работникам даже и говорить не дают. Молодежь считает, что нечего ждать помощи от ООН или от кого-либо еще. Надо вооружать народ, вести военную подготовку в университетах и развернуть общенародную освободительную войну.

— Да, — заключил он, — народ устал ждать.

Присутствовавший на беседе известный арабский журналист в разговорах со мной заметил:

— Студенчество и наша молодежь правы, когда требуют, чтобы их обучали военному делу, готовили к борьбе против Израиля. У нас есть немало людей наверху, которые вместо под-

готовки к вооруженной борьбе и мобилизации нации занимают пустой болтовней. Все надежды такие деятели возлагают на резолюции ООН и помощь западных стран. Они забывают, что сотрудничество с Советским Союзом в военной области, поставки советского оружия и помощь советских военных специалистов позволили нам и другим арабским государствам впервые в истории создать свои национальные вооруженные силы. Это сотрудничество играет важную роль в нашей борьбе за национальную независимость в отражении израильской агрессии.

— Империалистические державы, местная реакция, — продолжал он, — стремятся использовать трудную обстановку, чтобы подорвать прогрессивные режимы, сломить нашу решимость идти по пути экономического и социального развития. Буржуазия и феодалы, опасаясь создания новых социальных отношений, предпочитают пойти на сговор с капиталистическим Западом, чтобы оградить свою собственность и привилегии. Они пытаются, с одной стороны, мобилизовать националистически настроенные слои населения, а с другой — с помощью политических спекуляций и клеветнических измышлений посеять рознь между Советским Союзом и Египтом. Однако патриотические и национально-освободительные силы не поддаются на провокации врагов. Мы отвергаем лозунги антисоветизма и антикоммунизма, выступаем за укрепление дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, — горячо говорил собеседник. — Большинство народа считает, что Договор о дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Египтом от 27 мая 1971 года открыл широкие перспективы для дальнейшего развития советско-египетских отношений, — заключил он.

На следующий день — встреча с генеральным секретарем Лиги арабских государств. Мы обменялись мнениями и информацией о перспективах осуществления резолюции Совета Безопасности об урегулировании ближневосточной проблемы. Генеральный секретарь рассказал, что эксперты лиги ведут изучение вопроса о роли и влиянии арабской нефти на внешнюю политику капиталистических стран.

— Мы понимаем, — подчеркнул он, — что нефть может быть использована в качестве нашего оружия в борьбе против Израиля и его союзников, однако объединить производителей нефти для нажима на США и других друзей Израиля — задача нелегкая. Американская дипломатия предпринимает широкие маневры, чтобы посеять рознь среди арабских государств. Серьезные разногласия, различные политические симпатии и внешнеполитические связи служат помехой достижению единства среди арабских стран. Но мы работаем над тем, чтобы преодолеть эти трудности...

— Как крайнее средство, — заключил генеральный секретарь, — арабская нефть вступит в борьбу за нашу независимость и возвращение арабских земель.

Я вспомнил слова моего собеседника, когда в трудные дни

октября 1973 года арабские страны объявили эмбарго на поставку нефти США, Голландии, Дании, Японии и другим друзьям и союзникам Израиля. Известно, что нефтяное эмбарго арабов вынудило США, Японию и ряд европейских стран отказаться от безоговорочной поддержки агрессивной политики Израиля.

В 1973 году Израиль продолжал политику игнорирования решений Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи. Экстремистские круги Израиля в штыки встретили начавшуюся разрядку международной напряженности, понимая, что этот процесс, если он будет развиваться и дальше, потребует ликвидации очага войны на Ближнем Востоке, похоронит великодержавные планы международных сионистских организаций. Стремясь сорвать процесс разрядки напряженности, ухудшить и обострить отношения между СССР и США, Израиль в октябре 1973 года спровоцировал новую, четвертую по счету арабо-израильскую войну. И вновь Советский Союз оказал поддержку арабским государствам.

Война в октябре 1973 года показала силу и эффективность этой поддержки. Арабы умело использовали находящееся в их распоряжении оружие советского производства. Израиль потерял превосходство в воздухе — то, что ранее обеспечило ему немало побед. События 1973 года явились переломным военным и политическим фактором для арабского мира. Дух разрядки напряженности, дипломатическая активность Советского Союза привели к тому, что СССР совместно с США внес в Совет Безопасности проект резолюции о прекращении огня и созыве мирной конференции для решения ближневосточных проблем на основе резолюции № 242, установления прочного и справедливого мира и, следовательно, обеспечения безопасности в этом районе. Решение Совета Безопасности от 23 октября 1973 года предотвратило раздувание военного конфликта на Ближнем Востоке в крупномасштабный международный пожар.

В 1973 году я вернулся на Родину и не мог каждодневно следить за развитием обстановки на Ближнем Востоке. Однако общие направления остались теми же. В результате действия империалистических сил и предательской политики саатовского египетского руководства ближневосточная проблема по-прежнему оставалась неурегулированной. Добиваясь господствующего положения на Ближнем Востоке, Вашингтон пытался с помощью сионизма и реакции подорвать прогрессивные режимы, расколоть арабский мир, навязать свою волю народам, которые сами хотят распоряжаться своей судьбой. Предоставляя Израилю современное оружие, США подталкивали его к новым агрессивным действиям против Ливана, Сирии и других государств района. События на Ближнем Востоке привлекали внимание и в Пекине. Летом 1979 года Китай впервые заявил, что необходимой предпосылкой урегулирования ближневосточного кризиса должно быть решение трех задач: вывод войск с захва-

ченных Израилем у арабов территорий, признание за народом Палестины права на возвращение на родные земли и образование там самостоятельного государства, всеобъемлющее урегулирование ближневосточной проблемы. Палестинский вопрос был признан ключевым в решении всего комплекса ближневосточных противоречий¹⁹.

Но и это осуждение Израиля лидеры КНР рассматривали сквозь призму «схватки сверхдержав».

Советский Союз на XXVI съезде КПСС выступил с предложением о созыве международной конференции по Ближнему Востоку. Это предложение дает хороший шанс поработать коллективно в целях стабилизации обстановки на Ближнем Востоке. Предложение на этот счет встретило широкий положительный отклик в арабских странах и во многих других государствах.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 26.VI.1979.

Народы хотят сами определять свою судьбу

Вечером 31 октября 1968 года генеральный секретарь ООН У Тан давал обед в честь министра иностранных дел Алжира А. Бутефлика, прибывшего в Нью-Йорк в связи с XXIII сессией Генеральной Ассамблеи. На обед были приглашены члены алжирской делегации на Ассамблее — послы Алжира в Аргентине и Кувейте и постоянный представитель Алжира при ООН Т. Буаттура. Молодой и способный дипломат, Бутефлика был очень популярен среди представителей развивающихся стран, арабских делегаций. Его выступления имели антиимпериалистический характер, отличались глубоким содержанием, хорошей ораторской формой. Небольшого роста, худощавый, с рыжеватыми усиками, Бутефлика выглядел очень молодо. Ему было немногим более 30 лет. За плечами министра годы борьбы против французских колонизаторов, большая государственная и общественная деятельность. Бутефлика был генеральным секретарем генштаба Армии национального освобождения, а после освобождения страны в 1962 году — национальным комиссаром Фронта национального освобождения в департаменте Оран. С 1963 года он член правительства Алжирской Народно-Демократической Республики, министр иностранных дел Алжира.

Еще днем по радио было объявлено, что президент Джонсон намерен выступить с обращением к народу. Ожидалось, что он заявит о прекращении бомбардировок Демократической Республики Вьетнам и начале переговоров. Этого требовали мировая общественность и население США. Поэтому разговор за обедом шел вяло в ожидании важного сообщения.

Война США во Вьетнаме вызывала широкое обсуждение в ООН, хотя вопрос формально и не стоял в повестке дня Организации Объединенных Наций. ДРВ не была членом ООН и, естественно, отказывалась участвовать в обсуждении этой проблемы. ДРВ и другие социалистические страны настаивали на том, чтобы вопрос решался в соответствии с Женевскими соглашениями 1954 года по Индокитаю.

Женевские соглашения 1954 года предусматривали вывод иностранных войск из Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, запрещение создания иностранных военных баз и ввоза оружия, уважение нейтралитета этих государств, проведение всеобщих выборов во Вьетнаме с целью объединения страны.

Вскоре после Женевского совещания 1954 года по Индокитаю США приступили к наращиванию своего военного потенциала во Вьетнаме с целью укрепления марионеточных властей Южного Вьетнама, окопавшихся в Сайгоне. Сайгонские власти сорвали проведение всеобщих выборов, развернув волну террора и насилий против населения. Обстановка на юге все более осложнялась, развернулось широкое партизанское движение. Небольшие отряды патриотов, действовавшие вначале разрозненно, превратились в мощные силы освобождения. В декабре 1960 года был создан Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ), объединивший широкие слои населения и различные патриотические организации. Под контролем НФОЮВ оказалась большая часть территории Южного Вьетнама.

Стремясь не допустить выпадения Южного Вьетнама из системы капитализма, США начали открытую военную интервенцию. В качестве предлога был использован инцидент с американским эсминцем «Мэддокс».

В августе 1964 года эсминец «Мэддокс», нарушив территориальные воды ДРВ, вошел в Тонкинский залив и открыл огонь по патрульным судам ДРВ. Защищая границы своего государства, патрульные суда ответным огнем отогнали эсминец в открытое море. Спустя два дня последовала новая провокация американской военщины; США заявили, что вьетнамские корабли сами напали на эсминцы «Мэддокс» и «Торнер Джой» в международных водах¹.

В спешке был создан сенат, который принял так называемую Тонкинскую резолюцию, санкционировавшую принятие мер «для отражения любого вооруженного нападения на силы Соединенных Штатов и для предотвращения дальнейшей агрессии». Так было положено начало варварской воздушной войне против Демократической Республики Вьетнам.

Американская авиация бомбила дороги, порты, предприятия, города, деревни. Одновременно расширялась интервенция на юге Вьетнама: в конце 1965 года там насчитывалось 200 тысяч американских войск. К концу 1968 года операции 585-тысячной армии поддерживал 7-й флот США. Действия Соединенных Штатов были грубым нарушением международного права и Устава ООН, запрещающего не только вооруженное нападение, но и угрозу применения силы. США, отвергая миролюбивые предложения ДРВ по урегулированию вьетнамского конфликта, рассчитывали вооруженным путем заставить вьетнамский народ капитулировать. Вооруженное давление на социалисти-

¹ Расследование, произведенное впоследствии сенатской комиссией по иностранным делам, показало, что американские эсминцы находились в пределах 12-мильной полосы территориальных вод, и поэтому военные власти ДРВ вправе были принять обычные в таких случаях меры самозащиты. Опубликованные в 1971 году секретные документы Пентагона показывают, что это была заранее запланированная провокация.

ческую Демократическую Республику Вьетнам преследовало также и более широкие стратегические цели: изолировать Вьетнам, внести раскол в мировую систему социализма. В марте 1965 года Китай отказался выступить совместно с ДРВ, СССР, КНДР и другими социалистическими странами с заявлением, разоблачившим нарушение США Женевских соглашений 1954 года. Руководство КНР отклонило предложение СССР о проведении конкретных действий по защите ДРВ от разбойничьих налетов американской авиации и предложение о проведении встреч представителей ДРВ, СССР и КНР на высшем уровне для обсуждения мер по отпору американским интервентам.

Американская дипломатия стремилась вывести страну из международной изоляции, «интернационализировать» агрессию во Вьетнаме, укрепить сайгонский режим, прикрыть преступления своей военщины. Но дипломатии США это не удалось. Англия не включилась в войну в Южном Вьетнаме. Франция заняла резко отрицательную позицию. Финляндия и Швеция проявили благожелательность к борющемуся вьетнамскому народу. Лишь такие союзники США, как Таиланд, Австралия, Новая Зеландия и южнокорейские марионетки, решились послать войска в Южный Вьетнам.

Советский Союз с самого начала занял ясную и твердую позицию. Руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, правительство СССР заявило о всемерной поддержке Демократической Республики Вьетнам в борьбе против агрессии. Правительство СССР неоднократно обращало внимание правительства США на опасность и бесперспективность агрессии во Вьетнаме. Советская сторона требовала прекратить агрессию, прекратить бомбардировки Северного Вьетнама, вывести войска США и их союзников из Вьетнама и уважать право вьетнамского народа самому решать свои дела.

Мужественная борьба вьетнамского народа, помощь и поддержка СССР и других социалистических стран, а также огромный подъем антивоенной борьбы населения Соединенных Штатов вынудили президента Л. Джонсона отдать приказ о частичном прекращении 31 марта 1968 года бомбардировок Северного Вьетнама и выступить с предложением о переговорах.

В результате пятимесячных переговоров Джонсон обязался объявить о прекращении бомбардировок и других вооруженных актов против Северного Вьетнама с 1 ноября 1968 года.

В публичных заявлениях, в беседах с министрами и послами У Тан активно выступал против империалистической агрессии во Вьетнаме. В канун ожидаемого заявления президента Джонсона о прекращении бомбардировок территории Демократической Республики Вьетнам корреспонденты обратились к У Тану с просьбой заранее его прокомментировать.

У Тан сказал:

— Я должен сначала изучить заявление Джонсона и только

потом высказать свое мнение. Вообще Джонсон выступает с большим запозданием. Понадобилось 30 тысяч жизней американцев, невероятное количество жертв среди вьетнамцев, свыше 130 миллиардов долларов расходов, чтобы наконец Джонсон решился на этот шаг...

Заместитель генерального секретаря американец Банч, сын которого был послан воевать во Вьетнам, добавил:

— Наиболее трагичным для США является потеря ими международного престижа и доверия со стороны многих наций. США показали и свою слабость в борьбе с освободительными движениями...

Во время обеда с алжирцами мы то и дело возвращались к проблеме Вьетнама. Вскоре помощник У Тана передал ему листок бумаги. У Тан зачитывает текст. Президент Джонсон заявил, что с 8 часов утра 1 ноября 1968 года США прекращают бомбардировки территории Северного Вьетнама с воздуха, моря и суши. 6 ноября в Париже состоится встреча представителей ДРВ, США, Национального фронта освобождения Южного Вьетнама и сайгонского режима. В заявлении президента оговаривается, что участие НФОЮВ в переговорах не означает его признания Соединенными Штатами.

У Тан комментирует:

— К этому я призывал более трех лет. Лично я Джонсону об этом говорил в июне 1965 года на юбилейной сессии ООН в Сан-Франциско. Предложение о необходимости вести переговоры с НФОЮВ я выдвинул в разговоре с американским представителем Стивенсоном еще в январе 1965 года, спустя несколько месяцев после так называемого тонкинского инцидента. Но тогда никто не захотел меня слушать. Не поддержало меня и американское общественное мнение. Летом 1965 года Стивенсон мне говорил, что опросы общественного мнения показывают, что 53 процента населения высказываются против прекращения бомбардировок. А Джонсон очень к этому прислушивается.

Ему заметили, что опросы, проводимые даже авторитетными институтами Гэллапа и Харриса, часто не отражают подлинных настроений народа. Известно, например, что перед съездом республиканской партии летом 1968 года Гэллап и Харрис сообщали, что большинство избирателей поддерживают Рокфеллера, а не Никсона. Однако на съезде республиканцев Никсон получил подавляющее большинство голосов.

У Тан вспомнил о реакции американского правительства на его заявление от 21 сентября 1968 года о необходимости прекращения бомбардировок Северного Вьетнама.

— Меня посетил американский представитель при ООН Дж. Болл, — рассказывал У Тан. — Он сказал: «Я очень удивлен Вашим заявлением и высказываю Вам официальный протест». Я всегда сохраняю равновесие, терпение и спокойствие, — продолжал У Тан, — но тут я не выдержал. Я воскликнул: «Я по-

ражен тем, что вы удивлены моим заявлением. Прекращения бомбардировок Вьетнама я требовал в течение трех лет».

Самое удивительное последовало позже. Болл через два дня ушел в отставку, заявив, что хочет помогать Г. Хэмфри бороться за президентский пост. Хэмфри и Болл заявили, что они высказываются за прекращение бомбардировок Вьетнама. Все это звучит как парадокс.

Несмотря на заявление Джонсона, переговоры начались лишь 18 января 1969 года. До этого представитель США в Париже затеял длительный торг, стремясь не допустить полноценного участия в переговорах представителя НФОЮВ. Четырехсторонняя конференция продолжалась около трех лет.

Делегации ДРВ и НФОЮВ в соответствии с программой, опубликованной в мае 1969 года, добивались уважения национальных прав вьетнамского народа, включая право на независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность.

В июне 1969 года было образовано Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам. СССР одним из первых признал это правительство. Представители коммунистических и рабочих партий, которые в это время собрались на международное совещание в Москве, объявили о совместной энергичной его поддержке. Временное революционное правительство признали все социалистические государства, ряд стран Азии и Африки. Оно имело информационные бюро во Франции, Швеции, Норвегии, Финляндии, принимало участие во всех прогрессивных международных демократических организациях.

Искусно сочетая все формы борьбы, вьетнамские патриоты наряду с решительными вооруженными действиями активно выступали на политическом и дипломатическом фронте. В ходе длительных переговоров о политическом урегулировании в Париже представители правительства ДРВ и ВРП РЮВ продемонстрировали яркий пример революционной дипломатии — твердость и принципиальность в сочетании с конструктивным подходом и гибкостью. Они последовательно отстаивали коренные национальные интересы своего народа, принципы международного права, активно способствуя разоблачению империалистической агрессии и привлечению мировой общественности, самых различных политических сил на сторону борющегося Вьетнама.

Справедливая борьба вьетнамцев, реалистические и конструктивные предложения ДРВ и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам встречали поддержку со стороны широких народных масс в США и других странах мира. Я был свидетелем массовых демонстраций американских трудящихся против войны во Вьетнаме. Запомнились мне встречи и беседы с трудящимися из других стран.

Правительство КНР вначале помогало Вьетнаму, опасаясь американской интервенции в Китай. Однако на заключительном этапе войны оно стало тормозить перевозку снаряжения, продовольствия и медикаментов из Советского Союза по своей

территории. Пароходы из СССР должны были идти круглым путем, обгибая Африку, чтобы затем попасть в Индийский океан и достичь вьетнамского порта в Хайфоне.

У Тан в Москве

17 июня 1970 года У Тан прибыл в Москву. Программа его пребывания включала встречи с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и министром иностранных дел А. А. Громыко.

В ходе этих встреч состоялся обмен мнениями по актуальнейшим проблемам международной жизни. Затрагивалась и очень острая проблема Ближнего Востока.

— После моих бесед в Москве я убедился еще раз в том, что Советское правительство преисполнено твердой решимости добиваться справедливого мирного урегулирования в рамках Совета Безопасности, — заявил У Тан. — Я воздаю должное советским руководителям за их усилия в обеспечении мира².

Осуждение У Таном войны во Вьетнаме и Камбодже, подчеркивание необходимости выполнения резолюции Совета Безопасности по Ближнему Востоку вызвали злобные, враждебные комментарии буржуазной прессы. Американская газета «Интернэйшнл гералд трибюн», издающаяся в Европе, поместила статью под заголовком: «У Тан разделяет мнение Кремля».

Эмигрантская белогвардейская газетка писала о «слабости политического зрения» генерального секретаря ООН, влиянии на него советских сотрудников секретариата.

Позднее, после своей отставки, в интервью журналу «Гэлери» (январь 1973 года) У Тан говорил:

— Я имел прекрасные личные отношения с президентами Кеннеди, Джонсоном и Никсоном, но я не соглашался со всеми тремя от времени до времени в отношении их внешней политики. Я не соглашался с авантюрой Кеннеди в заливе Свиней³ и не был согласен с президентами Джонсоном и Никсоном в отношении их политики во Вьетнаме. В результате войны Вьетнам делается пустыней, ибо экология его отравлена. Страдания страны являются поистине беспрецедентными в человеческой истории. Вьетнамская война была грубой ошибкой с самого начала, и, по моему мнению, это является наиболее трагической ошибкой, когда-либо допущенной США. Когда ясно представляешь себе, что четвертая часть южновьетнамского народа является беженцами и что к настоящему времени цифра приближается к одной трети, когда выясняется, что большинство сельской местности страны бомбами превращено в пустырь, когда видишь, что культура, религия и традиционные основы жи-

² См.: «Правда», 20.VI.1970.

³ Имеется в виду попытка интервенции на Кубу в апреле 1961 года.

телей Южной Азии полностью игнорировались во время войны, приходишь к окончательному заключению, что это ошибочная война. Она является наиболее варварской войной в истории.

27 января 1973 года в Париже были подписаны соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Соглашения предусматривали прекращение военных действий, вывод американских и других иностранных войск с вьетнамской земли, отказ США от вмешательства во внутренние дела Вьетнама.

Прекращение войны и восстановление мира во Вьетнаме вошли в историю как важная веха в борьбе народов за свободу и национальный суверенитет, как победа героического и мужественного вьетнамского народа над силами империалистической агрессии.

Патриотические силы освободили и контролировали обширную территорию Южного Вьетнама. Временное революционное правительство осуществляло в освобожденных районах демократические преобразования, предпринимало меры по развитию экономики, культуры и просвещения. 15—17 мая 1975 года героический Вьетнам торжественно праздновал полное освобождение юга своей страны.

Ликвидация военного очага во Вьетнаме создала условия для дальнейшего оздоровления международной обстановки, укрепила позиции социализма в Юго-Восточной Азии, открыла перспективы дальнейшей разрядки международной напряженности.

Совет Безопасности выезжает в Африку

25 января 1972 года «армия» сотрудников секретариата ООН (125 человек), а также несколько послов, представителей африканских стран — членов Совета Безопасности, на зафрахтованном ООН самолете отбыли из Нью-Йорка. Короткая остановка на ночевку в Мадриде — и наш самолет уже над Африкой.

Впервые в истории Организации Совет Безопасности решил провести сессию, посвященную африканским проблемам, на африканской земле, в столице Эфиопии Аддис-Абебе. Это была первая выездная сессия Совета.

Такому решению предшествовали длительные консультации и обсуждения в специально созданном комитете Совета Безопасности о проведении заседаний Совета вне главной штаб-квартиры ООН. Западные делегации, прежде всего Англия и США, выдвигали многочисленные оговорки и предлоги, имевшие целью не допустить проведение сессии в Африке. Американцы говорили о необходимости экономии средств, англичане высказывали опасения, как бы во время отсутствия членов Совета не разразился какой-нибудь международный кризис, и, таким образом, окажется мир под угрозой, некому было бы его спа-

сать. Линия была ясная, хотя прямо никто об этом не говорил.

Вместе с тем американцы и англичане требовали, чтобы обслуживание Совета проходило точно так же, как в Нью-Йорке: немедленный выпуск стенограмм на всех языках, синхронный перевод и т. п. Это требовало направления в Аддис-Абебу почти 100 переводчиков, стенографисток и машинисток.

Прямо выступить против проведения сессии Совета на африканской земле никто не решался. Организация африканского единства официально обратилась в ООН с просьбой провести обсуждение африканских проблем в одной из африканских столиц. Гвинея, Эфиопия, Замбия наперебой предлагали свои столицы в качестве места проведения сессии.

Победителем оказалась Эфиопия: правительство брало на себя расходы по оплате отелей для всех сотрудников секретариата ООН, обеспечение транспортом, охрану. Кроме того, в Аддис-Абебе располагалась Экономическая комиссия ООН для Африки со своим персоналом, оборудованием и помещением для проведения конференций.

После длительных споров, сокращения числа оперативных чиновников и технического персонала, уменьшения размера командировочных удалось урезать смету расходов до 120 тысяч долларов. Сокращение расходов произошло также и за счет найма чартерного рейса. Самую низкую цену предложила компания «Транс уорлд айрлайнс», имевшая, как и все другие авиакомпании, большой дефицит пассажиров в зимние месяцы. Часть билетов на рейс была продана по сниженной цене представителям малых стран, для которых оплата проезда из Нью-Йорка в Аддис-Абебу представляла немалую проблему.

Столица Эфиопии Аддис-Абеба была удобным местом для проведения выездной сессии. В Аддис-Абебе находится штаб Организации африканского единства, играющий важную роль в укреплении сплоченности африканских стран в их борьбе против империализма, неокOLONиализма и расизма, за полное освобождение всего Африканского континента от колониального господства.

Поддерживая ОАЕ, император Хайле Селассие хотел быть лидером всей Африки. Это он добился, чтобы главная квартира ОАЕ была в Аддис-Абебе, и подарил для секретариата Организации новое здание. Особняк, построенный для одной из принцесс, был передан для личной резиденции генерального секретаря ОАЕ.

Эфиопия долгие годы боролась за свою национальную независимость. В 1941 году она была освобождена от итальянских захватчиков. Английское правительство в 1942 году навязало Эфиопии неравноправный договор, согласно которому дипломатическому представителю Великобритании в Эфиопии обеспечивалось преимущество перед любыми другими иностранными представителями. Правительство Эфиопии обязывалось приглашать к себе на службу только британских советников. Прило-

женная к договору военная конвенция обуславливала оккупацию английскими войсками района Огаден и так называемой резервной зоны (около одной трети территории Эфиопии) до тех пор, «пока командование британских вооруженных сил в Восточной Африке в согласии с императором сочтет это необходимым».

Заинтересованные в безраздельном контроле над экономикой Эфиопии, учитывая ее важное стратегическое значение, американцы поддержали требование Эфиопии о выводе английских войск с территории страны. В 1954 году английское правительство согласилось подписать договор об эвакуации английских войск и переходе Восточной Эфиопии под юрисдикцию правительства Эфиопии. Вытеснение англичан еще более расширило экспансию американского капитала.

22 мая 1953 года в Вашингтоне было подписано американо-эфиопское соглашение «о взаимной обороне». В соответствии с соглашением правительство США обещало предоставить Эфиопии вооружение и оказать помощь в обучении ее армии. В сообщении госдепартамента по поводу этого соглашения указывалось, что «президент, принимая решение, учитывал стратегическое положение Эфиопии в районе всего Ближнего Востока». Одновременно было подписано соглашение об использовании вооруженными силами США оборонительных сооружений в Эфиопии. США добились права проводить дноуглубительные работы у побережья, строить гавани, причалы, дороги, необходимые для передвижения американских вооруженных сил, и т. п.

Чрезмерное усиление позиций американского империализма в Эфиопии вызывало растущее беспокойство общественности и правительства страны. Рост оппозиции внутри страны, коренные изменения в международной обстановке, обусловленные ростом сил социалистического лагеря, развалом колониальной системы империализма, заставляли правящие круги Эфиопии искать новые пути самостоятельного развития страны. Принимались некоторые меры для развития национальной экономики, оказания помощи местным предпринимателям, развития энергетической базы. Стремясь несколько ослабить зависимость от США, правительство расширяет связи с другими государствами. В 1956 году Эфиопия установила дипломатические отношения с Болгарией, подписала торговое соглашение с Чехословакией, с другими странами социалистического лагеря. В 1973 году Эфиопия установила дипломатические отношения с ГДР. Однако политическая, военная и экономическая зависимость Эфиопии от США, наличие множества феодальных пережитков по-прежнему серьезно тормозили развитие страны...

28 января 1972 года — торжественное открытие сессии. В Аддис-Абебу прибыли представители африканских и азиатских стран, национально-освободительных движений, большая группа журналистов. На председательском месте высокий молодой африканец с кудрявой шевелюрой — министр иностран-

ных дел Сомали Галиб. Справа от него — Генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм, слева — автор этих строк. Присутствуют император Хайле Селассие I, президент Мавритании, тогдашний председатель Организации африканского единства Мухтар Уль Дада. Он садится в специальное кресло рядом с императором. Умное и вдохновенное лицо президента дышит уверенностью и решительностью.

Амфитеатр и ярусы предоставлены в распоряжение дипломатического корпуса. Не без трудностей нам удалось обеспечить место представителю ГДР — Эфиопия не имела тогда отношений с ГДР, ГДР не являлась членом ООН. Представители ФРГ, ревниво следившие за деятельностью дипломатов социалистического германского государства, через американцев высказали «удивление» по поводу приезда представителя ГДР на сессию Совета Безопасности и предоставления ему места в ложе для дипломатического корпуса. Западные державы не признавали суверенитета ГДР. Пришлось приложить немало усилий, чтобы обеспечить соответствующий уровень и достойное место представителям суверенного социалистического государства.

С яркой антиимпериалистической речью выступил президент Мухтар Уль Дада. Он заявил, что Совет стоит перед серьезным испытанием. Народы африканских стран будут судить о его дееспособности по тем решениям, которые он примет по таким жгучим для Африки проблемам, как Родезия, колонии и апартеид в Южной Африке.

Вечером 28 января члены Совета Безопасности и все сотрудники секретариата ООН, от генерального секретаря до переводчиков и машинисток, были приглашены на обед в императорский дворец. Эфиопский императорский двор считался одним из наиболее строгих по своему протоколу. Заместителю заведующего протокольным отделом советскому сотруднику Ю. Зыбанову пришлось ехать в эфиопский МИД и потратить полдня, чтобы получить согласие на то, чтобы на обед было разрешено явиться без смокингов и длинных вечерних платьев: многие технические сотрудники не имели таковых.

На обеде присутствовало свыше 500 человек — более 20 министров иностранных дел африканских стран, приехавших на сессию Совета Безопасности, около 100 послов, а также министры, видные сановники Эфиопии. При входе в зал — личная охрана императора: огромные черные гвардейцы в защитного цвета обмундировании с широкими белыми кожаными поясами. Высокий зал с красивыми хрустальными люстрами сверкал огнями. Красный ковер покрывал пол дворца, шаги гостей не были слышны.

В конце зала стоял Хайле Селассие. Императору, видимо, было крайне скучно. Он едва смотрел на подходивших и вяло пожимал руки, почти не реагируя на слова гостей. Лакеи в расшитых галунами мундирах, в белых перчатках разносили

вина на серебряных подносах. Спустя полчаса, оживленно беседуя, гости направились в другой зал.

Перед императором стояла золотая посуда. Кушанья ему подносили на золотых блюдах. Суежилась целая армия официантов. Все это стоило огромных денег, которые феодальная знать, возглавляемая императором, выколачивала из народа, переносившего большие невзгоды и лишения. Миллионы крестьян-арендаторов из поколения в поколение обрабатывали помещичью землю и выплачивали владельцам до трех четвертей урожая. Не лучше было и положение городского населения.

Программой было предусмотрено, что в конце обеда, как это принято на дипломатических приемах, Хайле Селассие произнесет короткую речь. С ответным словом должен был выступить генеральный секретарь ООН Вальдхайм.

Однако церемония не состоялась: то ли император забыл, что от него ждут речи, то ли устал от обеда, но речи он не произнес. Никто из приближенных не осмелился ему об этом напомнить. Разлили шампанское. Все подождали, речи не было. Выпили, кто хотел. Император неожиданно поднялся, пожал руку сидевшим рядом с ним генеральному секретарю, своей дочери, некоторым сановникам и направился к выходу.

Гостям ничего не оставалось, как последовать его примеру.

Болезнь века

Повестка дня Совета была сформулирована следующим образом: «Рассмотрение вопросов, касающихся Африки, которыми в настоящее время занимается Совет Безопасности, и осуществление соответствующих резолюций Совета».

13 заседаний провел Совет с 28 января по 4 февраля. На заседаниях развернулась острая политическая борьба развивающихся стран и сил национального освобождения, поддерживаемых СССР и другими социалистическими странами, против неокolonialизма.

Формулировка повестки дня давала возможность обсудить в Совете Безопасности наиболее острые проблемы борьбы с политикой колониализма, которая представляет собой угрозу миру или уже привела к нарушению такового.

Устав ООН налагает на Организацию и ее членов обязанность предпринимать активные шаги в целях содействия достижения независимости всеми угнетенными народами. Это прямо вытекает из провозглашенных в Уставе ООН принципов самоопределения народов, равенства больших и малых наций, равноправия всех людей без различия расы, языка и религии.

В первые годы существования ООН принцип самоопределения народов, записанный в Уставе ООН, получил дальнейшее подтверждение в ряде резолюций Генеральных Ассамблей. Но тогда лишь немногие страны помимо социалистических занима-

ли последовательные антиколониальные позиции, и резолюции не шли дальше подтверждения принципов. Перелом произошел в 1960 году. Мощный подъем национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах привел к освобождению от господства империализма новой группы стран и народов.

В сентябре—октябре 1960 года на XV сессии Генеральной Ассамблеи в ООН было принято 17 новых государств, причем 16 из них африканских. Состав ООН вырос в 1960 году до 99 государств. Объединенная афро-азиатская группа насчитывала 45 государств, в том числе 25 африканских. Большинство из них в недалеком прошлом были колониями, они заняли в основном прогрессивные и антиколониальные позиции. Сотрудничество с социалистическими странами привело к тому, что антиколониальные силы составили большинство в ООН. Радикальное изменение в соотношении сил сказывалось и на позиции латиноамериканских и части скандинавских стран.

Советское правительство выступило с предложением о формальном объявлении вне закона всей колониальной системы империализма путем принятия специальной декларации. По предложению СССР в повестку дня XV сессии Генеральной Ассамблеи в 1960 году был внесен пункт «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам». Это предложение явилось той конкретной политической программой, которая объединила вокруг себя антиколониальные силы в ООН в целях осуждения колониализма и создания международно-правовой базы требований самоопределения и независимости для всех народов, находившихся под игом колониального господства.

В итоге острой политической борьбы Ассамблея одобрила Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, в которой были отражены главные идеи советского проекта, и в частности требование немедленной и безоговорочной ликвидации колониализма во всех его формах и проявлениях. Положения декларации легли в основу деятельности ООН в области деколонизации. ООН перешла от признания права народов на самоопределение к позиции содействия ликвидации всей колониальной системы в целом. ООН стала с большей активностью вмешиваться в решение вопросов деколонизации. Решения ООН, подтверждающие право народов на независимость, приобрели в ряде случаев (вопрос об Алжире в 1960—1961 годах, об Адене в 1963—1967 годах и др.) значение прямой морально-политической поддержки и материального фактора, поскольку за этими решениями стояло большинство государств — членов ООН. Завоевание независимости рядом стран (Южный Йемен, Гайяна, Науру, бывшие английские протектораты в Южной Африке, Экваториальная Гвинея, Оман, Фиджи и некоторые другие) было осуществлено под влиянием соответствующих дискуссий и решений ООН, хотя, конечно, они

не являлись, да и не могли являться решающими. В документах ООН были зафиксированы права на независимость и самоопределение территорий, включая Намибию, французское Сомали и другие более мелкие территории, такие, как Соломоновы острова, Гуам, Виргинские острова и т. п. К настоящему времени все несамостоятельные территории находятся во владении шести колониальных держав (Англии, Франции, Испании, США, Австралии и Новой Зеландии). Противозаконно удерживает под своим контролем территорию Намибии ЮАР.

После долгой и острой борьбы Генеральная Ассамблея в 1965 году признала законность борьбы колониальных народов за свое освобождение, в том числе и вооруженной борьбы.

В решениях Генеральных Ассамблей неоднократно подтверждалось, что колониальное господство угрожает международному миру и безопасности. В резолюции № 2189 (XXI) от 13 декабря 1966 года мировой форум — Генеральная Ассамблея ООН констатировала, что апартеид, как и все формы расовой дискриминации, является преступлением против человечества. Основываясь на этом, антиколониальные силы ООН повели борьбу за применение санкций через Совет Безопасности против колониальных и колониально-расистских режимов.

Наличие в составе Совета Безопасности колониальных держав — Англии, США, Франции, обладающих правом вето, привело к тому, что Совет сыграл значительно меньшую по сравнению с Ассамблеей роль в борьбе с колониализмом. В 1968 году Совет принял решение об экономических санкциях в отношении Южной Родезии. Но это решение не дало должного эффекта, поскольку в нем не предусматривались меры против стран, идущих на нарушение постановлений Совета Безопасности. Против принятия таких мер решительно восстали империалистические державы.

Особенно отчаянным и упорным было сопротивление реакционных сил в вопросах о положении на юге Африки, где, как известно, сложился блок колониально-расистских режимов: ЮАР с ее варварской системой апартеида и фактически аннексированной Намибией и Южная Родезия с расистским режимом белого меньшинства. Под господством белого меньшинства колонизаторов находилось более 30 миллионов человек коренного африканского населения (на территории в 4 миллиона квадратных километров).

Проблема ликвидации колониально-расистских режимов на юге Африки стала предметом длительной и острой борьбы в различных органах ООН. С 1962 по 1980 год положение в Южной Родезии не сходило с повестки дня Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности. Африканские, социалистические страны, поддержанные рядом азиатских и латиноамериканских стран, добивались принятия решения об оказании прямого давления на режим ЮАР, применении принудительных мер, включая экономические санкции.

В 1963 году Совет Безопасности, преодолев сопротивление колониальных держав и их союзников из лагеря НАТО, принял решение о прекращении «продаж и поставок Южной Африке вооружений, боеприпасов, всех военных средств транспорта» (США и Англия не допустили принятия предложения о торговом бойкоте ЮАР). Даже эта резолюция могла быть эффективной, если бы ее добросовестно выполняли прежде всего торговые партнеры ЮАР: Англия, США, ФРГ и др. Члены Североатлантического военного блока продолжали военное сотрудничество с ЮАР, нарушая резолюцию Совета Безопасности.

Широко обсуждался в ООН вопрос о Намибии. В 1966 году подавляющим большинством голосов Ассамблея подтвердила право народа Намибии на свободу и независимость и заявила о прекращении действий мандата ЮАР на Намибию. Резолюция создала Совет ООН по Намибии для управления, но он не имел реальных возможностей осуществления своих полномочий из-за сопротивления властей ЮАР. Справедливые принципы, выдвинутые ООН, не были подкреплены практическими мерами по их осуществлению.

В 1971 году Совет Безопасности решил запросить консультативное заключение Международного суда по вопросу о Намибии⁴. До этого суд рассматривал вопрос о Намибии в 1968 году. Решение суда вызвало глубокое возмущение во всем мире (оно было принято восемью голосами против семи). Фактически оно признавало «право» ЮАР на продолжение управления Намибией по мандату Лиги наций, предоставленному ЮАР в 1920 году. Решение противоречило резолюциям Генеральной Ассамблеи, заявившей о ликвидации мандата.

Обращение в суд африканские страны хотели использовать для привлечения внимания мировой общественности к расистской и противоправной политике ЮАР в Намибии.

Международный суд имеет право рассматривать споры между государствами с добровольного согласия сторон и вырабатывать консультативные заключения по любому юридическому вопросу в ответ на запрос органов ООН и специализированных учреждений. Консультативное заключение имеет характер мнения специалистов и носит чисто рекомендательное значение.

С 1945 по 1971 год суд рассмотрел 36 дел и вынес 13 консультативных заключений. Большинство дел, рассмотренных в суде, касалось мелких, второстепенных споров. В урегулировании споров между государствами суд играет небольшую роль. Засилье представителей западных стран привело к тому, что деятельность суда в ряде случаев наносила ущерб делу мира и престижу самого суда. Империалистические круги пытались использовать суд для пересмотра принципиальных положений Устава ООН, для навязывания решений, противоречащих Уста-

⁴ Международный суд — главный судебный орган ООН. Постоянное местопребывание суда — Гаага.

ну ООН (в 1962 году суд признал «расходами организации» финансирование содержания вооруженных сил в Конго, т. е. покрытие расходов на эти незаконные операции за счет бюджета ООН. Это означало, что и СССР должен был выплатить огромные суммы за «операцию ООН в Конго», осуществляющуюся в интересах империалистических держав)⁵.

К 1971 году положение в Международном суде несколько изменилось. В результате выборов 1969 года развитые капиталистические страны были представлены пятью судьями, социалистические страны — двумя, развивающиеся страны Азии — тремя, Латинской Америки — двумя, Африки — тремя. Место чанкайшйста Веллингтона Ку занял представитель Дагомеи Пинто. Произошли и некоторые другие изменения.

Ведение дела по Намибии от имени ООН было поручено генеральному секретарю. Поскольку это было решение Совета Безопасности и вопрос рассматривался в Совете, политический департамент решил принять непосредственное участие в представлении вопроса. Это вызвало весьма прохладное, если не сказать больше, отношение юридического советника генерального секретаря Ставропулоса (Греция), проводника линии Запада в секретариате. Участие политического департамента стало помехой для ведения маневров в интересах ЮАР и ее империалистических покровителей.

Международный суд в Гааге занимает старое величественное здание Дворца правосудия. Это одно из главных достопримечательностей города. Внутри здания — торжественная тишина и полумрак. Мраморные лестницы, многочисленные коридоры и залы слабо освещены. Вдоль лестниц — скульптурные бюсты великих законодателей и теоретиков права.

Вместе с секретарем суда итальянцем Аквароне идем по коридору. Он рассказывает о перспективах обсуждения вопроса. Слушание дела начинается в феврале, но решение суда трудно ожидать ранее июня—июля.

Наносу официальный визит председателю Международного суда Зафрулле Хану. Большая комната со старинной темного дерева мебелью. Книжные шкафы. Тишина. Престарелый пакистанец говорит медленно и важно. Он не может предсказать результатов обсуждения. Африканские страны при всей справедливости их позиций недостаточно вооружены с точки зрения юриспруденции. Южная Африка подготовила широкую юридическую аргументацию. Она может произвести определенное впечатление на некоторых коллег. Зафрулла Хан не называет, кого он имеет в виду. Спрашиваю его мнение по поводу представленных секретариатом ООН материалов, убедительности нашей аргументации. Председатель суда мнется. Скорее всего не хочет высказывать своего мнения, он предпочитает сотрудничать с

⁵ Советский Союз и Франция отказались участвовать в финансировании этой «операции».

юридическим советником генерального секретаря Ставропулосом — представителем западного влияния в секретариате ООН.

Зафрулла Хан не обещает решения суда ранее июня—июля 1971 года, хотя африканские страны высказывали пожелание получить консультативное заключение суда как можно быстрее, чтобы обсудить вопрос в Совете Безопасности до начала сессии Генеральной Ассамблеи.

Помимо секретариата ООН свои мнения в Международный суд представили СССР, ряд африканских и социалистических стран. ЮАР прислала группу юристов (семь человек), в том числе трех известных юристов из ФРГ, нанятых правительством ЮАР для ведения дела. Африканские представители намерены занять своими выступлениями около двух недель. Представление позиции ЮАР — месяц-полтора.

— Несколько лет в суде не было ни одного серьезного дела. Поэтому проблему Намибии будут обсуждать охотно — надо показать мировому общественному мнению, что суд работает, — говорит мексиканский судья Падилья Нерво.

Просторный кабинет советского судьи П. Д. Морозова, моего старого коллеги по работе в представительстве СССР при ООН в Нью-Йорке. Помимо рабочего кабинета есть комната для переодевания. На время заседаний судьи надевают черные мантии и квадратные шляпы. П. Д. Морозов отмечает, что запрос Совета Безопасности в суд некоторые западные страны могут попытаться использовать в качестве прецедента представить суд как апелляционную инстанцию на решения Совета Безопасности, выполнение которых по Уставу является обязательным для государств — членов ООН.

На следующий день первое заседание Международного суда.

Ровно в 10 утра появляется председатель. За ним другие члены суда — в строгом порядке согласно возрасту и сроку избрания. Возраст судей весьма почтенный. П. Д. Морозов в свои 65 лет — один из самых молодых.

С яркой речью выступает нигерийский министр юстиции, представители других африканских стран. Они говорят о политической и юридической несостоятельности позиции южноафриканского режима, удерживающего контроль над народом Намибии вопреки международному праву и решениям международных организаций, из-за того, что Намибия — важный центр добычи алмазов и стратегического сырья. Там господствуют американские, английские и западногерманские монополии.

После заседания оживленный обмен мнениями... Забегая вперед, скажем, что результаты работы суда по вопросу о Намибии вылились в опубликование пухлого тома консультативного заключения. Суть его сводилась к тому, что ЮАР потеряла право на управление Намибией. Намибия должна перейти под контроль ООН или получить независимость. Впоследствии в ходе заседаний Совета Безопасности ряд делегаций ссылались на это заключение.

Расисты Южной Африки перед судом народов

31 января 1972 года выездная сессия Совета Безопасности возобновила работу. Попытки английского консервативного правительства добиться сговора с расистским режимом Яна Смита и таким образом упрочить господство белого меньшинства над миллионами африканцев из Зимбабве были подвергнуты резкой критике. Соглашение английского министра иностранных дел лорда Хьюма с главарем южнородезийских расистов Смитом (ноябрь 1971 года) было отвергнуто народом Зимбабве. Несмотря на террор, угрозы и преследования, африканское население Южной Родезии демонстрировало неприятие этого сговора.

В основе соглашения лежала теория расового превосходства, теория о так называемой неготовности и неспособности африканского населения управлять своими странами, решать свою судьбу. Об этом откровенно говорил главарь южнородезийских расистов. В телевизионном интервью 1 декабря 1971 года Смит цинично заявил: «В настоящий момент я не считаю, что они (африканцы. — Л. К.) пригодны для управления страной. Какое положение будет через 100 или через 1000 лет, нелегко предсказать».

Представители африканских стран на заседаниях Совета Безопасности и в Нью-Йорке и в Аддис-Абебе заявили, что после подробного изучения соглашения Смита — Хьюма они пришли к выводу, что политическая суть и основа этого соглашения являются расистско-империалистическими. Эту сделку отвергло подавляющее большинство членов Организации Объединенных Наций на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи. Организация африканского единства охарактеризовала сговор как «открытое предательство грядущих поколений пяти миллионов африканцев 243 тысячами белых родезийцев, связанных с белым господством и апартеидом».

В то время как английские представители во главе с лордом Хьюмом вели переговоры о закреплении расистских порядков в Южной Родезии, США приняли решение об отмене запрета на импорт хромовой руды из Южной Родезии, нарушив тем самым решение Совета Безопасности о санкциях против режима Смита. «Действия Англии и США в отношении Южной Родезии и других колониально-расистских режимов на юге Африки, — заявил советский представитель Я. А. Малик, — непосредственно связаны с планами империалистических держав по сколачиванию и закреплению на юге Африки военно-колониалистского блока, чтобы поставить заслон на пути национально-освободительных движений африканских народов, все еще находящихся под гнетом колонизаторов и расистов, и угрожать независимости суверенных африканских государств. Советский Союз решительно осуждает сделку Англии с расистским режимом Смита, узур-

пировавшим власть в Южной Родезии. Советская делегация, как и подавляющее большинство членов Организации Объединенных Наций, выступает твердо и решительно за принятие самых эффективных и действенных мер, направленных на устранение расистского режима в Южной Родезии и на передачу власти ее законному хозяину — народу Зимбабве».

В выступлениях представителей африканских и социалистических стран высказывались требования осудить Англию за то, что она не сумела защитить африканское население Южной Родезии, осудить США за нарушение санкций против Южной Родезии.

Понимая, что такая резолюция не сможет пройти в Совете, три африканские делегации (Гвинеи, Сомали и Судана) внесли довольно умеренный проект, с тем чтобы получить поддержку не только социалистических и развивающихся стран, но и некоторых западных держав.

В резолюции вновь подтверждалось, что положение в Южной Родезии представляет собой угрозу международному миру, и предлагалось срочно созвать конституционную конференцию, на которой африканское население через посредство своих представителей могло бы принять участие в разработке новых предложений, касающихся проблем политического развития страны. Резолюция призывала все государства принять более строгие меры, чтобы обеспечить полное осуществление санкций против Южной Родезии.

Проект резолюции выдвигал самые минимальные требования. Представители СССР и Югославии отмечали слабость резолюции, ее компромиссный характер, но, учитывая пожелания африканских стран, СССР, Югославия и Индия согласились за него проголосовать.

Председатель Совета ставит проект резолюции на голосование. Вспыхивают яркие лампы юпитеров, застрекотали кинокамеры.

— Кто за? — спрашивает председатель.

Представители СССР, Аргентины, Гвинеи, Индии, Китая, Панамы, Сомали, Судана, Югославии поднимают руки.

Резолюция получает необходимое большинство.

— Кто против? — слышится голос председателя.

Все взоры обращаются в левую сторону зала. Как поведет себя представитель Англии? Посмеет ли он бросить вызов Африке? Лицо посла Колина Кроу наливается кровью. Он медленно поднимает руку. Вето! Гул голосов и возмущенных выкриков.

Один из представителей африканских стран выражает возмущение.

«Африка пробудилась, — восклицает он, — и вето или не вето — ничто не отпугнет и не замедлит темпов нашего движения к свободе, к нашему развитию, к неизбежной революции в Африке».

Слова африканских представителей оправдались. Английским

колонизаторам и их империалистическим пособникам не удалось удержать контроль над страной народа Зимбабве. Колониальный анклав — Южная Родезия — был сметен бурной волной народного движения. В 1980 г. на месте колониальной Южной Родезии была провозглашена независимая Республика Зимбабве. Еще один бастион колониализма рухнул.

Пришло время решать следующий вопрос — о политике апартеида правительства Южной Африки. Африканские делегации вместе с Индией и Югославией представили проект, осуждающий политику апартеида. Наиболее важным было положение, призывающее «все государства строго соблюдать эмбарго на оружие Южной Африке». Африканские и социалистические страны добивались, чтобы эмбарго распространялось на все поставки оружия расистскому режиму, так как правительство ЮАР использовало практически все виды поставляемого оружия для подавления народно-освободительного движения.

Резолюция была принята почти единогласно, воздержалась лишь Франция. На деле голосование с осуждением политики апартеида отнюдь не меняло реального содержания политики западных держав в отношении южноафриканского режима.

Около 2 часов ночи 5 февраля 1972 года заседание закрывается. Закончилась выездная сессия. Под утро возвращаемся в отель. Заспанные дежурные хмуро поглядывают на дипломатов, заполнивших фойе. Знают ли они о сессии, интересуется ли их что-нибудь? Трудно понять. Иностранцам из западных стран казалось, что политика мало волнует население, для него привычны тяготы жизни, думы о зарботке и пропитании.

Внешнее впечатление было обманчивым. В гуще народа назревал протест. Чаша испытаний была переполнена. С конца 1973 года начались выступления студентов в Аддис-Абебе, забастовки рабочих, волнения в армейских частях, которые перекинулись на главную опору трона — императорскую гвардию. Патриотически настроенные офицеры взяли власть в свои руки. В сентябре 1974 года император был низложен. Эфиопский народ доказал, что он, как и другие народы Африки, готов бороться за социальный прогресс, свободу и независимость. Ныне народ Эфиопии, преодолевая многочисленные трудности, успешно идет по пути социалистического строительства.

Панама бросает вызов

Перед зданием Национальной ассамблеи Панамы — большой щит. На нем воспроизведены слова главы панамского правительства генерала Омара Торрихоса: «Каждый должен понять, что народ нельзя заставить стоять на коленях. Мы скорее предпочтем смерть, чем жизнь под иноземным игом».

Эти слова крупными буквами написаны на пяти языках: испанском, английском, французском, русском и китайском —

пяти официальных языках ООН. В Панаме ожидали приезда членов Совета Безопасности ООН и представителей многих стран. На 13 марта 1973 года было назначено заседание Совета Безопасности.

Заявление Торрихоса отражало настроение широких слоев народа, не только рабочих, крестьян, передовой интеллигенции, но и национальной буржуазии, страдавшей от американских монополий, хозяйничавших в Панаме многие десятилетия. Оно фиксировало те громадные изменения, которые произошли в Панаме.

Панама издавна была одним из центров международного бизнеса. Вплоть до конца 60-х годов разного рода дельцы-финансисты использовали этот международный перекресток и «налоговый рай» для довольно сомнительных операций с банками и капиталовложениями. И только с приходом к власти генерала Омара Торрихоса обстановка в стране оздоровилась. Правительство решительно пресекает деятельность международных финансовых авантюристов, порочивших престиж Панамы и препятствовавших суверенному развитию и укреплению национальной экономики.

Мне пришлось несколько раз встречаться с генералом. Орлиный профиль, мужественное, коричневое от загара лицо. Генерал по-военному немногословен. Держится просто, с достоинством. Омар Торрихос представлял военных, которых правящие круги в странах Латинской Америки готовили для расправы над собственным народом. Но они повернули оружие и стали на службу национальным интересам собственных стран. Торрихос пользовался большой популярностью в народе и поддержкой вооруженных сил — национальной гвардии.

В начале января 1972 года при обсуждении вопроса о проведении сессии Совета Безопасности в Африке представитель Панамы посол Бойд заявил:

— Моя делегация поддерживает требование наших африканских братьев об обсуждении проблем Африки в одной из африканских стран. Мы надеемся, что следующую выездную сессию Совет Безопасности проведет в Панаме. У нас немало весьма острых проблем, в решении которых наш народ и правительство рассчитывают получить помощь со стороны ООН.

Заявление Бойда оказалось неожиданным.

Все, как по команде, посмотрели в сторону представителя США Джорджа Буша. Ждали его реакции. Было ясно, о каких проблемах говорит представитель Панамы.

В 1903 году США навязали только что образовавшейся Панамской республике договор, по условиям которого часть ее национальной территории отторгалась. На этой территории, делившей страну надвое, создавалась «зона Панамского канала» (шириной 16 километров, протяженностью 81,6 километра). После ввода в действие канала США стали получать от его эксплуатации огромные коммерческие выгоды.

Подсчитано, что с момента пуска канала по нему прошло около полумиллиона кораблей. Это принесло США более 2 миллиардов долларов. Помимо этого США превратили зону канала в крупнейший опорный пункт Пентагона в Карибском бассейне.

Основные статьи договора сохранили силу и ко времени заседания сессии Совета Безопасности. Американизированная зона фактически превращена в колонию США, там содержится 10-тысячный американский гарнизон, настоящие хозяева страны — панамцы подвергаются дискриминации. При ежегодной прибыли от эксплуатации канала в 100 миллионов долларов США выплачивают Панаме ничтожную долю — менее 2 миллионов. Нынешнее поколение панамцев, говорил Торрихос в парламенте, никогда не сможет понять, почему на панамской земле находится территория другой страны со своими законами, своей политикой и своим флагом. Терпение моего народа не безгранично. Конфликт может разразиться в любую минуту.

...Американский представитель сделал вид, что он пропустил мимо ушей заявление панамца. Зато члены Совета Безопасности, дипломаты начали оживленно обмениваться мнениями.

После заседания Совета Бойд подошел ко мне. Молодой, обаятельный, с большими черными глазами, посол неизменно вызывал симпатию.

— Как вы считаете, — спросил он, — сможем ли мы добиться, чтобы следующую выездную сессию Совет Безопасности провел в Панаме?

Быть беспристрастным, не занимать чьей-либо стороны в вопросах, вызывающих острые противоречия, — обязательное для сотрудников секретариата правило. Поэтому я ответил:

— Конечно, ваше правительство, как любое другое, может потребовать обсуждения вопроса, в котором оно заинтересовано, в том районе, где происходит обострение международной обстановки.

Переходя на дружеский тон, добавил:

— Если ваше предложение поддержит латиноамериканская группа, то даже тем членам Совета, которым, как вы понимаете, не очень нравится эта идея, придется с ней согласиться. Надо иметь в виду, что некоторые страны смогут найти немало всевозможных предлогов для того, чтобы не допустить проведения сессии в Панаме. Возникнет вопрос о расходах, обеспечении технических средств проведения заседаний (перевод, издание протоколов и т. д.), связи со столицами, личной безопасности членов Совета и т. п. Как мне кажется, не менее сложное дело — формулировка повестки дня.

Посол поблагодарил меня.

— Мы изучаем все эти вопросы, — сказал он. — Когда окончательно решим добиваться проведения сессии в Панаме, мы надеемся, что секретариат ООН окажет нам необходимую помощь и содействие. Вас мы рассматриваем как нашего друга.

Прошло несколько месяцев. Бойд при встрече сказал:

— Мой министр направил официальное письмо генеральному секретарю ООН. Мы требуем провести сессию Совета в марте 1973 года.

— Этот вопрос должен решить сам Совет, — заметил я. — Генеральный секретарь ООН не располагает правом созыва Совета Безопасности. Он лишь может обратить внимание Совета на опасную ситуацию в том или ином районе мира.

Бойд просил меня ускорить рассмотрение вопроса Вальдхаймом.

Следует заметить, что в ООН все более складывается практика предварительного обсуждения наиболее важных вопросов, выносимых на сессии Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности, в региональных группах. Существуют группы социалистических, африканских, азиатских, латиноамериканских стран. Западные державы объединяются в группу «западноевропейских и других стран». Помимо стран Западной Европы сюда входят США, Япония, Канада, Австралия.

Кроме того, в последние годы сложилась «группа 77-ми». Это развивающиеся страны Африки, Азии, Латинской Америки. Фактически в эту группу в 1972 году входили 103 страны, но она сохранила наименование «группы 77-ми» по числу стран, впервые подписавших в Африке Декларацию по проблемам экономического развития развивающихся стран. Постепенно эта группа стала обсуждать и политические вопросы. Пользуясь своей многочисленностью, эта группа заметно влияет на решение Ассамблеи. Более 100 государств — это более двух третей голосов, необходимых для прохождения любой резолюции в Ассамблее. В Совете Безопасности, как уже указывалось, другая ситуация. Там многое зависит от позиции постоянных членов Совета, обладающих правом вето. Но и для Совета решения «группы 77-ми» имеют определенный политический вес.

На совещании группы латиноамериканских государств в Нью-Йорке в январе 1973 года даже правые, проамериканские режимы не осмелились возражать против предложения Панамы. Бойд подчеркивал, как рассказывали, что Панама намерена привлечь внимание не только к политическим аспектам своих отношений с США, но и к необходимости обеспечения за странами Латинской Америки свободного и суверенного использования своих природных ресурсов без вмешательства извне. В результате переговоров было выработано совместное заявление и договорено об основных линиях ведения дела на сессии Совета Безопасности.

В январе 1973 года вопрос официально обсуждался в Совете Безопасности.

Представители недавно избранных новых членов Совета: Индонезии, Перу, Судана — подошли ко мне до начала заседания. Они интересовались мнением секретариата ООН: нуждается ли решение вопроса о проведении сессии в Панаме в квалифицированном большинстве, т. е. обязательном позитивном го-

ировании постоянных членов Совета Безопасности, или же вопрос о месте созыва сессии чисто процедурный? Мой ответ был недвусмысленным: вопрос процедурный. Право вето в данном случае неприменимо.

Панамцы с новой энергией начали работать с делегациями. Не дремали и американцы. Но выступить против всей латиноамериканской группы, поддерживаемой африканскими и азиатскими членами Совета: Гвинеей, Кенией, Суданом, Индонезией, Индией — и, конечно, социалистическими странами, не решились: американский представитель выдвинул несколько оговорок, которые были поддержаны лишь англичанином и частично австралийцем. В принципе вопрос о проведении сессии был решен. Детали поручили выработать специальному комитету.

Панамцы не имели опыта проведения международных конференций и поэтому, естественно, интересовались, как организовать подготовку к сессии, не дать возможности противникам сорвать ее под предлогом отсутствия необходимых условий. Западные страны, как и следовало ожидать, потребовали, чтобы в Панаме было «все так же, как в Нью-Йорке». Это означало: синхронный перевод всех заседаний на пять языков, выпуск на следующий день после заседаний стенограмм выступлений на четырех рабочих языках, немедленное размножение проектов резолюций на пяти официальных языках (включая китайский). Наше предложение расшифровать магнитофонные записи выступлений по возвращении в Нью-Йорк (что резко снижало расходы) было отвергнуто. В Панаму необходимо было брать не только переводчиков, но и машинисток, печатников, техников и т. п. Всего около 120 человек. Учитывая стоимость авиабилетов, суточных, перевозку технического оборудования и т. п., расходы составляли четверть миллиона долларов. И это при финансовых трудностях ООН!

Панамские власти прекрасно понимали ситуацию. На первом же заседании специального комитета посол Бойд заявил, что панамская сторона берет на себя расходы по оплате отелей для всех сотрудников секретариата ООН и делегаций, бесплатно предоставляет транспорт, охрану, обеспечивает по возможности все техническое оборудование и т. п. Это сокращало расходы почти наполовину.

Некоторые делегации в беседах с Бойдом высказывали беспокойство по поводу личной безопасности. Особенно настойчиво вел себя китаец. Китайский представитель при ООН Хуан Хуа сказал, что в Панаме имеется «группа враждебных КНР элементов», которая вдохновляется и финансируется посольством Тайваня. Бойд заверил китайца, что МИД Панамы порекомендует представителю Тайваня на время заседаний Совета взять отпуск или выехать в командировку. Что касается личной безопасности китайской делегации, то, сказал Бойд, панамское правительство гарантирует полную безопасность: будет дана личная охрана и приняты все меры предосторожности.

Бойд сообщил также, что делегациям будет предоставлен лучший отель «Панама» с бассейном, хорошими ресторанами, казино и т. п. Все делегации получают служебные помещения, имеющие телетайпную и телеграфную связь с любой столицей. По просьбе Бойда политический департамент направил в Панаму группу специалистов, чтобы оказать помощь и проверить готовность к приему Совета Безопасности.

Доклад группы был обнадеживающим. Панамские власти делали все, чтобы обеспечить работу Совета. О том интересе, который панамские власти проявляли к организации сессии, свидетельствует хотя бы то, что упомянутую миссию, состоящую из второстепенных чиновников, принял президент республики! Достаточно было взглянуть на посвежевшие лица членов миссии, чтобы прийти к заключению, что в Панаме их не обижали.

Миссия информировала: зал Национальной ассамблеи переоборудуется. Изготовлен стол — точная копия всем известного по многочисленным фотоснимкам подковообразного стола Совета Безопасности в штаб-квартире ООН. Предусмотрены места и для делегаций не членов Совета, для прессы и публики.

Гигантский «Боинг», на котором мы летим, делает круг над городом. С высоты виден и Панамский канал — яблоко раздора между Панамой и США и главная причина созыва сессии Совета Безопасности. Видны шлюзовые сооружения, невдалеке — ангары, взлетные площадки, радарные установки и отгороженные от кварталов города группки коттеджей для американских офицеров, служащих компании Панамского канала и их семей, солдатские казармы.

Самолет подруливает к аэропорту. На флагштоках трехцветные национальные флаги Панамы и голубые полотнища с эмблемой ООН. Душная теплота тропиков окутывает нас. Слышны громкие звуки мелодичной музыки. Большая группа девушек, одетых в яркие национальные костюмы, с гирляндами цветов вокруг головы грациозно исполняет танцы. Так встречают панамцы. В аэропорту нам показали газеты. Наибольшее внимание уделялось представителям СССР и КНР — панамцы рассчитывали на их поддержку.

На сессию прибыли десять министров иностранных дел стран Латинской Америки, большая группа послов — представителей социалистических, африканских, азиатских и латиноамериканских стран. Послы Болгарии и Чехословакии использовали свое пребывание в Панаме для активных консультаций и налаживания отношений с панамским правительством. В результате была достигнута договоренность об установлении дипломатических отношений Панамы с Болгарией и Чехословакией. Это стало определенной морально-политической поддержкой борьбы панамского народа за свой суверенитет и независимость.

Согласно программе в первый день работы члены Совета Безопасности должны были поехать на пароходе посмотреть канал, шлюзы и другие сооружения сразу же после официально-

го открытия сессии. Первое заседание, о котором будет рассказано ниже, близилось к концу, но никто из членов Совета и руководителей секретариата ООН не получил приглашений. Я обратился к Бойду. Тот сконфуженно сказал.

— Пока идут переговоры. Неясно, когда они кончатся.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что всю ночь накануне и утром 13 марта шли бурные дебаты между панамцами и американцами — кто будет приглашать? Кто действительный хозяин на канале — Панама или США? Обе стороны настаивали на своем праве разослать приглашения.

В конце концов, когда до закрытия заседания оставалось 20 минут, всем нам в срочном порядке вручили сразу по два приглашения на поездку по каналу: одно — от имени панамского министра иностранных дел Тэка и второе — от американской делегации при ООН. При въезде в зону американские часовые требовали предъявления приглашений от американской миссии, но на пароходе хлебосольными и внимательными хозяевами были панамцы.

Открытие заседания произошло без осложнений. Генерал Торрихос в штатском костюме, белоснежной рубашке с ярким галстуком. Произнеся первые вступительные фразы, Торрихос достает из кармана листы бумаги с крупно написанным от руки текстом. Его эмоциональная речь произвела большое впечатление на присутствовавших.

«Я выступаю, — заявил Торрихос, — от имени народа, который не испытывает ненависти, великодушное сердце которого простило обиды и в качестве своей судьбы избрало достижение собственного суверенитета. Тот, кто прав, не прибегает к оскорблениям. С этой высокой трибуны Панама заявляет, что мы не можем согласиться с экономическим подавлением одной страны другой и с политическим, экономическим и культурным вмешательством, поскольку это не что иное, как неоколониализм. Иначе говоря, это колониализм, замаскированный и прикрытый, выражающийся в условиях экономической помощи, целью которой является не развитие нашей страны, а установление контроля над ее народом».

В заключение он сказал: «Я заявляю представителям Соединенных Штатов, что было бы более благородно исправить несправедливость, чем увековечивать ошибку. От мира, который представлен здесь сегодня, мы просим моральной поддержки в этой борьбе, которая увенчается успехом, если ей поможет совесть мира: наш народ уже приближается к грани своего терпения».

В ходе дискуссии с еще более резкими и подробно обоснованными заявлениями выступили министр иностранных дел Тэк и посол Бойд. Они привели потрясающие факты бедности и нищеты страны, подвергающейся эксплуатации со стороны амери-

канских монополий, которые выкачивали огромные доходы от использования канала и природных ресурсов страны. Можно было только восхищаться мужеством и смелостью этих людей. Кому не известны многочисленные перевороты и убийства негодных деятелей Латинской Америки, организованные ЦРУ, разведывательным управлением министерства обороны США?

Еще в памяти у всех свержение президента Кубичека в Бразилии в 1962 году, президента Ареналеса в Гватемале в 1963 году, президента Боша и главы революционного правительства Кааманьо в Доминиканской Республике в 1965 году, президента Альенде в 1973 году.

Прошло немногим более года после сессии Совета, и в июне 1974 года посол Панамы в Коста-Рике Давид Пере заявил, что у его правительства есть доказательства, свидетельствующие о махинациях американской банановой компании «Стандард фрут». Удалось точно установить факт подготовки убийства Торрихоса руками американских и английских наемников, которые вербуются в Нью-Йорке и в Лондоне из тех, кто воевал во Вьетнаме, кто принадлежит к организации профессиональных убийц.

Панамское руководство, видимо, хорошо понимало угрозу и, опасаясь возможных провокаций, предприняло ряд предохранительных мер. Не только зал заседаний Совета был под усиленной охраной. На каждом этаже в отеле прогуливались два-три сотрудника службы безопасности, одетых в штатское. Даже в лифтах отеля внимательно осматривали каждого пассажира и иногда спрашивали:

— А кто вы? Зачем вы едете на пятый этаж?

Только в казино не было охраны. Казино с рулеткой, с игральными автоматами: опустишь четвертак (25 центов), повернешь ручку — что-то загудит в машине. Стоп. Ничего не получаешь. Опускай следующую монету...

Некоторые, «более хитрые», разменяв 5 долларов и избрав более сложную комбинацию, обещающую выигрыш до 200 долларов, иногда вначале что-то выигрывают. Но затем входят в азарт и, проиграв в зависимости от самообладания и толщины кошелька еще некоторую сумму, покидают заведение.

Дипломаты не были исключением, тем более что вход в казино находился рядом с входом в ресторан, где мы питались, на первом этаже отеля. Вместе с группой дипломатов после ужина зашли посмотреть. Разменял доллар. Опускал четыре раза монетки по 25 центов. Послушал, как гудит и трещит машина. Ничего не выиграл.

Крупье у рулетки скучающе посмотрел на меня. Ему было ясно, что я не из тех, кто доставит ему работу и заработок. Зато мои спутники оправдали его надежды.

Наутро индийский дипломат сказал мне:

— Что же вы вчера сразу ушли? Там была такая интересная игра. Я пробыл в казино несколько часов и... проиграл

200 долларов. Но это что... Вот Де Розас⁶ проиграл вчера за пещер 600 долларов!

В ответ я шутливо заметил:

— У меня нет плантаций в Аргентине. Да и ООН переживает финансовые трудности...

История свидетельствует

Как принято в практике Совета Безопасности, до выступлений членов Совета слово предоставляется представителям стран, высказавших желание принять участие в дискуссии.

В выступлениях министров иностранных дел и представителей ряда латиноамериканских стран: Кубы, Перу, Коста-Рики, Колумбии, Эквадора — была глубоко проанализирована историческая обстановка, в которой американскому империализму удалось навязать Панаме кабальное соглашение 1903 года о зоне Панамского канала, показаны его юридическая несостоятельность и противоречие основополагающим принципам международного права и Устава ООН.

Наибольшее впечатление произвели яркие и хорошо аргументированные выступления министров иностранных дел Кубы Рауля Рао и Коста-Рики Гансало Фаско.

В XVII и XVIII веках население Панамского перешейка — смесь испанцев, индейцев и негров — все в большей мере осознавало функции своей страны как страны транзитной в силу географического положения. Потребности развивающейся торговли, главными центрами которой были Портобело на берегу Карибского моря и Панама на берегу Тихого океана, уже тогда подсказывали мысль о необходимости строительства канала, который соединил бы воды двух океанов.

Веками страна находилась под испанским владычеством и лишь в 1821 году получила независимость в результате мощного подъема национально-освободительного движения. Молодое государство постоянно испытывало на себе давление со стороны Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки, азартно конкурировавших между собой за сферы влияния в Латинской Америке.

В 1846 году США навязали Новой Гренаде (нынешняя Колумбия) неравноправный договор, по которому получили освобождение от пошлин, привилегии и иммунитеты в вопросах навигации и свободного транзита через перешеек. Соединенные Штаты получили экономические и стратегические преимущества,

⁶ Де Розас — представитель Аргентины при ООН. В 1971—1972 годах — представитель Аргентины в Совете Безопасности. Профессиональный дипломат, богатый помещик.

позволившие им построить железную дорогу между двумя океанами. С этого времени США открыто вмешиваются в панамские дела.

Англия, которая вначале исходила из необходимости приостановить процесс экспансии США и вынашивала планы строительства водного пути через территорию Никарагуа, позднее согласилась с ролью соучастника США, стремясь защитить от экспансии свою колониальную империю. Англия заключила соглашение с США в 1850 году (Клейтон-Бульвер), согласно которому в случае строительства через перешеек межокеанского судоходного канала за США и Англией закреплялись равные права на пользование им. Но США стремились избавиться от своего партнера.

Противоречиями между США и Англией воспользовалась Франция. В 1879 году она учредила Всеобщую компанию межокеанского канала, но та обанкротилась в 1888 году. В 1894 году была создана новая компания, получившая концессию на строительство межокеанского Панамского канала. В 1901 году США аннулировали договор с Англией и добились заключения нового, по которому право на сооружение канала переходило к США, а в 1902 году вынудили и французскую компанию продать им концессию.

В 1902 году началась гражданская война в Колумбии, которая привела и к обострению обстановки в Панаме. Отголоски конфликта вызвали к жизни движение крестьянских масс, возглавленное Викторiano Лоренцо. Соединенные Штаты вмешались в качестве судьи в борьбу между либералами и консерваторами. В Колумбии мир был подписан на борту броненосца «Висконсин». Американцы расстреляли Викторiano Лоренцо и отправили в изгнание либеральных руководителей провинции. Почти сразу же вслед за этими событиями Соединенные Штаты навязали Колумбии договор Херран-Хей, предусматривавший строительство межокеанского канала. Однако положения договора были столь несправедливыми, что колумбийский конгресс отказался его ратифицировать. Президент Теодор Рузвельт решил тогда отбросить в сторону договор и прибегнуть к силе. США послали в зону Панамы флот.

К тому времени США были хозяевами Пуэрто-Рико, Филиппин и Гавайских островов; они уже навязали Кубе военно-морскую базу в Гуантанаме, предназначенную для защиты межокеанского канала. 18 ноября 1903 года была заключена конвенция о канале через перешеек. Статья II договора предусматривала «передачу США на вечные времена права пользования, оккупации и контроля над зоной суши и над зоной, покрытой водой, для строительства, обеспечения, эксплуатации, ремонта и защиты канала». Кроме того, США навечно передавались «ряд островов в Панамском заливе, а также право на использование, оккупацию и контроль над любой частью суши и моря за пределами вышеупомянутой зоны, которая может по-

требоваться США». Панамский канал вступил в эксплуатацию в 1914 году.

Под давлением освободительной борьбы панамцев за суверенитет в 1936 году был заключен новый договор с США о канале, по которому сумма отчислений за эксплуатацию канала повышалась в пользу Панамы. США были вынуждены отказаться от прав на контроль, использование, оккупацию любых других территорий, но увековечили концессию на зону канала.

Национализация Суэцкого канала Египтом в 1956 году вызвала новый подъем борьбы панамского народа. США снова отвергли требование о признании суверенитета Панамы над зоной канала и прилегающей к ней территории.

Борьба панамцев резко активизировалась в начале 60-х годов. В 1964 году в средней школе города Бальбоа демонстранты попытались поднять наряду с флагом США флаг Панамы. Демонстрация была расстреляна американскими солдатами.

Это вызвало бурное возмущение народа и вынудило панамское правительство прервать дипломатические отношения с Соединенными Штатами, а также обратиться с просьбой в Совет Безопасности и в Организацию американских государств рассмотреть причины конфликта между двумя странами, который ставил под угрозу мир и безопасность на континенте. США вынуждены были согласиться начать переговоры о пересмотре договора 1903 года. Однако предложенные ими в 1967 году проекты новых соглашений по-прежнему игнорировали справедливые требования панамцев. Они базировались на принципе сохранения американской военной оккупации и баз до 2067 года. Пришедшее к власти в 1968 году правительство генерала Торрихоса расценило эти проекты как неприемлемые.

Трудами многочисленных юристов была доказана полная юридическая неправомочность и невозможность реального существования подобной конвенции в свете международного права и положений Устава Организации Объединенных Наций.

Выступая в Совете Безопасности, министр иностранных дел Кубы Рауль Рао говорил:

— Панама не имеет собственных значительных ресурсов, но, если бы она даже обладала ими, ее основным ресурсом все равно оставалось бы ее географическое положение. Перешеек существует не из-за канала; канал существует из-за перешейка. Доход, получаемый от его использования, должен быть основой независимости и основным двигателем национального развития. Но пока что это только сдерживало независимость, подрывало суверенитет, способствовало слабому развитию, мешало международной торговле, дискриминировало население теми, кто оккупировал зону, и оскорбляло национальную гордость. Куба считает неотъемлемым и непреложным правом Панамы, которым нужно немедленно воспользоваться, национализацию этого естественного ресурса для блага народа и устранение структур и отношений господства, которые стоят на пути ее развития.

Социалистические и афро-азиатские страны — члены Совета энергично поддерживали законные требования Панамы.

«Именно географическое положение Панамы, — говорил представитель СССР Я. А. Малик, — обеспечившее возможность сооружения на ее территории судоходного канала, который связывает кратчайшим путем два океана, является важнейшим, если не главным, природным богатством Панамы. Мы поддерживаем поэтому стремление народа и правительства Панамы восстановить свой суверенитет над этим природным богатством, использовать это богатство на благо своего народа, для развития своей страны. Мы поддерживаем также стремление правительства Панамы восстановить территориальную целостность своей страны. Ни один народ не мог бы примириться с таким противоестественным положением, когда территория его страны была бы расчленена на две части территорией, находящейся в руках другого государства. Зона канала, которая в географическом, политическом, экономическом и социальном отношении принадлежит Республике Панаме, является неотъемлемой частью ее национальной территории. Восстановление суверенитета Панамы над этой зоной является одним из неизбежных и основных факторов в развитии панамской нации и в устранении средоточия постоянной напряженности в Америке.

Панамский канал является в то же время важным межокеанским путем мирового значения, пользование которым, разумеется без ущерба для законных суверенных прав и интересов Панамы, должно эффективно основываться на принципе свободы международного судоходства и служить на благо народов всего мира».

Борьба обостряется

Работа Совета Безопасности широко освещалась мировой прессой. Латиноамериканские газеты на первых полосах помещали отчеты о ходе дискуссий, фотографии генерала Торрихоса, генерального секретаря ООН, членов Совета Безопасности. Мы ежедневно видели свои фотографии в панамских газетах, поэтому нас сразу узнавали, где бы мы ни появлялись. Пристально следила за всеми перипетиями борьбы и североамериканская пресса: вопрос касался военно-стратегических позиций американского империализма в Тихом и Атлантическом океанах. «Нью-Йорк таймс» в воскресном номере за 17 марта, в еженедельном обзоре, куда попадают лишь самые крупные международные события, поместила статью о сессии Совета. Однако вопреки логике газета призывала правительство и нового представителя США при ООН следовать прежнему курсу, подчеркивая важность канала для американского военного присутствия в водах обоих океанов. На помещенных в газетах фотографиях новый американский представитель при ООН Скали, который

сменил Буша в марте 1973 года, выглядел весьма озабоченным. И было от чего. Ему предстояло впервые появиться в Совете Безопасности и начинать свою дипломатическую карьеру в сложной и невыгодной для американской дипломатии политической ситуации.

В кругах ООН Скали не знали. Из газет было известно, что он сделал карьеру как журналист, получив признание в правительственных кругах Вашингтона еще во время так называемого кубинского кризиса 1962 года, когда мир был на волоске от войны в результате безрассудных действий американской военной.

Газеты сообщали о срочной женитьбе нового американского представителя. По мнению журналистов, Скали, которому было за 50 и который слыл закоренелым холостяком, намеревался развернуть широкую представительскую деятельность, в осуществлении которой немалая роль принадлежит жене посла. Не случайно в характеристиках, которые составлялись на американских дипломатов в посольствах и других загранучреждениях США, имелась специальная графа, в которой требовалось давать оценку активности жены в дипломатической деятельности мужа. Ожидалось, что Скали, опытный и ловкий журналист, будет прибегать куда чаще, чем его предшественники, к разного рода трюкам и изощренной демагогии для осуществления политики своего правительства.

Накануне отъезда из Нью-Йорка я спросил Скали, как он представляет себе возможные результаты сессии в Панаме. Скали серьезно посмотрел на меня через очки. Подумал. Затем сказал:

— Я нахожусь в сложном положении. Трудно начинать с такого вопроса. Наша позиция будет определена в пятницу, 8 марта, на совещании кабинета. Президент, Киссинджер и госсекретарь Роджерс, который только что вернулся из Парижа⁷, уделяют серьезное внимание проблеме.

В первые дни работы Совета Безопасности делегации Перу и Панамы предложили заранее подготовленный проект резолюции по главному вопросу — о зоне Панамского канала. В нем предусматривалось аннулировать конвенцию 1903 года о канале, поправки к ней и заключить новый договор, предусматривавший обеспечить воссоединение территории, известной как «Зона канала», с Республикой Панамой, прекратив существование вышеуказанной зоны в качестве района, находящегося под юрисдикцией Соединенных Штатов.

Внесены были еще два проекта, касающиеся суверенных прав народов на использование национальных природных ресурсов. Эти проекты хотя прямо и не назвали зону Панамского канала, но подразумевали ее, поскольку канал в выступлениях

⁷ Имеется в виду международная конференция в Париже по вопросу о Вьетнаме, которая проходила с 27 февраля по 2 марта 1973 года.

большинства делегаций рассматривался как основное природное богатство Панамы, которым страна вправе суверенно распоряжаться.

Резолюции были направлены против неокOLONиалистской политики империалистических держав в Латинской Америке, Азии и Африке. Проекты их были подготовлены латиноамериканскими дипломатами еще в Нью-Йорке. Делегации СССР, Югославии, Гвинеи заявили о своей поддержке указанных проектов. Однако США и их союзники — Англия, Австралия и некоторые другие страны дали понять, что основной проект о зоне канала для них неприемлем. Начались обычные в таких случаях неофициальные консультации. Приступили к ним в Панаме, затем неофициальные беседы были продолжены на острове Контадора, куда члены Совета выехали по приглашению владельца острова на воскресный отдых.

Контадора — небольшой живописный островок, расположенный недалеко от Тихоокеанского побережья Панамы. С борта самолета он выглядит жемчужиной, брошенной в бирюзовые волны океана. Мне рассказали любопытную историю про этот остров. Пять-шесть лет назад предприимчивый делец купил остров у правительства Панамы за 5 тысяч долларов. Получив заем у американского банка, он превратил островок в приятное место отдыха и развлечений. Были проложены дороги, построены рестораны, коттеджи, стандартные домики, небольшой аэродром. Подвели воду, телефонные линии. Часть коттеджей была сразу же продана, другие сдаются по сравнительно умеренной цене — 20 долларов за уик-энд (суббота, воскресенье). Человек со средним достатком может позволить себе раз в месяц слетать на островок, где чистая прозрачная вода, уютные пляжи, масса экзотических растений. Остров оценивают уже в 3 миллиона долларов.

Владелец острова, не без подсказки со стороны правительства, пригласил глав делегаций на сессии Совета Безопасности и руководство секретариата ООН провести на Контадоре субботу и воскресенье. Панамцы рассчитывали в непринужденной обстановке провести консультации, прощупать позицию основных делегаций и добиться выработки проекта, который бы получил поддержку большинства. На пляжах, в ресторанах, на лужайках министры иностранных дел и послы, одетые в легкие летние костюмы, а иногда и просто в купальниках и больших широкополых сомбреро, которые нам вручили при приезде, обменивались и политическими новостями, и мнениями по поводу возможных итоговых документов. Так сказал мне, что американцы угрожают применить вето, если проект резолюций, представленный Панамой и Перу, будет доведен до голосования. Это была главная резолюция, ради чего, собственно, панамцы и добивались созыва Совета Безопасности.

Министр выглядел озабоченным и расстроенным. Он заметил, что в сложившейся обстановке необходимо привлечь дру-

них соавторов для придания большего веса проекту и тем самым обеспечить широкую поддержку его как членами Совета, так и представителями основных групп государств. Так сказал, что он намерен поработать в этом направлении с делегациями афро-азиатских стран: Индии, Гвинеи, Кении, Индонезии, Су-дана.

Панамцы, как мне сказал Тэк, очень рассчитывали на дипломатическую поддержку со стороны КНР. Но когда развернулась острая дипломатическая борьба на заседаниях Совета и в ходе консультаций, китайская делегация отошла в сторону. Китайский представитель ограничился кратким формальным заявлением на заседании Совета о праве Панамы на канал.

Панамский представитель Бойд сказал мне:

— Мы надеялись на более активное участие китайских представителей в работе Совета и реальную поддержку нашей позиции... Китайцы могли бы повлиять на позиции некоторых неприсоединившихся государств, если бы захотели.

Проявляя необходимую гибкость, панамцы пошли на смягчение ряда формулировок, сохранив главное требование: переговоры о новом договоре должны вестись на базе признания суверенитета Панамы над всей ее территорией. В новой редакции ключевой второй пункт отмечал «проявленную правительствами Соединенных Штатов Америки и Республики Панамы готовность зафиксировать в официальном документе соглашения об аннулировании конвенции о канале на Панамском перешейке 1903 года и поправок к ней и заключить новый справедливый и равноправный договор о существующем Панамском канале, который полностью отвечал бы законным чаяниям Панамы и гарантировал полное уважение эффективного суверенитета Панамы над всей ее территорией».

Американские дипломаты требовали исключения последних двух строк о гарантиях эффективного суверенитета Панамы над всей ее территорией. Переговоры, неофициальные встречи перемежались с отдыхом, купанием, прогулками вокруг острова на лодках.

Молнии рассекают облака

Между тем панамская делегация, завершив консультации, 20 марта официально внесла новый проект резолюции, содержащий, как указывалось выше, требования ликвидации договора 1903 года и гарантии эффективного суверенитета Панамы над всей ее территорией. Соавторами проекта были Гвинея, Перу, Судан, Югославия и Кения. Впоследствии к числу соавторов присоединились Индия и Индонезия. Становилось ясным, что при голосовании проект будет поддержан 11—12 делегациями. Французский посол, хотя и высказал ряд замечаний, давал понять, что голосовать против не будет. Скали настаивал на иск-

лючении требования о восстановлении суверенитета Панамы над зоной.

Поддержка со стороны почти всех латиноамериканских и афро-азиатских стран, подавляющего большинства членов Совета Безопасности создавала выгодную для панамцев ситуацию.

Приближался решающий момент.

21 марта Совет должен был закончить рассмотрение вопроса.

Открытие послеобеденного заседания 21 марта затягивалось. Шло совещание панамской и американской делегаций.

Наконец Тэк появился в зале и подошел к председательскому креслу. Лицо министра было возбужденным, решительным, губы крепко сжаты.

Я спросил:

— Каковы результаты?

Тэк ответил:

— Дальше отступать мы не можем. Американцы настаивают на своей поправке. Мы ее принять не в состоянии. Это было бы неоправданное отступление. Мы бы потеряли уважение среди народов и перестали уважать самих себя.

Я посмотрел в зал. Амфитеатр был забит публикой: дипломаты, журналисты, представители общественности. Члены Совета сидели на своих местах, отсутствовал лишь глава американской делегации Скали.

Как потом стало известно, он звонил президенту. Обрисовал ситуацию. Никсон дал точные инструкции: не пропустить резолюцию, чего бы это ни стоило.

Скали вошел в зал, когда Тэк уже открыл заседание.

Раздается голос председательствующего:

— Ставлю на голосование проект резолюции, предложенный Гвинеей, Панамой, Перу, Суданом, Индией, Индонезией, Кенией, Югославией... Прошу членов Совета Безопасности проголосовать. Кто за проект резолюции? Прошу поднять руки.

Быстро оглядываю членов Совета и подсчитываю число голосующих за. 13 голосов в поддержку резолюции. Среди них ближайший союзник США — Австралия.

— Кто против?

Все взоры устремляются на представителей США и Англии. Камеры телевидения нацелены прямо на их лица.

Помедлив несколько секунд, как бы нехотя, Скали поднимает руку. Вето.

Взрыв возмущения и горечи проносится по залу: США сорвали принятие важного решения, бросили вызов всей Латинской Америке, мировому общественному мнению.

— Кто воздержался?

Английский представитель сэр Колин Кроу поднимает руку. Даже английские консерваторы не осмелились поддержать своего заокеанского союзника.

Без возражений принимается резолюция общего плана, при-

шающая права государств самостоятельно распоряжаться своими природными ресурсами. Так зачитывает итоговое заявление. В нем нашли отражение длительные дискуссии, позиции сторон, высказанные в ходе дебатов. Обличительный документ, показывающий изоляцию неокolonизаторов.

Затем министр выступает в качестве представителя Панамы. Говорит он горячо, страстно. Усиленный микрофонами голос Тэка звучит на весь большой зал Ассамблеи. По радио и телевидению его слушает и смотрит вся Панама, ряд соседних стран. Основной лейтмотив заявления: Панама одержала морально-политическую победу. Латиноамериканские страны, а также почти все члены Совета, представляющие четыре континента: Европу, Азию, Африку и Австралию, поддержали Панаму. Срыв американской администрацией умеренной и справедливой резолюции лишь подтолкнет панамский народ на более решительную борьбу за свои права. Борьба не кончена. Она только начинается.

Заседание объявляется закрытым. Все поднимаются с мест. Один за другим к председателю Совета Тэку подходят министры иностранных дел Кубы, Перу, Коста-Рики, Колумбии, представители СССР, афро-азиатских и латиноамериканских стран. Так, как бы подводя итоги работы Совета Безопасности, сказал:

— Я думаю, что такое почти единодушное голосование в Совете Безопасности и, что, может быть, еще более важно, проявление солидарности с нами всей Латинской Америки значат больше, чем одобрение резолюции, от которой США откажутся при первом же удобном случае. Мы не питали иллюзий в отношении позиции США, они будут любыми путями держаться за канал, для них канал не только источник больших прибылей, но и важная военно-стратегическая база. Она нужна американцам как для охраны их морских коммуникаций, так и для давления на страны Южной Америки. Мы довольны результатами сессии. Она показала истинное лицо американского империализма и открыла глаза миллионам людей. Кто до этой сессии Совета Безопасности всерьез думал о Панамском канале, кто имел представление о Панаме и знал о ее борьбе? Сейчас этот вопрос поставлен на повестку дня мировой политики. Наша позиция разделяется миллионами людей, и не только в Латинской Америке. Это дает нам возможность продолжить борьбу за свои права.

Жарким, душным утром мы покидали Панаму с верой в будущее панамского народа, которое предстояло завоевать в нелегкой борьбе против сил империализма и местной олигархии. Пророческими оказались слова министра о том, что вопрос о Панамском канале вышел на рельсы мировой политики.

Панамцы продолжают энергично бороться за подлинную независимость и социальный прогресс, опираясь на растущую международную поддержку. 29 августа 1973 года министр иност-

ранних дел Панама Хуан Антонио Тэк вновь заявил в интервью:

— Революционное правительство Панама полно решимости добиться отмены договора, в соответствии с которым США пытаются увековечить свой контроль над зоной Панамского канала⁸.

Встретившись с единым фронтом латиноамериканских государств и понимая, что не может рассчитывать на поддержку даже со стороны большинства своих союзников, правительство США вынуждено было пойти на возобновление переговоров с Панамой. В начале января 1974 года была достигнута предварительная договоренность о восстановлении «в конечном счете» суверенитета Панама над Панамским каналом. Весной 1974 года был подписан новый договор, отражающий ряд требований Панама о восстановлении ее прав. Государственный секретарь США Г. Киссинджер, выступая 2 марта 1975 года, заявил, что «в силу жизненно важного значения канала для США» новый договор «должен предусматривать осуществление управления и обороны зоны канала со стороны США в течение длительного времени»⁹. Этот договор не был ратифицирован сенатом США. После новой серии переговоров был подписан, а затем и ратифицирован в 1978 г. новый договор о Панамском канале. Договор предусматривает постепенную передачу к 2000 году контроля над каналом Республике Панама. В договоре имеется ряд оговорок, позволяющих США сохранить контроль над каналом в «целях обороны». Панаме предстояла еще долгая и нелегкая борьба.

Жертвой этой борьбы стал генерал О. Торрихос — главнокомандующий национальной гвардией Панама, который 31 июля 1981 года погиб в результате авиационной катастрофы. По мнению панамских политических наблюдателей, причиной катастрофы послужили не погодные условия, а действия агенты ЦРУ, которое неоднократно организовывало покушения на панамского лидера. Опасаясь за свою жизнь, О. Торрихос имел резиденции в различных районах страны, используя для передвижения самолет или вертолет.

Имеющиеся факты говорят о том, что заговор против Торрихоса готовило ЦРУ США с привлечением кубинских контрреволюционеров, американских офицеров с военных баз в зоне Панамского канала, террористов из реакционных буржуазных партий. Планируя физическое устранение Торрихоса, шпионское ведомство США выполняло указания американских монополий и Пентагона, недовольных прогрессивным курсом панамского правительства.

С именем Торрихоса панамский народ связывает подписание новых договоров о межокеанском канале, которые стали важным шагом на пути полной деколонизации Панама.

⁸ «Известия», 30.VIII.1973.

⁹ «Правда», 3.III.1975.

Китайцы приходят в ООН

25 октября 1971 года к трем часам дня зал заседаний Генеральной Ассамблеи забит до отказа. Все места делегатов заполнены. Ни одного пустого места в боковых рядах и амфитеатре, предназначенных для дипломатов, сотрудников секретариата ООН и журналистов. Галерея для публики ломилась от зрителей. Огромный зал Ассамблеи гудел как растревоженный улей. Приближался кульминационный момент восьмидневных дискуссий по вопросу о восстановлении прав КНР в ООН. Фактически же в этот вечер должна была завершиться борьба, которая длилась 21 год.

Ровно в три часа из боковой двери позади возвышения, где располагается президиум, появился председатель XXVI сессии Ассамблеи министр иностранных дел Индонезии Адам Малик. За ним шли У Тан и заместитель генерального секретаря по делам Ассамблеи Ставропулос. Малик выглядел очень озабоченным.

Удар молотка председателя... Заседание начинается.

На повестке дня вопрос «Восстановление законных прав КНР в ООН».

Вопрос о представительстве Китая в ООН занимал большое место в деятельности Организации более 20 лет. Китайская республика была в числе учредителей ООН в 1945 году, и согласно Уставу ООН ей было предоставлено место постоянного члена Совета Безопасности. В то время власть в Китае находилась в руках гоминьдановцев, правительство возглавлял Чан Кайши. После победы народно-демократической революции в Китае и создания в октябре 1949 года Китайской Народной Республики, естественно, встал вопрос об исключении из всемирной организации представителей гоминьдановской клики Чан Кайши, изгнанной народом из Китая и укрывшейся на острове Тайвань — территории, являющейся составной частью Китая.

Один из видных чиновников ООН, работавший в секретариате по квоте Китая, а с 1949 года — режима Чан Кайши, Виктор Ху, рассказал мне, что 90 процентов тайваньского населения составляют выходцы из китайской провинции Фуцзянь, расположенной напротив острова. Заселен этот остров в XVII—XVIII веках. Китайцы оттеснили коренное население в горы, обрекли его на постепенное вымирание. Часть коренного населения ассимилировалась с пришельцами.

В 1895 году, после поражения Китая в войне с Японией, остров стал японской колонией. Накануне войны с Японией цинский двор растратил на удовольствия и развлечения огромные деньги, которые были выделены на военные нужды.

— В нашей семье долго не могли примириться с тем, что Китай потерял Тайвань, — продолжал Виктор Ху. — Ни мне, которому предстояла служба при русском императорском дворе, ни моему отцу, послу в Петербурге, никогда и в голову не приходило, что Тайвань станет последним прибежищем нашей семьи. Не будь японского колониального господства, кто знает, может быть, на Тайване развилось бы революционное движение, и тогда Чан Кайши и его армии негде было бы укрыться!

Возвращаясь к своей биографии, Ху говорил:

— Так как мне предназначалась карьера в России, я изучил русский язык, я очень полюбил русскую литературу.

Ху прекрасно говорил по-русски. Конечно, ему не хотелось покидать ООН, где он имел высокооплачиваемый пост. Многие годы он возглавлял отдел технической помощи в департаменте по экономическим и социальным вопросам.

Касаясь положения на Тайване, Ху рассказывал, что население острова, китайское по своему этническому происхождению, смотрит на пришедших с Чан Кайши китайцев как на чужаков. Вражда между коренным населением и китайцами, пришедшими с гоминьдановцами, никогда не прекращалась. Пришельцы с материка заняли руководящие посты не только в правительстве, но и в местной администрации. Армия и полиция, конечно, были в руках гоминьдановцев.

В последние годы Чан Кайши и его сын Цзян Цзинго предприняли некоторые шаги к урегулированию отношений с местным населением. Мэром Тайбэя был назначен тайванец, другой тайванец получил чин генерала, но это не могло снять противоречий между местным населением и китайцами с материка.

Я заметил, что, может быть, это и является питательной почвой для движения «за независимость Тайваня».

— Нет, — усмехнулся Ху. — Шумная и крикливая кампания так называемого движения «за независимость Тайваня» — чисто американское предприятие. Оно существует на американские субсидии. Мне кажется, оно сознательно муссируется американцами для того, чтобы сделать Чан Кайши более податливым, заставить его согласиться если не на признание КНР, то хотя бы на двойное представительство Китая в ООН. Угроза создания «независимого Тайваня» пугает Тайбэй, ибо это означает отказ от притязаний на представительство всего Китая.

Слова моего собеседника, как показали последующие события, были справедливы. После визита президента Никсона в КНР в феврале 1972 года и признания американцами Тайваня частью Китая субсидируемое американцами движение «за независимый Тайвань» заглохло. В Пекине в 1973 году открылась миссия связи США, а между США и Тайванем сохранились

дипломатические отношения до конца 1978 года. Этому способствовало и так называемое китайское лобби¹ в американском конгрессе.

В период второй мировой войны и первые послевоенные годы китайское лобби обладало значительным влиянием. Немалые суммы расходовали представители Чан Кайши на обработку американского общественного мнения и воздействие на позиции отдельных политических деятелей.

Требования народного правительства Китая о предоставлении ему законного места в ООН и Совете Безопасности энергично поддерживались Советским Союзом, Индией и странами народной демократии, но не находили понимания в лагере западных держав, возглавляемом США.

С 1950 по 1960 год — США и их союзники, имея послушное большинство в Ассамблее, возражали даже против включения вопроса о восстановлении законных прав Китая в ООН в повестку дня Генеральной Ассамблеи.

Развитие и укрепление Китая, его растущий международный авторитет, поддерживаемый социалистическими странами, заставили и Запад постепенно изменить тактику.

С 1961 года американцы и их союзники перестали возражать против обсуждения вопроса на Генеральной Ассамблее. Но они прибегли к процедурному трюку — добивались, чтобы вопрос о представительстве Китая рассматривался как «важный вопрос», требующий для принятия решения двух третей голосов Ассамблеи. Это означало, что, если резолюция, восстанавливающая права КНР в Совете Безопасности и членство в ООН, получит простое большинство, она не будет считаться принятой. Резолюция «о двух третях» с 1961 по 1970 год включительно проходила при поддержке стран, союзных с США и находящихся под их влиянием.

В 1970 году резолюция о восстановлении прав КНР получила простое большинство — 51 за, 49 против. Но при наличии резолюции о том, что решение о представительстве КНР должно приниматься квалифицированным большинством, была объявлена непрошедшей.

К 1970 году Китай произвел обмен послами с более чем двумя десятками стран. Среди них были и близкие союзники США по военному блоку НАТО: Италия, Канада, Бельгия, ряд правых режимов в Африке, Латинской Америке и Азии. Отношение к Китайской Народной Республике в США стало заметно меняться. Появилось стремление к «гибкой» политике по отношению к КНР.

По мнению одного из комментаторов опросов общественного мнения, А. Стила, все чаще высказывались суждения о том, что «китайские коммунисты скоро окончательно размякнут», станут

¹ Китайское лобби — представители политических и монополистических кругов в США, экономические и политические интересы которых были связаны с Тайванем.

«более разумными». Стил утверждал также, что американцы в силу исторических причин испытывают своего рода «сентиментальную привязанность» к Китаю.

Изменение настроений в США нашло отражение в прессе, в деятельности общественных и правительственных органов, в американских научных кругах, связанных с ООН. Во многих университетах, на научных конференциях, в сенате США² начиная с середины 60-х годов к «китайскому вопросу» стали подходить в форме «свободных дискуссий». Предложения о развитии торговли, контактов, допуске КНР в ООН выдвигались и ранее, но в 1969 г. на фоне обострения советско-китайских отношений и глубокой обеспокоенности американцев ходом вьетнамской войны политика США в отношении Китая получила новое звучание и перестала быть «запретной темой» для обсуждения, как это было в 50-е годы. Отмечалось появление лиц, выступавших за «новый подход» к Китаю, и в руководящем звене госдепартамента. Директор отдела, который занимался вопросами так называемого «азиатского коммунизма», Крейсберг в ответ на запрос комитета по американско-китайским отношениям в сентябре 1969 г. разъяснил, что, по мнению правительства Соединенных Штатов, развитие более широких контактов и связей между ответственными частными лицами и группами в США и коммунистическом Китае может вполне послужить улучшению атмосферы в отношениях между двумя народами. В его письме отмечается, что США готовы, отказываясь от принципа взаимности, пустить китайских журналистов в США, разрешить американским университетам приглашать научных работников из Китая.

Американские ученые все больше внимания обращали на концепцию «треугольника» (СССР — США — Китай). Согласно этой концепции, Китай даже при сравнительно низком уровне ядерного и экономического развития в то время должен был рассматриваться как важнейший объект при построении различных внешнеполитических комбинаций, отвечающих интересам США.

В феврале 1970 года президент США Р. Никсон заявил, что континентальный Китай с 750-миллионным населением «не должен оставаться изолированным от международного сообщества», но добавил, что Соединенные Штаты будут «соблюдать свои договорные обязанности» в отношении Тайваня, обозначив тем самым политику «двух Китаев».

15 июля 1971 года группа афро-азиатских стран (Алжир, Танзания, Бирма, Конго (Бразавиль), Сирия, Судан и др.), а также социалистических стран (Куба, Румыния, Албания

² В марте 1966 года в сенатской комиссии по иностранным делам состоялось слушание по китайской проблеме, на котором была выдвинута новая формула отношений с Китаем («сдерживание без изоляции»), вскоре принятая официальными кругами США. Слушание состоялось и в палате представителей.

и др.) вновь предложили включить в повестку дня вопрос о восстановлении законных прав КНР в ООН. Проект резолюции требовал восстановления КНР во всех ее правах, признания представителей КНР в качестве единственно законных представителей Китая в ООН, признания КНР в качестве одного из пяти постоянных членов Совета Безопасности и немедленного изгнания представителей клики Чан Кайши.

Почти в это же время Белый дом сделал официальное заявление о том, что президент Никсон через несколько месяцев планирует посетить Пекин. Хотя дата и не была установлена, заявление свидетельствовало о том, что США намерены прекратить свою более чем 20-летнюю антикитайскую политику. 2 августа 1971 года государственный секретарь США Уильям Роджерс разъяснил политику США в отношении места Китая в ООН. Соединенные Штаты, заявил государственный секретарь, «стремясь согласовать свою роль с реальностями сегодняшнего мира», будут «поддерживать акции в Генеральной Ассамблее этой осенью, имеющие целью предоставить место Китайской Народной Республике».

Роджерс подчеркнул, что Соединенные Штаты вместе с тем будут настаивать, чтобы любое предложение в отношении исключения Тайваня рассматривалось как «сложный вопрос», требующий для своего решения большинства в две трети голосов³.

Заявление Роджерса, намечавшийся визит Никсона в Пекин, отказ Китая участвовать в ООН, если там останутся чанкайшисты, — все это породило в кругах ООН многочисленные толки. Близкие к китайцам делегации обратили внимание правительства Китая на упорные слухи о возможном изменении позиции Пекина в отношении членства Тайваня в ООН. По рекомендации соавторов проекта резолюции правительство КНР 20 августа 1971 года опубликовало специальную декларацию по этому вопросу.

Оно заявило, что его законные права в Организации Объединенных Наций должны быть полностью восстановлены и клика Чан Кайши должна быть изгнана, решительно выступило против «заговора американских империалистов» о «двух Китаях» или же «об одном Китае и одном Тайване» и категорически заявило, что оно не будет иметь ничего общего с Организацией Объединенных Наций, если последняя примет решение, сохраняющее за чанкайшистами место в ООН.

Несмотря на принимаемые американской дипломатией акции, перспектива прихода КНР в ООН становилась все более определенной. На обычной перед Ассамблеей пресс-конференции 14 сентября 1971 года У Тан заявил, что декларация правительства КНР от 20 августа 1971 года понимается им как заявление о твердой политике Китая в вопросе о «месте в ООН», что перспективы на решение китайской проблемы на

³ «New York Times», 26.X.1971.

XXVI сессии Генеральной Ассамблеи «стали более ясными», чем когда бы то ни было в прошлом⁴.

Угроза изгнания из ООН весьма обеспокоила правительство Чан Кайши. Сотрудники секретариата ООН, посетившие Тайбэй, из бесед с окружением престарелого диктатора и фактического главы правительства — сына Чан Кайши Цзян Цзинго — вынесли впечатление, что в Тайбэе не понимают в достаточной степени реального положения вещей. Чан Кайши не хотел и слышать о возможном представительстве в ООН «двух Китаев».

Но в МИДе Тайваня ситуацию видели куда более реально.

Незадолго до начала сессии Ассамблеи министр иностранных дел Тайваня ушел в отставку.

— Верный признак, что дело плохо, — сказал мне Ху. — Он всегда уходит в отставку, когда чувствует, что дело проиграно и нужно спасать свою шкуру.

Новым министром назначили тайваньского посла в Вашингтоне Чжоу Шукая. На Ассамблее он держался самоуверенно, стараясь скрыть за подчеркнутым высокомерием понимание почти неминуемого поражения. Молодой министр мало появлялся в кулуарах. Вся работу с делегациями взяли на себя американцы. Накануне голосования в ООН в середине октября 1971 года Роджерс приехал в Нью-Йорк и в течение недели провел встречу почти с сотней делегаций.

Вопреки реальности

Американские газеты как-то опубликовали фотографию Никсона с Роджерсом и представителем США в ООН Бушем. По словам газет, Роджерс заверил президента в том, что внесенные 22 сентября американцами резолюции имеют все шансы быть принятыми. Одна резолюция, по существу вопроса, предусматривала восстановление прав КНР и одновременно сохранение места Тайваня как отдельного, независимого государства.

Второй проект подтверждал прежнюю линию — требование решения вопроса о Китае большинством в две трети в расчете на то, что две трети голосов сторонникам восстановления прав Китая в ООН собрать не удастся.

Несмотря на огромные усилия, предпринятые американской дипломатией, соавторами их резолюций были маловлиятельные и откровенно зависимые от США делегации вроде Гаити, Доминиканской Республики, Лесото, Либерии, Таиланда, Свазиленда и т. п. Из крупных государств согласились стать соавторами проектов только Япония и Филиппины. Японцы долго колебались. Лишь личное обращение Никсона к Сато, японскому премьеру, известному своими проамериканскими настроениями, решило дело.

⁴ «New York Times», 15.IX.1971.

Решение Сато поддержать линию США в ООН вызвало в Японии большое возмущение. Правительство подверглось острой критике. Сато обвиняли в том, что его линия осложняет возможности и перспективы урегулирования китайско-японских отношений, и без того осложненных «предательством» американцев, начавших развивать контакты с китайцами в обход Японии.

Японский представитель при ООН посол Накагава выглядел озабоченным и немного растерянным. Он понимал, что при неудаче их линии в Японии будут критиковать не только Сато и министра, но и японского представителя при ООН. Вскоре в Нью-Йорке появился бывший министр иностранных дел Японии Лити, который возглавил японскую делегацию.

США и их союзники, с одной стороны, и группа афро-азиатских и социалистических стран, выступавшая за немедленное восстановление прав КНР в ООН, — с другой, вели усиленную «обработку» делегаций.

В многочисленных коридорах между залами заседаний главных комитетов, Экономического и социального совета, Совета по опеке, в баре с огромными стеклянными окнами, выходящими на набережную Ист-ривер, — везде можно было видеть возбужденно беседующих делегатов. Такая же картина и в делегатском ресторане. Все места вокруг сотни столиков в общем зале и семи кабинетах были заняты. И за завтраком, и за обедом переговоры шли с неослабевающим накалом.

Прохожу по коридору. Встречаю Дика Педерсена, члена американской делегации, советника госдепартамента, приехавшего на помощь Бушу.

— Мы победим, — говорил он. — У нас большинство в пять-восемь голосов по резолюции «двух третях». Это решающее испытание. Сторонникам Китая не собрать две трети голосов.

Через несколько минут разговор с делегатом Румынии. Тот утверждает, что победа будет за сторонниками КНР.

Государственный секретарь США Роджерс собрал совещание своих главных помощников, чтобы обсудить предполагаемые результаты голосования. Предварительный подсчет голосов давал оптимистический прогноз — по крайней мере 59 за, 54 против.

5 октября было объявлено, что специальный помощник президента США по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджер нанесет визит в Пекин. Как иронически заметил один дипломат, в то время, когда американские дипломаты и союзники Пекина сражаются в зале Генеральной Ассамблеи, Киссинджер и Чжоу Эньлай за чашкой чая в Пекине обсуждают планы визита Никсона в Китай.

Дипломаты пожимают плечами. Как США могут надеяться улучшить свои отношения с китайцами, если они борются за сохранение места Тайваня в ООН и осуществление политики «двух Китаев», неприемлемой для Пекина?

Представители стран, которые шли на ухудшение отношений с Пекином, поддерживая предложения Вашингтона, удивлялись, почему США стремятся продемонстрировать, что их отношения с Китаем не пострадают при любом исходе дебатов в ООН.

— Американцы послали Киссинджера, чтобы объяснить Мао, почему они будут голосовать против позиции Пекина,— говорил мне один из дипломатов.— Киссинджер человек умный и ловкий, возможно, он убедит Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая не придавать большого значения произносимым здесь речам. Но что будем делать мы? Ведь у нас нет своих киссинджеров в Пекине. Как мы объясним свою поддержку американской позиции?

Американские дипломаты были в трудном положении. Некоторые из них старались убедить своих собеседников, что именно Пекин, а не Вашингтон избрал дату визита Киссинджера. Буш, говорили они, настаивал, чтобы визит был отложен до завершения дебатов в ООН. Но... его не послушали.

— Американцы в агонии,— сказал один латиноамериканский дипломат.— Пекин, несомненно, знает, хотя и делает вид, что он об этом не ведает, что визит может создать конфуз и повредит американской позиции в ООН. Но американцы не верят, что это было главной причиной избрания китайцами времени визита Киссинджера. Вопрос об ООН находится в самом конце повестки дня переговоров Пекина с США.

Соглашение о визите Киссинджера в Пекин было достигнуто в середине сентября, «мистически» совпав с ликвидацией группы Линь Бяо.

«Победа умеренной военно-гражданской группы, руководимой Чжоу Эньлаем,— писала тогда американская газета „Нью-Йорк таймс“, — является хорошим фактором для продолжения американо-китайского диалога. Нынешнее китайское руководство, по-видимому, хочет, чтобы диалог начался как можно быстрее»⁵.

Диалог, как дал понять Чжоу Эньлай, может осуществляться без предварительных условий или любого рода окончательных решений. Это означает резкое изменение позиции Пекина, которой он долго придерживался, а именно: ничто не может обсуждаться с Вашингтоном до тех пор, пока США не согласятся эвакуировать свои войска с Тайваня и не будут мешать его воссоединению с материковым Китаем⁶.

...Дебаты на сессии Генеральной Ассамблеи ООН были длинными и имели острый характер. Сторонники восстановления прав КНР и изгнания Тайваня подчеркивали, как заявил министр иностранных дел Алжира Бутефлика, что «сейчас уже трудно ставить под сомнение законность принадлежности Пекину места Китая в Организации Объединенных Наций, так же как и места постоянного члена Совета Безопасности».

⁵ «New York Times», 24.X.1971.

⁶ Там же.

— Речь идет не о том, чтобы принять нового члена,— говорил он,— а о том, чтобы предоставить мандат государства-члена его законным представителям и таким образом ликвидировать мандат тех, кто не имеет никакого права им пользоваться. Но сейчас пытаются в эти довольно простые прения ввести новый элемент, представить аннулирование мандата, которым незаконно пользуется представитель Чан Кайши, как исключение государства-члена. Те, кто следует за позицией Соединенных Штатов, сегодня хотят отстоять эту точку зрения, призывая к реализму, представляя аргументы юридического и морального характера. Реализм, законность, мораль — не странно ли, что именно те, кто в течение 20 лет намеренно игнорировал эти принципы, сейчас нам о них напоминают.

Нет необходимости приводить всю аргументацию, изложенную в ходе прений представителями стран — членами ООН в пользу вполне очевидного и давно назревшего решения вопроса.

Положение американской дипломатии было сложным. Возражать открыто против восстановления прав КНР в ООН, американцы не могли. Вместе с тем США имели многочисленные обязательства, вплоть до обязательств о военной помощи чанкайшистскому режиму по договору о совместной обороне, заключенному 2 декабря 1954 года. Договор предусматривал оказание военной помощи гоминьдановцам и предоставление территории Тайваня и островов Пэнхуледао под американские военные базы.

Отказ от поддержки Чан Кайши крайне осложнил бы отношения США с союзниками. Несомненно, у многих зависимых и союзных правительств возник бы вопрос: насколько можно верить обязательствам США? Начало переговоров с Китаем без согласования и даже информирования союзников, в том числе и Японии, наиболее заинтересованной страны, уже посеяло недоверие и неверие в силу американских обязательств. Американцы стали вести дело к тому, чтобы КНР была принята в ООН и получила место постоянного члена Совета Безопасности, а Тайвань тоже оставался бы членом Организации. Говоря о своем проекте резолюции, представитель США Буш утверждал, что это «наиболее реалистичное, прагматичное и справедливое решение проблемы. Весь китайский народ наконец будет представлен в Организации».

Изгнание чанкайшистов и восстановление законных прав КНР американский посол пытался представить как исключение члена ООН. «Я смею утверждать,— говорил Буш,— что, во-первых, курс на исключение неразумен и опасен как прецедент в Организации Объединенных Наций, и, во-вторых, нельзя такой ценой платить за вступление Китайской Народной Республики в эту Организацию».

Буш пугал слушателей развалом ООН: «Если мы начнем ставить под сомнение права членов ООН заседать здесь, в Организации, мы тем самым пустим Организацию Объединенных

Наций под откос... Мы считаем, что такой шаг может иметь глубоко пагубные последствия для этой Организации и позиций многих членов Организации по отношению к ней. Он уведет ее в сторону от универсальности, в сторону от реализма и приведет к расколу, фракциям и, если так можно выразиться, к потере престижа. Он повредит и структуре этой Организации».

В заключение Буш призывал: «Мы хотим видеть оба эти государства (имеются в виду КНР и Тайвань.— Л. К.) в Организации Объединенных Наций. Давайте подтвердим представительство Китайской Народной Республики, но давайте и энергично отстаивать принцип, что никакая реальность — в данном случае Китайская республика, которая руководствуется Уставом, и руководствуется им тщательно и правильно, — не должна никогда опасаться, ни сейчас, ни в будущем, того, что она будет исключена, для того, чтобы принять более крупное государство».

В ходе прений Буш выступал несколько раз, повторяя в разных вариациях, по существу, те же аргументы. Как говорили близкие к американской делегации дипломаты, американцы имеют в запасе несколько новых вариантов резолюций.

Все их ждали, видя, что аргументы американцев и большинства их союзников не производят большого впечатления на аудиторию. Всем было ясно: что бы ни говорилось, какие бы аргументы ни выдвигались, большинство делегаций имеет определенные инструкции. Такого рода вопросы решаются на высоком правительственном уровне. Все смотрели на Буша с ожиданием: где же новые варианты и заранее заготовленные юридические трюки? Их так и не последовало. Буш и сам понял, что никакие новые ухищрения делу не помогут.

Американцам все же удалось добиться, чтобы первым на голосование был поставлен их проект резолюции о том, что вопрос о представительстве Китая должен решаться двумя третями голосов. Исход голосования предрешал результаты голосования по существу вопроса.

Председатель сообщает, что поступило предложение провести поименное голосование, с вызовом каждой делегации. Заместитель генерального секретаря ООН по делам Ассамблеи Ставропулос оглашает название страны, и глава делегации говорит: yes, no, abstain (да, нет, воздерживаюсь). На двух больших табло, помещенных над столом президиума, против названия страны зажигается лампочка: если ответ «да» — зеленая, «нет» — красная, «воздерживаюсь» — желтая. Одна за другой делегации отвечают. Двух делегаций нет. Они не явились на голосование. Так-то спокойнее.

И вот две-три секунды машина подсчитывает результаты. На табло бегут цифры. Результат ошеломляющий: 59 делегаций проголосовали против американской резолюции, 54 — за и 15 — воздержались. Такого не ожидали аналитики и эксперты американской миссии и госдепартамента!

Американские делегаты никак не предполагали, что так много делегаций воздержится.

«Воздержавшиеся нас погубили»,— воскликнул Буш, когда стали известны результаты. Это был провал одной из крупных дипломатических кампаний, предпринятых американской дипломатией в последние годы.

Против американского проекта проголосовали такие союзники США, как Канада, Исландия, Эквадор. Среди воздержавшихся были Бельгия, Италия, Мальта, Нидерланды, Турция и такие близкие по политическим позициям к западным державам государства, как Ботсвана, Иран, Марокко, Тунис, Того, Сенегал и др.

Поражение процедурного проекта резолюции о «двух третях», представленного США, Японией, Австралией и другими странами, предвещало поражение американского проекта по существу вопроса, предлагавшего восстановить права КНР, но с сохранением за Тайванем места в ООН. 90 минут спустя Ассамблея начала голосовать по поступившему первым в порядке очередности проекту о восстановлении прав КНР в ООН и изгнании чанкайшистов. Понимая, что игра проиграна, многие страны, голосовавшие ранее за американское предложение, изменили позицию.

По залу волной прошли презрительные выкрики, удивление и шум, когда израильская делегация в ответ на названное Ставропулосом имя страны: «Израиль»— ответила «йес» (да).

Сидевший со мной рядом американский помощник генерального секретаря ООН по общим службам Дэвид Вон расстеряно улыбнулся:

— Крысы бегут с тонущего корабля. Игра уже проиграна.

Результат голосования подчеркнул размеры поражения американской дипломатии: 76 голосов за восстановление прав КНР и изгнание Тайваня; американцы и их союзники набрали лишь 35 голосов.

Восемь часов без перерыва длилось это памятное заседание Генеральной Ассамблеи. «И в течение этих часов,— писала „Нью-Йорк таймс“ 28 октября 1971 года,— тщательно разработанная американская стратегия разваливалась шаг за шагом».

Как только были объявлены результаты голосования, делегация Тайваня встала и покинула зал Генеральной Ассамблеи. Чанкайшистские дипломаты уже давно понимали, что у них нет будущего. Даже члены американской делегации, сидевшие недалеко от представителей Чан Кайши, не сделали попытки выразить им свое соболезнование... Поражение в Ассамблее, казалось, парализовало американских дипломатов и их друзей.

В 23 часа 30 минут 25 октября 1971 года председательствующий министр иностранных дел Индонезии Малик закрывает заседание.

Западная пресса пыталась представить результаты голосования как «историческое событие», якобы меняющее весь ха-

рактир Организации. Ничего подобного не случилось. Была исправлена несправедливость в отношении китайского народа. Политика США, препятствовавших Китаю в течение 21 года занять его законное место, потерпела фиаско.

С резкой и раздражительной критикой в адрес ООН и Генеральной Ассамблеи выступили американские сенаторы и конгрессмены. Они пытались еще до голосования оказать ничем не прикрытый нажим на делегации — членов ООН. 21 сенатор и 35 членов палаты представителей даже угрожали сокращением американских взносов в ООН в случае, если Тайбэй будет изгнан из Организации⁷.

Любопытно заметить, что спустя почти три года Буш был назначен главой группы связи США в Пекине. Если не считать формальных моментов, он фактически являлся послом США в КНР.

Буш был опытным политическим деятелем, к тому же приобретшим определенные дипломатические навыки во время двухлетнего пребывания на посту постоянного представителя США при ООН. В Китае он начал действовать по рецептам американских политических деятелей, которые любыми путями стремятся завоевать расположение избирателей.

Буш, заметив, что основным видом транспорта у населения Пекина является велосипед, также стал передвигаться по городу на велосипеде. Вопреки его ожиданиям это вызвало лишь удивление китайцев. Стали поговаривать о «странном, эксцентричном американце». Популярности среди населения Пекина Буш не завоевал. Но когда в 1980 г. миллионер Д. Буш был избран вице-президентом США, это было положительно встречено пекинским руководством. Заместитель председателя ЦК КПК Дэн Сяопин заявил 12 января 1981 года в интервью газете «Крисчен сайенс монитор», что и среди людей нового президента США Р. Рейгана, которые участвуют в принятии решений, «имеется много наших старых друзей, например Буш».

Вскоре после решения Генеральной Ассамблеи о восстановлении прав КНР в ООН пекинское руководство направило в Нью-Йорк делегацию во главе с Цяо Гуаньхуа, заместителем министра иностранных дел, опытным дипломатом, многие годы работавшим непосредственно с премьером Чжоу Эньлаем. Цяо Гуаньхуа сопровождал Чжоу Эньлая на многие международные конференции (Женевская конференция по Корее и Индокитаю в 1954 году, Бандунгские конференции 1955, 1956 и 1960 годов и т. д.).

Цяо Гуаньхуа слыл в Китае опытным пропагандистом и журналистом (он возглавлял в 1949—1952 годах Агентство зарубежной информации, был вице-президентом китайского научно-исследовательского института при Народном обществе по изучению международных отношений и т. п.). Его заместителем,

⁷ «New York Times», 26.X.1971.

д. затем и представителем КНР при ООН был назначен также человек из близкого окружения Чжоу Эньлая — Хуан Хуа. Он имел большой опыт дипломатической работы в аппарате МИДа КНР и за рубежом в качестве посла в Гане и ОАР. В июле 1971 года он был назначен послом КНР в Канаде с задачей готовиться к работе в ООН и следить за развитием обстановки в США. Хуан Хуа был единственным в КНР послом, которого не отозвали в годы так называемой «культурной революции».

Опыт, приобретенный Хуан Хуа во время работы в Африке, пекинские лидеры рассчитывали использовать для развития контактов с развивающимися странами. Пекин претендовал на роль выразителя взглядов этой группы стран, и Хуан Хуа, руководивший работой по усилению влияния Китая в Африке, на их взгляд, как нельзя более подходил для этой цели.

Не меньшее, а возможно, и решающее значение для выбора Хуан Хуа имело его давнее знакомство с американцами⁸. Еще в 30-е годы Хуан Хуа участвовал в беседах Мао Цзэдуна с американским журналистом Эдгаром Сноу. Э. Сноу впоследствии опубликовал апологетическую биографию Мао, многие годы являлся посредником в контактах руководителей США с китайскими лидерами.

Заместитель министра иностранных дел КНР Цяо Гуаньхуа, как мне рассказал У Тан, заявил последнему, что решение Ассамблеи о восстановлении прав КНР в ООН было неожиданным для Пекина. «По прогнозам китайских экспертов, — сказал далее Цяо Гуаньхуа, — такое решение ожидалось лишь на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи. Поэтому мы оказались не подготовленными к участию в работе Ассамблеи». Китайские делегаты появлялись лишь на пленарных заседаниях Ассамблеи и двух-трех комитетах, занимающихся политическими и социальными вопросами.

Советский Союз всегда принципиально и последовательно боролся за восстановление прав КНР в ООН. Спустя месяц после образования КНР, в ноябре 1949 г., советский представитель заявил на сессии Генеральной Ассамблеи, что СССР не признает полномочной чанкайшистскую делегацию, и потребовал пригласить на Ассамблею представителей Китайской Народной Республики.

В ходе всех последующих сессий Генеральной Ассамблеи, на всех других международных форумах, где обсуждался вопрос о представительстве Китая, советские делегации и советские представители твердо и неизменно выступали за восстановление прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций, за изгнание из этой Организации чанкайшистов, за то, что китайский народ должен быть представлен в Организации Объединенных Наций Китайской Народной Республикой.

⁸ В 1976 году Хуан Хун был назначен министром иностранных дел КНР. В 1982 г. ушел в отставку.

В 1950 году Советскому Союзу в связи с войной в Корее не без труда удалось преодолеть сопротивление и добиться приглашения делегации Китайской Народной Республики впервые принять участие в работе Совета Безопасности. Решение вопроса о восстановлении законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций затянулось более чем на два десятилетия в результате противодействия со стороны Соединенных Штатов Америки и некоторых их сторонников. Эта попытка США во что бы то ни стало сохранить в Организации Объединенных Наций чанкайшистов завершилась в конце концов поражением. Еще раз, и в конкретной форме, жизнь подтвердила правильность, принципиальность и дальновидность политики Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, последовательно отстаивающих принципы и цели Устава Организации Объединенных Наций, в том числе и принцип универсальности.

Приветствуя китайскую делегацию, прибывшую для участия в работе XXVI сессии Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и всех других органов Организации Объединенных Наций, представитель Советского Союза выразил надежду, что восстановление прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций и ее полноправное перманентное участие в этой Организации внесут свой полезный вклад в дело повышения эффективности ООН, будут способствовать укреплению всеобщего мира и международной безопасности, содействовать развитию и упрочению взаимопонимания и сотрудничества между народами.

Китайскую делегацию приветствовали представители социалистических стран, представители региональных групп и даже, не смущаясь, те делегации, которые голосовали против проекта афро-азиатских и социалистических стран.

Приветствуя КНР, представители латиноамериканских и африканских стран высказывали свое возмущение той беззастенчивой и злобной манерой, в которой американская пресса и политические деятели обрушились на суверенные делегации, проголосовавшие за справедливое решение Генеральной Ассамблеи, что привело к провалу маневров американской дипломатии. Представитель Экваториальной Гвинеи с возмущением говорил: «На нас не производят впечатления и не волнуют рекламные заявления в печати янки. Они могут писать все что угодно в своих газетах и периодике. Мы не студенты, чтобы учиться на политике североамериканского правительства в том или другом плане. Мы пришли сюда для того, чтобы проповедовать и защищать мир, и наши действия подлежат отчету только перед нашим правительством. Моя делегация никоим образом не обеспокоена угрозами североамериканского правительства по случаю провала, или, лучше сказать, поражения, которое претерпевает империалистическая политика по обсуждаемому нами вопросу».

Слово предоставляется делегату Китая.

На трибуне появляется высокий, аскетически худой китаец в очках. По мере того как он читает текст, недоумение, а затем откровенное разочарование видно на лицах многих делегатов, особенно из африканских и латиноамериканских стран, которые не имели представления о сущности политики Китая.

Высказав общие тезисы о победе сил прогресса над американским империализмом, китайский делегат Цяо Гуаньхуа охарактеризовал главные международные проблемы сквозь призму китайской теории «двух сверхдержав», призванной затушевывать ответственность тех сил, которые создали напряженную обстановку на Ближнем Востоке. Он заявил, что «израильский сионизм при поддержке и попустительстве сверхдержав совершает агрессию против палестинского народа и других арабских народов». На языке китайской пропаганды под «сверхдержавами» понимаются США и СССР. Китайский делегат ратовал за необходимость борьбы против стремления «сверхдержав диктовать свои условия» при решении глобальных проблем. Заявляя, что Китай относится к числу развивающихся стран, он фактически претендовал на роль выразителя взглядов этой группы государств, пообещав полную поддержку их требований в области защиты ресурсов, национальных прав и интересов, их борьбы против экономического грабежа. Цяо выступил против предложения СССР и других социалистических стран по проблемам всеобщего разоружения, созыву конференции ядерных держав, Всемирной конференции по разоружению и т. д. Он утверждал, что «Китай совершенствует ядерное оружие исключительно в оборонных целях и для подрыва ядерной монополии, с целью окончательной ликвидации ядерного оружия и угрозы ядерной войны».

Вступление в ООН Китай ознаменовал ядерным взрывом.

В своем выступлении представитель Пекина требовал, чтобы США и Советский Союз приняли обязательства «не применять первыми ядерное оружие, ликвидировать все ядерные базы на территориях других стран, вывести все свои силы, вооруженные ядерным оружием, все ядерное оружие и средства его доставки из-за границы».

Эти вопросы давно уже ставились в ООН СССР и другими социалистическими странами. Представители КНР заявляли, что двигаться дальше можно будет лишь после принятия их требований. В беседе с известным американским обозревателем Дж. Рестоном Чжоу Эньлай заявил: «Соединенные Штаты и Советский Союз должны прежде всего обещать, что никто из них первым не применит ядерного оружия, а затем уже можно приступить к рассмотрению следующих проблем»⁹.

СССР предложил созвать Всемирную конференцию по разоружению, чтобы на этом форуме обсудить предложения всех

⁹ «New York Times», 10.VIII.1971.

стран, в том числе КНР, и выработать взаимоприемлемые решения. В советском предложении подчеркивалось, что первоочередное внимание на конференции можно было бы уделить вопросам запрещения и ликвидации ядерного оружия.

Советское правительство с первых дней появления ядерного оружия активно боролось за его запрещение, за уничтожение его запасов, не раз вносило предложения о достижении договоренности об отказе от применения ядерного оружия¹⁰, о ликвидации иностранных военных баз на чужих территориях, за создание безъядерных зон и т. д. Советский Союз принял активное участие в выработке резолюций на XVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1961 году, в которых осуждалось применение ядерного оружия. В 1967 году СССР выдвинул на XXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект конвенции о запрещении применения ядерного оружия, который получил широкую поддержку в ООН. В меморандуме Советского правительства от 1 июля 1968 года ставился вопрос о запрещении полетов бомбардировщиков с ядерным оружием на борту за пределы национальных границ и об ограничении зон плавания подводных ракетносцев.

В июне 1971 г. Советское правительство обратилось к КНР с предложением принять участие в конференции пяти ядерных держав для обсуждения вопросов, связанных с ядерным оружием. Однако китайская сторона ответила отказом¹¹.

В 1971 году на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН КНР без объяснения причин не поддержала ни одну из резолюций по вопросам разоружения (эти вопросы ставились на голосование более десяти раз), проголосовала против всех резолюций, призывающих к прекращению испытаний ядерного оружия. КНР отказалась подписать конвенцию о запрещении бактериологического оружия, встретившую широкую международную поддержку.

Выступления китайского представителя по вопросам мирового экономического положения развеяли надежды развивающихся стран получить ощутимую помощь со стороны КНР. Он заявил: «Оказываемая нами материальная помощь весьма незначительна, мы в основном оказываем политическую и моральную поддержку». Представители развивающихся стран в разговорах не скрывали своего разочарования такой позицией китайского правительства.

Ни речь Цяо Гуаньхуа, ни выступления других китайских представителей не содержали каких-либо конструктивных предложений о повышении эффективности ООН в области поддержания мира, разоружения и социального прогресса. Среди многих делегаций афро-азиатских и латиноамериканских стран вы-

¹⁰ В 1982 году Советский Союз официально заявил об отказе применения ядерного оружия первым. Историческое решение Советского государства встретило одобрение всех миролюбивых народов.

¹¹ «Жэньминь жибао», 8.VIII.1971.

ступления китайцев вызвали разочарование, поскольку они не содержали конкретных предложений об улучшении деятельности ООН и решения насущных проблем, волновавших развивающиеся страны.

В выступлении китайского представителя содержался обычный набор голословных утверждений в отношении политики СССР. Это явилось неожиданностью для многих обозревателей и делегаций в ООН. Ответы, которые были вынуждены давать советская делегация и делегации социалистических стран, возникшая полемика радовали империалистов, отвлекали внимание делегаций от насущных проблем борьбы за мир и безопасность, решения социальных проблем.

Исходя из опыта XXVI сессии, советская делегация сочла целесообразным не вступать в идеологические дискуссии с китайцами, дабы не превращать трибуну ООН в место бесплодных разговоров. Советские делегации настойчиво показывали в ООН, что СССР готов к сотрудничеству с КНР на межгосударственной основе, и если оно не достигнуто, то это — не вина Советского Союза.

На XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1972 году встал вопрос о мерах по практическому осуществлению решения о созыве Всемирной конференции по разоружению. Идея создания специального комитета для изучения всех аспектов конференции и практической ее подготовки встретила широкую поддержку среди делегаций развивающихся стран. Была создана «контактная группа» из представителей развивающихся государств. Ее возглавил представитель Замбии посол Лусака и аргентинский представитель посол Де Розас.

Шли долгие и мучительные переговоры. США, Англия и их друзья не хотели никакого конкретного решения, которое бы продвинуло вперед дело созыва Всемирной конференции по разоружению. Тогда родилась идея организовать накануне открытия утренних заседаний политического комитета неофициальные встречи за чашкой чая наиболее влиятельных делегаций — представителей членов Совета Безопасности, председателей региональных групп.

Наши «рабочие завтраки» в комнате для заседаний, примыкавшей к моему кабинету на 35-м этаже, мы начинали в 9.30 утра.

Американка-буфетчица привезла кофе, фрукты, бутерброды. Посол Америксингх (Шри Ланка), как представитель чаепроизводящей страны, заметил, что нет чая, и тут же потребовал, чтобы в меню нашего утреннего завтрака обязательно был включен чай. Большинство, однако, предпочитало кофе. Чаевников на этих утренних встречах было двое — Америксингх и я.

На первую встречу пришли почти все приглашенные — представители более 30 стран, в том числе и КНР.

Посол Рамфул, председатель Политического комитета Ассамблеи, проинформировал участников о ходе консультаций по

наиболее важным вопросам, сообщил о своих планах организации дальнейшей работы комитета. Затем с краткой информацией о проекте резолюции по вопросу о созыве Всемирной конференции по разоружению выступил посол Замбии Лусака. Из его информации не было ясно, сумеет ли «контактная группа» выработать проект, который был бы приемлем для подавляющего большинства членов ООН.

Важно, чтобы любое решение по такому важному вопросу, касающемуся всех государств, было принято реальным, а не формальным большинством голосов.

В истории ООН даже на моей памяти были резолюции, принятые ничтожным числом членов Организации. Так, на XXI сессии Генеральной Ассамблеи прошла резолюция 20 голосами (при 3 против). Подавляющее большинство членов ООН (около 90 делегаций, включая все великие и многие крупные державы) воздержалось. Такая резолюция была бесполезной бумажкой, хотя она и касалась важного вопроса — поддержания мира. Для прохождения резолюции согласно правилам процедуры необходимо две трети голосов от числа участвующих в голосовании. Воздержавшиеся при подсчете не учитываются. Теоретически возможно одобрение резолюции двумя-тремя голосами при одном, например, голосующем против. Но какова цена такому решению? Резолюции Ассамблеи и без того имеют рекомендательный, необязывающий характер.

Председатель попросил каждую делегацию высказать свое отношение к происходящим консультациям по вопросу о созыве Всемирной конференции по разоружению. Почти все участники встречи, хотя и с некоторыми оговорками, высказались в позитивном плане. Китайский представитель воздержался от высказывания своей позиции. На следующие встречи китайский представитель перестал являться. В конце концов под нажимом группы неприсоединившихся стран китайская делегация подала голос за резолюцию, учреждающую специальный комитет по подготовке Всемирной конференции по разоружению. Но США, Англия и КНР впоследствии предприняли все меры для того, чтобы помешать созыву и началу работы комитета.

Пекинская дипломатия стремилась, не без учета нараставших настроений в мире в пользу международной разрядки, обуздания гонки вооружений, следовать в ряде вопросов разоружения и международной безопасности линии развивающихся стран, составляющих подавляющее большинство в ООН. С 1980 года китайская делегация стала принимать участие в работе комитета по разоружению.

Китайцы в Нью-Йорке

Американская пресса, спекулируя на интересах обывателей и населения США к Китаю, особенно усилившемуся в связи с визитом Никсона в Пекин, подробно информировала о китай-

ской миссии при ООН. Вначале китайцы прислали административную группу, которая сняла для своей миссии целый этаж в отеле «Рузвельт», расположенном поблизости от здания ООН. Этот отель, в прошлом дорогой и известный, в последние годы пришел в упадок. Поэтому владельцы отеля охотно предоставили свои апартаменты китайцам. Не смутили администрацию и враждебные демонстрации протайваньских элементов, выражавших возмущение решением Ассамблеи и требовавших изгнания из Нью-Йорка представителей Мао Цзэдуна.

Китайцы, однако, прожили в отеле недолго. Уже вскоре они купили под миссию и общежитие своих сотрудников довольно крупный мотель. Как рассказал китайский представитель Хуан Хуа, мотель имел около 200 комнат, ресторан, бассейн и другие удобства.

В китайской миссии был заведен порядок, по которому сотрудники питались все вместе, свободное время были обязаны проводить в миссии, находясь под надзором руководства. Китайские дипломаты, особенно первое время, избегали появляться на приемах, ленчах и обедах в одиночку. Каждого из них всегда сопровождал кто-либо из сотрудников то под видом переводчика, то в качестве секретаря. Даже посол Хуан Хуа, хорошо знающий английский, предпочитал вести беседы на китайском языке через переводчика.

Дело объяснялось не столько боязнью сказать что-либо не так, что вначале имело место, сколько, видимо, желанием всегда иметь свидетеля своих бесед.

На ленчах и обедах, где гости занимают места в соответствии с правилами протокола, рядом с китайцами предоставляли место переводчику. Иногда эти места забывали выделить, и тогда переводчик сидел позади. В ООН это редкое явление. Как правило, дипломаты, сотрудники миссий при ООН владеют английским или французским языком. Работа с делегациями, непрерывные консультации, частые беседы один на один требуют этого. Без знания общепринятого языка работа любого представителя ставится в зависимость от наличия переводчика, его умения понять и точно передать мысли собеседника, установить с ним контакт и взаимопонимание.

С особенным подозрением и осторожностью китайцы разговаривали с нами, советскими дипломатами или советскими сотрудниками секретариата ООН. Первое время китайцы лишь приглядывались к работе секретариата ООН. Через свою агентуру и дружественные им делегации китайцы интересовались работой главных департаментов секретариата, выясняли степень их влияния на деятельность различных органов организации. Не имея подготовленных кадров, которым правительство могло бы доверять, оно стремилось прежде всего использовать лиц китайской национальности, работавших в секретариате Организации Объединенных Наций ранее.

В начале 1972 года Хуан Хуа поставил вопрос о предоставле-

нии китайцам поста заместителя генерального секретаря ООН по политическим вопросам и делам Совета Безопасности, занимаемого советским гражданином. Как мне рассказывали, Хуан Хуа заявил генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму: «Не всегда же этот пост должен занимать советский гражданин».

К. Вальдхайм ответил, что в секретариате ООН давно было достигнуто соглашение и установилась практика, что пост заместителя по политическим вопросам и делам Совета Безопасности принадлежит советскому гражданину.

После длительных переговоров в Нью-Йорке, а затем во время визита Вальдхайма в Пекин в августе 1972 года было договорено, что китайцы получают пост заместителя генерального секретаря по делам опеки и деколонизации, который занимал представитель Нигера и который Вальдхайм переименовал в пост заместителя по политическим вопросам и деколонизации. Для равновесия и пост, который был предоставлен американцу, пришедшему в секретариат ООН после смерти Ральфа Банча, Бредфорду Морсу (члену палаты представителей конгресса от республиканской партии), был назван постом заместителя генерального секретаря по политическим вопросам и делам Генеральной Ассамблеи. Р. Банч занимал пост заместителя по специальным политическим вопросам, в его ведение входили вопросы Ближнего Востока, операции по поддержанию мира и т. п. Многие делегации не хотели, чтобы эти весьма деликатные и противоречивые проблемы были в руках представителя США, учитывая произраильскую позицию американского правительства. Китайцы, в конце концов согласились взять в свои руки вопросы деколонизации, обусловив это согласие предоставлением им ответственного поста в отделе Совета Безопасности политдепартамента и важного поста в департаменте по экономическим и социальным вопросам.

На пост заместителя по проблемам деколонизации китайцы назначили бывшего редактора китайской газеты, издававшейся в США на английском языке, члена Всекитайского собрания народных представителей Тан Минчао.

На совещаниях у генерального секретаря, проводившихся еженедельно по средам, он предпочитал отмалчиваться. Правда, когда вопрос касался позиций Советского Союза, Тан высказывал разного рода «сомнения», в частности, например, о предоставлении СССР необходимых постов в секретариате ООН в соответствии с квотой. (СССР являлся недопредставленной страной. По квоте в 1971—1972 гг. СССР имел право на 230—322 профессиональных поста, а в действительности занимал только 168, т. е. заполнял свою квоту лишь на 58—60 процентов.) Советские делегации на сессиях Генеральной Ассамблеи, советское представительство при ООН, руководители МИДа СССР в беседах с генеральными секретарями ООН У Таном, Вальдхаймом не раз ставили вопрос о ликвидации явной несправедливости в отношении СССР, добиваясь доведения числа совет-

ских сотрудников до соответствующего положению СССР и его взносам в бюджет ООН уровня.

По указанию Вальдхайма был подготовлен план набора советских специалистов на 1972—1975 годы, с тем чтобы довести число советских сотрудников секретариата ООН до необходимого числа в соответствии с утвержденной квотой. Аналогичные планы были подготовлены и в отношении Японии и Италии, стран также недопредставленных, при значительном превышении квоты Англией, США, Францией и другими западными странами. Вот об этом плане в отношении советских сотрудников и говорил китаец. Он заметил, что ему-де «непонятно», почему для Советского Союза подготовлен специальный план.

Пришлось разъяснить элементарные истины. Китаец больше не поднимал вопроса.

Китайцы, приехав в Нью-Йорк, начали активно устанавливать контакты с американской общественностью, американскими востоковедами, китаеведами и т. п. Комитет по изменению американской политики в отношении КНР (состоял из конгрессменов и членов сената) уже в начале 1972 года организовал поездку американской делегации в КНР. Одной из целей этой поездки было организовать нечто вроде общества китайско-американской дружбы.

В 1972 году в США возникли два общества по развитию отношений с Китаем: одно из бизнесменов и политиков, имеющее целью способствовать развитию торгово-экономических связей, второе — из ученых, журналистов, общественных деятелей. Цель второго общества — развитие обмена учеными, врачами, журналистами, артистами, кино- и телепрограммами. Президентом общества был избран Ч. Йост — бывший постоянный представитель США при ООН, председателем Совета директоров — М. Блюменталь, впоследствии министр финансов США.

Как-то после одного голословного заявления китайского представителя в Совете Безопасности ко мне подошел панамский посол Бойд.

— Вот видите, какой неожиданный результат вашей многолетней борьбы за восстановление прав КНР в ООН!

В словах посла я не почувствовал издевки. В темно-карих глазах панамца были видны сожаление и тревога.

— Нас, — подчеркнул он, — удивляют выступления китайского делегата. Мы этого не ожидали. Мы надеялись на укрепление и расширение антиимпериалистического фронта. В чем же дело? Что происходит с китайцами?

В кругах ООН меня знали как специалиста по проблемам Дальнего Востока, активно выступавшего за восстановление прав КНР в ООН. Когда китайцы после прихода в ООН выступили с голословными заявлениями в адрес СССР, знакомые дипломаты передко подшучивали надо мной — кто с иронией, кто с издевкой.

Было больно слышать враждебные высказывания китайских

представителей. Для меня это было больно вдвойне. Я работал в Китае, уважаю и люблю китайский народ, его культуру, древнюю цивилизацию, мудрость и выносливость, одержимость и преданность идее.

Чайнатауны в Сан-Франциско и Нью-Йорке

В Беркли я познакомился с известным американским китаеведом профессором Чальмерсом Джонсоном. Молодой и энергичный ученый написал ряд интересных книг по Японии и Китаю. Одна из них была посвящена деятельности группы советского разведчика в Японии Рихарда Зорге.

Во время нашей беседы у него в кабинете раздался телефонный звонок. Выслушав собеседника, Джонсон ответил:

— Да, конечно, буду.

Потом, посмотрев на меня, сказал в трубку:

— У меня сидит советский ученый и дипломат. Хороший парень. Может, стоит его попросить принять участие в нашей передаче? Советские не каждый день приезжают в Сан-Франциско.

Затем обратился ко мне:

— Я разговаривал с ведущим обозревателем нашего телевидения. Думаю, что вам было бы интересно принять участие в нашей еженедельной встрече. Это беседа за круглым столом с участием ведущих обозревателей и ученых-международников города. Я буду комментировать события в Китае и Восточной Азии. У нас в университете, — засмеялся профессор, — есть немало китайских ученых: профессор математики Чэнь Шэншэнь, профессор физики Шэнь Юаньсян, декан механико-инженерного факультета Тянь Чжанлинь и еще 17 профессоров. Но они не могут объективно комментировать события в Китае. Одни занимают откровенно протайваньскую позицию и, следовательно, события на материке оценивают слишком мрачно. Другие сочувствуют Пекину, но публично свое мнение отказываются высказывать. Третья группа вообще не признает ни тайваньского, ни пекинского режима. Она за независимый от Китая, свободный Тайвань. Так что выступать приходится мне...

— Вам будет любопытно посмотреть, как это у нас делается, — продолжал он, — и сами сможете высказать свое мнение. Это заинтересует наших слушателей. Вы будете первым советским ученым, выступающим по нашему телевидению.

Мы быстро преодолели расстояние от Беркли до Сан-Франциско — какие-нибудь 40 километров. Из них около 18 километров по дамбе, отделяющей залив от городской черты. По пути профессор повез меня через чайнатаун — несколько кварталов, населенных по преимуществу китайцами. По словам профессора, в Сан-Франциско китайцев насчитывалось около 60 тысяч, а всего в США их приблизительно около 200 тысяч. Сан-Франциско и западное побережье США, обращенное к Тихому океану

и Азии,— главное средоточие этнических китайцев. Новый иммиграционный закон, принятый в США в 1965 г., позволил китайцам быстро увеличивать свою колонию. Трудно сказать о действительной численности китайского населения.

Хочу заметить, что в 1970 году китайское этническое меньшинство составило уже 435 тысяч человек. Начавшееся с 1972 года сближение США с Китаем значительно расширило поток эмигрантов из КНР в США. По сообщению американского информационного агентства ЮПИ, в 1973 году в США насчитывалось 860 тысяч китайцев. Вице-президент США У. Мондейл во время своего пребывания в Пекине в августе 1979 года упомянул о наличии в Америке более двух миллионов американских граждан китайского происхождения.

Китайская колония в районе залива Сан-Франциско к 1980 году, только по официальным данным, составила более 120 тысяч человек, из которых около 80 тысяч проживало в самом Сан-Франциско. Однако, по мнению издающейся в Сан-Франциско китайской газеты «Восток — Запад», эта цифра значительно выше вследствие того, что из 10—15 тысяч туристов, приезжающих ежемесячно из КНР, значительная часть, используя нелегальные каналы, оседает в местных чайнатаунах у родных и близких.

Вместе с ростом численности населения китайской общины усиливалось и ее влияние на формирование американско-китайских отношений. Вопросы американско-китайского сближения широко освещались калифорнийскими средствами массовой информации, включая радио и телевидение. Они прилагали максимум усилий для того, чтобы убедить различные слои населения в необходимости развития отношений с КНР. Через свои деловые связи «китайское лобби» (до начала 70-х годов прогоминьдановское) активизировало американско-китайские контакты, способствуя проникновению влияния Пекина на западное побережье США.

Китайский городок резко отличается от остальной части Сан-Франциско. При въезде в китайский квартал в глаза бросаются многочисленные лавочки с неизменными фигурками будд, драконов, ритуальных зверей, героев китайских легенд и классических пьес, лакированной посудой, шкатулками, китайским шелком с вышитыми по нему фигурками птиц, зверей, драконов, красными китайскими фонариками, гармошкой спускающимися с карнизов магазинов, ресторанов и харчевен. Рестораны и харчевни зазывают посетителей длинными рекламными плакатами с крупными иероглифами, написанными сверху вниз красной краской. Сияют неоновые рекламки туристических фирм, призывающих посетить Тайвань и КНР. Туристы из разных стран толпятся у витрин магазинов. В харчевнях на глазах у посетителей искусные повара готовят разнообразные китайские кушанья. Через окна видно, как посетители ресторанов, орудуя палочками, поглощают блюда китайской национальной кухни. Европейцы и американцы, однако, предпочитают привычные им ножи и вилки.

Рассказывая о китайской общине, мой собеседник отметил, что в Сан-Франциско ежедневно выходит газета «Восток — Запад» — орган местных китайцев. Наиболее важные сообщения публикуются на двух языках: английском и китайском. Газета стоит на протайваньских позициях, как, впрочем, и большинство этнических китайцев. В силу исторических причин китайская община имеет теснейшие экономические и политические связи с Тайванем. Лишь небольшая часть — сторонники Пекина. Однако после поездки Никсона (1972 год) и Форда (1974 год) в Пекин положение постепенно начало меняться, стали усиливаться пропекинские элементы.

Параллельно с протайваньским и пропекинским направлениями, отметил профессор, в среде американских китайцев активно развивалось движение за более широкое участие китайцев в жизни американского общества. Сторонники этого направления не связывают свое будущее ни с Китаем, ни с Тайванем. В США также растет движение сторонников независимости Тайваня, которые враждебно относятся к нынешним режимам как в КНР, так и на Тайване.

Отвечая на мой вопрос, собеседник заметил:

— Мы получаем свежие китайские газеты и журналы на следующий день после их выхода в Пекине. Почта доставляется через Гонконг голландской авиакомпанией «КЛМ». Есть у нас и другой источник информации — китайское радио. Радиопередачи хорошо принимаются вдоль всего побережья. Пекин вещает на США по 12—14 часов в день. Вот почему в наших еженедельных телевстречах обязательный элемент — обзор событий в Китае.

Через полчаса мы в студии. Участники передачи были в сборе.

Ведущий сказал мне:

— Сначала мы дадим обзоры событий по разным странам, а затем участники встречи заинтересуются вашим мнением по разным проблемам.

На грудь мне повесили миниатюрный микрофон, подпудрили лицо (передача шла в цвете). Признаться, я волновался: с ходу, без подготовки, отвечать на иностранном языке не легко. Можно не уловить какой-нибудь подтекст вопроса или изложить свою мысль недостаточно точно. За это уцепятся недобросовестные журналисты.

Один за другим обозреватели выступали с короткими информацией: война во Вьетнаме, события во Франции и Италии, положение в Китае... Старался следить за выступающими, внимательно вслушиваться в слова своих коллег. Ведущий представил меня телезрителям. Мне начали задавать вопросы. Наибольшее число вопросов касалось советско-китайских отношений и «культурной революции» в Китае.

Мое заявление о том, что так называемая «культурная революция» в Китае не имеет ничего общего с культурой, понравилась

лось коллегам. Рассказал о существовании культурной революции в Советском Союзе в 20—30-е годы. Отвечая на вопрос о советско-китайских отношениях, подробно изложил нашу принципиальную линию: готовность Советского правительства нормализовать межгосударственные отношения с Китаем, развивать добрососедские связи.

На следующий день сопровождавший меня профессор сан-францисского колледжа предложил посмотреть магазины китайской литературы.

— Их достаточно много в городе, — сказал он.

Заходим в один из них. На прилавках свежие пекинские журналы и газеты, книги на китайском и английском языках. Хорошо иллюстрированный журнал «Чайна риконстракшн» («Китай на стройке»), «Пиплс Чайна» («Народный Китай») и др., красная книжечка — сборник высказываний Мао Цзэдуна на английском языке с предисловием Линь Бяо; альбомы репродукций с работ китайских художников, фотографий исторических памятников. В магазине довольно многолюдно. Сообщения прессы о «культурной революции», разгроме хунвэйбинами партийных комитетов и правительственных учреждений вызывают повышенный интерес среди молодежи. Им хочется понять: что такое «культурная революция»? Почему такую большую роль в ней играет молодежь? Молодежь Калифорнии, как, впрочем, и многих других районов страны, в те годы не раз выступала в авангарде различных антиправительственных волнений: против войны во Вьетнаме, за запрещение атомного оружия, против вторжения американских войск в Камбоджу в 1970 году и т. п.

Чайнатаун имеется и в Нью-Йорке. Он затерян в лабиринтах нижней части Нью-Йорка — Даунтауне. В этой части города расположен и Уолл-стрит — коротенькая старая улица, темная, с массивными зданиями банков и корпораций.

Чайнатаун не сразу найдешь. Но как только переступишь границу китайских кварталов, то в глаза сразу бросаются вязь иероглифов, бумажные фонарики, гирляндами украшавшие улицы, непонятные для американцев корни и овощи в лавках, непривычная, но очень вкусная еда в китайских ресторанах, распутивших свои щупальца на весь город. В те годы в Нью-Йорке насчитывалось более тысячи китайских ресторанов и ресторанчиков.

Ресторанный бизнес пользовался популярностью среди китайцев, связанных с Тайванем: как крупных дельцов, так и мелких обитателей чайнатауна. Не брезговали им и дипломаты. Не уверенные в прочности своего положения — представителей Чан Кайши в ООН и при американском правительстве, они в качестве якоря надежды содержали рестораны. Один из лучших в Нью-Йорке, на Лексингтон-авеню, принадлежал тайваньскому

представителю при ООН послу Лю. И в те месяцы, когда Лю согласно алфавиту был председателем Совета Безопасности, традиционный ленч, который каждый председатель Совета дает в честь генерального секретаря ООН и членов Совета Безопасности (с участием высшего эшелона секретариата, ответственного за работу Совета), был самым оригинальным и вкусным. Нет необходимости говорить, что он проводился в лучшем китайском ресторане «Золотой дракон» на Лексингтон-авеню. Меню его включало бесчисленное количество самых изысканных китайских блюд.

После прихода КНР в ООН в 1971 году и изменения американо-китайских отношений в городе начался китайский «бум». Китайцы в большом числе стали появляться не только в чайнатауне, но и в других известных и больших районах города — Куинсе, Джамейке. Представительство КНР при ООН обосновалось в центре города, на фешенебельной Парк-авеню. Китайцы замелькали в конторах банков, корпораций, увеличился приток эмигрантов. Вовсю развернулась китайская пропагандистская машина. Как-то я поинтересовался у Д. Барнетта, известного американского китаевода:

— Сколько фирм и предприятий принадлежит лицам китайского происхождения?

Ответ был впечатляющий:

— 13 тысяч фирм и предприятий с общим годовым доходом 1,2 миллиарда долларов. Если до 70-х годов китайцы занимались предпринимательской деятельностью главным образом в сфере обслуживания и легкой промышленности, то с 70-х годов происходит бурный процесс выделения среди китайцев крупной буржуазии, связанной с финансами, перспективными отраслями промышленности — приборостроением, электронной, тяжелым машиностроением. Это обстоятельство позволяет Пекину наряду с развитием межгосударственных научно-технических связей расширить использование возможностей китайской общины для решения своих экономических и научно-технических проблем.

Американские предприниматели китайского происхождения вели активную работу по развитию торгово-экономических связей с Китаем еще до установления дипломатических отношений. До 1977 года эта деятельность осуществлялась главным образом через Национальный совет содействия американо-китайской торговле (НССАКТ). Из 400 с лишним американских фирм — членов этого совета более 100 принадлежат лицам китайской национальности, которые занимают в НССАКТ руководящие посты¹². В 1977 году в Нью-Йорке была создана Китайская торговая палата на восточном побережье, объединившая первоначально около 80 компаний, принадлежащих лицам китайского проис-

¹² В совет директоров организации, созданной в 1973 году, входили ведущие представители американского бизнеса: Д. Рокфеллер, глава корпорации «Бониг» Т. Уилсон, президент «Бэнк оф Америка» О. Клаузен и др.

хождения. К 1979 году эта организация объединяла уже более 100 компаний.

В середине 1979 года в Сан-Франциско была создана Объединенная китайская торговая палата, консолидировавшая пропекинские силы в китайских торгово-промышленных кругах Америки. Она имеет отделения во всех крупных американских городах с китайским населением. Однако китайские предприниматели в США во внешнеторговой деятельности в своем большинстве ориентировались на рынки Тайваня, Гонконга и ЮВА. Эта тенденция не изменилась коренным образом после установления в 1979 году дипломатических отношений между Вашингтоном и Пекином, что объясняется установившимися традициями и более развитым и прибыльным характером этих экономических связей.

За годы работы в Нью-Йорке мне довелось побывать в ряде крупных университетов (Колумбийском, Гарвардском, Сан-Францисском) и колледжей США. И почти в каждом из них я встречал ученых китайского происхождения. По данным Национального научного совета США, в середине 70-х годов 6,5 процента обладателей ученой степени в стране были выходцами из Азии, а среди американских преподавателей азиатского происхождения 55,1 процента были китайцы. По данным переписи населения, в 1970 году в США насчитывалось 48 тысяч специалистов высшей квалификации китайского происхождения. Число китайских специалистов высшей квалификации год от года продолжает расти.

Китайская община в США, как ни в одной стране, обладает уникальным по своим количественным и качественным показателям потенциалом научно-технических работников высшей квалификации, имеющих практический опыт работы на передовых рубежах американской науки и техники.

В результате «культурной революции» Китай в области научных исследований был отброшен назад на 10—20 лет. В связи с этим китайское руководство поставило задачу форсировать развитие науки и техники, в том числе тех отраслей знаний, которые непосредственно связаны с удовлетворением военных потребностей Китая, используя, в частности, американскую научную информацию и технологию.

Одним из путей получения подобной информации является официальное развитие межгосударственных научно-технических связей. Пекин стремится активизировать и другой, не менее важный источник информации — американских ученых китайского происхождения.

В 50-е годы около 100 американских ученых китайского происхождения возвратились в Китай и, как говорилось выше, стали ведущими специалистами в китайской ракетно-ядерной промышленности. После нормализации дипломатических отношений и соответствующих соглашений по научно-техническому сотрудничеству между США и КНР возможности Пекина по использо-

ванию в своих интересах американских ученых неизмеримо возросли.

Китайское этническое меньшинство является для КНР также важным источником получения иностранной валюты (денежные пожертвования, денежные переводы родственникам и т. п.). По словам американских китаеведов (Ч. Джонсона, Р. Скалапино, Д. Барнетта и др.), в 50-е годы объем денежных переводов от эмигрантов в Китай достигал 150 миллионов долларов ежегодно. В 60-е годы их объем в среднем составлял 80 миллионов долларов. Преследование лиц, имеющих родственников за рубежом в годы «культурной революции», привело к сокращению объема переводов до 20 миллионов долларов в год. В 70-е годы объем денежных переводов увеличился и, по оценкам специалистов из Гонконга, составлял 150—200 миллионов долларов ежегодно.

В 1978 году общий доход Пекина от эксплуатации связей с зарубежными китайцами (включая их капиталовложения в китайскую экономику) составил 400 миллионов долларов. Пекин поставил перед собой цель увеличить в ближайшие годы объем валютных поступлений от зарубежных китайцев до миллиарда долларов в год.

Другим важным каналом получения иностранной валюты от китайских иммигрантов, проживающих за рубежом, в частности в США, является развитие в КНР индустрии туризма. Используя традиционную привязанность этнических китайцев к родине, а также интерес к Китаю американских дельцов и обывателей, Пекин после поездки Никсона в Китай в 1972 году широко развернул работу по привлечению в страну туристов. В 1978 году в Китае побывало 530 тысяч иностранных туристов, в том числе 400 тысяч этнических китайцев. Развивающаяся индустрия туризма рассчитана, по-видимому, главным образом на обслуживание этнических китайцев. Это стало наиболее перспективным источником иностранной валюты. В 1978 году неторговые поступления иностранной валюты в КНР возросли на 40 процентов, а поступления валюты от туристических предприятий — на 83 процента.

По данным Государственного статистического управления КНР, в 1980 году в Китае побывало 5,7 миллиона туристов.

В последние годы в США получила широкое распространение деятельность американских фирм, принадлежащих лицам китайского происхождения, которые занимаются организацией для китайских иммигрантов туристических поездок в КНР.

Американские китайцы

С развитием отношений между КНР и США, когда началось их постепенное движение навстречу друг другу, обстановка среди этнических китайцев в США стала меняться. Некогда ма-

лочисленные сторонники Пекина среди китайцев стали набирать силу, следуя за официальным курсом администрации США.

С установлением дипломатических отношений между США и Китаем и разрывом отношений с Тайванем в 1979 году консервативное крыло руководства китайской общины, которое продолжало контролировать большинство этнических китайцев, стало выступать с резкой критикой администрации Картера. Оно считало, что Картер поступил предательски в отношении своего союзника. Однако по мере дальнейшего развития американо-китайского сотрудничества изменилась позиция американских китайцев в отношении КНР. Значительную роль в этом повороте сыграло подписание в 1979 году между США и КНР торгового соглашения и предоставление КНР режима наибольшего благоприятствования. Вследствие этого наиболее реакционная протайваньская часть руководящей верхушки местных китайцев вынуждена была подать в отставку и уступить место более либеральным деятелям, выступающим за развитие отношений с КНР. Протайваньские организации начали также менять позиции. Возникли и новые, провозгласившие своей целью содействовать деловым, культурным, научно-техническим, спортивным и другим контактам между КНР и США. Эти организации не только встречают поддержку со стороны ряда представителей деловых, университетских и культурных кругов Запада США, но и получают помощь со стороны местных властей штата и городов. Торжественно было отмечено создание Торговой ассоциации американских китайцев. Главная ее цель — развитие торговли между Западом США и КНР. Эта ассоциация была создана наряду с уже существовавшей с 1908 года Китайской торговой палатой, которая поддерживала отношения с Тайванем. В 1980 году руководители Китайской торговой палаты выступили с заявлением о том, что не будут препятствовать своим членам вести торговые операции с КНР. Активная роль в развитии американо-китайских связей по другим направлениям принадлежит созданной в 1973 году Ассоциации американцев китайского происхождения. К 1980 году ею было создано 18 отделений в различных городах Запада США.

Сан-францисское отделение Общества американо-китайской дружбы насчитывало в 1980 году около 20 тысяч членов. Общество проводит многочисленные мероприятия с привлечением известных ученых, видных политических и общественных деятелей с целью популяризации политики Пекина в отношении Соединенных Штатов. Показателем влияния китайской общины являлся тот факт, что губернатор Калифорнии Браун регулярно выступал перед представителями местных китайцев с разъяснением политики администрации штата по тем или иным аспектам.

Вряд ли можно встретить среди глав государств и правительств, министров, политических деятелей, знаменитых ученых и писателей, артистов и космонавтов, известных путешественников и религиозных лидеров, приехавших в Нью-Йорк, таких, кто не посетил бы штаб-квартиру Организации Объединенных Наций.

Как правило, они имеют встречи с генеральным секретарем ООН или его заместителями, в их честь даются ленчи, обеды, приемы. Почетные гости встречаются с председателями Совета Безопасности, различных комитетов и других руководящих органов Организации. Соответственно и мне, как заместителю генерального секретаря ООН, нередко приходилось участвовать в такого рода встречах и беседах. Следует заметить, что присутствие того или иного заместителя зависело не только от вопросов, которыми он занимался, но и от его национальной принадлежности.

Если такие беседы шли с государственным секретарем США, американскими сенаторами или мэром Нью-Йорка Линдсеем, на ней, как правило, присутствовал Р. Банч, заместитель генерального секретаря от США; если беседа была с кем-либо из африканских лидеров, присутствовал африканец Джермакой, заместитель по делам подопечных территорий, или шеф кабинета генерального секретаря индиец Нарасиман; если беседы были с представителями социалистических стран, освободительных движений или вопросы касались деятельности Совета Безопасности, то в большинстве случаев приглашался советский заместитель генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

Круг лиц, с которыми встречается генеральный секретарь, весьма обширен и разнообразен. На моей памяти, поскольку в ряде встреч я принимал то или иное участие, генеральные секретари ООН У Тан и К. Вальдхайм¹ имели встречи с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, президентом США Р. Никсоном, государственными секретарями США Д. Раском и У. Роджерсом, премьер-министром Индии Индирой Ганди, президентом Чили Сальвадором Альенде, премьер-министром Турции Демюрелем, премьер-министром Израиля Голдой Меир, министром иностранных дел Израиля Абба Эбаном,

¹ Бывший министр иностранных дел Австрии К. Вальдхайм был избран генеральным секретарем ООН 22 декабря 1971 года на пятилетний срок.

президентом Заира Мобуту, папой римским Павлом VI, президентом Пакистана Айюб-Ханом и другими политическими деятелями.

У Тан встречался с руководителями Советского государства: Л. И. Брежневым, А. Н. Косыгиным. В интервью журналу «Гэллери» он говорил: «Брежнев является дипломатом. Он очаровательный человек, который лично мне очень нравится, и я думаю, что он также человек сильной воли»². У Тан положительно отзывался о миролюбивой внешней политике Советского Союза.

В ходе каждой сессии Генеральной Ассамблеи ООН генеральный секретарь встречался почти со всеми министрами иностранных дел, приезжающими в Нью-Йорк. Число их составляет от 95 до 125 человек. Помимо того он встречается и с министрами иностранных дел стран, не являющихся членами ООН. Эти мероприятия — неотъемлемый элемент деятельности генерального секретаря.

Штаб-квартиру ООН ежегодно посещают более миллиона человек. Вопрос о приеме представителя той или иной организации или государства — не члена ООН подчас становится предметом острой политической борьбы. Американские власти не раз противодействовали приему представителей прогрессивных сил, национально-освободительных движений, некоторых социалистических стран.

Западные державы всячески противились организации встречи У Тана с министром иностранных дел ГДР Отто Винцером. Американские власти, например, заявляли, что они не дадут визы для министра ГДР, в то время как министр иностранных дел ФРГ ежегодно приезжал на сессии Генеральной Ассамблеи. Встреча между О. Винцером и К. Вальдхаймом состоялась лишь в июле 1972 года в Женеве.

Поблагодарив меня за организацию встречи, О. Винцер подчеркнул, что она явилась началом крушения системы дискриминации, которая осуществлялась западными державами, и прежде всего США, в отношении германского социалистического государства.

Дискриминационный кордон в отношении ГДР окончательно рухнул в 1973 году, когда ГДР была принята в члены ООН и ряда специализированных учреждений. Это являлось историческим событием в жизни Германской Демократической Республики, признанием ее растущего международного влияния и авторитета.

За время работы в ООН множество встреч и бесед с различными политическими деятелями, дипломатами, представителями науки и прессы, религиозными и общественными деятелями осталось в памяти. О некоторых из них я рассказал выше. Отдавая отчет в несовершенстве человеческой памяти, там, где это

² «Gallery». 1973. January, с. 146.

возможно, я сверял свои впечатления с документами, отчетами прессы и свидетельствами моих коллег.

Содержание некоторых встреч еще рано делать достоянием гласности. Они имеют прямое отношение к происходящим на наших глазах событиям, и сказанные в ходе бесед мнения должны до поры до времени сохранить свою конфиденциальность. Учитывая все обстоятельства, мы касаемся лишь весьма небольшого круга видных политических и общественных деятелей, которые имеют непосредственное отношение к главным событиям, описываемым в настоящей книге.

В течение ряда лет представители западных стран при ООН не хотели признавать Всемирный Совет Мира и допускать его представителей на сессии Генеральной Ассамблеи и других органов.

Известно, что Всемирное движение сторонников мира оформилось во влиятельную организацию еще в 1949 году. Однако на протяжении многих лет реакция стремилась дискредитировать высокие идеалы борцов за мир, посеять недоверие к их целям. Всяческие наветы обрушивались на Всемирный Совет Мира, он объявлялся «прокоммунистической» организацией. Но ничто не могло помешать активизации действий сторонников мира.

Делегация Всемирного Совета Мира, состоявшая из членов сенатов и палат депутатов Франции, Бельгии, Индии, ряда известных политических деятелей, прибыла в Нью-Йорк осенью 1971 года.

Делегацию возглавлял генеральный секретарь Всемирного Совета Мира, видный общественный деятель Индии Ромеш Чандра. Высокий индус с яркими темными глазами темпераментно доказывал, что ВСМ имеет полное право выступить от имени десятков миллионов сторонников мира по актуальным проблемам деятельности ООН.

После длительных переговоров с нашей помощью удалось получить согласие Комитета 24-х, занимающегося проблемой выполнения решения Генеральной Ассамблеи о предоставлении независимости колониальным странам и народам, выслушать заявления ВСМ. Вслед за тем состоялось выступление Чандра в Комитете по апартеиду, а затем в IV комитете Генеральной Ассамблеи, который обсуждает вопросы борьбы с колониализмом.

Председатель I (Политического) комитета Генеральной Ассамблеи, занимающегося вопросами поддержания мира, безопасности и разоружения, Милко Тарабанов решительно поддержал делегацию ВСМ. Как председатель Комитета, он имел право дать указание об издании документов и заявлений Всемирного Совета Мира. По договоренности с Тарабановым в качестве официального документа было издано заявление ВСМ в поддержку предложения о созыве Всемирной конференции по разоружению. После длительных переговоров и колебаний ге-

исральный секретарь ООН согласился принять делегацию Всемирного Совета Мира.

Состоялась интересная и содержательная дискуссия.

Известный в прошлом деятель ООН, министр в ряде индийских правительств Кришна Менон выступил перед У Таном с заявлением и требованием поддержки справедливых целей и идеалов движения сторонников мира. Участники движения — французские, итальянские и бельгийские парламентарии — настойчиво добивались, чтобы ООН признала ВСМ, предоставила возможность ее представителям участвовать в деятельности организации наряду с многими другими неправительственными организациями, давно получившими консультативный статус при ООН.

У Тан обещал оказать содействие.

В январе 1973 года межпарламентский союз, объединяющий парламентариев более 80 стран, решил провести сессию, посвященную проблеме европейской безопасности. Местом проведения сессии были избраны Хельсинки. Сессия открылась в здании парламента. После краткой вступительной речи заместителя председателя союза слово было предоставлено президенту Финляндии Кекконену.

Кекконен легко поднялся на трибуну. Приветствуя делегатов, он высказал твердую уверенность в том, что межпарламентский союз примет решения, которые будут способствовать созыву Общеευропейского совещания и успеху его работы. После официального открытия сессии президент Кекконен дал завтрак в честь глав делегаций.

В разговоре со мной Кекконен сказал:

— Финляндия — нейтральная страна. Но в вопросах войны и мира Финляндия, естественно, не нейтральна, а всегда за мир, против войны.

Касаясь советско-финских отношений, президент подчеркнул, что это взаимовыгодные отношения, основанные на договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией 1948 года. Пример сотрудничества СССР с Финляндией, говорил президент, государств с различным социальным строем, наглядно демонстрирует, насколько плодотворным может быть сотрудничество, основанное на принципах мирного сосуществования.

— Финляндия — страна маленькая, — улыбаясь, сказал Кекконен, — но, как показывают последние события и визиты глав великих держав, они вынуждены были поучиться кое-чему у финнов и пойти по тому пути, на который мы встали уже много лет назад. Понятно, что Финляндия, заинтересованная в развитии взаимовыгодного сотрудничества в Европе, взяла на себя активную роль в подготовке к созыву Общеευропейского совещания.

Парламентская группа Финляндии создала прекрасные условия для проведения сессии межпарламентского союза. Финское правительство и президент Кекконен внесли значительный вклад в решение важнейшей проблемы — созыва и организации Общеευропейского совещания по сотрудничеству и безопасности в Европе. Это имеет не только европейское, но и всемирное, международное значение.

...Спустя несколько месяцев, в июле 1973 года, в Хельсинки прошел первый этап совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В интервью американскому журналу «Ньюс уик» Кекконен, отмечая последовательность миролюбивой внешней политики СССР, разоблачил клеветнические домыслы западной печати по поводу характера и сущности добрососедских, дружественных отношений между Финляндией и Советским Союзом, а также целей и характера Общеευропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Американский журналист задал провокационный вопрос:

— По мнению некоторых наблюдателей, СССР считает совещание по европейской безопасности и сотрудничеству форумом для утверждения нынешнего раздела Европы на коммунистическую и некоммунистическую зоны. Разделяете ли вы эту точку зрения?

Ответ:

— Я не считаю это высказывание правильным. У меня есть все основания полагать, что и Советский Союз, и остальные ведущие державы, несущие ответственность за безопасность Европы, одинаково заинтересованы в поддержании мира и равновесия в Европе.

Корреспондент не унимался:

— Являются ли отношения между СССР и Финляндией моделью, которую СССР хотел бы распространить повсюду в Европе? Иными словами, является ли конечной целью совещания по безопасности и сотрудничеству «финляндизация» Европы?

Он получил резкий и убедительный ответ:

— Вы знаете, что я думаю о термине «финляндизация», употребляемом в оскорбительном смысле, который так часто появляется в западной печати. Если «финляндизация» означает действительное положение вещей, когда малая европейская страна, проигравшая войну, сохранила свою независимость и свое достоинство, смогла вновь стать на ноги без чьей-либо помощи, установила хорошие и дружеские отношения с великой соседней державой, у которой иная общественная система, и выработала свою собственную политику нейтралитета, то я считаю это лестным выражением³.

³ «News Week». 1973, September.

В августе 1975 года именно в Хельсинки состоялось совещание глав государств и правительств европейских государств, США и Канады, на котором был подписан заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В США вряд ли встретишь человека, который бы не знал имен Мартина Лютера Kinga, Коретты King, Эндрю Янга. Они относились или относятся с неприкрытой враждой и ненавистью к лидерам негритянского движения за гражданские права, другие — с любовью и симпатией. Водораздел здесь не только расовый, но и социально-политический.

...4 апреля 1968 года по требованию Иордании было созвано заседание Совета Безопасности ООН. На повестке дня стоял вопрос о положении на Ближнем Востоке. Правительство Иордании обратило внимание Совета на нарушение условий перемирия и агрессивные действия израильской военщины и требовало принятия мер для их прекращения.

В 15.30 перед самым открытием заседания в зал вошел генеральный секретарь ООН У Тан, а вслед за ним его заместитель по специальным политическим вопросам американский негр Ральф Банч. У Тан занял место справа от председателя Совета. В центре подковообразного стола — председатель Совета. Я сидел слева от него.

Ральф Банч, заняв свое место позади У Тана, сразу же, как началось заседание, поднес близко к лицу (он страдал близорукостью) какие-то телеграммы и записки. Через некоторое время, когда я взглянул на него, Банч, отложив бумаги, прикрыл глаза и, казалось, задремал. Сказывались возраст и многочисленные болезни. Он сидел во втором ряду и был избавлен от назойливого внимания представителей прессы и телевидения.

Заседания Совета Безопасности, особенно по важным и острым проблемам, обычно показывали по телевидению. Жены представителей стран — членов Совета Безопасности ООН и руководящих сотрудников секретариата ООН по телевидению могли проверять, где задерживаются их мужья. Как-то жена Банча Руфь на телевизионном экране увидела, что Ральф, свесив голову, совсем заснул. Она позвонила его секретарю. Тот подошел и растолкал своего задремавшего шефа. «Руфь звонила, — шепотом сказал он, — и просила Вас разбудить. Если Вы очень устали, то лучше пойдите к себе в кабинет».

Между тем заседание затягивалось. Большинство членов Совета высказывали осуждение действий Израиля. Однако среди членов Совета не было согласия в отношении принятия решения.

Повернувшись к помощнику, сидевшему позади меня, я заметил, как в зал заседания буквально вбежал один из секре-

тарей Банча и, наклонившись, что-то сказал ему на ухо. У Банча на лице появилось растерянное и какое-то беспомощное выражение. В первую минуту он не мог ничего сказать. Было видно, что он не может совладать с собой. Мне было слышно, как он бормотал:

— Это ужасно, это невероятно!..

Вскоре был объявлен перерыв. Я подошел к Банчу.

Он воскликнул:

— Они убили Мартина Лютера Кинга! Этого преступления простить нельзя!

Убийство негритянского лидера в городе Мемфисе (штат Теннесси, на юге США) не было случайностью, мстью какого-то отдельного неуравновешенного расиста.

Реакционеры и расисты ненавидели Кинга. За 12 лет его 24 раза бросали в тюрьмы. На его жизнь неоднократно совершались покушения.

Смерть ходила за ним по пятам, и он отдавал себе в этом отчет. Как пишет Коретта Кинг, его жена, друг и соратник в борьбе, в своей книге «Моя жизнь с Мартином Лютером Кингом»: «Он видел угрозу. Знание истории убеждало его в том, что большинство людей, которые придерживались строгих моральных принципов, должны были расплачиваться за свои убеждения. Он даже использовал в качестве метафоры слово „распятие“, сказав как-то в своей речи: „Я, возможно, буду распят за мои взгляды, и, если это случится, вы можете сказать: „Он умер, чтобы сделать людей свободными“»⁴.

Выстрел, раздавшийся в Мемфисе, вызвал пожар негритянских восстаний и волнений, охвативших 153 города США. Для подавления негритянских выступлений правительство США бросило более 100 тысяч солдат и полицейских. 27 тысяч участников волнений было арестовано, 3,5 тысячи ранено, 43 человека убито.

Известие о смерти Кинга потрясло миллионы людей в США и в других странах мира.

Мне было больно услышать о смерти Кинга. Я не мог себе представить его мертвым. Кингу в 1968 году было всего 39 лет. Несколько месяцев назад я встречался с ним — молодым, энергичным, обаятельным.

В начале сентября 1967 года я был в Чикаго. Меня пригласили принять участие в телевизионной программе «Ваше право сказать это». На этот раз передача была посвящена теме «Роль Советского Союза в ООН». Эта программа готовится чикагским Северо-западным университетом и передается телевизионной компанией «Даблю Ди Эн» без предварительной записи, непосредственно в эфир — для телезрителей Чикаго, штата Иллинойс и других соседних районов. Видеозапись этой программы

⁴ Coretta Scott King. My Life with Martin Luther King. L., 1970, с. 315.

рассылается по всей стране. По данным компании, в среднем передачу смотрят до 10 миллионов человек. В передаче «За круглым столом» (стол скорее был не круглым, а подковообразным) участвовали руководители двух крупных чикагских газет: «Чикаго дейли ньюс» (Беккер Марч) и «Чикаго — американ» (Лой Вент). Вел передачу декан факультета журналистики Северо-западного университета.

Мне предстояло с ходу, без какой-либо предварительной подготовки, отвечать на вопросы моих партнеров по передаче. Что-либо поправить или уточнить (беседа к тому же шла без переводчика!) было уже невозможно.

Вечером организаторы пригласили меня поужинать. В ходе дружеской беседы я поинтересовался: какие проблемы более всего интересуют моих уважаемых партнеров по передаче?

Ведущий программу — декан факультета журналистики университета довольно бесцеремонно отрезал:

— Никаких репетиций.

Вернувшись в отель, стал беспокоиться думать: какие вопросы можно ожидать от моих контрапартнеров? Внезапно осенила мысль: посмотреть, что в центре внимания местной печати.

Полистав газеты, представил себе круг вопросов, которые они ставят в центре внимания. Из международных вопросов уделяли наибольшее внимание войне во Вьетнаме, положению на Ближнем Востоке, перспективам советско-американских отношений, роли ООН в международной жизни, «культурной революции» в Китае и советско-китайским отношениям. Просматривая газеты, натолкнулся на сообщение, что на «национальном съезде новых политических сил» выступит с речью доктор Мартин Лютер Кинг.

Мое предварительное знакомство с прессой оправдало себя. Большинство вопросов, которые мне были заданы в ходе беседы «за круглым столом», касались тех проблем, которые были в центре внимания чикагской прессы.

После окончания беседы перед телекамерой один из участников передачи, Беккер Марч («Чикаго дейли ньюс»), улыбаясь, сказал мне: «Моя жена мне говорила: русские — хорошие шахматисты. Не сомневаюсь, что этот русский посол заранее рассчитает, какие ты ему задаешь вопросы. И соответственно подготовится».

Беккер со смехом закончил: «Жена оказалась права — так ведь и получилось».

Не буду рассказывать о содержании заданных мне вопросов и моих ответах. Это потребовало бы слишком много места.

Однако отклики о моем выступлении по телевидению я получил в тот же вечер. В холле отеля, где я сидел с одним из руководителей программы, в группе напротив я заметил большого, широколицего, приземистого человека, лицо которого мне показалось знакомым. Короткие курчавые волосы, небольшие усики над толстыми, типично негритянскими губами. Белоснежная бе-

лая рубашка с узко повязанным темным галстуком подчеркивала волевое лицо и яркие глаза человека. Наконец я вспомнил, кто это. Фотографию этого человека мне показал Ральф Банч, когда мы встретились у него в служебном офисе на 38-м этаже небоскреба ООН. Знакомо мне было лицо этого человека и по фотографиям в газетах. Это был Мартин Лютер Кинг.

Меня представили ему. Улыбнувшись, Кинг сказал, что он видел мое выступление по телевидению и старается понять мою позицию.

— Хорошо,— сказал он,— что вы начали выступление со ссылки на то, что вы находитесь на родине Линкольна.

В ответ заметил:

— Я следую вашему примеру... Ведь ваша знаменитая речь «Есть у меня мечта» тоже начинается со ссылки на Линкольна... А что касается Вьетнама, то я читал ваше выступление в Лос-Анджелесе в январе 1967 года и апрельскую проповедь в церкви на Риверсайде в Нью-Йорке. И во многом согласен с вашими оценками характера войны во Вьетнаме. Совершенно справедливо отвергается утверждение вашингтонской администрации о том, что США воюют с коммунистами из Северного Вьетнама. Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама,— подчеркнул я,— сформировался в 1960 году, много лет спустя после установления диктатуры американского ставленника Нго Динь Дьема (осенью 1954 года). США посылают своих солдат за 10 тысяч миль от дома, и это называется «борьбой с коммунистической агрессией».

— Мне запомнились ваши слова,— продолжал я,— яркая метафора: «Если душа Америки будет полностью отравлена, то при вскрытии мы прочтем слово Вьетнам».

Кинг был человеком скромным. Несколько смущенно кивнул головой, а затем заметил, что в ряде выступлений он повторял, что американское правительство растрачивает во Вьетнаме ресурсы нации, а американский народ «проигрывает войну против бедности». Провозглашенное президентом Джонсоном «великое общество», «война с бедностью» похоронены на полях сражения во Вьетнаме.

— Расширение войны сужает программы социального обеспечения, заставляет бедноту, белых и негров, нести наибольшее бремя... Мы тратим 322 тысячи долларов для того, чтобы убить одного противника, в то время как мы тратим на так называемую войну с бедностью в Америке только 53 доллара на каждого человека, который попадает под понятие бедного... Я не раз говорил,— подчеркнул Кинг,— что мы должны соединить страсть движения за гражданские права с движением за мир.

В ответ я сказал, что высоко ценю его взгляды и подход к такой важной международной проблеме, как война во Вьетнаме. Это имеет прямое касательство к вопросам советско-американских взаимоотношений. Советский народ искренне стремится

ся к дружбе и сотрудничеству с великим американским народом.

— На пути улучшения отношений между двумя нашими странами,— подчеркнул я,— лежит политика США в Индокитае, в частности агрессия во Вьетнаме. Прекращение войны во Вьетнаме в интересах как американского, так и советского народов. В интересах всего человечества. В этом суть философии политики, ее рациональное зерно. В этом состоит и политическая мудрость.

Кинг улыбнулся:

— Я не претендую на то, чтобы высказываться по проблемам, касающимся всего человечества. Это дело моего друга Ральфа Банча.— И, как бы спохватившись, добавил:— Хотел бы заметить, что я не могу согласиться с рядом ваших высказываний в отношении политики США. Но у меня нет времени вступить с вами в дискуссию. К тому же я не разделяю марксистской философии и марксистской интерпретации истории. Я об этом ясно сказал в моей работе «Шаг к свободе». Если Вы ее прочтете, то Вы поймете, какое расстояние лежит между моими воззрениями и философией, которую исповедуете вы, сторонники Маркса и Ленина.

В ответ я заметил, что у нас с ним есть общее в отношении к марксизму. Мы сходимся в главном — в выявлении корней социальных конфликтов и необходимости добиваться ликвидации неравенства людей. Общий у нас и подход к проблеме мира, прекращения войны во Вьетнаме.

...По вечерам по каналам основных компаний американского телевидения — Си-би-эс, Эн би-си, Эй-би-си идут передачи последних известий.

4 апреля 1968 года по всем каналам на первом месте передавались сообщения из города Мемфиса: убит Мартин Лютер Кинг. Сообщения сопровождались многочисленными кадрами кинохроники из жизни негритянского лидера.

Нельзя забыть кадры, показывающие поход на Вашингтон участников движения за гражданские права в августе 1963 года.

Летом 1963 года города США охватила волна массовых митингов, демонстраций, «походов свободы» с требованием принятия нового закона о гражданских правах. Негритянское движение летом 1963 года охватило широкие слои черных граждан Америки.

Негритянское движение, получившее поддержку и со стороны белых прогрессивных американцев, требовало от правительства решительных шагов для ликвидации расовой сегрегации и дискриминации. В июне 1963 года Кеннеди, учитывая приближающиеся президентские выборы в 1964 году, а также считаясь с реакцией стран Азии и Африки на события в США, пообещал добиться принятия законов, которые бы обеспечили неграм «равные возможности».

Законопроект, внесенный в конгресс, несмотря на свой по-

ловинчатый и непоследовательный характер, вызвал ожесточенную оппозицию со стороны правых конгрессменов. Это еще раз показало негритянским борцам за гражданские права, что даже программа частичного обеспечения прав негров, разработанная правительством, может быть одобрена и стать законом лишь в результате массовой борьбы, нажима снизу.

На съезде Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения была одобрена предложенная Мартином Лютером Кингом тактика «ненасильственных прямых действий», «активного выражения своего протеста», переноса борьбы на улицы, чтобы «даже расисты не могли стрелять среди бела дня в безоружных мужчин, женщин и детей».

В июле 1963 года представители 150 негритянских организаций, собравшиеся в Нью-Йорке, договорились о координации действий, учредили финансовый фонд и утвердили план проведения массового похода на Вашингтон. Поход был осуществлен 28 августа 1963 года. На митинге, состоявшемся у подножия памятника — мавзолея Аврааму Линкольну, собралось более 250 тысяч негров и белых американцев. Здесь были люди различных убеждений и политических взглядов. Они приехали в Вашингтон со всех концов страны. Эмблемой похода были черная и белая руки, пожимавшие одна другую, а девизом слова: «Свобода и работа!»

Нельзя без волнения смотреть кадры, показывающие четвертьмиллионный митинг, громаду темных голов, слушающих речи руководителей похода. Мартин Лютер Кинг выступал последним.

Один из руководителей похода, Филип Рандольф, представляет слово Кингу — «духовному лидеру нации». Шторм аплодисментов и криков пронесется над площадью. Тысячи людей скандируют: «Мартин Лютер Кинг! Мартин Лютер Кинг!» Гул толпы кажется зловещим. И вот над площадью и огромным людским морем плывет глубокий и проникновенный голос Кинга. Это была, пожалуй, его самая эмоциональная и впечатляющая речь, вошедшая в историю борьбы негритянского народа под названием «Есть у меня мечта».

Мощные репродукторы доносили его слова до сотен тысяч людей на площади Вашингтона, по радио и телевидению его слушали миллионы людей по всей стране. Его слова отражали душевную муку миллионов обездоленных черных граждан Америки. Он был обворожительным оратором...

— Столетие назад Авраам Линкольн — великий американец, тень памятника которого символически осеняет нас сейчас, — гремел голос Кинга, — подписал прокламацию об освобождении... Но сейчас, сто лет спустя, мы оказались перед лицом того трагического факта, что негритянский народ все еще лишен свободы. Сто лет спустя жизнь негров еще окутана цепями сегрегации и дискриминации... Вот почему мы пришли сюда сегодня, чтобы привлечь внимание к этому ужасному положению...

Вздых горечи и негодования четвертьмиллионной толпы людей еще больше вдохновляет оратора. Он оставляет текст и говорит с огромным подъемом, от всего сердца:

— Когда основатели нашего государства начертали величественные слова конституции и декларации независимости, они выдали народу своего рода чек... Это было обязательство, гарантирующее людям неотъемлемое право на жизнь, свободу и стремление к счастью... Вместо того чтобы честно соблюдать это священное обязательство, она (Америка.— *Л. К.*) выдала негритянскому народу фальшивый чек, который был возвращен ему с пометкой «недостаточно гарантирован»...

Огромная толпа заворуженно слушала Кинга.

— Есть у меня мечта,— воздев руки к небу, говорил Кинг.— Я мечтаю о том, что в один прекрасный день наша страна возвысится, чтобы жить в полном соответствии с принципом нашего кредо: «Все люди сотворены равными».

Я мечтаю о том, что в один прекрасный день на чудесных холмах Джорджии сыновья бывших рабов и сыновья бывших рабовладельцев смогут сесть рядом за стол братства.

Я мечтаю о том, что в один прекрасный день даже изнемогающий от притеснений и несправедливости штат Миссисипи превратится в оазис свободы и справедливости.

Я мечтаю о том, что в один прекрасный день мои четверо маленьких детей будут жить в стране, где о них будут судить не по цвету кожи, а по цельности их натуры.

...И если Америка должна быть великой страной, эта мечта должна стать явью.

Кинг не призывал только мечтать. Он решительно отвергал пассивное ожидание, настойчиво и страстно призывал бороться против расизма.

В своем «Письме из Бирмингемской тюрьмы», куда он был посажен в апреле 1963 года за отказ прекратить мирные демонстрации, Кинг писал: «По горькому опыту мы знаем, что угнетатели никогда добровольно не предоставят свободу угнетенным — нужно ее потребовать». Именно в этом письме, которое стало одним из его основных программных документов, он объяснил причину перехода к тактике «прямых действий», ибо, подчеркнул он, «в этом городе (Бирмингеме.— *Л. К.*), где вся власть в руках белых, для негритянского сообщества не оставлено никакого другого выхода».

С огромным эмоциональным накалом в своей речи он призывал: «Продолжайте свое дело с верой в то, что незаслуженные страдания принесут свои плоды». Он перечислил южные штаты, где особенно свирепствовал расистский террор: «Возвращайтесь в Миссисипи, возвращайтесь в Алабаму, возвращайтесь в Южную Каролину, в Джорджию и Луизиану, возвращайтесь в трущобы и гетто северных городов, зная, что нынешнее положение может и должно быть изменено. И пусть мы никогда больше не погрузимся в бездну отчаяния».

Одобрением сотен тысяч людей были встречены заключительные слова его речи:

— С каждого бугра и возвышенности пусть звучит колокол свободы!

Когда он закончил, над площадью воцарилась тишина. А затем шквал аплодисментов, криков, тысячи людей в экстазе приветствовали уверенность оратора в конечной победе правого дела.

Кадры кинохроники переносят нас на год вперед.

Октябрь 1964 года. Мартину Лютеру Кингу присуждается Нобелевская премия мира. В декабре того же года ему вручается награда. Кинг в парадном костюме, в широком галстуке с черными и белыми полосами, с доброй улыбкой принимает поздравления норвежского короля.

В своем заявлении в связи с вручением награды Кинг подчеркнул, что присуждением премии оказывается честь не ему лично, а «дисциплине, сдержанности и великолепному мужеству миллионов отважных негров и белых американцев доброй воли, следующих курсом ненасилия, в стремлении установить царство справедливости в нашей стране».

В Атланта, на родине Кинга, ему присваивается звание почетного гражданина, а поблизости, в Сельме, в вестибюле отеля, где ему не посмели отказать в номере, его избивает белый расист.

Присуждение Кингу Нобелевской премии взбесило расистов. По телевидению в траурные дни не показали, что всесильный директор Федерального бюро расследований Эдгар Гувер вскоре после присуждения Нобелевской премии Кингу 18 ноября 1964 года собрал специальную пресс-конференцию. Он заявил журналистам, что Кинг «самый отвязанный лжец во всей стране». Не стесняясь в выражениях, он назвал Нобелевского лауреата, одного из популярнейших людей страны, «выродком».

В августе 1965 года принимается закон о гражданских правах, касавшийся избирательных прав негров. «Но 1965 год не оправдал надежд, которые на него возлагали,— писал Кинг.— Больше число негров зарегистрировалось в качестве избирателей, символически отменена сегрегация в ряде школ, однако нигде и ни в чем этот закон не претворялся в жизнь в широких масштабах... Закон обходят благодаря хитроумным уловкам».

Решительные выступления Кинга против войны во Вьетнаме, за слияние борьбы за гражданские права с борьбой за мир, о чем мы выше говорили, еще больше разожгли ненависть расистов и реакционеров.

3 апреля 1968 года Кинг покидает Атланту, чтобы возглавить борьбу забастовавших мусорщиков в городе Мемфисе. На экране снимок М. Л. Кинга с его друзьями на балконе отеля «Лоррэйш» за несколько минут до рокового выстрела.

По описанию Коретты Кинг, события этих последних минут развивались следующим образом.

Приближалось время идти ужинать. После того как Мартин оделся, он вышел на маленький балкон мотеля, выходящий на небольшую улицу, против ветхого домишки, всего в 200 футах от мотеля.

Один из друзей Кинга, Соломон Джонс, который должен был вести машину вечером, крикнул:

— Становится прохладно, доктор Кинг. Лучше бы Вам взять пальто.

Кинг ответил:

— О'кэй. Сейчас надену.

Пора было идти. Один из лидеров негритянского движения, Ральф Абернети, поспешно вошел в его комнату. В этот момент раздался выстрел. Он прозвучал как треск игрушечной ракеты.

В комиссии палаты представителей США по расследованию убийств Кеннеди и Кинга в ноябре 1978 года было установлено, что оба убийства явились результатом заговора, а не делом убийц-одиночек. В показаниях перед комиссией главный советник комиссии Роберт Блеки обратил внимание на то, что предполагаемый убийца Кинга, уголовник Рей, был выпущен из тюрьмы в Миссури за 11 месяцев до совершения убийства. Еще более важным было его сообщение о том, что, когда Кинг приехал в Мемфис, установленная вначале охрана была отозвана. 3 апреля, когда Кинг приехал в Мемфис, сообщил Блеки, полицейским департаментом Мемфиса к нему была приставлена группа охраны из четырех человек. Но группа была отозвана на следующий день, за час до рокового выстрела.

Незадолго до смерти М. Л. Кинг обратился к своим прихожанам со следующими словами: «Когда я отойду в лучший мир, не вспоминайте о том, что я — лауреат Нобелевской премии, это несущественно... Скажите просто, что я был барабанщиком в борьбе за справедливость и мир, барабанщиком, старавшимся превратить старый мир в новый».

Миллионы людей сожалели о его безвременной гибели. Траурная процессия в Атланте растянулась на несколько километров. Два мула тащили скромную двуколку с гробом М. Л. Кинга. Более 150 тысяч человек шли за гробом в траурной процессии. Телевизионные компании показывали траурную церемонию в течение почти шести часов. 120 миллионов американцев смотрели похороны по телевидению.

К разговору о Кинге, его роли в негритянском движении мне пришлось неожиданно вернуться спустя почти три года после описываемых событий.

В начале 1971 года, будучи заместителем генерального секретаря ООН по политическим вопросам и делам Совета Безопасности, я предпринял поездку по ряду южных штатов по приглашению американской Ассоциации содействия ООН. Мне

было предложено посетить и город Атланту, столицу штата Джорджия. В этом штате наряду с Алабамой особенно активно действуют реакционные и расистские организации.

Признаться, я даже колебался, стоит ли туда заезжать: можно было нарваться на какую-нибудь провокацию.

Но друзья из Ассоциации содействия ООН просили встретиться с активными членами отделения в Атланте, рассказать об ООН. Многим хотелось повидать советского дипломата, хотя я и ехал туда в качестве руководящего сотрудника секретариата ООН, а не советского представителя.

Атланта — большой красивый город с типичными для американского пейзажа небоскребами. Однако большинство из этих небоскребов используются под офисы банков, разного рода фирм, дорогие отели, магазины, рестораны, кафе и т. п. Богатые дельцы, адвокаты, профессора, преуспевающие врачи живут в предместьях, в особняках. Ухоженные лужайки, затейливые ограды; также в предместьях, но в другом районе живет беднота: прижатые друг к другу лачуги, груды мусора на улицах, атмосфера запустения. В начале января в Атланте тепло. Буйная растительность закрывает особняки зеленым покровом.

Подъезжаем к дому руководителя местного отделения Ассоциации содействия ООН Стенли Джонса. Десятки машин во дворе. Хозяин потребовал, как только мы появились, чтобы немедленно, не переодеваясь, шли к гостям.

— Вас ждут более часа почти 100 человек, — сказал Джонс. — Весь цвет города собрался.

В большой гостиной на нас смотрели с откровенным любопытством. Для многих это была первая встреча с советскими людьми. Приглашенные на встречу один за другим подходили к нам, представлялись, пожимали руку, задавали вопросы. Не успев поговорить и пяти минут, отходили. Сзади напирали другие. Собеседники были самые разные: бизнесмены, профессора, врачи, адвокаты, профсоюзные деятели. Негры и белые.

Стенли Джонс сказал, что бывший государственный секретарь США Дин Раск тоже обещал приехать, чтобы повидаться со мной. Мы были с ним знакомы: встречались у Генерального секретаря ООН У Тана, на приемах в Нью-Йорке и других местах.

После прихода к власти Никсона в 1969 году Раск должен был искать работу. В соседнем штате Южная Каролина его зачислили в университет профессором экономики. Однако при получении этой должности Раск встретился с большими трудностями: попечительский совет университета не хотел ему простить, что его дочь вышла замуж за негра. Бывший государственный секретарь смог на собственном опыте познать горечь расистских нравов своей страны. Наша встреча с Д. Раском не состоялась. Он позвонил, что приехать не сможет: заболела жена.

Почти два часа продолжались эти импровизированные ин-

тервью. Большинство относились к нам доброжелательно, проявляли интерес скорее не к работе ООН и моей деятельности как заместителя генерального секретаря Организации, а к жизни нашего народа и политике Советского государства.

Наконец хозяин взял меня под руку и повел в другую комнату, оставив моих спутников в гостиной. В комнате было всего несколько человек.

Хозяин представил меня невысокой, поразительно красивой негритянке. Темно-бордовое платье подчеркивало ее миловидность.

— Коретта Кинг, — назвала она себя, протягивая мне руку.

Это была жена убитого расистами Мартина Лютера Кинга. Фотографии Коретты Кинг далеко не отражали всей ее привлекательности и обаяния. Она, как выяснилось из разговора, специально пришла на прием, чтобы встретиться со мной.

Вспоминая о муже, она сказала, что Мартин всегда говорил о своей готовности отдать свою жизнь за дело, в которое он верит. Он считал, что, полностью посвящая себя служению другим людям, он вдохновляет их на борьбу за осуществление тех целей, которые их движение поставило перед собой. Если у человека ничего нет за душой, ради чего достойно было бы умереть, говорил Мартин своим детям, то ему не стоит жить.

Коретта Кинг говорила спокойно, с достоинством и уверенностью. Ее манеры, стиль речи производили сильное впечатление, вызывали невольную симпатию и уважение.

Коретта Кинг отметила, что, несмотря на неудачи и тяжелый удар по негритянскому движению — убийство ее мужа, активные борцы за равноправие негров не складывают оружие.

— Негритянский народ, — подчеркнула она, — увидел свою силу и возможности. Мой муж не зря отдал свою жизнь. Правительство и конгресс понимают, что они не могут не считаться с волей двадцатичетырехмиллионного негритянского народа. Годы борьбы, прямых ненасильственных действий принесли определенные изменения в положении негритянского населения.

— Когда мы с Мартином вернулись в Атланту более 10 лет назад, — сказала она, — мы и мечтать не могли, чтобы присутствовать на таком приеме, как сегодняшней. Конечно, это далеко не главный показатель. Но несомненно, что пробуждение негритянского народа, возросшая его политическая активность, стремление негров к сплочению заставляют считаться с нами многих политических руководителей США. Они понимают, что без поддержки негров или вопреки голосам негров трудно сделать политическую карьеру или занять руководящий пост губернатора, мэра, члена конгресса и даже президента США. Сейчас, после смерти Мартина, нам трудно. У нас нет общепризнанного и широко известного лидера. Мартин мог, например, осудить войну во Вьетнаме, расовую дискриминацию, призвать к массовым кампаниям неповиновения и др. Этого, к сожалению, не могут себе позволить нынешние лидеры. Они понимают,

что подобного рода заявления дадут властям предлог для репрессий. И мы не уверены, что эти репрессии не сломят определенную часть участников движения за гражданские права.

К нам подошел молодой негр. Энергичное лицо, живые, пытливые глаза. Лицо молодого человека показалось мне знакомым.

— Эндрю Янг,— представился он.

— Помощник и друг Мартина,— добавила Коретта.

Молодой проповедник Эндрю Янг присоединился к движению, возглавляемому Мартином Лютером Кингом, в 1961 году и быстро выдвинулся в число его руководителей.

Характеризуя положение в негритянском движении, сложившееся после убийства Кинга, Янг сказал, что для правильной оценки ситуации нужно хорошо понять смысл оценок, содержащихся в работе Ленина «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме».

— Наше движение,— подчеркнул он,— подвержено многим болезням и трудностям, характерным для развивающегося молодого организма.

В ходе разговора Янг дал интересный анализ не только состояния негритянского движения в США, но и расстановки основных сил в стране и положения двух главных буржуазных партий. Анализируя позиции и перспективы демократов и республиканцев в предстоящей в 1972 году президентской избирательной кампании, Янг подчеркнул, что негры, как и большинство других национальных меньшинств, традиционно поддерживают демократов.

— Мы,— сказал он,— будем добиваться, чтобы в платформе демократов непременно нашли отражение наши требования обеспечения прав негритянского населения в области образования (ликвидация сегрегации), труда (ликвидация существующего неравенства в оплате труда, безработицы и существующего разрыва в соотношении безработных среди белых и негров), представительстве негров в конгрессе США и законодательных собраниях штатов. Мы также требуем уничтожения расовой дискриминации в общественной жизни страны. Без удовлетворения этих требований негры не поддержат кандидатов в президенты и в конгресс ни от демократов, ни тем более от республиканцев.

Это вынуждены были учесть лидеры демократической партии. В предвыборную платформу демократов на выборах 1972 года были включены ряд обещаний, отражавших требования негритянского народа.

На так называемых «первичных выборах» и на съезде демократической партии, когда решался вопрос, кто будет кандидатом от демократов, голоса негров сыграли важную роль в победе сенатора Макговерна в борьбе за выдвижение его кандидатуры в президенты от демократической партии.

Макговерн, несмотря на свою непоследовательность и много-

численные отступления в ходе избирательной кампании, все же выдвинул наиболее радикальную программу реформ в области внутренней политики (в том числе и в негритянском вопросе) и ряд популярных в народе требований в области внешней политики (немедленное прекращение войны во Вьетнаме и вывод всех американских войск из Индокитая и др.). Его либеральная программа напугала боссов его собственной партии, реакционных лидеров профсоюзов, а главное — крупные монополии. И Макговерн потерпел поражение в борьбе за президентское кресло.

На президентских выборах в 1976 году негритянское население поверило широкообещательным обещаниям кандидата от демократической партии Дж. Картера осуществить ряд реформ для улучшения их положения. 92 процента черных избирателей, участвовавших в президентских выборах 1976 года, отдали свои голоса Картеру. Новый президент решил расплачиваться по предвыборным векселям в первую очередь символическими действиями: некоторые негритянские деятели получили посты в государственном аппарате. Одним из них был Эндрю Янг. Его назначение представителем США при ООН политические обозреватели расценили как шаг, призванный укрепить отношения президента с черным населением страны.

Значительно хуже обстояло дело с выполнением обещаний, затрагивающих интересы широких кругов негритянского населения. В декабре 1978 года делегация негритянских лидеров во главе с руководителем Национальной городской лиги Верноном Джорданом заявила после встречи с президентом о своем «глубоком разочаровании» его антиинфляционными планами. Черное население было не менее разочаровано и другими аспектами экономической политики правительства. Оно испытывает все большие трудности в результате роста безработицы, гонки вооружений и сокращения социальных программ, роста цен, уменьшения реальной заработной платы и т. п. Администрация Картера отказалась даже и от своих малозначительных уступок неграм.

Эндрю Янг сыграл определенную роль в проведении внешнеполитического курса Вашингтона на Африканском континенте, однако в правящих кругах США вызвало яростное негодование его откровенное заявление о том, что в США насчитываются сотни, возможно, тысячи политзаключенных. Вероятно, что такое заявление и не вызвало бы столь бурной реакции в Вашингтоне, не будь это в разгар поднятой американским правительством кампании в «защиту прав человека», которую администрация Картера поставила в центре своего политического и идеологического наступления на социалистические и развивающиеся страны.

Янгу простили тогда эту вольность, ограничившись внушением: хотели избежать широкого политического скандала. Видимо, сделали скидку на то, что, как писала столичная влиятельная

газета «Вашингтон пост», Янг — «детище бурных событий 60-х годов», человек, «собирающийся сокрушить основы традиционной дипломатии».

Но ему не простили, когда он задел самый «чувствительный нерв» политики Вашингтона — палестинскую проблему, встретившись с представителем Организации освобождения Палестины. США в угоду Тель-Авиву отрицают неотъемлемые права арабов Палестины на самоопределение вплоть до создания суверенного государства. Израиль и «израильское лобби» в США подняли страшный шум, ибо Э. Янг, возможно не желая того, обнажил двойственную игру американской дипломатии на Ближнем Востоке: провозглашая официально «беспристрастную» политику, Вашингтон на деле ведет произраильскую линию. И Э. Янгу указали на дверь. «Он уходит, — писала „Вашингтон пост“ 28 августа 1979 года, — так же как пришел два с половиной года назад: на фоне бурных и шумных споров, вызванных его личностью».

Уходя в отставку, Э. Янг в просторном интервью заявил о своем расхождении с официальным курсом администрации по широкому кругу важных международных проблем. Э. Янг заявил о своем несогласии с политикой правительства в отношении Вьетнама (высказавшись за установление с СРВ дипломатических отношений), Кубы (сказал, что США должны снять ограничения на торговлю с ней), с планами увеличения военных расходов и создания мобильных ракет «МХ». Он фактически согласился с теми, кто утверждал, что именно США несут главную ответственность за бегство почти миллиона беженцев из Юго-Восточной Азии.

В интервью шведской газете «Гетеборгс постен» 14 марта 1980 года Э. Янг отметил, что от внешнеполитического курса, который был столь широко разрекламирован Картером на выборах 1976 года, «остались одни осколки». Яркая, противоречивая фигура Эндрю Янга мне хорошо запомнилась. Его друзья верят в то, что он найдет правильный путь в жизни, борясь за интересы своего народа, за предоставление неграм подлинных гражданских свобод, политических и экономических прав, прав на социальный прогресс и благополучие.

Перед отъездом из Атланты мы попросили гостеприимных хозяев отвезти нас на могилу Кинга. Он был похоронен на окраине города, на старом кладбище, где во времена рабства хоронили черных рабов.

Кусок пустыря огорожен невысоким деревянным палисадником. Небольшая надпись гласила: «Могила и парк памяти Мартина Лютера Кинга». У скромной могилы горит вечный огонь, лежат завядшие цветы, несколько недавно посаженных хилых деревьев.

Спутники объяснили: по стране идет сбор средств. Когда необходимые суммы будут собраны, будет поставлен памятник и разбит парк. Но пока...

Спустя несколько лет скромный памятник, состоящий из нескольких светлых прямоугольных плит и гранитной глыбы, был поставлен. В центре выбиты слова:

«МАРТИН ЛЮТЕР КИНГ, МЛАДШИЙ,
1929—1968

*Наконец свободен, наконец свободен,
благодарение всевышнему, я наконец
свободен».*

Мартин Лютер Кинг добился свободы лишь после своей смерти.

В десятую годовщину смерти Кинга в Мемфисе состоялась митинг и демонстрация в память о выдающемся лидере. Президент американской федерации государственных и муниципальных служащих Джерри Уурф заявил:

— Мы никогда не забудем, что Кинг боролся не только за интересы трудящихся Мемфиса, но и за свободу рабочих всей страны. За десять лет горечь утраты немного притупилась, но острота борьбы и вклад в нее Кинга остались в полной мере живы.

Коретта Кинг и ее друзья возложили цветы на могилу Мартина Лютера Кинга. Коретта заявила, что «нужно еще много сделать, чтобы в полной мере осуществить мечты Мартина».

Выступления на юге США весной 1980 года негритянского населения, доведенного до отчаяния расовой дискриминацией, безработицей, жестоким угнетением, являются яркой иллюстрацией к этим словам. Кровавую расправу учинили власти США над негритянским населением в городе Майами (штат Флорида) в мае 1980 года. Эндрю Янг справедливо заявил, что нужно судить не только полицейских — убийц негра Макдафи, оправдание которых послужило каплей, переполнившей чашу терпения негритянского населения, а «судить нужно всю систему» расизма и притеснения национальных меньшинств в США.

В апреле 1964 года в составе делегации общества «СССР—Япония» мне довелось посетить Японию. Разбившись на три группы, члены делегации выехали в различные районы страны. Мне представилась возможность посетить остров Сикоку, а затем Хиросиму. О Хиросиме написаны тысячи книг.

Прошло почти 20 лет после атомной бомбардировки города. Но в центре его сохранился остов банка, над которым произошел взрыв атомной бомбы. На ступеньках здания видна выжженная тень человека, растворившегося в атомном взрыве. Еще более потрясает музей атомной бомбардировки: муляжи растерзанных взрывом людей, золотые часы с расплавленными стрелками, застывшими на цифре 8 часов 16 минут — момент атомного взрыва, лаконичные цифры, сообщающие о гибели более 70 тысяч человек в течение нескольких мгновений и десят-

ках тысяч пораженных, страдающих от лучевой болезни и поныне.

В центре площади — памятник жертвам атомной бомбардировки с гирляндами бумажных журавликов — символами жизни и счастья. С большим венком из цветов, увитых лентой с надписью: «В память жертв Хиросимы. От общества „СССР — Япония“», я подошел к памятнику.

Передо мной, тоже с венком, легкой спортивной походкой шел среднего роста человек. Когда, возложив венок, он отошел от памятника, я прочел на ленте: «От Ричарда Никсона». Никсон с интересом оглянулся на мой венок. Надпись была сделана по-японски, поэтому он не понял, кто я, и спросил по-английски:

— Кто вы и откуда?

Услышав ответ, Р. Никсон сказал:

— Вот видите, мы совсем с разных полюсов, но чтим память жертв Хиросимы... А я был в вашей стране. И надеюсь еще раз побывать в Москве.

В ответ я заметил:

— В моей стране всегда хорошо принимают гостей, если они приезжают с добрыми намерениями.

Никсон сделал вид, что не понял намек по поводу его визита в Москву в 1960 году, когда он, будучи вице-президентом США, далеко не показал добрых чувств к нашей стране.

В 1964 году Никсон был уже не тот. На президентских выборах в ноябре 1960 года американские избиратели отдали предпочтение его сопернику Джону Кеннеди. Никсон выставил свою кандидатуру на губернаторских выборах в Калифорнии в 1962 году — и опять поражение. Никсону пришлось пересмотреть свои прежние политические взгляды, укладывавшиеся в рамки догм и представлений «холодной войны». Многие политические обозреватели считали, что песенка Никсона спета. После двух таких провалов трудно рассчитывать на политическую карьеру. Но Никсон не терял веры в свою звезду.

В 1967 году на страницах американских газет вновь замелькало имя Никсона как возможного кандидата в президенты от республиканцев. Его главным соперником на съезде республиканской партии в Майами в августе 1968 года был Нельсон Рокфеллер из династии богатейших людей Америки, губернатор штата Нью-Йорк. Съезд республиканцев высказался в пользу Никсона.

Руководство демократов, опозоренных вьетнамской политикой Джонсона, не смогло найти кандидата, который бы порвал с дагубной линией администрации Джонсона, ясно и категорически заявив, что вьетнамская война, столь непопулярная в американском народе, была грубейшей ошибкой правительства, что новый президент немедленно положит ей конец.

Вице-президент Хэмфри, выдвинутый кандидатом в президенты от демократов, был слишком тесно связан с Джонсо-

ном. У него не хватило политического мужества заявить во всеуслышание, что он даст американскому народу новую политику. Выступавший с такой программой Роберт Кеннеди был убит в результате совершенного на него покушения.

Во время съезда демократов в Чикаго полиция устроила кровавую расправу над молодежью и радикально настроенными элементами, которые добивались, чтобы съезд четко и недвусмысленно дал обещание немедленно прекратить войну. Расправа показала избирателям, что в случае сохранения у власти демократов надежд на решительный поворот во внешней и внутренней политики нет.

Республиканцы этим воспользовались.

Р. Никсон заявил, что в случае избрания он вернет «наших парней» домой и прекратит войну во Вьетнаме. Никсон дал обещание перейти от эры конфронтации и противоборства с социалистическими странами на путь поисков взаимопонимания и сотрудничества.

Это принесло победу Никсону. В начале января 1969 года, уже избранный президентом, Никсон посетил штаб-квартиру ООН. В небольшом конференц-зале У Тан устроил прием в честь нового президента.

Никсон вошел в зал энергичной походкой. Подтянутый, худощавый, со свежим загаром на лице (он только что прибыл из Флориды, где отдыхал после избирательной кампании), президент излучал уверенность, здоровье и прекрасное настроение. Его сопровождали будущий государственный секретарь Уильям Роджерс и специальный помощник по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджер.

У Тан стал представлять собравшихся. Никсон с привычным для многих американских политических деятелей умением держался уверенно, оживленно говорил каждому что-либо приятное.

Подойдя ко мне, У Тан сказал:

— Это мой заместитель по политическим вопросам и делам Совета Безопасности господин Кутаков, дипломат, ученый, специалист по проблемам Дальнего Востока, опубликовал ряд книг по внешней политике и дипломатии Японии.

Никсон протянул мне руку и, как показалось, узнал меня.

— Япония очень интересная страна, — сказал он, — не правда ли? Нельзя ли мне получить ваши книги?

Рядом со мной стоял представитель Венгрии при ООН посол Чаттордай.

Никсон был верен себе.

— Я был в Будапеште, — сказал он. — Очень красивый город. Я надеюсь еще раз посетить вашу прекрасную страну.

Естественно, Чаттордай ответил:

— Господин президент, мы будем рады приветствовать Вас в Будапеште.

С каждым из представленных ему гостей Никсон обменивал-

ся несколькими фразами. Он хотел понравиться каждому из своих собеседников.

Обойдя гостей, Никсон произнес небольшую речь.

— Мне было очень приятно,— сказал он,— встретиться с членами Совета Безопасности и руководством секретариата ООН. Мы придаем большое значение этой всемирной организации и будем способствовать ее деятельности. Я был рад встретиться здесь с моим старым другом У Таном. Мы подружились с ним более десяти лет назад. Я тогда был вице-президентом США, а У Тан — начинающим дипломатом, который меня сопровождал в поездке по Бирме. Тогда мы оба были молоды. И даже камни, которые в нас бросали, казались нам легкими... С тех пор мы оба подросли. Возросла наша ответственность за судьбы мира, стран и народов. Но я надеюсь, что наша дружба с У Таном будет продолжена в интересах мира и безопасности.

Но надежды Никсона на то, что У Тан изменит свою принципиальную позицию по вопросу о Вьетнаме, по урегулированию ближневосточного конфликта и политике США в отношении расистских режимов Родезии и ЮАР, не сбылись.

...В сентябре 1969 года на XXIV сессии ООН Никсон выступил перед Генеральной Ассамблеей. Его речь содержала ряд интересных моментов, показывающих, что Никсон и его окружение, прежде всего Киссинджер, начинают «мучительно пересматривать» многие внешнеполитические догмы, более реалистически подходить к сложившемуся в мире соотношению сил. Но основным лейтмотивом речи Никсона являлось стремление привлечь ООН к решению вопроса о вьетнамской войне в интересах американского империализма.

В этом ничего нового не было. Аналогичные попытки не раз предпринимались администрацией Джонсона.

Речь Никсона не произвела впечатления на делегатов. Слишком очевидна была попытка получить поддержку ООН для того, чтобы навязать народу Вьетнама условия, выгодные США.

Вечером в самом известном в Нью-Йорке фешенебельном отеле «Уалдорф Астория» от имени президента США был дан прием для делегаций, прибывших на XXIV сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Прием был обставлен весьма помпезно.Guestы встречали государственный секретарь США У. Роджерс и начальник протокольного отдела Белого дома.

Когда гости собрались, раздались звуки фанфар, заиграл оркестр, и диктор торжественно объявил:

— Президент Соединенных Штатов Америки.

Никсон в сопровождении жены и Роджерса взошли на специально подготовленное возвышение, украшенное американскими государственными флагами. Никсон, как всегда, выглядел бодрым, подтянутым.

Начальник протокольного отдела представлял подходивших гостей. Никсон говорил каждому несколько банальных фраз.

Дошла очередь до меня.

Никсон взглянул и сказал:

— А я вас помню. Вы специалист по Японии. Пишете о ней книги.— И затем по-русски добавил: — Мне было очень приятно с вами встретиться.

Я заметил:

— Господин президент, вы делаете большие успехи в изучении русского языка.

Никсон ответил по-английски:

— К сожалению, для этого у меня мало времени. Слишком много обязанностей и дел.

Никсон, как видно, серьезно подходил к отношениям с Советским Союзом, готовился к повороту во внешней политике США. Сотрудник политического департамента секретариата ООН американский профессор Д. Штоссинджер опубликовал книгу «Страны на распутье: Китай, Россия, США»⁵. На исторических примерах он доказывал необходимость изменения политики США в отношении СССР и Китая. Спустя несколько месяцев Штоссинджер показал мне письмо от Г. Киссинджера. Президент просил передать автору, что он разделяет его взгляды на политическую линию США в отношении СССР и Китая.

В Вашингтоне не могли не считаться с такими фактами, как неуклонный рост экономического и оборонного могущества СССР, непрерывное изменение соотношения сил на международной арене в пользу социализма и в ущерб империализму. Сторонники более трезвой политики в США понимали величайшую опасность и губительные последствия, которые бы имел термоядерный конфликт между крупнейшими государствами мира — СССР и США. Дальновидные политические деятели в США, влиятельные деловые круги, широкая общественность все яснее понимали необходимость мирного сосуществования двух общественных систем, сотрудничества между СССР и США.

На протяжении долгого времени советско-американские отношения складывались сложно. Понадобилось немало усилий со стороны Советского Союза, чтобы заложить базу для их позитивного развития. Советский Союз последовательно сочетает в своей политике твердый отпор агрессивным поползновениям империализма с конструктивным подходом к назревшим международным проблемам. Большая предварительная работа, потребовавшая настойчивости, терпения, выдержки, привела к встречам на высшем уровне в Москве и Вашингтоне (1972—1974).

Эти встречи и подписанные советско-американские договоры и соглашения («Об основах взаимоотношений между СССР и США», «Об ограничении систем противоракетной обороны», «О мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений», «Соглашение о предотвращении ядерной вой-

⁵ J. Stoessinger. Nations in Darkness: China, Russia and America. N. Y., 1971.

ны», ряд договоров и соглашений по развитию отношений в сфере экономики, науки и культуры) явились важными шагами на пути к уменьшению угрозы возникновения ядерной войны, к решению спорных вопросов путем переговоров, оздоровлению всей международной обстановки.

...После официального представления Никсону гости, как это принято, разбились на небольшие группки. Делились впечатлениями, последними политическими новостями.

Мы обменялись несколькими фразами с Киссинджером. Он спросил:

— Какое впечатление от речи президента? Нам пришлось над ней много поработать.

В ответ я сказал:

— Есть некоторые новые идеи. Но в том, что касается Вьетнама, позитивных моментов не заметил.

Киссинджер усмехнулся:

— Всеу свое время.

По поручению генерального секретаря ООН нередко приходилось представлять Организацию при подписании в Вашингтоне важных международных соглашений. На этих официальных церемониях присутствовал и президент Никсон.

До 1973 года он, казалось, не менялся — такой же уверенный в себе, подтянутый, легкий, внешне доброжелательный. Интересовался делами ООН.

Его активность во внешней политике — поворот в отношениях с СССР — привела к заключению ряда важнейших соглашений, снискала ему популярность в народе, обеспечила большой успех на президентских выборах 1972 года.

Однако этот политический капитал был вскоре растрочен. Желание удержаться у власти любой ценой привело к «уотергейтскому скандалу», злоупотреблениям властью в целях сокрытия преступных действий его помощников в период президентских выборов в 1972 году. Борясь за власть и влияние, другие группировки правящих классов США вынудили Никсона в августе 1974 года уйти в отставку с поста президента.

Как-то осенью 1966 г. вместе с представителем СССР при ООН Н. Т. Федоренко был приглашен на прием и я. Ленч давал председатель правления «Чейз Манхэттен Бэнк» Дэвид Рокфеллер по случаю открытия нового офиса. Имя Рокфеллеров окружено в США, да и во всем капиталистическом мире определенным ореолом. Семейству Рокфеллеров принадлежат третий по значению банк Америки, крупнейшая нефтяная компания «Стандард ойл», крупные инвестиции в Латинской Америке и на Ближнем Востоке и многие другие фирмы и корпорации. Богатства Рокфеллеров исчисляются десятками миллиардов долларов. Брат Дэвида Нельсон Рокфеллер был в то время губернатором штата Нью-Йорк, одного из самых крупных и

богатых в стране, и, как говорили, претендовал на кресло президента США. До этого он был заместителем государственного секретаря США по вопросам Латинской Америки. В 1968 г. он имел большие шансы быть кандидатом республиканцев на пост президента. Лишь на последнем этапе, на съезде партии в августе, его обошел Р. Никсон. Позднее, в 1974 г., он стал вице-президентом США. Другой брат, Уинтроп, был губернатором штата Арканзас. Не меньшим, чем Нельсон, влиянием пользовался Дэвид Рокфеллер, активно занимавшийся международными делами. Граница между его политическими интересами и интересами «Чейз Манхэттен Бэнк» не прослеживается четко. «То, что хорошо, для „Чейз Манхэттен Бэнк“, то хорошо для Америки» — таков девиз Рокфеллеров.

Д. Рокфеллер входил в Национальный совет по американо-китайским отношениям, созданный в середине 60-х годов, а в середине 70-х годов он был одним из инициаторов образования «Трехсторонней комиссии», состоявшей из представителей деловых, общественных и научных кругов США, Западной Европы и Японии. В «Трехстороннюю комиссию» входили, в частности, от США будущие президент Картер, государственный секретарь Г. Киссинджер, помощник президента Картера по национальной безопасности З. Бжезинский и др. Эта комиссия вырабатывала важные рекомендации для правительств ведущих капиталистических держав.

Вернемся, однако, к приему. При входе в большой зал, расположенный в цокольном этаже 60-этажного небоскреба, стояли трое мужчин и приветствовали входивших. Одеты они были почти одинаково — в темно-серые легкие стандартные костюмы. Один из них, стоявший посередине, невысокого роста, выделялся, пожалуй, лишь своим ярко-красным галстуком. Гости подходили и пожимали руки всем трем.

Кто из них хозяин? Я не имел понятия. Я пожал, как и другие гости, руку каждому из встречавших, назвал себя.

В большом зале, как это часто бывает на приемах «бафшетленч» (т. е. завтрак у буфета, без рассадки), направо от входа стояли большие столы с закусками и горячими блюдами. Каждый из гостей подходил к столу, и одетые в белые халаты и шапочки повара накладывали на тарелку то или иное кушанье по усмотрению гостей. У столов сгруппировались небольшие группы гостей. Вместе со знакомым мне нигерийским послом, вождем⁶ Адебо, подошли к столу. Недалеко от нас оказался человек с красным галстуком. Из разговора я понял, что это и был Дэвид Рокфеллер. Он не был похож на своего старшего брата Нельсона, с которым я ранее встречался. Дэвид вежливо улыбался своему собеседнику тонкими губами. Бледное, чуть одутловатое лицо почти не менялось. Не-

⁶ Титул, принятый в Нигерии для высокопоставленных представителей различных племен.

большие, глубоко посаженные темные глаза смотрели холодно. Видно было, что собеседник — посол одной из африканских стран и его слова мало интересовали банкира.

Взяв в обе руки тарелки с блюдами, мы сели за ближайший столик. К нам подсел и Д. Рокфеллер. Завязался общий разговор. Рокфеллер проявил большой интерес к начавшейся в Китае «культурной революции». Мое утверждение, что эта так называемая «культурная революция» ничего общего не имеет с культурой и преследует чисто политические, узкокорыстные интересы группы Мао Цзэдуна, вызвало интерес у Д. Рокфеллера. Он начал спорить со мной и подошедшим к нам послом Н. Т. Федоренко. Д. Рокфеллер заявил, что это движение принесет обновление китайской политической жизни, скованной рамками тоталитаризма, пробудит общественные силы и поможет Китаю превратиться в современное государство.

В разгар разговора какой-то молодой парень, которого я раньше не видел, подошел к столу и хлопнул по плечу хозяина. Тот обернулся, не закончив фразы. Увидев наши негодующие взгляды, незнакомец несколько смутился.

— Извините,— сказал он.

— И не думаю извинять,— резко ответил Н. Т. Федоренко.— Вы видите, мы заняты важным разговором.

Незнакомец, несколько оторопев, отошел. Я спросил:

— А кто этот столь энергичный джентльмен?

— А,— отмахнулся Рокфеллер,— это один из моих служащих.

Подошла негритянка-официантка и стала из большого чайника наливать каждому кофе. Скоро кофе в чайнике кончился. Мне, Рокфеллеру и нигерийскому послу кофе не досталось. Официантка, не говоря ни слова, отошла.

— Она сейчас принесет новую порцию,— успокоил нас хозяин.

«Демократизм» миллиардера был продемонстрирован во всей красе.

В ходе дальнейшего разговора Д. Рокфеллер, касаясь деятельности Совета по американско-китайским отношениям, утверждал, что за Китаем большое будущее, что Китай, изменив там условия, станет огромным рынком для США и других западных стран. Разрыв с Советским Союзом, заявлял банкир, на пользу Китаю. Китай станет открытой страной для всего западного мира...

Вряд ли необходимо перечислять те катастрофические последствия, которые принесла «культурная революция» китайскому народу. Развитие Китая было задержано на многие десятилетия.

Рокфеллер не скрывал своего наслаждения властью, говорил весело, как и подобало представителю такой семьи и положению главы крупнейшего в США банка.

Я встречал Дэвида Рокфеллера позднее: на приемах, кото-

рые он давал, то в честь глав дипломатических миссий, руководства секретариата ООН, то по другим поводам. Кабинет и залы для приемов у Рокфеллера помещались на верхних этажах нового небоскреба, на открытии которого, как уже указывалось, я присутствовал. Коридоры и приемная хозяина были увешаны картинами художников разных эпох и направлений. Д. Рокфеллер в 1970 году устроил большую выставку картин Пикассо периода кубизма. На выставке были картины Пикассо из собрания Эрмитажа, присланные из СССР по его просьбе.

Встречал я Д. Рокфеллера и на заседаниях Совета по международным отношениям — частной организации, в которой участвовали многие видные политические и общественные деятели: государственные секретари Раск, Роджерс, Киссинджер, помощники президента по национальной безопасности М. Банди, Ю. Росту и крупные ученые. Это «мозговой трест монополий». Здесь вырабатываются важнейшие доктрины американской внешней политики.

На фотографиях Д. Рокфеллера часто можно было видеть вместе с главами государств и правительств. В марте 1981 года корреспондент «Уолл-стрит джорнэл» спросил его:

— Вас критиковали за то, что вы имеете даже более свободный доступ к главам тех или иных государств, чем высокопоставленные должностные лица правительства США. Не считаете ли вы неуместным для делового человека быть слишком причастным к политической жизни?

Рокфеллер ответил:

— Я не вижу тут ничего неуместного. Я не считаю, что встречаться с главами государств неуместно. В конце концов они сами решают, хотят они меня видеть или нет. Я им не навязываюсь, и большинство из них, как мне кажется, считают, что обмен мнениями с бизнесменом, который много путешествует и много знает, может быть полезен. Это дает им возможность увидеть вещи в ином свете, чем в результате бесед с дипломатами или должностными лицами правительства.

Корреспондент стал настойчиво выспрашивать Рокфеллера о его отношении к Китаю, учитывая, что отказ китайцев в 1980—1981 годах от ранее взятых экономических обязательств вызвал большое недовольство среди деловых кругов США, Японии и других западных держав.

— «Чейз Манхэттен Бэнк», — сказал корреспондент, — активно поощряет связи с Китаем, однако, вообще говоря, создается впечатление, что первоначальная эйфория американских деловых кругов в связи с возможностями китайского рынка сейчас пошла на убыль. Имеются ли у вас какие-нибудь соображения насчет того, когда КНР станет представлять собой активный торговый рынок для США?

Рокфеллер ответил:

— Я, должен признаться, никогда не верил, что торговля

с Китаем станет для нас в ближайшем будущем невероятно прибыльным делом, и я абсолютно убежден, что эйфория, возникшая года два назад, не имела под собой реальной почвы. Более медленные темпы развития наших деловых связей отвечают интересам Китая. И все же я считаю, что, учитывая культурное наследие Китая и численность его населения, достигающую одного миллиарда человек, ему предстоит играть важную роль в мире. Думаю, что через какое-то время, лет через пять-десять, наши деловые связи с Китаем станут гораздо более широкими...

В начале 70-х годов в Организацию Объединенных Наций в результате сопротивления западных держав не входили ГДР и КНР, не являлась членом ООН и ФРГ. Советский Союз исходил из того, что в Организацию должны быть приняты одновременно два немецких государства — Германская Демократическая Республика и Федеративная Республика Германии. ФРГ активизировала свою деятельность в ряде специализированных международных организаций, как бы готовя свое вступление в ООН. Постоянным наблюдателем ФРГ при ООН сначала был фон Браун, брат известного американского специалиста в области ракетно-ядерного оружия⁷, а затем Гелхоф, близкий к германскому канцлеру В. Брандту человек. Они активно развивали контакты с представителями различных стран при ООН. Министр иностранных дел ФРГ Вальтер Шеель, не упускавший возможности побывать в Нью-Йорке, присутствовал на каждой сессии Генеральной Ассамблеи. Здесь он встречался с главами правительств, министрами иностранных дел других государств, обычно приезжавших на открытие сессии Генеральной Ассамблеи ООН и для участия в общей политической дискуссии. Приехал он и на XXVI сессию Генеральной Ассамблеи ООН, на которой одним из главных был вопрос о восстановлении прав КНР в ООН.

Как это принято в дипломатической практике, постоянный наблюдатель ФРГ при ООН Гелхоф устроил ленч в честь своего министра. Ленч был дан в резиденции западногерманского представителя. Резиденция помещалась на одной из центральных улиц Нью-Йорка, 57-й стрит, в небольшом старинном особняке, зажатом между двумя высокими зданиями. Гостями были представители ряда западных и латиноамериканских стран, пользовавшихся наибольшим влиянием в кругах ООН (Англии, Франции, США, Бельгии, Аргентины, Бразилии и др.). Естественно, что Шеель был в центре внимания. Его светло-серые глаза оживленно сверкали, он сыпал шутки, рассказывал забавные истории. Когда общий поток разговора за столом, как это обычно бывает на дипломатических встречах, разбился на маленькие ручейки, мы разговорились с министром. Мое место

⁷ Вернер фон Браун эмигрировал из Германии в США в 30-е годы.

было прямо напротив Шееля. Неширокий стол позволял свободно вести беседу, не напрягая голоса и не привлекая внимания других собеседников.

Вначале мы перекинулись несколькими шутками, а затем разговор перешел в сферу политических проблем.

— Господин министр,— заметил я,— время от времени Вы появляетесь в Нью-Йорке и не забываете нашу организацию. Когда же министры иностранных дел двух германских государств будут приезжать на Генеральные Ассамблеи ООН на регулярной основе, как члены Организации?

— Мы не торопимся вступать в Организацию,— ответил Шеель.— Нам надо прежде всего решить свои внутригерманские проблемы.

— Вы имеете в виду отношения с другим германским государством? — спросил я.

— Да,— жестко ответил Шеель,— отношения с Восточной Германией. Когда мы урегулируем с ней все спорные вопросы, тогда мы и подадим заявление о приеме в ООН. Я не сомневаюсь,— усмехнулся Шеель,— что Восточная Германия сделает то же самое.

— Не странно ли,— вмешался в разговор Гелдхоф,— что имеются два правительства в одной стране? Один из руководителей правительства Восточной Германии, Альберт Норден, родился со мной в одном городе и учился в той же начальной школе, что и я. А сейчас... мы вроде бы в разных государствах, хотя говорим на одном языке, имеем одну культуру, искусство, религию...

— Вы действительно живете в разных государствах,— заметил я.— Он, Норден, в социалистической Германской Демократической Республике, а вы в капиталистической Западной Германии. И вряд ли вопросы участия двух различных германских государств в международной жизни следует связывать с проблемой объединения Германии. Вы хорошо знаете, что такая возможность была в первые годы после окончания войны. Но ни западногерманские политические деятели, ни западные державы не захотели использовать эту возможность...

— Вряд ли стоит продолжать спор, господа,— вмешался французский посол Костюшко-Моризье.— Это старая история... Ее мы сейчас не решим, но столь прекрасный ленч испортим. Лучше давайте наслаждаться искусством немецкого повара, чем немецким или русским красноречием...

Шеель кивнул головой:

— Я согласен с французским послом. Ленч прекрасный, но я хотел бы отметить лишь одно обстоятельство. В Уставе ООН содержатся некоторые дискриминационные положения в отношении Германии⁸. И мы, немцы, должны это учесть. Но это проблемы будущего. Здесь не место для политических дискус-

⁸ В Уставе ООН (статья 107) предусматривается возможность вооруженного подавления войсками членов ООН возрождения германского фашизма.

сий. Когда мы в свое время будем вступать в Организацию, то я обещаю все это высказать с трибуны Генеральной Ассамблеи...

Французский посол сказал, что он надеется получить удовольствие от этой речи в будущем, а сейчас предпочитает выпить мозельское вино за будущий вклад Восточной и Западной Германии в работу Организации.

В 1973 году на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ГДР и ФРГ стали членами ООН. Это было важным дипломатическим успехом социалистического германского государства, признанием его возросшей роли в международных делах.

Дважды в год руководители специализированных учреждений ООН встречаются с генеральным секретарем для обсуждения вопросов, представляющих общий интерес, и выработки координированной политики. Эти совещания носят название Административного координационного комитета (АКК).

На совещаниях в узком составе (только руководители специализированных учреждений и два-три заместителя генерального секретаря ООН) обсуждаются важные политические вопросы, например об отношении к Китаю (до восстановления прав КНР в ООН), об отношениях с ГДР и КНДР, которые в течение многих лет подвергались дискриминации в международных организациях.

Обсуждались вопросы об оказании помощи жертвам агрессии во Вьетнаме, жертвам стихийных бедствий в Никарагуа в 1972 году, помощи жертвам гражданской войны в Восточном Пакистане и Бангладеш в 1970—1971 годах.

Первое совещание обычно проводится весной в штаб-квартире одного из специализированных учреждений, второе — в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, как правило, в октябре, во время Генеральной Ассамблеи. Это дает возможность руководителям специализированных учреждений присутствовать на заседаниях Ассамблеи, выступать с заявлениями в комитетах, отчитываться о ходе реализации тех или иных рекомендаций Генеральной Ассамблеи. Так, Международное агентство по атомной энергии, которое, строго говоря, не является специализированным учреждением ООН, но входит в «семью ООН», ежегодно представляет Генеральной Ассамблее на утверждение свой отчет, доклады о выполнении рекомендаций Ассамблеи, в частности по вопросам использования ядерных взрывов в мирных целях, об осуществлении рекомендаций конференции государств, не обладающих ядерным оружием, и др.

Правительства стран, на территории которых проходят эти совещания, придают им важное значение. Это и понятно, если вспомнить, что среди участников совещаний руководители Международного банка реконструкции и развития (этот банк, как известно, располагает миллиардными суммами для вложений в экономику иностранных государств под видом помощи),

Международного валютного фонда — организации, призванной регулировать валютные взаимоотношения между капиталистическими странами (важность ее особенно велика в период расстройств платежно-расчетного механизма Запада и усиления противоречий между основными капиталистическими государствами по вопросу о валютной системе в отношении национальных валют европейских стран к доллару, переживавшему острый кризис и потерявшему свою былую прочность), Всемирной организации здравоохранения (тоже располагает немалыми финансовыми и людскими ресурсами для оказания помощи в случае эпидемий или другого рода стихийных бедствий), Всемирной продовольственной организации (имеет в своем распоряжении значительные фонды продовольствия) и других организаций.

От позиции руководителя каждой из названных организаций немало зависело в плане получения государствами экономической или финансовой помощи.

В апреле 1969 года совещание АКК было созвано в штаб-квартире Всемирной продовольственной организации (ФАО) в Риме. После начала работы АКК мы получили приглашение встретиться с папой римским Павлом VI. Это не было неожиданностью. Папа Павел VI в октябре 1966 года специально прилетел в Нью-Йорк для того, чтобы выступить на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. И это несмотря на преклонный возраст и в нарушение традиций папского престола. Папа, таким образом, отдавал себе отчет в том значении, которое имеют международные организации — ООН и ее специализированные учреждения.

Папа Павел VI и его окружение понимали, что старые нормы и закостенелые традиции, пронизывающие политическую и идеологическую доктрины католицизма, оказались неадекватными новой эпохе, пришли в явное противоречие с ее требованиями. Вставала проблема радикальной трансформации всех видов деятельности церкви.

Совокупность социальных, экономических, политических, идеологических процессов и явлений современной эпохи поставила перед руководством церкви задачу сохранить свои позиции в новых исторических условиях, обеспечить влияние на массы, остановить их отход от религиозной веры, упрочить свое положение в сложной и противоречивой жизни современного общества.

Встреча с участниками сессии АКК была одним из эпизодов борьбы церковной иерархии за приобщение к современной жизни, к потребностям народов развивающихся стран.

...Более суматошного и неорганизованного движения на улицах, чем в Риме, найти, пожалуй, невозможно. Масса машин, узкие старые улицы делают организацию уличного движения неразрешимой проблемой.

Аудиенция у папы Павла VI была назначена на 11 часов

28 апреля 1969 года. Заседание закончилось в 10.30. Казалось, мы опоздаем по крайней мере на полчаса. Но отчаянно гудевший и трещающий эскорт мотоциклистов обеспечил нам возможность прибыть к ватиканскому дворцу ровно к 11 часам.

Ватикан — уникальное карликовое государство, возглавляемое папой римским. Оно имеет свою охрану, свои законы, гражданство, особые цены и т. п.

У входа в Ватикан рослые папские гвардейцы, нанятые в Швейцарии, в ярко-полосатых костюмах отдавали нам честь. Костюмы швейцарских гвардейцев и по сей день изготавливаются по рисункам, сделанным еще Микеланджело.

Встреча с папой состоялась в скромно обставленной небольшой комнатке, в центре которой стояла трибуна с микрофоном, а по бокам — два небольших столика для приближенных к папе лиц.

Лицо папы выглядело загоревшим, поблескивали живые и умные глаза. Энергичной легкой походкой он прошел на трибуну и предоставил слово У Тану. Генеральный секретарь ООН произнес речь, в которой рассказал об основных проблемах, стоявших перед сессией Административного координационного комитета. После этого выступил папа. В довольно длинной речи, которую он произнес по-французски, Павел VI поддержал высказывания, сделанные генеральным секретарем, и заявил о том, что Ватикан приложит все старания к тому, чтобы программа второго десятилетия развития ООН осуществлялась успешно, способствовала бы повышению материального уровня жизни народов, привела к ликвидации нищеты и бедности на земле.

В середине 60-х годов в деятельности Организации Объединенных Наций наметилась определенная тенденция к постепенному перемещению центра тяжести с главных, т. е. политических проблем на социально-экономические и научно-технические вопросы, хотя и важные по своему значению, но имеющие подчиненный, вспомогательный характер с точки зрения основной задачи ООН — поддержания мира и безопасности. Эта тенденция заметно усилилась в конце 60-х годов. В 1969—1970 годах на проведение социально-экономической деятельности ежегодно расходовалось до 85 процентов бюджета Организации. На осуществление политических мероприятий затрачивалось менее 15 процентов бюджетных средств. В замечаниях папы римского проскальзывала мысль о целесообразности дальнейшего увеличения доли расходов ООН на социально-экономические нужды.

Затем состоялась беседа папы с У Таном. В ней приняли участие трое заместителей генерального секретаря ООН. Комбинация была довольно своеобразной. Из собеседников Павла VI лишь француз де Сейн, заместитель по социально-экономическим вопросам, был католиком. Остальные были или атеистами, или полуатеистами (У Тан мне говорил, что он разде-

ляет лишь философскую сторону буддизма и не является религиозным человеком).

Папа, конечно, был хорошо осведомлен об этом, поэтому беседа имела сугубо деловой, целенаправленный характер. Павел VI хотел показать, что проблемы, волнующие народы и находящиеся в той или иной мере отражение в деятельности ООН и ее учреждений, не чужды «наместнику Христа» и что он, насколько это в его силах, готов содействовать той линии деятельности ООН, которая укладывается в рамки поддержания мира на земле, оказания помощи страдающим народам. Было ясно, что папа хорошо знаком с деятельностью ООН, ее структурой, с возможностями специализированных учреждений Организации.

В заключение встречи папа наградил нас серебряными медалями с его барельефным изображением, искусно сделанными в форме большой серебряной монеты.

Серебряный юбилей ООН

В октябре 1970 г. исполнялось 25 лет существования ООН. В юбилейных торжествах и политической дискуссии выступили министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, президент США Р. Никсон, премьер-министр Индии Индира Ганди, президент Мавритании, председатель Организации африканского единства Уль Дада и др. Всего 70 глав делегаций.

В речи, посвященной подведению некоторых итогов деятельности ООН, А. А. Громыко перечислил все те конструктивные решения, которые приняла ООН.

— Это, — сказал он, — известные резолюции Генеральной Ассамблеи в пользу ограничения гонки вооружений и разоружения¹, это Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам, решения о признании законности борьбы народов колоний за свое освобождение, об оказании им моральной и материальной поддержки в этой борьбе; это Декларация ООН о невмешательстве во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета; это резолюция Совета Безопасности о политическом урегулировании ближневосточного конфликта и решения Совета Безопасности о мерах в отношении расистских режимов Южной Африки и Южной Родезии, в отношении португальских колонизаторов. Если сопоставить те положительные результаты, которых добилась ООН за четверть века, с тем, сколько она терпела неудач, то можно прийти к выводу, что в целом баланс ее деятельности положительный².

24 октября, день вступления в силу Устава ООН, ежегодно отмечается как день ООН. В этот день по традиции в штаб-квартире ООН в торжественной обстановке перед делегациями выступают генеральный секретарь ООН и председатель Генеральной Ассамблеи.

Праздничные юбилейные мероприятия были намечены за долго до 24 октября. И вдруг... на этот же вечер главы государств и правительств, министры, руководители делегаций, У Тан и некоторые его заместители получили приглашение от

¹ «О необходимости прекращения атомных и термоядерных испытаний» (1959—1960); «О всеобщем и полном разоружении» (1959); «Об одобрении договора о нераспространении ядерного оружия» (1968) и др.

² «Правда», 22.X.1970.

имени Никсона прибыть на обед в Белый дом в честь XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

У Тан обратился к государственному секретарю США Уильяму Роджерсу: не срывайте праздничный прием, не ставьте руководителей делегаций в сложное положение.

Роджерс ответил, что протокол Белого дома ему не подчинен. Не помогло и обращение постоянного представителя США при ООН Йоста к специальному помощнику президента США Г. Киссинджеру. Ему дали понять, что дата выбрана по личному указанию президента.

Большинство глав делегаций и руководителей правительств решило не гневить козюлина Белого дома. Отказались от поездки в Вашингтон лишь премьер-министр Индии Индира Ганди, президент Мавритании Мухтар Уль Дада и пять-семь министров иностранных дел³.

Назначение обеда в Белом доме на тот же вечер, что и торжественный прием у генерального секретаря ООН, было расценено многими дипломатами как прямая демонстрация недовольства американской администрации У Таном и Организацией Объединенных Наций в целом. Тонкий и умный дипломат, У Тан это сразу понял. Он даже не попытался изменить дату приема и юбилейного концерта. Все мероприятия, как и намечалось, были проведены 24 октября.

У Тан держался, как всегда, спокойно, ровно, мягко и вежливо улыбался гостям. Но он был явно расстроен. По неофициальным каналам до его сведения было доведено, что и английское консервативное правительство Э. Хита высказалось за отставку У Тана по истечении срока его полномочий в конце 1971 года.

Оппозиция двух великих держав, обладающих правом вето при выборах генерального секретаря в Совете Безопасности, угрожала У Тану провалом на выборах.

У Тан хорошо понимал это.

18 января 1971 года на пресс-конференции, посвященной итогам XXV сессии Генеральной Ассамблеи, У Тан сделал неожиданное для всех заявление: генеральный секретарь должен служить лишь один срок. Он, У Тан, вынужден был согласиться на второй срок, исходя из того, что державы не смогли своевременно договориться о подходящей кандидатуре. Теперь он дает государствам целый год, чтобы найти ему замену. Сам он ни при каких обстоятельствах не намерен оставаться на посту генерального секретаря ООН после ноября 1971 года. У Тан сослался на обстоятельства личного характера и состояние здоровья.

После заявления У Тана в январе 1971 года к нему началось паломничество представителей многих стран. Министры,

³ А. А. Громько и министры иностранных дел других социалистических стран к этому времени уже покинули Нью-Йорк.

послы настаивали на том, чтобы У Тан изменил свое решение.

В июне 1971 года Организация африканского единства приняла решение в поддержку кандидатуры У Тана. Аналогичное решение приняла Лига арабских стран. Многие другие развивающиеся страны высказывались за то, чтобы У Тан оставался на своем посту еще один срок. У Тан воспрянул духом.

Как-то в личной беседе я спросил У Тана, является ли его заявление последним словом.

У Тан ответил:

— На более поздней стадии я хотел бы еще раз обсудить эту проблему.

Было ясно, что он не исключает возможности пересмотра своей позиции. У Тан стал подумывать, не попытаться ли ему остаться еще на один срок или по крайней мере на два-три года.

Это не прошло незамеченным. Буржуазная пресса США, Англии, Голландии и других империалистических держав развернула кампанию против У Тана. Его обвиняли... в возникновении войны на Ближнем Востоке в результате вывода войск ООН с арабо-израильской границы в 1967 году, критиковали за «необъективность» в отношении войны во Вьетнаме и т. п.

В противовес У Тану широко пропагандировалась кандидатура представителя Финляндии при ООН Макса Якобсена, выдвинутая Скандинавскими странами.

В октябре 1971 года у У Тана произошло обострение язвенной болезни. Это дало повод американской прессе утверждать, что У Тан неизлечимо болен, не в состоянии вести дела и поэтому должен быть заменен.

Англичане, сльвушие опытными и искусными дипломатами, на этот раз решили не скрывать своих настроений. Как рассказал У Тан, ему в госпиталь позвонил государственный министр по иностранным делам Годберг и заявил буквально следующее: «Мы желаем вам быстрейшего выздоровления. Однако было бы непорядочно с нашей стороны просить вас, больного человека, дать согласие на переизбрание на новый срок, чтобы нести это тяжелое бремя».

Рассказывая об этом, У Тан печально улыбнулся и сказал, что после такого заявления англичан всяческие рассуждения о том, что он мог бы еще работать генеральным секретарем, нереальны.

От позиции США и Англии мало чем отличалась позиция Китая. Китайцы не захотели поддержать У Тана. В госпитале он принял главу китайской делегации на сессии Генеральной Ассамблеи, заместителя министра иностранных дел КНР Цяо Гуаньхуа и постоянного представителя КНР при ООН Хуан Хуа. Китайцы не высказали своего мнения по поводу выборов генерального секретаря. Они не просили У Тана остаться на посту. Они ограничились тем, что пригласили его посетить КНР, не уточняя, в каком качестве они хотели бы его видеть:

генерального секретаря ООН или частного лица. Они использовали формулу: «в любом качестве».

Нарочитая неопределенность китайцев окончательно убедила У Тана в том, что ему не следует менять объявленной позиции. Лучше уйти с поста, когда большинство стран уговаривают его остаться, чем быть забаллотированным в Совете Безопасности в результате вето.

Выборы нового генерального секретаря ООН

17 декабря 1971 года зал заседаний Совета Безопасности был непривычно пуст. Не было видно журналистов и фотокорреспондентов, не настраивались телекамеры. Число присутствующих сотрудников секретариата было сведено до минимума. Проходило закрытое заседание Совета Безопасности. На повестке дня — избрание генерального секретаря ООН.

Перед открытием заседания помощник У Тана передал мне конверт. Это было письмо У Тана. Он просил довести до сведения членов Совета Безопасности, что категорически отказывается от того, чтобы его кандидатура ставилась на голосование в Совете для занятия поста генерального секретаря ООН, в том числе и на неполный срок.

В список для тайного голосования были включены давно выдвинутые и обсуждавшиеся правительствами, региональными группами и организациями кандидатуры Якобсена (Финляндия), Ярринга (Швеция), Вальдхайма (Австрия), Герреро (Чили), Ага Хана (Иран), Амерасингха (Шри Ланка), Маконнена (Эфиопия) и др. Для избрания необходимо было получить девять голосов, притом чтобы ни один из постоянных членов Совета не проголосовал против.

В первых двух турах ни один кандидат не получил квалифицированного большинства. По результатам второго тура наибольшее количество голосов получили бывший министр иностранных дел Австрии К. Вальдхайм (11), неожиданно выдвинутый западными странами представитель Аргентины Де Розас (10) и Якобсен (9). Но против каждого из них был подан голос одного из постоянных членов Совета.

22 декабря Генеральная Ассамблея должна была закрыться. Ситуация была такова: если Совет не сумеет достичь договоренности по кандидатуре генерального секретаря ООН, вопрос тем самым будет отложен на год, до следующей сессии Ассамблеи. Но У Тан, как уже говорилось, отказывался оставаться на своем посту даже на ограниченный срок. Делегации были встревожены: они обращали внимание членов Совета Безопасности на необходимость принятия доложительного решения по какой-либо кандидатуре.

Вальдхайм усилил свою активность. Высокая фигура австрийца постоянно мелькала в кулуарах ООН. Американские

газеты опубликовали снимки Вальдхайма, беседующего с представителями Японии, Италии, Бельгии и СССР.

В напряженной атмосфере вечером 21 декабря открылось заседание Совета Безопасности. По предложению французского представителя в список для голосования были включены все кандидаты, которые получили в предыдущих турах более 5 голосов.

Вскрыли урну. Де Розас получил 12 голосов, но его кандидатура не прошла, так как один постоянный член Совета проголосовал против. Вальдхайм получил 11 голосов. При этом двое постоянных членов (по сведениям корреспондентов — США и КНР) воздержались⁴.

На следующий день Генеральная Ассамблея одобрила избрание К. Вальдхайма генеральным секретарем ООН на пятилетний срок (до 22 декабря 1976 года).

Курт Вальдхайм родился в 1918 году, окончил Венский университет и Консульскую академию. Сразу же после войны, с 1945 года, стал работать в МИДе Австрии. Он руководил отделом кадров МИДа Австрии, был генеральным директором департамента по политическим вопросам, занимал ряд дипломатических постов в Париже, Оттаве. В 1965—1968 годах был постоянным представителем Австрии при ООН, потом министром иностранных дел, способствовал развитию советско-австрийских отношений. В апреле 1971 года К. Вальдхайм участвовал в президентских выборах в качестве кандидата от буржуазной Народной партии, но потерпел поражение.

В июле 1972 года по приглашению Советского правительства Вальдхайм приезжал в Советский Союз и был принят А. Н. Косыгиным и А. А. Громыко. В беседах с советскими руководителями генеральный секретарь ООН проявил реалистическое понимание международной обстановки, высоко оценил меры Советского правительства, направленные на разрядку международной напряженности и укрепление всеобщей безопасности. В 1976 году он был вновь переизбран на пост генерального секретаря ООН.

Программа мира и ООН

XXIV съезд нашей партии вновь подтвердил главные цели советской внешней политики, направленной на то, чтобы обеспечить вместе с другими социалистическими странами благоприятные международные условия для построения социализма и коммунизма.

На XXIV съезде партии в Программе мира были сформулированы главные направления борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. Пар-

⁴ «New York Times», 22.XII.1971.

тия видит свою задачу в том, чтобы избавить человечество от угрозы термоядерной войны, погасить военные очаги в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке, давать немедленный отпор любым актам агрессии и международного произвола, способствовать разрядке международной напряженности и утверждению в международных отношениях ленинских принципов мирного сосуществования, взаимовыгодного и равноправного сотрудничества, заключить договоры о запрещении ядерного, химического и бактериологического оружия, активизировать борьбу за прекращение гонки вооружений, за созыв всемирной конференции по разоружению, за сокращение военных расходов, в первую очередь крупных государств. Советский Союз добивается полного претворения в жизнь решений ООН о ликвидации оставшихся колониальных режимов; он готов сотрудничать с другими государствами в решении таких проблем, как сохранение природной среды, исследование и освоение космоса и Мирового океана.

Реализация Программы мира принесла ощутимые результаты. Ослабление опасности военного столкновения между двумя общественными системами стало возможным благодаря активной советской внешней политике и совместным усилиям многих государств, использующих, в частности, и возможности ООН.

Особое значение для создания атмосферы разрядки имели соглашения между Советским Союзом и США, заключенные в 1972—1974 годах. Прежде всего это относится к Соглашению о предотвращении ядерной войны. СССР и США обязались прилагать все усилия к тому, чтобы исключить риск военного конфликта между СССР и США, а также между каждой из сторон и другими государствами.

Мирное сосуществование становится законом современной жизни. Встречи руководителей Советского государства с руководителями США, Франции, ФРГ, Индии и других государств явились крупным вкладом в дело развития двусторонних отношений государств с различным общественным строем, оказав огромное влияние на развитие международных отношений во всем мире.

Возрастает волна национально-освободительного движения народов. Историческую победу одержали патриоты Южного Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. Развал колониальной империи Португалии, провозглашение независимости Гвинеи-Бисау, ликвидация колониального господства над Анголой и Мозамбиком — важные шаги на пути осуществления провозглашенной Организацией Объединенных Наций еще в 1960 году задачи предоставления независимости колониальным странам и народам.

ООН не может стоять в стороне от столбовой дороги развития мировой политики. Главные международные проблемы находят и находят отражение в работе Совета Безопасности,

Генеральной Ассамблеи, многочисленных комитетов и конференций, организованных или проходящих под эгидой ООН.

Позиция и решения ООН оказывают немалое влияние на ход международных событий, воздействуют на мировое общественное мнение.

Ветер грандиозных исторических перемен на нашей планете вызвал необратимые процессы в Организации Объединенных Наций. В 1982 году на флагштоках у небоскреба — штаб-квартиры Организации в Нью-Йорке — флаги 157 государств. Изменился не только численный состав ООН, в ней произошли коренные качественные перемены. После вступления в ООН многих государств, получивших независимость в 50—60-е годы, среди членов ООН большинство составляют не империалистические державы и их союзники по агрессивным военным блокам, а миролюбивые государства — социалистические страны, развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. Это значительно укрепило ООН, сделало ее более представительной и жизнеспособной.

Изменение состава ООН создало более благоприятные условия для использования Организации силами мира и социального прогресса.

Советский Союз и другие социалистические страны рассматривают ООН как арену активной политической борьбы против агрессии, добиваются превращения ее в эффективный инструмент поддержания всеобщего мира и укрепления безопасности народов.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов в беседе с генеральным секретарем ООН Пересем де Куэльярром 28 марта 1983 г. подтвердил неизменность поддержки Советским Союзом усилий, направленных на повышение роли ООН в обеспечении международного мира и безопасности, в развитии мирного сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН⁵.

Советская дипломатия ведет в ООН решительную и последовательную борьбу за прочный мир и разоружение, в защиту свободы и независимости народов, отстаивающих свои суверенные права, за развитие международного сотрудничества государств на равноправной основе, против империалистической политики вмешательства в дела народов.

На рубеже 80-х годов международная обстановка по вине империалистических и гегемонистских кругов серьезно обострилась.

Исходя из серьезности положения, XXVI съезд КПСС разработал комплекс мер, направленных на укрепление мира, сдерживание гонки вооружений, политическое урегулирование конфликтов. Мировая общественность высоко оценила эти предложения, назвав их Программой мира на 80-е годы. Сейчас

⁵ «Правда», 29.III.1983.

КПСС и Советское государство настойчиво и целеустремленно работают над претворением в жизнь этой программы, выступают с новыми инициативами по оздоровлению обстановки в мире, ослаблению опасности ядерной войны.

Верховный Совет СССР принял 23 июня 1981 года обращение «К парламентам и народам мира» с призывом сделать все, чтобы не допустить новой мировой войны.

Летом 1982 года Советский Союз заявил о том, что в одностороннем порядке берет на себя обязательство не применять первым ядерное оружие. Советское правительство призвало все ядерные державы последовать его примеру и взять аналогичные обязательства, что в значительной мере содействовало бы росту взаимного доверия и нормализации международной обстановки.

В январе 1983 года государства — участники Организации Варшавского договора приняли Политическую декларацию, в которой изложена конкретная программа прекращения гонки вооружений, укрепления мира и международной безопасности. Центральное место в ней занимает предложение заключить договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира между государствами — участниками Варшавского договора и государствами — членами Североатлантического договора. Подписание подобного международного документа создало бы прочную основу для сохранения и упрочения мира на планете. Особенно это важно для Европы, где концентрация ядерного оружия достигла особенно опасного уровня. США размещают ядерное оружие и на своих базах в Азии и на Тихом океане. В июне 1983 года Верховный Совет СССР отметил: «Одна из самых насущных задач нынешнего момента — положить конец наращиванию ядерных вооружений. Решение этой задачи стало бы крупным вкладом в уменьшение грозящей народам опасности»⁶.

Исходя из этого, Верховный Совет СССР поручил Советскому правительству обратиться к правительствам Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Франции, Китайской Народной Республики с предложением о том, чтобы все ядерные державы одновременно заморозили все имеющиеся у них ядерные вооружения в количественном и качественном отношении. Такое замораживание могло бы вступить в действие первоначально в отношении СССР и США с определенной, подлежащей согласованию даты, а затем и в отношении других ядерных держав.

Замораживание всех компонентов, составляющих ядерные арсеналы, резко повысило бы степень доверия в отношениях между государствами, обладающими ядерным оружием, позволило бы совершить решительный поворот к оздоровлению общей атмосферы в мире.

⁶ «Правда», 17.VI.1983.

В соответствии с решением Верховного Совета СССР Советское правительство в июне 1983 года обратилось с предложением к правительствам США, Англии, Франции и Китая о том, чтобы все ядерные державы заморозили все имеющиеся у них ядерные вооружения в количественном и качественном отношении. В обращении подчеркивается, что, выступая с этой крупной инициативой, Советский Союз отнюдь не считает замораживание самоцелью, а рассматривает эту меру как эффективный первый шаг на пути к сокращению, а в конечном счете к полной ликвидации ядерных вооружений и тем самым к устранению вообще угрозы ядерной катастрофы.

Однако агрессивные силы империализма продолжают курс на конфронтацию с миром социализма, на подавление силой стремления народов к национальному и социальному освобождению, пытаются диктовать свою волю другим государствам, распоряжаться их природными и людскими ресурсами.

Многие годы мне довелось наблюдать за политикой Китая на международной арене, познакомиться с жизнью китайского народа, его стремлениями к созиданию и надеждами на лучшее будущее.

Советские люди неизменно питают чувства уважения и дружбы к китайскому народу. С трибуны высшего форума советских коммунистов — XXVI съезда КПСС — вновь было заявлено о стремлении советского государства строить связи с КНР на добрососедской основе. Улучшение отношений между СССР и КНР отвечало бы коренным, долговременным интересам народов наших стран, интересам мира и безопасности.

Я не теряю веры в то, что в лице китайского народа мы будем иметь хорошего соседа и друга, а граница между нашими государствами станет границей мира и дружбы.

На страницах этой книги рассказано о ряде крупных международных конфликтов, угрожавших всеобщему миру. В результате деятельности империалистических сил некоторые из них (Ближний Восток, Намибия и др.) сохранили свой взрывоопасный характер. Более того, образовались новые очаги войны, еще большими темпами раскручивается гонка вооружений, обострилась общая международная ситуация. Но мы — оптимисты. Обострение международной обстановки, возрастание угрозы войны поднимает на борьбу сотни миллионов борцов за мир. Они противопоставляют опасным планам империалистической реакции решительные действия, направленные на избавление человечества от угрозы термоядерного конфликта, на разоружение, на решение всех спорных международных вопросов путем переговоров.

Мир оберегают внушительные силы, имеющие в своем распоряжении все необходимые средства, чтобы отстаивать свою свободу, свое право на независимое развитие, на созидательный труд. «Наша цель — не просто предотвращение войн, — заявил на июньском пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь

ЦК КПСС Ю. В. Андропов. — Мы стремимся к коренному оздоровлению международных отношений, упрочению и развитию всех добрых начал в этих отношениях. Мы будем добиваться уважения суверенных прав государств и народов, строгого соблюдения принципов международного права, которые империализм все чаще пытается отбросить, растоптать»⁷.

⁷ «Правда», 16.VI.1983.

Введение	3
Время, летящее сквозь сердце	5
Любовь с пристрастием	5
Первые впечатления	7
Будущие дипломаты	16
Судьба президента	23
Китайцы и атомная бомба	29
Дорогами правды	40
Диалектика политики	40
Тревоги памяти	43
Дни нашей жизни	53
По Китаю	63
Крылья добрых дел	63
Хвост дракона	66
Ворота в океан	74
У твердынь Порт-Артура	76
В центре Северо-Востока	83
На распутье	85
Проблемы развития	85
«Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые»	91
Перед важным решением	98
Вклад в дружбу	101
В центре политических бурь	108
Впереди Нью-Йорк	108
У колыбели ООН	109
Развитие по спирали	116
Конфликт на Ближнем Востоке продолжается	123
Как это началось	123
Дипломаты в ООН сражаются	137
Проблема палестинцев	148
Голда Меир в Нью-Йорке	151
Несбывшиеся надежды	153
Встречи в Каире	156
История, обращенная в будущее	161
Народы хотят сами определять свою судьбу	161
У Тан в Москве	166
Совет Безопасности выезжает в Африку	167
Болезнь века	171
Расисты Южной Африки перед судом народов	177
Панама бросает вызов	179
История свидетельствует	187
Борьба обостряется	190
Молнии рассекают облака	193

ООН и Китай	197
Китайцы приходят в ООН	197
Вопреки реальности	202
Китайцы в Нью-Йорке	214
Чайнатауны в Сан-Франциско и Нью-Йорке	218
Американские китайцы	224
Люди, события, встречи	226
С мыслью о будущем	260
Серебряный юбилей ООН	260
Выборы нового генерального секретаря ООН	263
Программа мира и ООН	264

І р. 20 к.